Древняя и средневековая культура юго-восточного Устюрта

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
КАРАКАЛПАКСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ им. Н. ДАВКАРАЕВА

ДРЕВНЯЯ И СРЕДНЕВЕКОВАЯ КУЛЬТУРА ЮГО-ВОСТОЧНОГО УСТЮРТА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» УЗБЕКСКОЙ ССР
ТАШКЕНТ—1978

902.6
Д 73

Древняя и средневековая культура Юго-Восточного Устюрта. Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, стр. 328, рис. 86, табл. 9.

В монографии отражены результаты археологических работ, проведенных на территории Устюрта. Дается схема основных этапов освоения человеком этого района, раскрывается содержание каждого этапа, делается попытка этнической атрибуции некоторых категорий обнаруженных памятников.

Книга рассчитана на археологов, этнографов, историков, а также на широкий круг читателей, интересующихся историей народов Приаралья и их культурой.

Ответственный редактор
член-корреспондент АН УзССР *С. К. КАМАЛОВ*

Д $\frac{10602-864}{355(06)-78}$ 83—78 ©Издательство „Фан" Узбекской ССР, 1978 г.

ОТ РЕДАКТОРА

Широкие экспедиционные изыскания советских археологов привели к тому, что к настоящему времени с археологической карты Средней Азии исчезли почти все «белые пятна». В результате работы экспедиции археологические исследования региона в целом поднялись на качественно новую ступень от археолого-топографических изысканий и учета «археологических ресурсов» к проблемным разработкам и глубокому многолетнему изучению крупных археологических объектов.

До недавнего времени оставалось археологически не обследованным пустынное плато Устюрт, расположенное между Каспийским и Аральским морями, в связи со сложностью организации исследовательских работ и сложившихся представлений о бедности и малозначительности археологических памятников на нем.

Значительная часть Устюрта входит в состав Каракалпакской АССР, поэтому его археологическое изучение взял на себя коллектив сектора археологии Каракалпакского филиала АН УзССР. В период 1970—1975 гг. под руководством заведующего сектором археологии кандидата исторических наук В. Н. Ягодина была разработана и осуществлена программа археолого-топографического исследования Юго-Восточного Устюрта.

В результате проведенных работ впервые была дана систематическая археологическая характеристика региона, открыты сотни новых памятников, разработана их хронологическая классификация, выяснен круг проблем, нуждающихся в дальнейшем специальном исследовании и намечены пути их решения.

Одна из наиболее важных проблем связана с историей расселения первобытных людей на территории Устюрта. В предлагаемой вниманию читателей монографии описываются стоянки мезолитического и неолитического возраста, обнаруженные с 1971 по 1975 г. Продолжение археологических изысканий на плато уже после завершения ра-

боты над монографией привело к открытию новых неолитических, мезолитических и верхнепалеолитических объектов.

Первостепенное значение для данного региона имеют проблемы, связанные с изучением памятников древних кочевых культур, которые на Устюрте до работ каракалпакских археологов практически не были известны. Их изучение поможет точнее проследить историю древнего Хорезма, одного из форпостов древневосточных цивилизаций, наиболее далеко выдвинутых в глубь кочевой степи.

Большая часть памятников средневековья была открыта еще до 1971 г., однако их систематические изучение, поиски и открытие новых объектов позволили дать принципиально новую интерпретацию этих памятников, что существенно изменило наши представления о характере связей средневекового Хорезма с миром степных кочевников.

Необходимо отметить и палеогеографическое значение полученных за пять лет археологических материалов. Использование их в качестве временных реперов для расчленения четвертичных отложений западного Приаралья позволяет не только проследить динамику многих природных процессов, но и восстановить картину экологической среды на Устюрте во все эпохи обитания здесь человека.

Таким образом, пятилетние археологические работы на Устюрте выявили и позволили ввести в научный оборот принципиально новый научный материал, освещающий не известные ранее страницы истории народов Приаралья и открыли обширный район Средней Азии для дальнейшего широкого археологического поиска.

Член-корреспондент АН УзССР *С. К. Камалов*

Светлой памяти
С. П. Толстого посвящается

ВВЕДЕНИЕ

Между Аралом и Каспием лежит огромная каменистая пустыня, известная под названием плато Устюрт. Его границы довольно четко очерчиваются обрывами-чинками, местами достигающими 190 м высоты. Несколько неопределенна граница плато на юго-западе, здесь ее условно проводят по линии, соединяющей левый борт впадины Казахлы с мысом Кулангурлан на берегу залива Карабогазгол.

Неопределенны границы и на северо-востоке, здесь они условно проходят по цепи слабо выраженных чинков, образующих борт депрессии, в которой лежат пески Кыздаршыккан и Кашкарата [46, с. 7]. Абсолютные высоты поверхности плато над уровнем моря колеблются в пределах 160—300 м.

Поверхность Устюрта в целом представляет огромную волнистую равнину, поражающую путешественника неоглядностью и суровостью своих ландшафтов. Она более расчленена на юге и имеет равнинный, спокойный характер на севере. Для Устюрта характерны обширные пологие возвышения и подобного же характера понижения.

По краю Северного чинка проходит полоса повышенных участков. К югу от них наблюдается постепенное снижение местности к обширному понижению, именуемому Североустюртским, на дне которого лежат солончаки Сам, Асмантайматай и др. Южнее этого понижения находится обширная депрессия с огромным солончаком Барсакельмес на дне. К юго-западу от нее плато пересечено полосой пологих возвышенностей, таких, как увалы Карабаур, Музбель. От увала Карабаур следует понижение в направлении впадины Ассакеаудан, лежащей на крайнем юге плато.

Своим Восточным чинком Устюрт обращен к Аральскому морю и долине Амударьи. В пределах административных границ Каракалпакской АССР выделяют ряд морфологически различных участков.

Северный участок, от северной границы КК АССР до мыса Урга, проходит непосредственно над побережьем Аральского моря. Отличается большой высотой чинка и слабой расчлененностью его в горизонтальном направлении. Наибольшие высоты (до 220 м) наблюдаются у мыса Актумсук. Для северного участка чинка характерны громадные оползни. Овраги, зачастую идущие вдоль ступеней оползня, то есть параллельно берегу моря, очень короткие.

Высоты чинка среднего участка, от мыса Урга до урочища Айбугир, значительно меньше северного. Оползневых явлений почти нет. Обрыв расчленен слабо. Абсолютная высота его — от 115 м до 120 м, относительная — не более 70 м. Овраги развиты слабо, они ограничиваются почти повсеместно склонами чинка и не выходят на плато. Исключение составляет лишь урочище Саксаулсай, где чинк расчленен крупными оврагами. Такой характер чинка сохраняется до широты Джанабирлика. Далее до урочища Мынаклы, чинк отличается небольшой пологостью. На этом участке наблюдается широкое развитие оползней.

Южный участок, от урочища Айбугир до Сарыкамышской котловины, характеризуется наибольшей относительной высотой и значительной расчлененностью. Здесь преобладают глубокие овраги-каньоны, далеко врезающиеся в плато.

Общая меридиональная направленность Восточного чинка во многих местах изменяется почти до широтной. Имеется целый ряд далеких выступов чинка на восток, например, у мыса Урга, Джанабирлика, урочища Мынаклы [46, с. 22—23].

Устюрт отличается чрезвычайно низким уровнем осадков. По имеющимся данным, годовое количество их распределяется по территории плато неравномерно. На юге оно составляет 90 мм, на севере — 120 мм. Из них на лето приходится 60—80 мм [188]. Развитие орошаемого земледелия здесь невозможно из-за отсутствия водных источников. В то же время имеющиеся кормовые ресурсы создают благоприятные условия для использования Устюрта в качестве пастбища. Именно так оно использовалось кочевавшими здесь в новое и новейшее время казахами [220, с. 206 и сл.; 47, с. 444 и сл.]. Устюрт относится к наиболее аридным зонам земного шара с резко континентальным климатом.

До недавнего времени плато оставалось огромным «белым пятном» на археологической карте СССР. Случайные находки древностей и эпизодические разведочные маршруты не изменяли существа дела. Систематические археологические исследования на плато начаты в 1971 г. Каракалпакским филиалом АН УзССР. Методом сплошного археологического обследования изучалась территория Устюрта, административно входящая в состав Каракалпакской АССР. В процессе про-

изводимых работ на карты были нанесены десятки новых объектов от стоянок каменного века до средневековых городищ. Полученные данные впервые позволили подойти к вопросу о систематическом освещении основных этапов освоения плато человеком.

Специфика археологической проблематики плато обусловлена уже его географическим положением. Устюрт находится между Средней Азией — страной древних оседло-земледельческих цивилизаций и степями Восточной Европы, где с начала раннежелезного века расселялись многочисленные кочевые племена. Подобное положение Устюрта определило его роль как зоны контакта между весьма отдаленными друг от друга культурами. Тема древностей Устюрта как связующего звена остается центральной для каждого из установленных нами сейчас периодов его освоения, будь это памятники первобытной эпохи, кочевников древности и средневековья или средневековые хорезмийские памятники Устюрта.

Проблема археологического изучения Устюрта как особого историко-культурного региона неизбежно выдвинула вопросы о том, было ли на Устюрте постоянное население при первоначальном освоении плато, каким образом происходила хозяйственная адаптация человека в суровых условиях пустыни на разных этапах исторического развития, была ли неизменной природная среда обитания на Устюрте во все периоды его освоения человеком и т. д.

И, наконец, поскольку регион в археологическом отношении был в значительной части «белым пятном», закономерной стала постановка задачи сплошного археологического картирования плато.

В книге приводятся результаты исследований, проведенных в период с 1971 по 1975 гг. на юго-восточной части плато, которая расположена на территории Каракалпакской АССР.

Работы эти носили, по преимуществу, маршрутный характер, на некоторых открытых памятниках были проведены пробные раскопки. Часть средневековых городищ исследовалась стационарно, и работы на них завершены полностью. Несколько иной принцип был положен в основу исследований памятников каменного века. Все объекты после обнаружения отрабатывались полностью.

В 1971 г. разведочная группа сектора археологии продолжила изучение неолитических стоянок в районе колодцев Косбулак, обнаруженных в 1964 г. [32, с. 46—57]. Было произведено также обследование песчаного массива Картпайкум и северной части солончака Агыин, где была обнаружена целая серия новых памятников каменного века [31, с. 210—211]. В 1972 г. были завершены обследования района Косбулак и северной части солончака Агыин и проведен разведочный маршрут на северо-восточном Устюрте по линии Косбулак — Белеули — Чурук — Каракудук — мыс Дуана — Восточный чинк Устюрта. В рай-

оне колодцев Чурук и Қаракудук обнаружен ряд новых местонахождений каменного века.

К северо-западу от караван-сарая Белеули обнаружена целая система водосборных сооружений — сардоб, средневековый могильник, каменоломня (карьер), откуда брали строительный материал для караван-сарая [241, с. 474]. В местности Қаракудук зафиксирована курганная группа, часть которой относится к эпохе бронзы. Собран подъемный керамический материал и раскопаны три кургана.

На Восточном чинке Устюрта вдоль берега Аральского моря от мыса Дуана до мыса Даут-ата открыто значительное количество курганных групп. Раскопанные курганы мыса Дуана на основе обнаруженных керамических материалов датированы эпохой ранних кочевников [238, с. 113—114].

В 1973 г. поисковые маршруты были проложены от подъема Каскажол к южному краю впадины Барсакельмес (урочище Джалгыстой), затем вдоль западного края впадины Барсакельмес до развалин городища Алан. Отсюда поисковые работы были перенесены к группе колодцев Қызыластау в урочище Жиес, затем через колодцы Турткульдынкудук — Исатай в урочище Барлыбай, вдоль западного края солончака Агыин к колодцам Косбулак. Через развалины караван-сараев Булак — Учкудук поиски были направлены на Восточный чинк Устюрта.

В процессе проведенных работ был выявлен ряд памятников, относящихся к различным эпохам. В районе колодцев Итбай было обнаружено месторождение кремня, названное Есен-1. В предварительном плане установлено, что месторождение разрабатывалось в эпоху палеолита [240, с. 493—494]. Неолитические стоянки обнаружены в районе Алана. Собран кремневый подъемный материал, снят схематический план стоянок. К северу от Алан-калы обнаружены отдельные постройки Ардана, Сумбетимералан-Куркреук. Вокруг Алан-калы обнаружено несколько групп курганных захоронений. На Восточном чинке в курганных группах Судочье, Қараумбет-1 было раскопано несколько курганов [240, с. 493—494].

Поисковые и раскопочные работы в 1974 г. осуществлялись по маршруту подъем Қараумбет—Алан-кала—Саксаулсай-кала, затем по Восточному чинку от городища Курганча на севере до мыса Ербурун на юге. В процессе этих работ завершено исследование отдельной постройки Сумбетимералан-Куркреук, начатое в 1973 г., частично раскопаны курганные группы Қыйсыкшинграу, Сумбетимералан-Куркреук, Биркалныншинграу.

На Восточном чинке были обнаружены городища Қияжол-2, Шибинды и развалины нескольких средневековых башен. На городищах Қараумбет, Қияжол-2, Курганча, Малая Айбугир-кала, Куланлы, Ербурун были произведены раскопки.

В 1975 г. поисковые и раскопочные работы производились на Восточном чинке Устюрта. Поисковые маршруты прошли от мыса Дуана на севере до урочища Айбугир на юге. В районе мыса Дуана был открыт огромный комплекс разновременных и разнообразных в типологическом отношении памятников, куда входят загадочные пока системы огромных сооружений, условно названные «североустюртской системой стреловидных планировок», стоянки кочевников, огромный курганный могильник, культовые сооружения, петроглифы. Новый курганный могильник был обнаружен у спуска Қаскажол. Были произведены раскопки на городищах Қараумбет и Кияжол-2, на могильниках Дуана, Сулама, Қаскажол, на городище Қурганча, Урга, в курганных группах Урга, Кияжол.

На разных этапах в экспедиционных работах принимали участие научные сотрудники сектора археологии Института истории языка и литературы ҚК филиала АН УзССР Е. Бижанов, М. Мамбетуллаев, Ю. П. Манылов, Н. Юсупов, О. Юсупов, К. Ходжаниязов, В. Н. Ягодин, лаборант Ж. Турманов, водители экспедиционных автомашин Қ. Уразбаев, У. Уразбаев, Ж. Дильманов.

В камеральной обработке материалов принимали участие лаборанты Р. Хабибулина, С. Мадетова, художники Қ. Утепбергенов, Р. Шаабдрасулова, фотограф Э. Муратов.

Отдельные разделы монографии взяли на себя труд прочесть и помочь авторам своими замечаниями и советами М. А. Итина, А. В. Виноградов, Б. И. Вайнберг, М. Г. Мошкова.

Введение и III глава написаны В. Н. Ягодиным, глава I — Н. Юсуповым, глава II — Е. Бижановым, глава IV — Ю. П. Маныловым, заключение — В. Н. Ягодиным, Е. Бижановым, Ю. П. Маныловым.

В качестве приложения помещены статья Е. А. Цепкина, содержащая описания костей рыб из средневековых городищ Восточного чинка, и статья Т. К. Ходжайова, в которой публикуются итоги изучения палеоантропологических данных, полученных в ходе археологических исследований на Устюрте.

ГЛАВА I

К ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ УСТЮРТА

Первые подробные сведения об Устюрте, его природе, историческом прошлом стали появляться в связи с развитием торговых отношений между Россией и среднеазиатскими ханствами в XVIII в. Экономическое и политическое проникновение России в Среднюю Азию способствовало возникновению интереса к геологии, географии, этнографии и истории края. Первые данные об археологических памятниках Устюрта мы находим на картах, составленных А. Черкасским. Они считаются наиболее правильными и точными для первой половины XVIII в. [99, с. 94—95, 112]. На «чертеже, тушованном разными красками», составленном А. Черкасским и его помощниками, отмечена башня Қараумбет [99, с. 94].

В 1732 г. в Хиву через Устюрт была отправлена торговая миссия во главе с И. Гербером, отметившим на плато развалины трех городов. Первый — Ирнак — находился в районе Мынсуалмаса, второй — в урочище Дзясле, третий — в районе песков Сам, известный под названием Дели-урус [70, с. 46—47; 46, с. 19]. О наличии развалин городищ у Мынсуалмаса оставил сведения также самарский купец Д. Рукавкин, направлявшийся в Хиву в 1753 г. [185, с. 35].

Значительный материал по истории Оренбургского края и прилегающих к нему степей, в том числе Устюрта, собран в книге выдающегося ученого П. И. Рычкова «Топография Оренбургской губернии», вышедшей в 1762 г. В работе упоминается о караван-сараях Белеули и Чурук [184, с. 59—60].

В 1825—1826 гг. для изучения Устюрта снаряжается первая русская научная экспедиция под руководством Ф. Ф. Берга. В материалах этой экспедиции имеются данные о направлении торговых путей через плато, о развалинах Белеули, городища Давлетгирей (Курганча) и аналогичного памятника между заливами Улу-Кулмагир и Кши-Кулмагир [170, с. 102—103, 213]. В более поздних исследованиях об

этом городище не упоминается. Возможно, оно было разрушено в результате оползней чинка Устюрта.

Сведения о караванных путях через Устюрт и исторических памятниках приводит А. И. Левшин, который собрал значительный материал по истории Западной части Казахстана и Устюрта [118, с. 211]. Из археологических памятников он отмечает Давлетгирей (Курганчу) и Белеули [118, с. 210—211]. О караван-сарае Белеули Левшин пишет: «Строения сии еще не совсем сохранились доныне. Они были сделаны из каменных плит с кирпичными сводами. При них находился колодец глубиною сажень в 30. Стена, окружавшая сие строение, составляла род замка и имела 4 ворот, покрытых сводами» [118, с. 210].

В 1842 г. по Восточному чинку Устюрта в Хиву направился Ф. И. Базинер. Он приводит краткое описание руин Давлетгирея, Урги и 12 башен. Ф. И. Базинер считает, что эти укрепления служили караван-сараями и были связаны с башнями [249, с. 88—89]. В 1853 г. подпоручик Алексеев производил топографическое описание северной части Устюрта. Во время исследования им были отмечены развалины Уйуба, по-видимому, сигнальной башни. Он упоминает также о развалинах крепости, очевидно, караван-сарая Коскудук у Минсуалмаса и дает описание старых казахских мавзолеев [170, с. 251—265].

П. И. Небольсин, анализируя состояние торговли Средней Азии с Россией в середине XIX в., характеризует караванные пути через Устюрт и попутно упоминает о некоторых археологических памятниках. Он приводит краткое описание городища Курганча (Давлетгирей) и башни на плато: «Бековичева крепость, называемая хивинцами Давлетгирей, а киргизами Курганчё. Она верстах в двух от моря. Теперь сохранилась только одна стена и под ней колодец, а сверху остаток шихана — род башенки, насыпь или кучка глины, сделанная, сколько можно судить, для дозора». Из памятников центрального Устюрта он выделяет караван-сарай Белеули [155, с. 110—111].

О сигнальной башне на Устюрте вблизи озера Айбугир сообщает участник посольства 1858 г. в Хиву Е. Килевейн. Возведение этой башни, как и многих других, приписывалось местными жителями князю А. Бековичу, однако Е. Килевейн указывает, что эта башня обозначена еще на карте греческого путешественника XVIII в. Ватаци и относится к более древнему периоду [97, с. 967].

В «Описании Хивинского ханства», составленном в 1803 г. директором Оренбургской торговой таможни П. И. Величко с примечаниями В. В. Григорьева и изданном в 1861 г., есть упоминание о Белеули и нескольких помещениях в нем, перекрытых сводами [69, с. 112—115].

О развалинах крепости Давлетгирей сообщает М. Н. Галкин, следовавший в 1858 г. через Устюрт по западному берегу Аральского моря из Оренбурга в Хиву [68, с. 311].

Участники Хивинского похода 1873 г. Ф. И. Лобысевич и Н. И. Гродеков сообщают о развалинах древней крепости Алан на Устюрте, сооружение которой казахи приписывают Тимуру [71, с. 237; 125, с. 47—66].

М. Алихановым-Аварским описаны башня Караумбет и городище Алан, строительство которых приписывалось Давлет-Гирею (А. Черкасскому — *авт.*) или Тимуру [5, с. 109—111].

Подробное описание Давлетгирея дает другой участник Хивинского похода 1873 г. [77]. К этому же времени относятся сведения о развалинах Девкескен, собранные Л. Ф. Костенко [106, с. 197].

Об археологических памятниках Устюрта встречаются сообщения в трудах русских географов и геологов конца XIX — начала XX в. В 1876—1877 гг. под руководством Н. Г. Петрусевича была организована экспедиция для исследования старых русел Амударьи и Сарыкамышской котловины. Н. Г. Петрусевич упоминает о развалинах Девкескена и Адака [171, с. 252].

Большой интерес представляет работа полковника Белявского, пересекавшего Устюрт дважды, в 1884 и 1885 гг. У него мы находим упоминание о караван-сарае Учкудук и об одноименном колодце: «Место их расположения обозначается белою, издалека видною могилою. Там же имеются остатки небольшой калы» [78, с. 180]. Им отмечены также башни у спуска Тайли: «Вправо от спуска Тайля, по берегу чинка находятся развалины сторожевой башни, которая видна верст за пять не доходя до нее» [78, с. 181—182]. Он упоминает о развалинах башни у спуска Караумбет [78, с. 188] и дает краткое описание развалин Алан-калы: «Около родника развалины калы около 10 сажень в квадрате из каменных плит песчаника и известняка неправильной формы; высота стен 6 и толщина 2,5 аршин» [78, с. 201].

В 1892 г. Общество Рязанско-Уральской железной дороги снарядило экспедицию во главе с С. Н. Никитиным в Закаспийские степи и на Устюрт для выяснения возможности строительства железной дороги от уральской линии через плато Устюрт до Кунграда. Во время исследования С. Н. Никитин отметил все замеченные им памятники Устюрта и нанес их на карту [164, с. 43—86].

Об экспедиции 1899 г., занимавшейся изучением возможности прокладки железнодорожной линии по маршруту Александров Гай — Чарджоу, оставили свои воспоминания инженеры А. Н. Рябинин и М. Н. Чернышевский. Так, А. Н. Рябинин отметил «развалины Хивинской крепости Белеули и еще сохранившийся ее портал в стиле построек Самарканда», сложенные из сарматского известняка [187, с. 246]. М. Н. Чернышевский в кратком описании Белеули относил ее ко времени Тимура. Эти сведения он почерпнул, видимо, у переводчика. Из-

вестно, что местное население все значительные постройки связывало с правлением Тимура [84, с. 80].

И. А. Кастанье собрал и систематизировал сведения по истории Оренбургского края, где упоминается о памятниках Устюрта [94, с. 98—99, 188—190].

В 1912 г. Северный чинк Устюрта исследовал геолог Уральско-Каспийского нефтяного общества М. В. Баярунас. Им впервые отмечены находки кремневых изделий в урочище Мынсуалмас [22, с. 145].

Таким образом, в дореволюционный период сведения об археологических памятниках сводились к попутным упоминаниям или кратким описаниям. На карты наносились наиболее крупные сохранившиеся каменные постройки. Вопрос о датах картированных и охарактеризованных памятников, их значении для понимания исторического прошлого оставался открытым. Для определения функционального назначения и времени возведения сооружений привлекались лишь легенды и предания. Установление функций каменных построек только в некоторых случаях (Ф. И. Базинер о башнях и караван-сараях по Восточному чинку) соответствовало материалам археологических исследований последних лет.

Важной, хотя и не оцененной в свое время, является находка геологом М. В. Баярунасом кремневых орудий на Северном чинке плато, что, по существу, было открытием каменного века Устюрта.

В первые годы Советской власти продолжается стихийное накопление археологических материалов с плато путем отдельных сборов, призводимых неспециалистами. Однако наряду со стихийными сборами изучение археологических памятников Устюрта проводится и специалистами.

В 1926 г. в районе песков Асмантайматай и Сам, а также колодцев Джаркудук, Астикудук участник Казахстанской экспедиции Г. Г. Герасимов обнаружил местонахождения кремневых изделий и случайные находки керамики, датированные эпохой неолита [7, с. 190].

В 1930 г. сотрудник Туркменистанского филиала АН СССР Л. Н. Соколов посетил средневековые городища Ширван-кала и Девкескен, но материалы обследования не были опубликованы [83, с. 29].

Впервые проблема археологического изучения плато Устюрт была выдвинута на выездной сессии Академии наук УзССР, проходившей в г. Нукусе в октябре 1945 г. Здесь были определены очередные задачи изучения истории и археологии Каракалпакии и широкой разведки памятников Северной Каракалпакии и Устюрта [181, с. 32].

Реализуя решения сессии, первые специализированные археологические работы на Устюрте начала проводить Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР под руководством С. П. Толстова.

Применив авиацию для разведок на больших пустынных территориях [218, с. 545 и сл.], эта экспедиция в 1946 г. открыла на Устюрте два средневековых торговых пути из Хорезма. Один из них шел через старые колодцы Учкудук, Булак, Қосбулак и Белеули на северо-запад. Другой — по направлению на Мангышлак. Вдоль этих дорог тянулись каменные укрепления и караван-сараи. По мнению С. П. Толстова, их сооружение относится к X — началу XI в. [212, с. 177—180].

Кроме этого, были обследованы городища Алан-кала, Шемахакала, Девкескен [214, с. 49—50]. На Восточном чинке Устюрта выявлен целый ряд развалин башен, определенных как сигнальные: Урга, Қияжол, Қараумбет, Шибинды, развалины крепостей Пулжай, Қараумбет и Қияжол. На них был собран подъемный материал, сняты схематические планы. Все обследованные памятники датированы С. П. Толстовым X—XI вв. [210, с. 10—11; 43, с. 629—630]. В том же 1946 г. геологом А. Л. Яншиным в песках Сам и на Северном чинке Устюрта обнаружены стоянки неолита с каменными орудиями и керамикой [222, с. 59; 223, с. 51].

Во время комплексного авто-, авиамаршрута 1947 г. Хорезмской экспедицией были предварительно обследованы городища Шемахакала, Девкескен, Ербурун, развалины укрепления Ассакеаудан и др. [208, с. 182—190]. На этих памятниках собран подъемный материал, сняты схематические планы.

В 1948 г. сотрудница Хорезмской экспедиции Н. Н. Вактурская произвела первые раскопки городища Шемаха. Все материалы с раскопов, в основном, относятся к XIII—XIV вв. Однако отмечены единичные находки раннесредневекового периода. Н. Н. Вактурская полагает, что Шемаха была разрушена во время одного из походов Тимура на Ургенч, так как самые поздние монеты датируются концом XIV в. [40, с. 173—192; 43, с. 629—639]. Я. Г. Гулямов Шемахакалу относит к XII—XIII вв. Раскопочные работы он не проводил [75, с. 159—160].

В окрестностях Шемаха-калы был обнаружен и обследован курганный комплекс Чаштепе. С. П. Толстов предварительно датировал его раннесредневековым периодом, отметив при этом необходимость проведения раскопок для окончательного выяснения датировки [207, с. 311].

Новому обследованию подверглось городище Ербурун, строительство которого С. П. Толстов относит к хорезмшахскому времени, сигнальные башни у городища Ербурун, Айбугир, датированные XI—XII вв. [208, с. 176—189].

Т. К. Басенов, обследовавший в районе песков Сам архитектурные памятники, в основном, казахские мавзолеи XVIII—XIX вв., высказал предположение, что древнее городище Сам находится в этом же районе [21, с. 23—24].

В этом же году на Западном чинке плато Устюрт, к югу от развалин мавзолея Моната, Сырдарьинской комплексной экспедицией были собраны кремневые изделия, описанные в публикации Т. Н. Сениговой [194, с. 122—124].

В 1950 г. Хорезмской экспедицией АН СССР для изучения памятников плато был проведен автомаршрут из Уральска через Устюрт по старой караванной дороге. На обнаруженном вблизи колодцев Мынсуалмас караван-сарае Коскудук был заложен небольшой раскоп. Дальнейший путь отряда лежал через пески Сам, караван-сараи Чурук, Белеули, Учкудук [215, с. 16—19]. В караван-сарае Белеули был заложен шурф для выяснения техники кладки стен. Исследование портала и башен дало возможность дополнить и уточнить сделанные ранее архитектурные наблюдения [215, с. 18]. Расчистка стен была произведена в караван-сарае Косбулак, которая показала, что караван-сарай сложен из мелких плиток светлого песчаника [215, с. 17—18]. Последним обследованным караван-сараем является Учкудук, где был снят схематический план. Изучение караван-сараев позволило собрать материал, характеризующий «единство типа всех этих сооружений при разнообразии строительных приемов и конструкций», и датировать их XI—XII вв. [215, с. 18—19].

В 1952 г. разведочный Устюртско-Аджаибский отряд Хорезмской экспедиции обследовал Девкескенский оборонительный вал длиною более 2 км, облицованный каменными плитами. В конце его над обрывом чинка обнаружено небольшое укрепление со стенами из каменных плит. С. П. Толстов датировал оборонительный вал XVI в. [215, с. 74]. По пути до Айбугира открыто несколько сигнальных башен, которые С. П. Толстов относит к хорезмшахскому времени [215, с. 74, 184—186; 212, с. 34—38].

Исследовалось городище Большая Айбугир-кала, на котором были открыты стены античного периода. Памятник датирован IV—I вв. до н. э. Средневековый слой очень скуден и сосредоточен, в основном, вдоль стен. Было обследовано городище Малая Айбугир-кала. С. П. Толстов датировал памятник XII—XIV вв. [215, с. 78—79].

Изучение городища Ербурун-кала, которое относят к хорезмшахскому времени, было сведено к съемке схематического плана и сбору подъемного материала [211, с. 184—185].

В 1954 г. на крепости Ассакеаудан снят схематический план и собран подъемный материал. Памятник датирован XIV в. [43, с. 627].

На западной части плато Устюрт и Мангышлакском полуострове в 1953—1954 гг. архитектурным отрядом АН КазССР обследованы казахские кладбища и мавзолеи XVIII—XIX вв. [146, с. 10—36].

В 1958 г. экспедиционным архитектурным отрядом отдела охраны памятников Министерства культуры Туркменской ССР под руководст-

вом Г. А. Пугаченковой описаны мавзолеи на городище Девкескен, отмеченные в 1946 г. С. П. Толстовым и М. А. Орловым, как позднесредневековые [167, с. 160—161, рис. 8—9]. Архитектурный анализ и сравнение с подобными архитектурными памятниками Средней Азии позволили Г. А. Пугаченковой продатировать их концом XV—XVI в. [177, с. 125—137].

В 1959 г. этнографическим отрядом Хорезмской экспедиции обследована средневековая крепость Урга-кала с сигнальной башней. По подъемному керамическому материалу памятник датирован XII—XIII вв. [217, с. 25—27]. Снят схематический план.

С 1960 г. в археологическое изучение Устюрта включается сектор археологии и этнографии ИИЯЛ Каракалпакского филиала АН УзССР. Его сотрудники в том же году обследовали ряд крепостей на Восточном чинке Устюрта. На Урга-кале, по керамическому материалу датированной XII—XIII вв., заложены два шурфа размером 2×1 м и зачищены края ям [234, с. 97]. Составлены описания сигнальных башен Кияжол, Караумбет, Шибинды, Пулжай, которые по подъемному материалу относятся к XII—XIII вв. К этому же периоду отнесены крепости Кияжол и Караумбет. На городище Пулжай, открытом в 1946 г., заложены траншеи и собран подъемный материал. В. Н. Ягодин датирует возникновение Пулжая как центра сельского поселения IX—XI вв. Возведение крепости — XII в. Датировка памятника им установлена в пределах IX—XIV вв. [234, с. 90—96]. Кроме того, им обследован могильник, расположенный в западной части поселения. Вскрытия на могильнике не производились.

В 1963 г. сотрудниками сектора археологии и этнографии ИИЯЛ Каракалпакского филиала АН УзССР был произведен разведочный маршрут. Обследованы городища Алан, Аджибай, Курганча (Давлетгирей). На Алан-кале заложен шурф размером 2×1 м и собран подъемный материал. Возникновение памятника Е. Б. Бижанов относит к XII—XIII вв. [29, с. 10].

Городище Аджибай, открытое Е. Б. Бижановым, датировано хорезмшахским временем по керамическому материалу из шурфа. Снят схематический план [29, с. 9]. На городище Курганча (Давлетгирей) заложен шурф и собран подъемный материал, снят схематический план. Памятник датирован XII—XIII вв. [26, с. 64—67].

В 1963 г. на Чаштепе отряд Хорезмской экспедиции провел раскопки одной из курганных групп. По мнению Ю. А. Рапопорта, появление курганов не одновременно. Керамика, обнаруженная при раскопках, относится к разным периодам.

Продолжались сборы археологических материалов геологическими экспедициями. Массовые находки кремневых орудий сделаны в южной и западной частях Устюрта. В разных частях плато в 1957—1963 гг.

зафиксировано около 20 пунктов с находками кремневых изделий. Большинство их оказалось утерянным. Сохранились лишь отдельные коллекции из района колодца Кендерли и урочища Утебай [58].

Во время разведывательных работ, проведенных в 1963 г. Закаспийским отрядом ЛОИА, на Мангышлаке был обнаружен ряд новых стоянок неолитического времени [105, с. 23—27].

В 1964 г. Е. Б. Бижанов обследовал античные крепости Большая Айбугир-кала, Девкескен, средневековые городища Ербурун и Ширван-кала. На Большой Айбугир-кале и Девкескене собран подъемный материал и заложены шурфы. Городище Большая Айбугир-кала отнесено к IV в. до н. э. — IV в. н. э., Девкескен — к первым векам н. э. [29, с. 5], городище Ербурун — к XII—XIII вв. На Ширван-кале заложен шурф и собран подъемный материал. Памятник датирован XII—XIV вв. [28, с. 96—98]. В этом же году Устюртским отрядом сектора археологии и этнографии ИИЯЛ Каракалпакского филиала АН УзССР были обследованы караван-сараи Учкудук, Булак, Косбулак, Белеули, Чурук.

На караван-сараях Булак, Косбулак заложены шурфы и собран подъемный материал. Е. Б. Бижанов датировал их XIII—XIV вв. [29]. На Белеули и Чуруке собран подъемный материал. По мнению Е. Б. Бижанова, караван-сараи Устюрта возникли в XII—XIII вв. и повторно обживались в золотоордынское время [29]. В окрестностях караван-сараев Булак, Косбулак, Белеули обнаружено 15 неолитических развеянных стоянок с кремневыми изделиями [32, 33].

В 1969 г. на Западном чинке Устюрта А. Н. Мелентьев обнаружил сотни курганов, относящихся к различным эпохам [144; 145, с. 195—196].

В 1970 г. на Западном чинке Устюрта в местности Сайутес, Бесшинграу, Мертвый култук, Когусем I—II зоологом Н. З. Настюковым обнаружен кремневый инвентарь на развеянных стоянках, датированный эпохой неолита [173, с. 60—65; 174, с. 36—37].

Все перечисленные работы выявили богатство и типологическое разнообразие археологических памятников и стали той основой, на которой возможно было начать работы по систематическому археологическому изучению плато как особого историко-культурного региона. Программу подобных работ на территории Юго-Восточного Устюрта в течение 1971—1975 гг. осуществил сектор археологии Института истории, языка и литературы Каракалпакского филиала АН УзССР.

ГЛАВА 2

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЮГО-ВОСТОЧНОГО УСТЮРТА

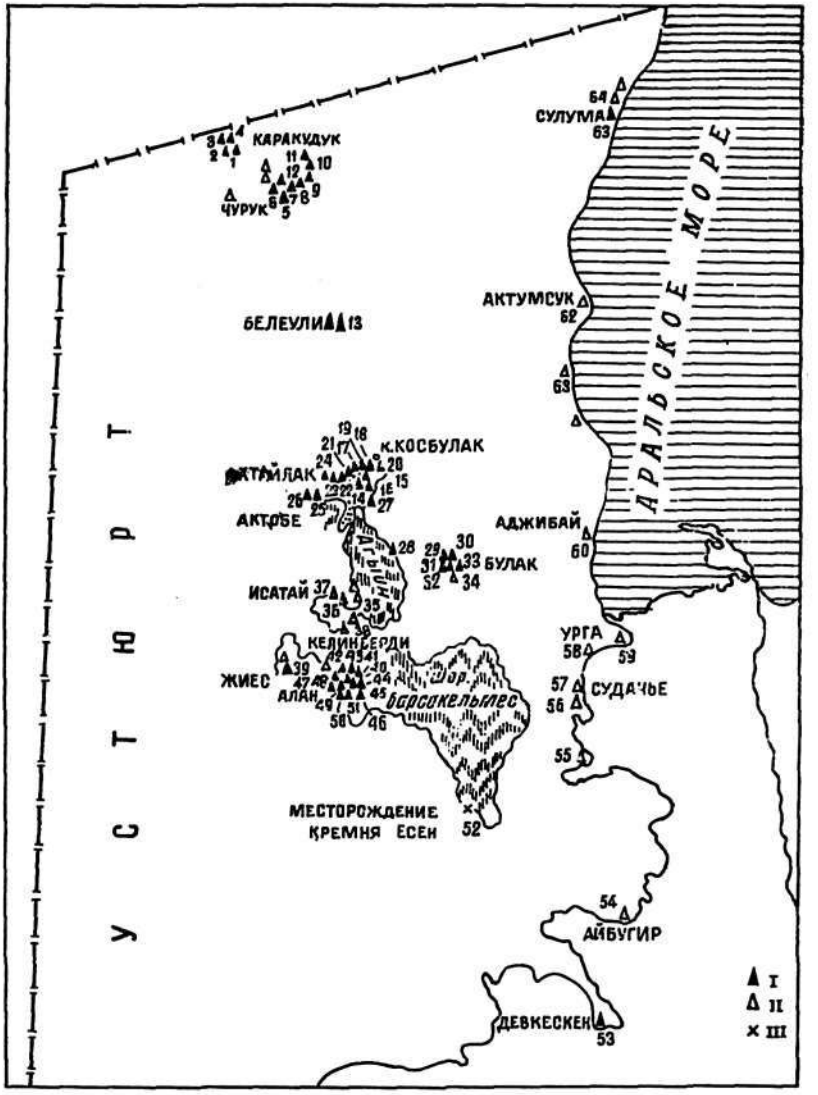
Неолитические памятники Устюрта имеют «гнездовой» характер распространения. Целые группы стоянок, местонахождений, отдельных находок концентрируются на ограниченной площади и пределах замкнутых урочищ, солончаков, песчаных массивов, впадин и т. д. (рис. 1).

В настоящее время выделяются следующие локальные скопления памятников неолита Юго-Восточного Устюрта:

1. Песчаный массив Картпайкум;
2. Солончаковый массив Чурук;
3. Северо-западная часть впадины Барсакельмес в районе расположения средневекового городища Алан, условно названная нами «Аланский массив»;
4. Урочище Барлыбай;
5. Отдельные находки, в основном локализирующиеся на Восточном чинке Устюрта.

Рис. 1. Схематическая карта расположения стоянок и отдельных находок каменного века на Устюрте.

Условные обозначения: I—стоянки, II—места отдельных находок, III—месторождение кремня. 1 — Каракудук-1; 2 — Каракудук-2; 3 — Каракудук-3; 4 — Каракудук-4; 5 — Чурук-2; 6 — Чурук-3; 7 — Чурук-4; 8 — Чурук-5; 9 — Чурук-6; 10 — Чурук-7; 11 — Чурук-8; 12 — Чурук-9; 13 — Белеули; 14 — Косбулак-1; 15 — Косбулак-2; 16 — Косбулак-3; 17 — Косбулак-4; 18 — Косбулак-5; 19 — Косбулак-6; 20 — Косбулак-7; 21 — Акчукур; 22 — Актайлак-3; 23 — Актайлак-2; 24 — Актайлак-1; 25 — Актобе-1; 26 — Актобе-2; 27 — Косхатын; 28 — Танирберген; 29 — Булак-1; 30 — Булак-2; 31 — Булак-3; 32—Булак-4; 33—Булак-5; 34 — Булак-6; 35 — отдельные находки урочища Агыин; 36 — Исатай-2; 37 — Исатай-3; 38 — Келинберди; 39 — Жиес; 40 — Сумбетимер-1; 41 — Сумбетимер-2; 42 — Сумбетимер-3; 43 — Сумбетимер-4; 44 — Сумбетимер-5; 45 — Сумбетимер-6; 46 — Сумбетимер-7; 47 — Сумбетимер-8; 48 — Кыйсыкшинграу-1; 49 — Кыйсыкшинграу-2; 50 — Алан-1; 51 — Алан-2; 52—месторождение кремня Есен: 53 — отдельные находки около городища Девкескен; 54 — отдельные находки около городища Айбугир-кала; 55 — отдельные находки около городища Караумбет; 56—57 — отдельные находки курганной группы Судочье: 58 — отдельные находки около городища Кияжол; 59 — отдельные находки около курганной группы Урга; 60 — отдельные находки около городища Аджибай: 61 — отдельные находки около городища Курганча: 62 — отдельные находки в районе мыса Актумсук; 63 — Сулама; 64 — отдельные находки у мыса Дуана.

УСТЮРТ
АРАЛЬСКОЕ МОРЕ
КАРАКУДУК
ЧУРУК
СУЛУМА
БЕЛЕУЛИ
АКТУМСУК
К.КОСБУЛАК
АКТАЙЛАК
АКТОБЕ
АДЖИБАЙ
БУЛАК
ИСАТАЙ
КЕЛИНБЕРДИ
ЖИЕС
АЛАН
Бор. БАРСАКЕЛЬМЕС
МЕСТОРОЖДЕНИЕ КРЕМНЯ ЕСЕН
УРГА
СУДАЧЬЕ
АЙБУГИР
ДЕВКЕСКЕН
I
II
III

ПАМЯТНИКИ ПЕСКОВ КАРТПАЙКУМ

Пески Картпайкум расположены к северу от солончака Агыин, который соединяется с впадиной Барсакельмес довольно узким «проливом» в районе колодца Насамбек. По периферическим частям и вдоль края песков Картпайкум имеются останцевые бугры, так называемые чокалаки. По форме они округлые, а иногда чуть вытянутые, с плоской вершиной. Бугры сложены из пестрой смеси мелкозема, песка и тончайшей солончаковой пыли. Они покрыты солончаковой коркой и редкими саксаульниками. Все стоянки расположены на этих останцевых буграх (рис. 2, *I*). Они не имеют культурного слоя [31], на них не сохранилась керамика, за исключением стоянок в песках Сам [222, с. 60]. Сырьевой материал всех стоянок единый. Это обычный «устюртского» типа дымчато-серый кремень или кремневая порода, выходы которых имеются на Центральном Устюрте и на его западных чинках [58, с. 77—87]. В изломе весь кремень темно-серый, иногда коричневато-серый. Белая известковая патина развита в толщину до 1,5 мм.

Особое место среди неолитических памятников занимает стоянка Актайлак-I. Она богаче остальных как по количеству предметов, так и по составу кремневого инвентаря. С описания этой стоянки мы и начнем обзор кремневой индустрии песков Картпайкум.

Стоянка Актайлак-I находится западнее колодца Косбулак, на 18 км к северу от песчаного массива Картпайкум. Найденные предметы располагались на засолонцованной песчаной поверхности пятью скоплениями (рис. 2, *II*).

Скопление I находилось на северном склоне крупного (высота около 5 м) песчаного бугра. Размеры скопления — примерно 150×70 м, форма его неправильно овальная.

Скопление 2, меньшее по площади, размещалось на 40—50 м севернее, на пониженной ровной площадке. Единичные находки располагались на участке размером 50×60 м между 1 и 2 скоплениями. Собранная на стоянке коллекция значительна по количеству предметов, в том числе украшений из раковин и редких находок других категорий.

Скопление 3, незначительное по площади (примерно 4×6 м) и по объему материала, находится между скоплениями 1 и 4. Скопление 4 расположено восточнее скопления 2, площадь его примерно 2×2 м, находки незначительны. В скопление 5 отнесены условно редкие находки со значительной площади к северу от скопления 1 и 2.

Скопление I дало наибольшее количество находок, которые подразделяются на следующие группы:

Трапеции	52 экз.
в том числе рогатые	17 экз.
Наконечник кельтеминарского типа	1 экз.
Наконечники стрел двусторонне обработанные	32 экз.
Наконечник копья двусторонне обработанный	1 экз.
Наконечники стрел с краевой ретушью	6 экз.
Вкладыши с притупленным краем	45 экз.
Пластины с резцовыми сколами	9 экз.
Пластины со скошенным концом	35 экз.
Пластины с прямосрезанным концом	11 экз.
Сверла или провертки	50 экз.
Долотовидные орудия из пластин с обработкой одного из торцов	10 экз.
Пластины с неправильно зубчатым краем	38 экз.
Пластины с боковыми краями	6 экз.
Острия на пластинах	27 экз.
Ножевидные пластины с краевой ретушью	126 экз.
Обломки ножевидных пластин разного типа с нерегулярной ретушью	65 экз.
Скребки концевые	190 экз.
Скребки на отщепах	542 экз
Отщепы с нерегулярной краевой ретушью	34 экз.
Нуклеусы, обломки и сколы с нуклеусов, ребристые пластины	160 экз.
Ножевидные пластины без ретуши	2442 экз.
Отщепы и обломки без ретуши	9850 экз.
Всего найдено предметов	13 732

Среди орудий заметную серию образуют изделия трапециевидной формы (рис. 3, *1—4*). Трапеции средних размеров преимущественно симметричны. Боковые стороны обработаны ретушью чаще всего со спинки, реже с брюшка, и противолежащей ретушью. Единично встречены крупные экземпляры, в том числе асимметричные (рис. *3, 5, 10—13, 18—19*), близкие по форме находкам из Va слоя пещеры Джебел [166, с. 143, рис. 86, *5*], а также из сборов на стоянке Дефе-Чаганак, северный холм [104, с. 57, рис. 2, *24—26*]. В целом же асимметричных трапеций разных размеров довольно много — более четверти всех находок геометрической формы. Интересным в хронологическом и, особенно, в палеоэтнографическом отношении представляется факт находки серии так называемых «рогатых» трапеций. Они составляют половину изделий трапециевидной формы (17 из 35 находок) и очень близки соответствующим находкам из Кызылкумов [51, с. 32—36, рис. 8].

Значительной серией представлены наконечники стрел, известные в основном по обломкам. Насколько можно судить по сохранившимся фрагментам, все они были листовидной и миндалевидной формы с несколькими вариантами оформления основания: округлого, усеченного, прямого или выемчатого (рис. 3, *20—22*). Наконечников, сделан-

ных из пластин, пять. Два из них листовидной формы с краевой обработкой, два — треугольной формы с прямым или слегка выемчатым основанием, обработанные краевой ретушью (рис. 3, *23—24*). Второй

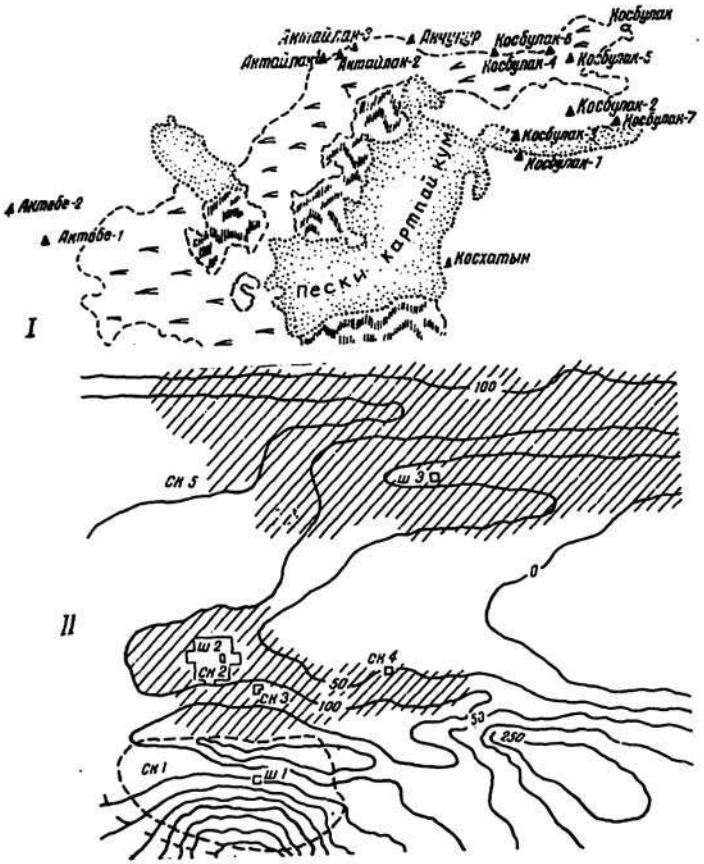

Рис. 2. Схема расположения неолитических стоянок песков Картпайкум (I) и схематический план стоянки Актайлак-1 (II).

тип не характерен для западных областей Средней Азии. Однако он чрезвычайно распространен в Казахстанском неолите [223, с. 52, рис. 16]. Последний из пластинчатых наконечников — асимметричный наконечник кельтеминарского типа (рис. 3, *25*).

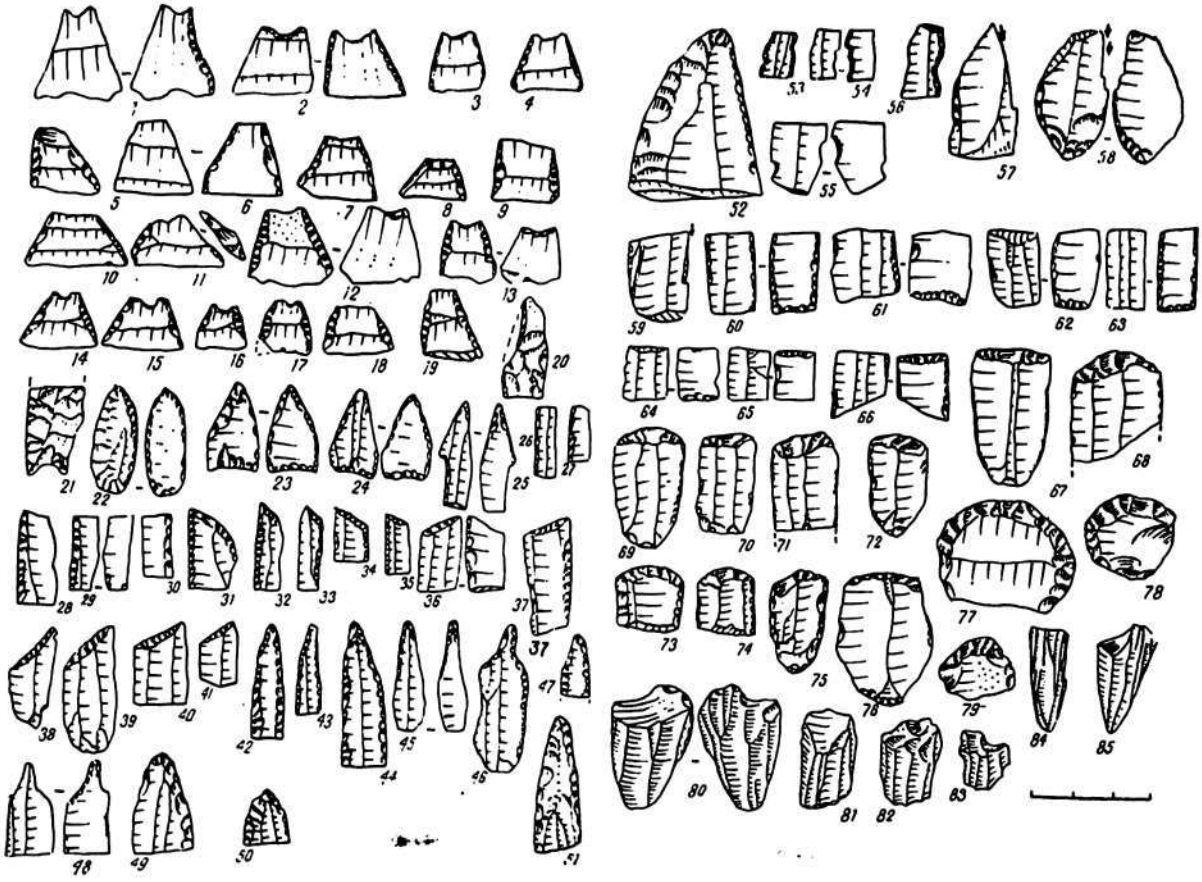

Рис. 3. Стоянка Актайлак-1, скопления 1—2. Изделия из кремня.

Ранее мы указывали, что для неолитических местонахождений Устюрта не характерны наконечники кельтеминарского типа [49, с. 71]. Позже такой наконечник был найден А. Н. Мелентьевым в районе Бейнеу [145, с. 195—196; 224, с. 29]. Находка на стоянке Актайлак-1 является второй находкой такого рода на Устюрте. Видимо, наконечники кельтеминарского типа для устюртского неолита малохарактерны. Так, в материалах двадцати стоянок, найденных за последнее время (кремневые находки исчисляются многими десятками тысяч), за исключением Актайлака-1, наконечники кельтеминарского типа отсутствуют.

Вкладыши с притупленными краями (рис. 3, *26—30*), пластины со скошенным концом (рис. 4, *31—37*), сверла и провертки (рис. 3, *42—51*), пластины с краевой ретушью — обычный для пустынного среднеазиатского неолита тип. Следует обратить внимание лишь на небольшую группу изделий из пластин в виде треугольных остроконечников (рис. 3, *38—41*). Назначение этой серии пока не ясно. Часть изделий использовалась, возможно, в качестве сверл. Однако нельзя исключать и вариант использования отдельных экземпляров этой серии как наконечников стрел. Отметим также как характерную черту инвентаря наличие незначительного количества невыразительных и представленных обломками выемчатых пластин. Типологическим вариантом их являются пластины с мелкими нерегулярными выемками, образующими неправильно зубчатый край.

Внушительной серией представлены пластины с одним обработанным ретушью концом, преимущественно скошенным, образующим острие на одном углу. Для этих предметов типична ретушь со спинки, изредка встречается обработка с брюшка. От соответствующих изделий из Джейтуна [138, с. 179, табл. XII] они отличаются крайне незначительными размерами, так как сделаны на коротких сечениях пластин. Эта особенность свойственна неолиту Кызылкумов [56] и пустынному неолиту Средней Азии в целом [103]. Функционально данные изделия, видимо, как и трапеции, служили вкладышами зубчатолезвийных орудий охоты и рыбной ловли.

Пластины с притупленным краем, как и большинство других предметов, представлены образцами из коротких сечений ножевидных пластин.

Наиболее значительную группу составляют скребки, что свойственно многим устюртским стоянкам [49, с. 69]. На скоплении I скребки составляют около 3/4 всех изделий с ретушью. Основная часть концевых скребков представлена изделиями из коротких (1,5—2 см) сечений ножевидных пластин (рис. 3, *67—76*). Характерно частое использование широких (до 2 см) заготовок. Скребков на отщепах почти втрое больше, чем концевых, форма их случайна (рис. 3, *77—79*). По разме-

рам они в целом аналогичны концевым скребкам. Краевая рабочая часть их обработана столь же аккуратно, что и у последних.

Целых нуклеусов найдено только три: один миниатюрный, пулевидной формы, с круговой огранкой, два других также небольшие, клиновидные, со следами снятия пластин с обеих сторон (рис. 3, *80—85*). В коллекции много поперечных сколов оживления, однако по ним трудно судить о форме нуклеусов.

На скоплении I найдено 35 пронизок — Dentalium, несколько обломков украшений из раковин других видов, обломки трех каменных бусин. Одна, в форме бублика, сделана из светлого песчаника, две другие — из полых тонкостенных железистых конкреций удлиненной формы, у которых были отточены, а затем просверлены концы (рис. 4, *1—73*).

Скопление 2 дало меньшую по объему и несколько иную по составу коллекцию:

Трапеции	2 экз.
в том числе рогатая	1 экз.
Наконечники стрел двусторонне обработанные	179 экз.
Наконечник стрелы с краевой ретушью	1 экз.
Пластины с притупленным краем	5 экз.
Пластины с резцовыми сколами	8 экз.
Пластина со скошенным концом	1 экз.
Сверла или провертки	7 экз.
Долотовидное орудие из пластины (с обработкой одного из торцов)	1 экз.
Пластины с неправильно зубчатым краем	20 экз.
Пластина с боковыми выемками	1 экз.
Острие на пластине	1 экз.
Ножевидные пластины с краевой ретушью разного типа	21 экз.
Обломки ножевидных пластин с нерегулярной ретушью	11 экз.
Скребки на отщепах	162 экз.
Скребки концевые	117 экз.
Отщепы с нерегулярной краевой ретушью	12 экз.
Нуклеусы, обломки и сколы нуклеусов, ребристые пластины	30 экз.
Ножевидные пластины без ретуши	1955 экз.
Отщепы и обломки без ретуши	8363 экз.
Всего собрано кремней	10897 экз.

Среди орудий наиболее крупную, после скребков, серию составляют двусторонне обработанные наконечники стрел. Большая часть их— обломки. Однако примерно 1/3 часть обломков дает возможность составить представление о форме наконечников. Они треугольной, ромбовидной и листовидной формы, в большинстве случаев с выемкой в основании, слегка намеченной или глубокой, выделяющей острые боковые жальца (рис. 5, *10*). Остальные наконечники имеют округлое или

прямое основание, в двух случаях — легкую боковую выемку, выделяющую асимметрично расположенное жальце (рис. 5, *8—12*). Все эти

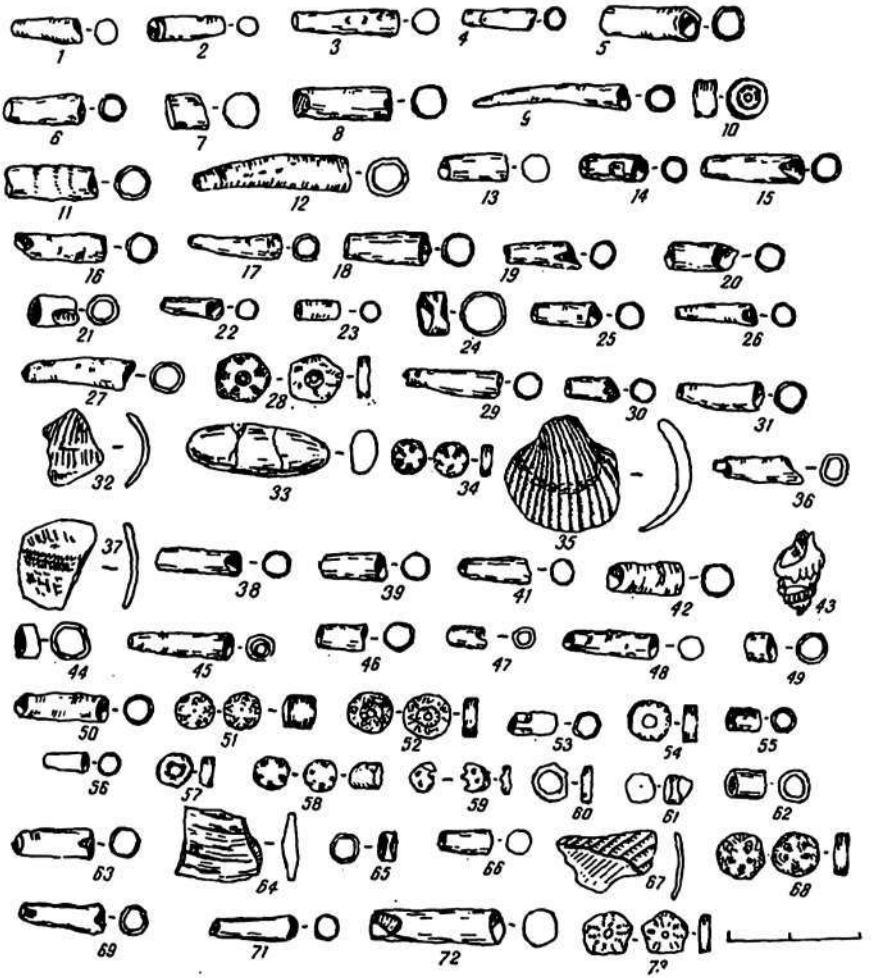

Рис. 4. Стоянка Актайлак-1, скопления 1—2. Украшения из раковин.

формы распространены в позднем неолите Средней Азии, Казахстана и некоторых сопредельных областей. Ромбовидные наконечники находят

аналогии в Джебеле, III слой [166, с. 70, рис. 40] и Джанбас-14 [207, с. 71, рис. 18, *8*].

К двусторонне обработанным орудиям следует отнести и обломок крупного пластинчатого ромбовидного наконечника копья (рис. 5, *14, 15, 23*). Перо его, тщательно обработанное с брюшка краевой ретушью, аналогично перу наконечников кельтеминарского типа. Короткое треугольное основание образовано ретушью со спинки (рис. 5, *13*).

От находок со скопления I описываемую коллекцию отличает почти полное отсутствие трапеций (имеется лишь одно изделие среди находок 1972 г.), пластин со скошенным концом, вкладышей с притупленным краем. Остальные орудия, представленные единично, либо небольшими сериями, аналогичны находкам со скопления I. Среди них наиболее полно представлены скребки. Из отдельных находок следует обратить внимание на крупную пластину (длина 12,5 см, ширина до 21 см, верхний конец обломан) с ретушью по обеим сторонам. Нижний конец оформлен в виде асимметричного острия, на выпуклой стороне его видны следы использования (стертость ретуши), очевидно, в качестве скребка (рис. 5, *7*). Интересно изделие конической формы из светло-коричневого известняка (рис. 5, *21*). Оно служило, видимо, курантом. На толстом конце косая, слегка выпуклая заполированная поверхность. Изделие орнаментировано нарезкой, орнамент геометрический — заштрихованные треугольники, елка, полоса коротких отрезков.

Украшения представлены пронизками — Dentalium (6 экз.) и несколькими обломками раковин других видов (рис. 4).

Скопление 3 находится в 20 м к востоку от скопления 2, на пониженной площадке. Находки, в основном, представлены отщепами и отбросами (185 экз.), пластинами без ретуши (35 экз.). Есть отщепы с краевой ретушью (6 экз.). Нуклеусы (14 экз.) в большинстве своем представляют обломки, но имеется несколько целых экземпляров конической формы со следами снятия ножевидных пластин (рис. 6, *4*). Изделий с ретушью сравнительно мало. Это концевые скребки на пластинчатых отщепах (15 экз.) (рис. 6, *2, 3*), пластины с притупленной спинкой (7 экз.) (рис. 6, *5*), неглубокими выемками (3 экз.), проколки или сверла из пластин (2 экз.).

Скопление 4 расположено в 90 м к востоку от скопления 3, на пониженной площадке. Собранная коллекция сравнительно небольшая: отщепы — 118 экз., ножевидные пластины без ретуши — 27 экз., нуклеусы и сколы с них — 2 экз. В составе коллекции отмечены следующие орудия: ножевидные пластины с краевой ретушью разного типа — 13 экз., концевые скребки с дугообразным рабочим концом — 4 экз. (рис. 6, *9*), с ретушированными со спинки боковыми краями, трапеции крупные симметричной формы — 4 экз. (рис. 6, *8*). Среди

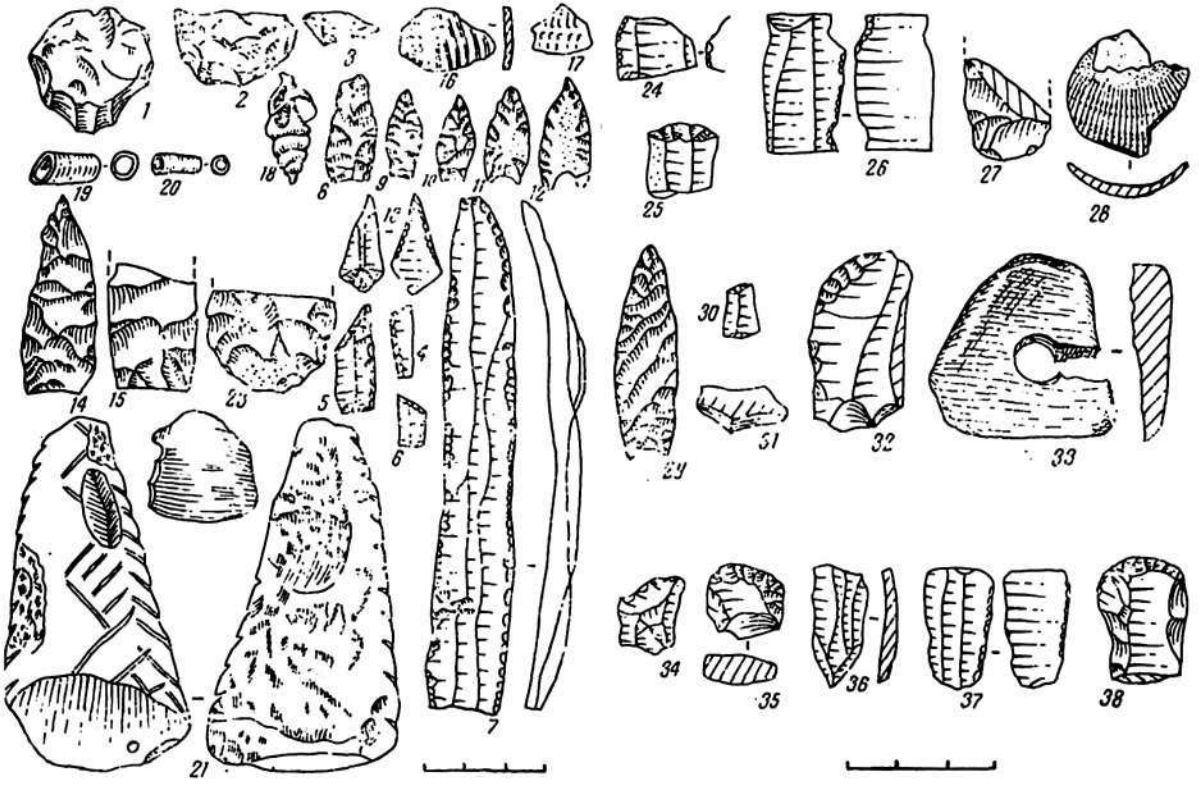

Рис. 5. Стоянка Актайлак-1, скопления 1—2; стоянки Косбулак 2—6.
Изделия из кремня и украшения из раковин.

них 1 экземпляр трапеции с микровыемкой по верхнему основанию аналогичен трапеции со скопления I. Обломки односторонних нуклеусов — 2 экз. со следами снятия ножевидных пластин (рис. 5, *10*).

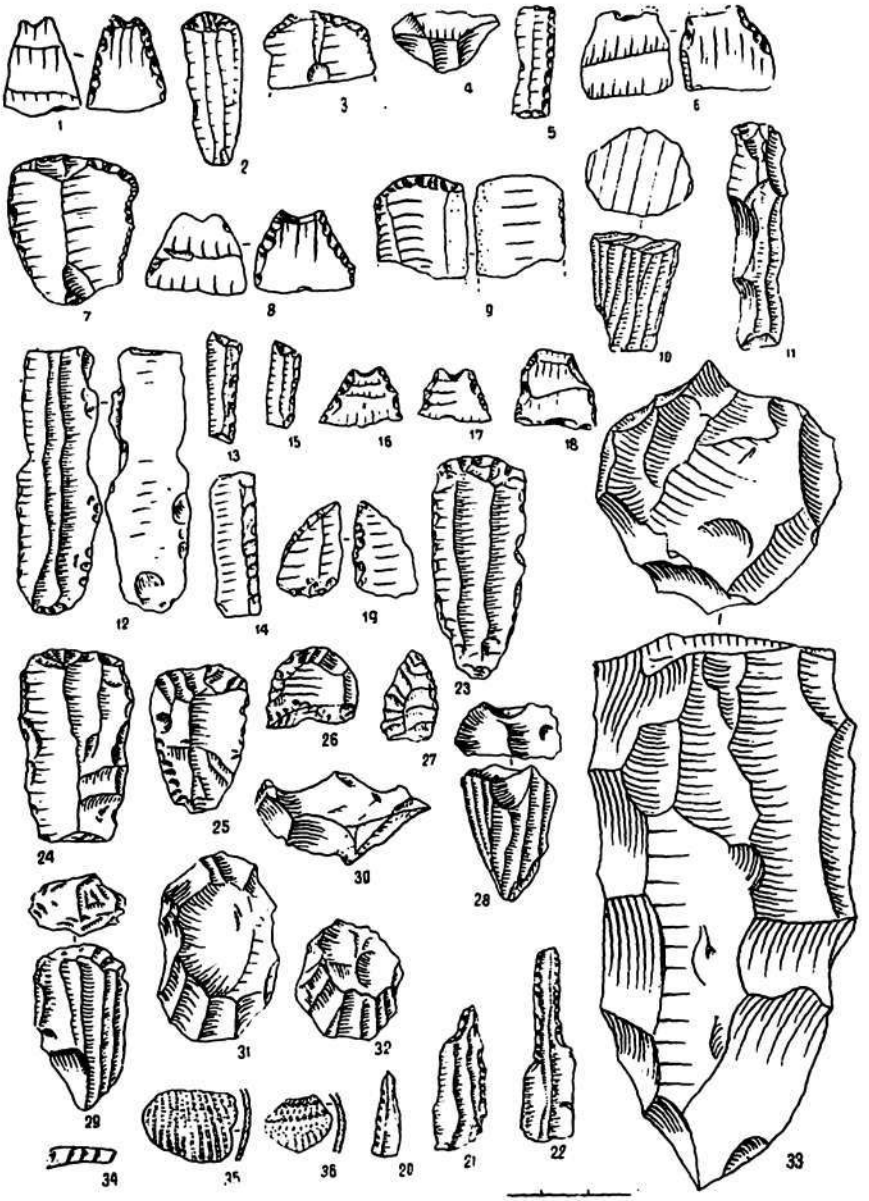
К скоплению 5 отнесены редкие находки со значительной площади к северу от скоплений 1 и 2. Большую часть их составляют отщепы, обломки и чешуйки (719 экз.), являющиеся, по существу, отходами производства. Значительное количество представлено пластинами без ретуши (189 экз.). Нуклеусы (189 экз.) — конические, одноплощадочные, с негативами от снятия пластинок. Есть нуклеусы и с двумя противолежащими площадками со следами снятия с них пластин (рис. 6, *28—32*). Изделия со вторичной обработкой составляют небольшой процент. В подавляющем большинстве они изготовлены на сравнительно крупных пластинах.

Наиболее многочисленной категорией орудий являются пластины с ретушью (105 экз.). Среди них выделяется скобель с отретушированной выемкой (1 экз.), являющейся рабочей частью орудия (рис. 6, *12*). Есть и пластины с притупленными концом и краем (7 экз.), а также со скошенным концом (9 экз.) (рис. 6, *13—15*). Среди орудий из пластин в небольшом количестве встречаются угловые резцы (4 экз.), проколки или сверла (4 экз.) (рис. 6, *20—22*). Последние представлены плечиковыми и треугольными формами с ретушью со спинки. В коллекции значительную группу составляют скребки концевые (68 экз.) и на отщепах (49 экз.), первые преобладают. Концевые скребки сделаны из сечений крупных пластин и имеют дугообразный, чуть скошенный рабочий конец и ретушированные со спинки продольные края.

Скребки на отщепах весьма разнообразные по размерам. Форма их в значительной степени случайна.

Изредка встречаются трапеции симметричной формы с выемками по верхнему основанию (6 экз.), аналогичные трапециям со скопления I (рис. 6, *16—18*). Кроме того, найдены единичные обломки двусторонне обработанных наконечников стрел листовидной формы. Найдены украшения из раковин Dentalium и Didacna (рис. 6, *34—36*).

Стоянка Актайлак-2 расположена в 2—2,5 км к северо-востоку от стоянки Актайлак-1. Это небольшой оплывший бугор на краю саксаульника в песчаном массиве Картпайкум, вытянутый с востока на запад. Находки сконцентрированы на ограниченном участке наверху бугра размером 30×40 м. Отдельные предметы обнаружены на южном склоне. Коллекция с этого местонахождения невелика. В ее составе большей частью отщепы и отбросы производства: отщепы — 57 экз.; отщепы с краевой ретушью — 3 экз.; ножевидные пластины без ретуши — 37 экз.; с ретушью — 14 экз. (с брюшка — 6, со спинки — 4, противолежащей — 4); ребристая пластина — 1 экз.; нуклеусы и сколы с них—

4 экз. Из орудий следует отметить концевой скребок на пластинчатом отщепе с незначительно скошенным рабочим краем (1 экз.) и скребки на отщепах (7 экз.). Последние сравнительно крупные, полукруглой и подчетырехугольной формы с ретушированным рабочим краем (рис. 7, *44, 45*). И, наконец, укажем на обломок резца на углу сломанной пластины — 1 экз.

Стоянка Актайлак-3 находится в 2—3 км к востоку от Актайлака-2. Это такой же, как вышеописанный, оплывший бугор размером 25×35 м на краю саксаульника. Сборы производились по всему северному склону бугра. Как и в первом пункте, подавляющую массу находок составляют отщепы — 41 экз., в том числе с ретушью — 1 экз., ножевидные пластины с ровными боковыми краями без ретуши — 20 экз. Нуклеусы немногочисленны — 7 экз., из них 1 экз. карандашевидной (рис. 7, *47*) и 1 экз. клиновидной формы со следами снятия пластин. Остальное — сколы и ядрища с нуклеусов.

Ножевидные пластины с ретушированными боковыми краями — 17 экз. (с брюшка — 4, со спинки — 13). Орудия немногочисленны: скобель на микропластинке с неглубокой ретушированной выемкой — 1 экз., скребки на отщепах с полукруглым рабочим краем, с противолежащей ретушью на одном из боковых краев — 1 экз., скребок на пластинчатом отщепе с двумя рабочими лезвиями — 1 экз., одно из них на концевой стороне дугообразной формы, другое — на боковой стороне. Скребок концевого типа на сечениях средних пластин с дугообразным рабочим краем (1 экз.). Ретуширован один из боковых краев со спинки (рис. 7, *46*).

Стоянка Акчукур расположена в 12 км к западу от колодца Косбулак на северном краю саксаульника. Это такой же, как и предыдущие, бугор размером 25×30 м, вытянутый с востока на запад. Находки, в основном, сконцентрированы на восточном склоне. В отличие от вышеописанных местонахождений набор орудий здесь сравнительно богаче и разнообразнее. Сборы с этой стоянки, как и с других, большей частью составляют отбросы производства: отщепы — 277 экз., обломки пластин без обработки — 118 экз. Нуклеусы представлены обломками — 7 экз. Среди них имеется один нуклеус, имеющий форму многогранной пирамиды, со следами снятия пластин (рис. 7, *52*). Среди орудий преобладают вкладыши ножей с ретушью — 40 экз. (с брюшка — 18, со спинки — 12, противолежащей — 10). Скобели на треугольной в сечении пластине с неглубокими, симметрично расположенными ретушированными выемками — 2 экз. (рис. 7, *14—16*).

Имеются пластины с крутой затупленной ретушью по одному продольному краю со спинки, так называемые пластины с притупленной

Рис. 6. Стоянки Актайлак-1, скопления 3—5; Актайлак 2—3. Изделия из кремня.

спинкой — 5 экз. У микропластин (2 экз.) отделан затупливающей ретушью один поперечный край с брюшка. Отретушированы скошенный конец и продольный край с брюшка. Пластины со скошенным концом (6 экз.). (рис. 7, *7—12*). Некоторые исследователи считают, что они могли служить в одних случаях проколками, а в других — вкладышами метательного орудия [103, с. 110]. Резцы на пластинах углового типа — 4 экз. (рис. 7, *20*). Проколки или сверла (4 экз.) на пластинах и микропластинах, обработанных ретушью по двум продольным краям со спинки, реже с брюшка (рис. 7, *21*). Скребки представлены концевыми формами на сечениях пластин со скошенным и дугообразным рабочим краем — 13 экз. У некоторых из них ретушью обработаны продольные края со спинки, реже — с брюшка. У некоторых скребков (2 экз.) имеются два концевых рабочих лезвия, одно из которых скошено, другое — дугообразное (рис. 7, *38, 39*). В коллекции имеется единственный обломок двусторонне обработанного наконечника стрелы.

Стоянка Актобе-1 находится в 20 км к юго-западу от стоянки Актайлак-1. Это местонахождение представляет собой большой и высокий бугор размером 30×40 м на западном краю саксаульника, тянущегося от колодца Косбулак. Находки сконцентрированы в юго-западной части бугра. Эта стоянка дала наиболее богатую коллекцию каменных изделий. Находки представлены отбросами производства: отщепами и кусками кремня — 125 экз., отщепами с краевой ретушью — 5 экз., ножевидными пластинами без ретуши — 94 экз., обломками и ядрищами нуклеусов — 4 экз. Среди них имеется односторонний нуклеус со следами снятия микропластин.

Из орудий самым большим количеством представлены ножевидные пластины с ретушью — 37 экз. (со спинки — 12, с брюшка — 22, противолежащей — 3). В коллекции этой стоянки, как и большинства других стоянок Устюрта, пластины, пластинки и изделия из них составляют большую часть. Из пластин и их сечений изготовлены пластины с притупленной спинкой — 4 экз. Они обработаны ретушью по продольному краю со спинки. Среди них интересна одна пластина, которую типологически можно назвать пластинкой с угловым резцовым сколом (рис. 7, *18*). Очень редко (2 экз.) встречаются пластинки с притупленным ретушью концом, пластины со скошенным концом, ближе к которому ретушью обработан небольшой участок, а также один из поперечных краев с брюшка — 1 экз., пластины с неглубокими ретушированными выемками по одному краю со спинки, реже с брюшка — 4 экз.

Резцы на углу ломанных пластин — 6 экз. Два из них типологически могут быть пластинами со скошенным концом. Ретушью обработаны не только скошенные концы, а также продольные края с брюшка.

Проколки или сверла — 2 экз. Первый экземпляр изготовлен из сечения крупных пластин и обработан ретушью с острого конца и по двум продольным краям с брюшка (рис. 6, *24*). Второй — из мелкого отщепа, обработан противолежащей ретушью с острого конца (рис. 7, *25*). Такие изделия исследователи рассматривают, обычно, как орудия, связанные с производством каменных, в частности бирюзовых бус [54, с. 129].

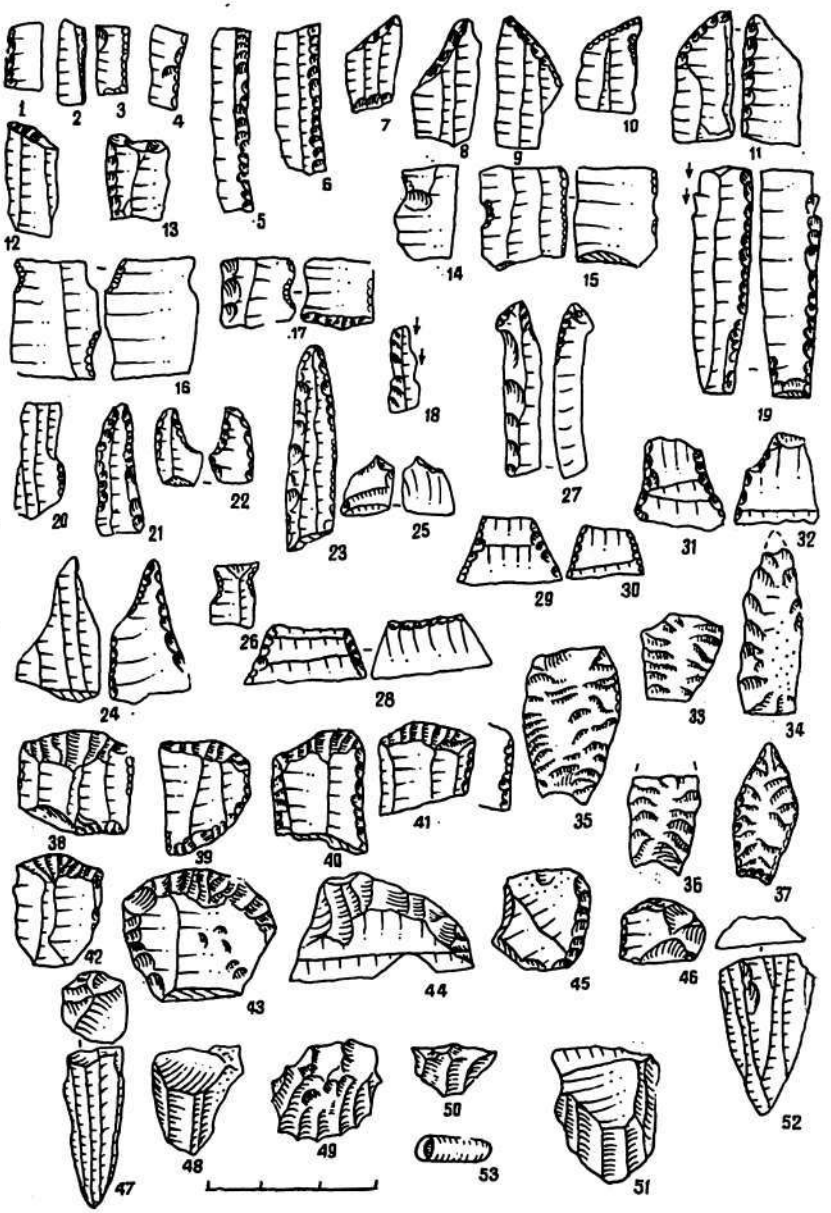
Наиболее интересными находками являются трапеции — 2 экз. Одна из них асимметричной формы, один боковой край чуть скошен, другой — слегка вогнут. Длина нижнего основания трапеций 1,6 см, высота 1,5 см, длина верхнего основания — 1 см (рис. 7, *31*). Вторая трапеция имеет симметричную форму. Боковые края подтесанные. Ретушью обработано основание со спинки. Длина основания — 1,5 см, высота — 1,7 см, длина верхнего края — 0,6 см (рис. 7, *32*). Среди орудий большую группу составляют концевые скребки с дугообразным и чуть скошенным рабочим краем — 16 экз. Дополнительно ретушированы продольные края со спинки, реже с брюшка. Среди них имеются боковые скребки из пластинчатых отщепов, у которых ретушированы оба боковых края со спинки. Скребки на отщепах сравнительно немногочисленны — 3 экз. Они округлой формы с высоким рабочим лезвием. Наконечники стрел с усеченным прямым основанием двусторонне обработанные — 2 экз. (рис. 7, *33, 34*). В коллекции имеется единственный наконечник стрелы кельтеминарского типа (рис. 7, *27*) и 1 экз. пронизки из раковины Dentalium (рис. 7, *53*).

Стоянка Актобе-2 расположена в 3 км к северо-западу от стоянки Актобе-1. Это такой же, как вышеописанный, но меньших размеров бугор площадью 35×20 м.

В составе коллекции с данного местонахождения отбросы производства: отщепы — 246 экз., отщепы с ретушью — 4 экз., ножевидные пластины без ретуши — 153 экз. Нуклеусы — 8 экз., в основном бесформенные. Среди них 1 экз. конической формы со следами снятия микропластин.

Изделия со вторичной обработкой представлены ножевидными пластинами с ретушью — 61 экз. (со спинки — 33, с брюшка — 19, противолежащей — 9), пластинами с неглубокими ретушированными выемками с брюшка — 3 экз., пластинами с резцовыми сколами на углу, так называемые угловые резцы — 3 экз., пластиной со скошенным концом (ретушь со спинки) и ретушью по одному из боковых краев с брюшка — 1 экз. (рис. 7, *11*), пластинами с притупленной спинкой — 4 экз., с притупленной спинкой и прямосрезанным концом — 1 экз.

Проколка или сверло изготовлено из правильных удлиненных пластин путем обработки продольных краев ретушью — 1 экз. (рис. 7, *23*).

Небольшое количество среди орудий составляют концевые скребки и на отщепах. Концевые скребки изготовлены на сечении пластин и имеют дугообразный и чуть скошенный рабочий край — 16 экз. Некоторые из них ретушированы по продольному краю с брюшка. Скребки на отщепах — 5 экз. Из них 3 экз. полукруглой, овальной формы с крутой ретушью по рабочему лезвию, а остальные — обломки. Наконечники стрел листовидной формы с выемчатым и усеченным основанием двусторонне обработанные — 5 экз. Остальные — обломки, первоначальные формы которых восстановить трудно (3 экз.). Отметим, что некоторые наконечники стрел дополнительно отретушированы по боковым краям (рис. 7, *36, 37*). В коллекции имеется 1 экз. пронизки из раковин Dentalium.

Стоянка Косхатын находится в 18 км к югу от колодца Косбулак на восточном краю песков Картпайкум. Это большой и высокий бугор, вытянутый с запада на восток. Находки сконцентрированы на небольшой площадке (15×20 м) наверху бугра. Материал с этого пункта немногочислен, но, тем не менее, не лишен интереса. Подавляющую массу находок, как в предыдущих пунктах, составляют очень мелкие отщепы и чешуйки — 211 экз. Микропластины без ретуши — 71 экз., обломки нуклеусов — 2 экз. Орудия со вторичной обработкой представлены ножевидными пластинами с ретушью — 15 экз. (со спинки — 9, с брюшка — 4, противолежащей — 2), пластинками со скошенным концом — 4 экз., скошенный конец и боковые края обработаны мелкой ретушью со спинки, с ретушированными неглубокими выемками по одному продольному краю — 1 экз. Резец углового типа сделан из микропластинки с одним резцовым сколом — 1 экз. Пластины с притупленной спинкой — 11 экз. Они сделаны из треугольных в сечении микропластин и обработаны по одной из боковых сторон крутой, почти вертикальной ретушью со спинки (рис. 7, *2—4*). Трапеции симметричной формы — 3 экз. Одна из них удлиненных пропорций с ретушированной выемкой по верхнему краю с брюшка (рис. 7, *28*). Длина основания 2,1 см, высота — 1 см, длина верхнего края — 1,4 см. Вторая трапеция сделана из треугольной в сечении пластины (рис. 7, *29*). Длина основания — 1,6 см, высота — 1,2 см, длина верхнего края — 0,9 см. По верхнему краю и основанию наблюдаются мелкие выщербины, вероятно образовавшиеся в процессе работы. Третья трапеция — из кварцитовой микропластины (рис. 7, *30*). Длина основания — 1,3 см, высота — 0,8 см, длина верхнего края — 0,8 см. Скребки концевого типа — 3 экз. и на отщепах с высоким, полукруглым рабочим краем —

Рис. 7. Стоянки песков Картпайкум. Изделия из кремня. Акчукур-1, 7—9, 13—14, 16—17, 38—40, 42, 52; Косхатын-2 — 4, 10, 15, 28—30, 35; Актобе-1, 5, 12, 18—19, 24—25, 27, 31—34, 53; Актобе-2—6, 11, 23, 36—37, 41, 48—50; Таниберген-22—26; Актайлак-2—44—45; Актайлак-3—46—47.

1 экз. Двусторонне обработанные наконечники стрел — 3 экз. (они все в обломках). Наиболее сохранившийся из них имеет листовидную форму с выемкой в основании. Это наконечник стрелы, найденный на юго-восточном склоне бугра.

Стоянка Таниберген расположена в 20—21 км к югу от стоянки Қосхатын на восточном краю солончака Агыин, на большом увале, чуть выдающемся в солончак.

Обнаруженная здесь небольшая коллекция кремневых находок включает как орудия, так и отщепы — 11 экз., обломки ножевидных пластин без обработки — 7 экз., маленькие односторонние нуклеусы со следами снятия с них микропластин — 3 экз. В состав орудий входят: ножевидные пластины с ретушью — 13 экз. (с брюшка — 5, со спинки — 4, противолежащей — 4 экз.). Проколка или сверло изготовлено из треугольной в сечении пластины — 1 экз. Крутой ретушью обработаны острие и боковые края (рис. 7, *22*). Пластинка с небольшими, симметрично расположенными по обоим краям выемками — 1 экз. (рис. 7, *26*). Скребки из крупных сечений пластинчатых отщепов с высоким скошенным рабочим краем — 2 экз.

Стоянка Қосбулак-2. Находки обнаружены на северном склоне бугра. Здесь дополнительно собрано 30 кремневых предметов, в том числе мелких отщепов, обломков и чешуек — 10 экз., ножевидных пластин без ретуши — 12 экз., сколов с нуклеуса — 2 экз. Ножевидные пластины представлены преимущественно короткими сечениями и с ударными бугорками. Из изделий со вторичной обработкой отметим небольшой концевой скребок с дугообразным рабочим концом — 1 экз. (рис. 5, *25*), обломок двусторонне обработанного наконечника стрелы с округлым основанием — 1 экз. (рис. 5, *27*), обломок ножевидной пластины с небольшими выемками, образованными противолежащей крутой ретушью — 1 экз. (рис. 5, *26*), пластины различного рода с поправкой и ретушью по краям — 3 экз. Одна из них имеет крутую противолежащую ретушь по краям. Кроме изделий из кремня на стоянке найдена раковина Didacna (рис. 5, *28*).

Стоянка Қосбулак-3. Находки собраны по всей площади небольшого овального в плане холма на затакыренной поверхности. Здесь найдено 10 кремневых предметов, в том числе, ножевидных пластин без ретуши — 4 экз., отщепов и обломков без ретуши — 2 экз., ядрище с нуклеуса 1 экз. (рис. 5, *31*), изделий с ретушью — 3 экз. Законченные обработанные орудия представлены микропластинкой со скошенным ретушью концом — 1 экз. (рис. 5, *30*), пластиной с угловым резцовым сколом—1 экз., двусторонне обработанным наконечником стрелы листовидной формы с выемкой в основании — 1 экз. (рис. 5, *29*).

Стоянка Қосбулак-4. Находки обнаружены на плоской вершине высокого песчаного бугра, покрытого растительностью. Здесь собраны

4 предмета: небольшой отщеп без ретуши — 1 экз., ножевидная пластина без ретуши — 1 экз. Изделия с ретушью представлены одним экземпляром концевого нуклевидного скребка на пластинчатом отщепе со скошенным рабочим концом (рис. 5, *34*). Один из боковых краев со спинки обработан ретушью. Отметим также обломок шлифованного каменного изделия треугольной формы со сквозным отверстием в центре — 1 экз. (рис. 5, *33*).

Стоянка Косбулак-5. Находки собраны на вершине и склоне большого песчаного бугра. Это мелкие отщепы и обломки без ретуши — 6 экз., ножевидные пластины без ретуши — 6 экз., односторонний нуклеус — 1 экз., ножевидные пластины с ретушью — 2 экз. (одна из них типологически может рассматриваться как пластинка со скошенным ретушью концом), микроскребок на отщепе округлой формы с круговым высоким лезвием — 1 экз. (рис. 5, *35*).

Стоянка Косбулак-6. Предметы собраны на солончаково-такырной поверхности склонов большого песчаного бугра. Найдены три кремневых изделия: ножевидные пластины с ретушью (одна — с ретушью со спинки, другая — с противолежащей пильчатой ретушью со спинки, третья — с противолежащей ретушью по двум боковым краям) (рис. 5, *37*). Найден также в одном экземпляре скребок концевого типа с дугообразным рабочим концом на пластинчатом отщепе (рис. 5, *38*).

Таким образом, для памятников данного района Устюрта характерен единый сырьевой материал, пластинчатая техника обработки. Заготовками являются ножевидные пластины крупных и средних размеров и микропластины. Это дает право охарактеризовать технику стоянок как пластинчатую, а памятники отнести к микролитической культурной зоне.

В технике оформления применялась мелкая краевая затупливающая, реже заостряющая и противолежащая ретушь.

Сравнительно небольшое количество орудий со вторичной обработкой и подъемный характер материала затрудняют датировку стоянок. Тем не менее некоторое сходство с известными сопредельными культурами позволяет приблизительно определить их возраст. Рассматриваемые находки со стоянок Картпайкум охватывают довольно значительный промежуток времени. Поэтому условно их можно отнести к разным хронологическим группам.

К первой, наиболее ранней группе можно отнести стоянку Актайлак-1, скопление 1. Для нее характерно наличие в материалах значительных серий таких изделий, как трапеции, в том числе «рогатые», пластины с притупленным краем, пластины с ретушью по краям, с прямо срезанным или скошенным концом. Эта стоянка по составу кремневого инвентаря имеет большое сходство с материалами ранненеоли-

тических стоянок Дарьясая — Учащи 131 и др. Отметим, что ранняя в рамках неолита дата комплексов дарьясайского типа подтверждена двумя радиоуглеродными датировками, показавшими, что комплекс находок со стоянки Учащи 131 относится ко времени в пределах первой половины пятого тыс. до н. э. [57, 269].

Учитывая эти и другие признаки, можно предварительно датировать основную массу находок со стоянки Актайлак-1 этим же временем. Не исключено, однако, что описываемые материалы относятся и к более раннему времени — к 6 тыс. до н. э.

Ко второй группе можно отнести стоянки Акчукур, Актобе-1, Актайлак-1, скопление 5, где большинство орудий сделано из ножевидных пластин. В числе их пластины с притупленными краями или, как еще их называют, пластины с притупленной спинкой, пластины со скошенным концом, которые исследователями рассматриваются как остроконечные орудия [103, с. 120], пластины с неглубокими выемками, проколки или сверла, резцы на углу сломанной пластины. Орудия труда геометрических форм представлены трапециями. Они, как правило, симметричной формы с ретушированными микровыемками по верхнему краю с брюшка, аналогичны трапециям со стоянки Бешбулак-15 во внутренних Кызылкумах [228, с. 16, рис. 13] и Шулкум-1 в Северо-Восточном Приаралье [53, с. 88, рис. 22]. Следует отметить единичные трапеции симметричной формы без выемки по верхнему краю, слегка асимметричные трапеции, наконечники стрел кельтеминарского типа и двусторонне обработанные наконечники стрел с выемчатым и усеченным основанием. Значительную группу занимают скребки концевые и на отщепах с преобладанием первых. Эта особенность хорошо прослеживается и по материалам устюртских стоянок, открытых нами ранее [33].

Наличие мелкой симметричной трапеции указывает на ранненеолитический возраст этих находок. Большинство других форм не противоречит предлагаемой датировке. Что касается двусторонне обработанных наконечников стрел, то они, как нам кажется, также не случайные в коллекции. Обломки таких наконечников найдены в слое Va Джебела, которые исследователями этого памятника отнесены к раннему неолиту [166, с. 146].

Материалы этих стоянок хорошо сопоставляются с V—VI слоями пещеры Джебел в Прикаспии [166, с. 146], памятниками Западного Казахстана типа Агиспе и Саксаульская-1 [223, с. 50, рис. 15], Шулкум-1 в Северо-Восточном Приаралье [53, с. 88, рис. 2] и стоянкой Бешбулак-15 во внутренних Кызылкумах [228, с. 76, рис. 13]. Все перечисленные памятники определяются обычно как ранний неолит. Видимо, к этому времени можно отнести материалы стоянок Актобе-1 и Косхатын песков Картпайкум. Если говорить об абсолютных датах,

то большую часть этих материалов можно, вероятно, отнести к V тыс. до н. э. Остальные стоянки, видимо, более позднего происхождения. Для них, как и других устюртских стоянок [33, с. 46—57], характерно наличие в инвентаре большого количества скребков, ножевидных пластин с ретушью. В меньшинстве — пластины с притупленным краем. со скошенным концом и с резцовыми сколами, боковыми выемками, наконечники стрел. Все эти орудия имеют широкий хронологический диапазон — от IV до начала II тыс. до н. э. В таких же хронологических рамках можно датировать остальные стоянки песков Картпайкум.

ПАМЯТНИКИ ЧУРУКСКОГО МАССИВА

Урочище Чурук расположено в центре большого песчаного массива, вытянутого в широтном направлении примерно на 120 км [27, с. 100—103].

Неолитические местонахождения [241, с. 473—474], в основном, локализируются по краям Чурукского массива и на отдельных буграх внутри его (рис. 8, II).Топография стоянок вызывает предположения, что здесь в свое время существовала группа озер из дождевых и талых вод, где человек находил кроме питьевой воды также и пищу. При этом отметим, что гидрогеологическая обстановка на плато за 5—6 тыс. лет могла измениться. Могли исчезнуть старые и возникнуть новые источники подземных вод, родники, ключи. Менялся, очевидно, состав и количество солевых примесей, колебался уровень грунтовых вод. Здесь обнаружено 18 стоянок и отдельных находок.

Все стоянки Чурукского массива[1] не имеют культурного слоя и материалы в них подъемного характера [241].

Сырьевой материал для всех стоянок единый. Это обычного «устюртского» типа дымчато-серый, светло-серый или коричневато-серый кремень или окремненная порода. Кроме того, в коллекции некоторых стоянок встречается кремень коричневато-серый с почти непатинизированной поверхностью, а также серый кварцит.

Стоянка Чурук-2 (скопление 1—2) расположена в 5—6 км восточнее колодцев Чурук на небольшом песчаном увале, растянувшемся по краю массива на 1,5 км. По всей его площади собрано 209 экз. расщепленных и обработанных кремней. Из них 37 экз. имеют вторичную обработку, а остальные — отбросы производства: отщепы — 116 экз., ножевидные пластины без ретуши — 44 экз., нуклеусы — 2 экз. По-

[1] Материалы Чурукского массива просмотрены автором в трассологической лаборатория Ленинградского отделения Института археологии АН СССР под руководством Г. Ф. Коробковой. Результаты этих исследований будут опубликованы отдельно. Здесь приведены только предварительные определения некоторых орудий.

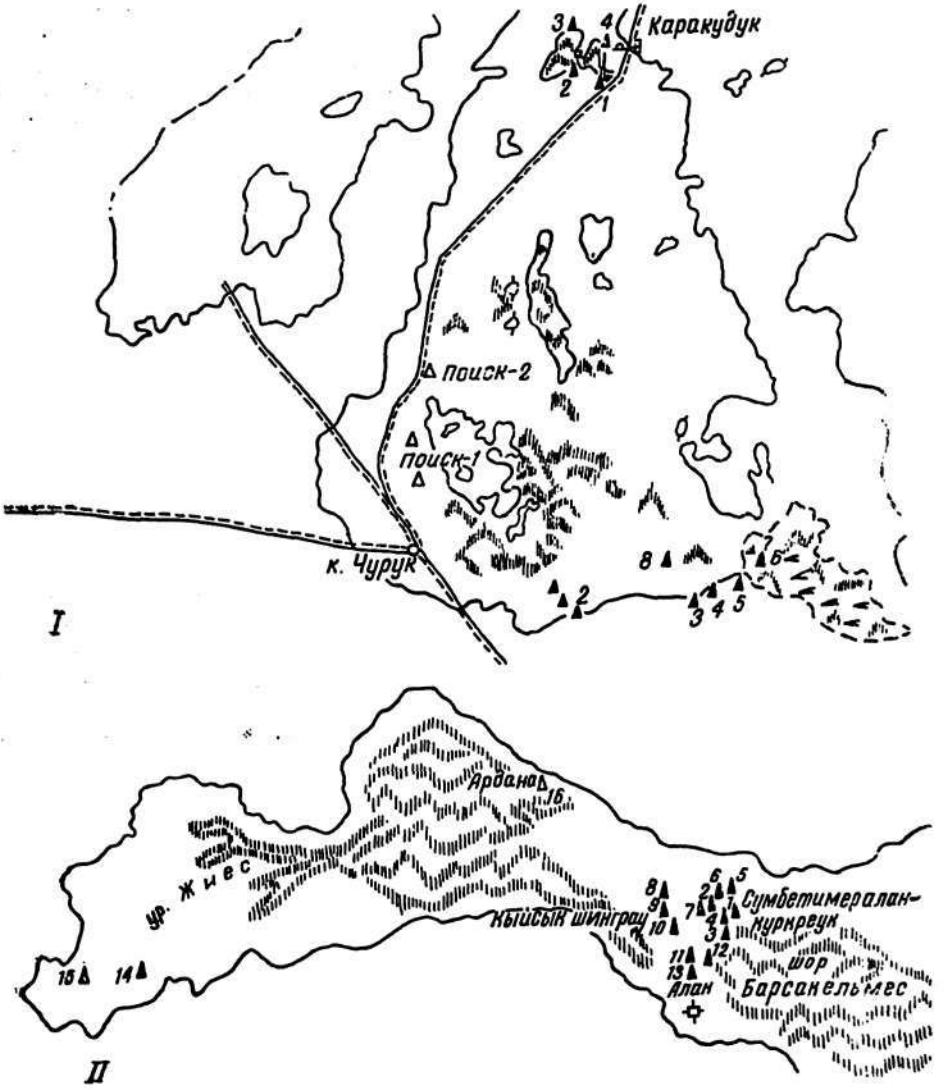

Рис. 8. Схема расположения неолитических стоянок Чурукского массива, урочища Каракудук (I) и неолитических стоянок Аланского массива (II).

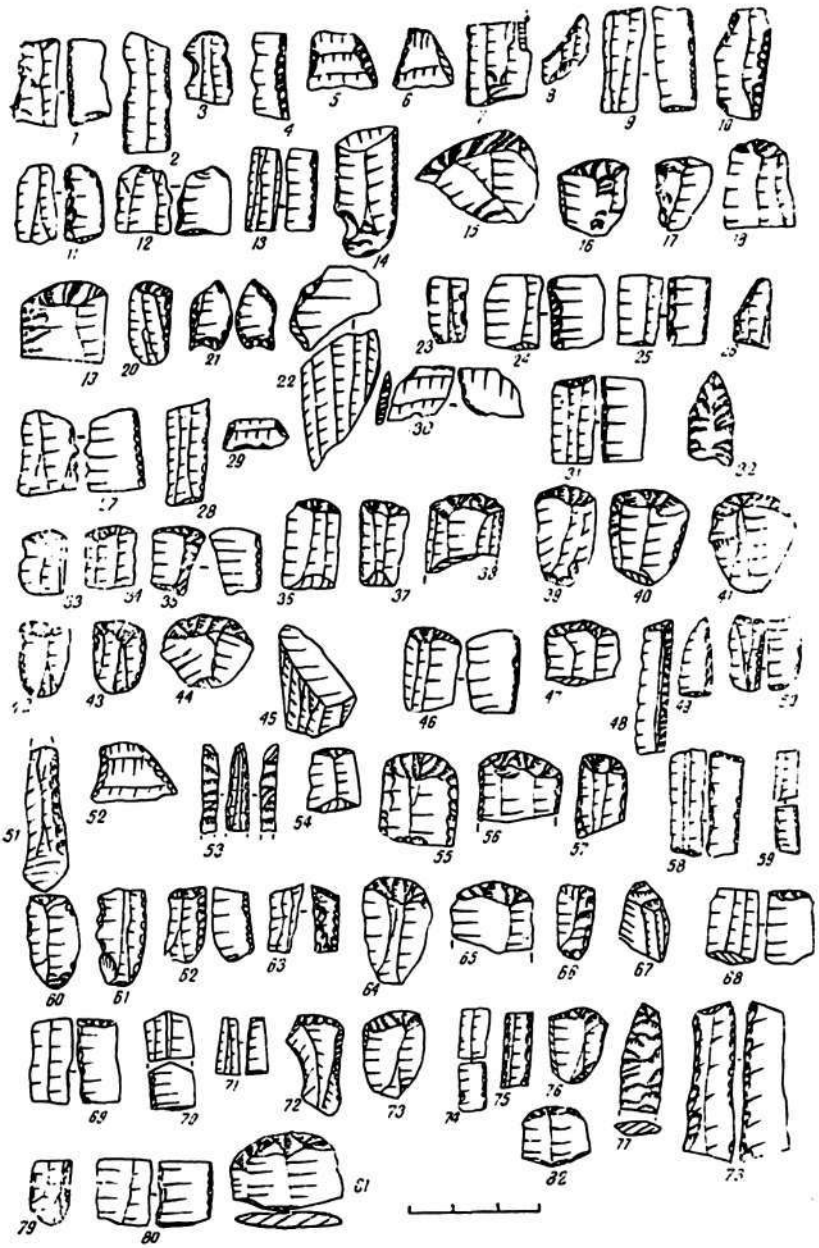
следние представлены обломками конусовидного нуклеуса со следами снятий пластин и микропластин по всему периметру (рис. 9, *22*). Большую часть находок составили вкладыши ножей — 29 экз. Они сделаны из крупных и средних пластин с мелкой ретушью со стороны спинки, реже с брюшка. Среди них следует особо отметить вкладыши ножей со скошенным верхним краем (рис. 9, *1*). Мелкой заостряющей ретушью обработан один из боковых краев с брюшка. Имеются вкладыши на микропластинках с притупленным краем, оформленным мелкой ретушью со стороны спинки (рис. 9, *24*).

Скребки представлены концевыми типами — 7 экз. и на отщепах— 5 экз. Первые сделаны на обломках крупных и средних пластин с высокими, выпуклыми, слегка скошенными и прямыми рабочими лезвиями, оформленными мелко затупливающей ретушью (рис. 9, *16—20*). У некоторых из них боковые края также оформлены мелкой заостряющей ретушью со спинки. Скребки на отщепах сделаны на мелких снятиях, они имеют крутые и высокие лезвия, отделанные ретушью со стороны спинки (дл. 1,3—1,4 см, высота 1,1—1,4 см) (рис. 9, *20*).

Наконечники стрел двусторонне обработанные с мелкой заостряющей ретушью представлены двумя экземплярами, они миниатюрных размеров (дл. 1,6—2,3 см, ширина 1,1—1,2 см), листовидной формы, с выемками в основании (рис. 9, *21*).

Стоянка Чурук-2 (скопление 3). Здесь собран 581 экз. кремневых предметов. Из них изделий со вторичной обработкой — 118 экз. Остальные: отщепы — 461 экз., пластины без обработки — 4 экз., обломок конусовидного нуклеуса с односторонним торцовым скалыванием и галечной коркой на противоположной плоской стороне — 1 экз. (рис. 9, *45*), мелкий отщеп четырехугольной формы с мелкой ретушью с брюшка и с одного бокового края — 1 экз. Из орудий большую группу составляют вкладыши ножей — 44 экз. Среди них вкладыши на средних пластинах со скошенным верхним концом с мелкой ретушью по одному боковому краю с брюшка (9, *31*). Верхний конец этих орудий также оформлен мелкой ретушью со спинки. Имеются вкладыши на микропластинках со скошенным верхним концом и притупленным краем (рис. 9, *26*).

В меньшем количестве представлены скребки (концевые — 35 экз., на отщепах — 7 экз., микроскребки — 7 экз.). Концевые скребки изготовлены на обломках призматических пластинок с выпуклым, полукруглым и слегка скошенным концевым лезвием, оформленным мелкой ретушью со спинки (рис. 9, *33—38*). У некоторых боковые края оформлены мелкой ретушью. Среди них есть скребок на массивном нуклевидном обломке сегментовидной формы с очень высоким, крутым, выпуклым рабочим лезвием, отделанным с одной стороны крупной ретушью (рис. 9, *35*).

Скребки на отщепах сделаны из мелких отщепов концевой формы с выпуклыми, скошенными, прямыми и высокими круговыми лезвиями, отделанными со спинки заостряющей ретушью (рис. 9, *44*). Микроскребки на обломках средних пластин концевой формы с выпуклым и слегка скошенным концевыми лезвиями, оформленными мелкой ретушью (рис. 9, *33, 42, 43*). Отметим также микроскребки на мельчайших отщепах округлой, подквадратной формы с круговыми и боковыми прямыми лезвиями. Из других орудий отметим резцы углового типа (3 экз.). Один из них изготовлен на отщепе подчетырехугольной формы. Лезвие сформировано с одной стороны вертикальным плоским сколом, а с другой — широкими тройными косыми параллельными сколами (рис. 9, *7*). Два других — на углу сломанных пластин. Лезвие резца образовано мелким узким вертикальным боковым сколом. Трапеции — 2 экз. Одна симметричной формы, удлиненных пропорций, миниатюрных очертаний. Боковые края оформлены мелкой ретушью со спинки. Длина — 1,4 см, высота — 0,7 см (рис. 9, *5, 29*). Другая — асимметричной формы на сечении средних пластин с ретушированными выемками по верхнему краю с брюшка, так называемая «рогатая». Боковые края отделаны мелкой ретушью со спинки. Длина— 1,3 см, высота — 0,9 см. Параллелограмм на сечении средних пластин (1 экз.) с параллельными боковыми краями. Длина — 1,3 см, высота — 1,1 см (рис. 9, *30*). Сверло на средних пластинах (1 экз.) с симметричным острием, кончик которого обломан. Острие образовано с помощью боковых выемок, отделано мелкой ретушью со спинки. Поэтому острие имеет обработку только с одного края (рис. 9). Двусторонне обработанный наконечник стрелы (1 экз.) листовидной формы с выемками в основании (рис. 9, *32*). Пластины с выемками (9 экз.) на крупных (3), средних (5 экз.) сечениях и микропластина (1 экз.) с мелкой ретушью по боковому краю со спинки, реже с брюшка (рис. 8). Пластинка с зубчатым боковым краем. Зубчики мелкие, выемки между ними глубокие. Оформлены противолежащей ретушью — 1 экз. (рис. 9, *23, 24*). Ножевидная пластина с нерегулярной ретушью — 1 экз.

Стоянка Чурук-3 (скопление 1) расположена в 4—5 км к востоку от стоянки Чурук-2. Это оплывший небольшой бугор на краю массива. Собранная коллекция состоит из 31 предмета, в том числе изделий со вторичной обработкой 8 экз., отщепов — 17 экз., пластин без ретуши — 10 экз. Изделия со вторичной обработкой представлены скребками концевого типа с выпуклыми и концевыми лезвиями — 3 экз.,

Рис. 9. Чурукский массив. Изделия из кремня. Чурук-2, скопление 1—2, 1—22; Чурук-2, скопление 3,23—45; Чурук-3, скопление 1,46—47; Чурук-3, скопление 2,48—57; Чурук-4, 58—67; Чурук-5, скопление 1, 68—73; Чурук-5, скопление 2, 74—77; Чурук-6, 78—82.

оформленными мелкой ретушью со спинки. У некоторых из них боковые края также оформлены мелкой ретушью (рис. 9, *46, 47*). Резчик на углу сломанных крупных пластин с лезвиеобразным мелким коротким вертикальным сколом — 1 экз.

Стоянка Чурук-3 (скопление 2) находится по соседству со скоплением 1. Это такой же, как и вышеописанный, небольшой (ширина около 100 м), невысокий (1,0—1,5 м) оплывший бугор на краю массива. Здесь собрана небольшая коллекция кремневых изделий, насчитывающая 84 предмета. Отщепы — 42 экз., ножевидные пластины без ретуши — 18 экз. В состав орудий входят вкладыши ножей — 11 экз. Среди них имеются вкладыши на микропластине со скошенным верхним концом и притупленным краем, оформленным мелкой ретушью со спинки (рис. 9, *48*). Скребки (концевые — 8 и на отщепах — 1 экз.). Концевые скребки имеют выпуклый скошенный рабочий край. Боковые края некоторых из них оформлены мелкой ретушью со спинки, в одном случае мелкой противолежащей ретушью (рис. 9, *54—57*). Микроскребок на мелких отщепах (1 экз.) подчетырехугольной формы с одним боковым лезвием с мелкой ретушью (рис. 9, *54*). Пластина (скобель) — 1 экз., с боковым лезвием с мелкой ретушью (рис. 9, *51*). Сверло (1 экз.) в виде стержня, на массивной микропластине с крутой ретушью по боковым краям со спинки (рис. 9, 53). Проколка (1 экз.) на средней пластине с притупленным краем, оформленной со спинки мелкой крутой ретушью. Острие асимметричной формы, слегка выкрошено (рис. 9, *49*). Трапеция (1экз.) асимметричной формы высокой укороченной пропорции с одним вогнутым боковым и другим скошенным краями, оформленными мелкой ретушью со спинки (рис. 9, *52*).

Стоянка Чурук-4 расположена в 1 км к востоку от стоянки Чурук-3. Это большой (100—150 м) оплывший бугор на краю массива. Местонахождение имеет характер крайне разреженной россыпи, растянувшейся по всей площади бугра. Здесь собрано 102 кремневых изделия. Из них со вторичной обработкой — 14 экз. Большей частью это отщепы — 81 экз., есть нуклевидные сколы — 2 экз., вкладыши ножей— 12 экз. без ретуши. Орудия представлены скребками концевыми — 4 экз. с выпуклыми скошенными концевыми лезвиями, отделанными мелкой заостряющей ретушью по боковому краю (рис. 9, *64, 65*), микроскребком округлой формы (1 экз.) с круговым лезвием, оформленным противолежащей ретушью, пластинами (скобели) — 2 экз. со слегка выемчатыми боковыми лезвиями, оформленными мелкой ретушью со спинки и с брюшка (рис. 9, *61*).

Стоянка Чурук-5 (скопление 1, 2) находится в 800—1000 м к востоку от стоянки Чурук-4. Находки сконцентрированы на склонах двух бугров, похожих друг на друга. Поэтому нами выделено два скопления, которые будут рассматриваться каждое в отдельности.

Скопление 1. Материал собран на северном склоне бугра. Здесь обнаружено 145 предметов, из них: изделия со вторичной обработкой — 12 экз.; отщепы — 89 экз.; сколы нуклеуса — 2 экз.; ножевидные пластины без ретуши — 35 экз. Орудия представлены вкладышами ножей — 14 экз. (среди них отметим вкладыши на микропластинке со скошенным верхним концом — 12 экз. и средние пластины — 2 экз. со слегка вогнутым верхним краем, отделанным мелкой ретушью с брюшка, это так называемая пластинка с притупленным концом) (рис. 9, *71*); пластинами со слегка выемчатыми лезвиями с мелкой ретушью (2 экз.) по боковому краю (рис. 9, *69*); микроскребком с концевым скошенным лезвием с мелкой ретушью со спинки — 1 экз. (рис. 9, *72*).

Скопление 2. Коллекция насчитывает 39 кремневых предметов. Из них отщепы — 13 экз., ножевидные пластины без ретуши — 6 экз., обломки нуклеуса — 2 экз. Орудий сравнительно мало. Это скребки (концевые — 3 и на отщепах — 3 экз.) и вкладыши ножей — 8 экз. с мелкой ретушью либо по одному краю, либо по двум краям с брюшка, реже со спинки (рис. 9, *74, 75*).

Пластины (скобели) со слегка выемчатыми боковыми лезвиями, боковые края которых обработаны мелкой ретушью — 2 экз. Обломок пластины с зубчатой ретушью по двум боковым краям — 1 экз., обломок двустороннего наконечника стрелы иволистной формы (рис. 9, 77).

Стоянка Чурук-6 расположена в 12—14 км к востоку от колодцев Чурук. Здесь массив разорван плоским, широким до 2 км понижением. В восточной части массива наблюдается пологий подъем. На его краю обнаружено разреженное скопление кремневых изделий. Собрано 78 предметов. Из них отщепы — 37 экз., ножевидные пластины без ретуши — 22 экз. Орудия: пластины (скобели) с двумя слегка выемчатыми рабочими лезвиями, ретушированными мелкой ретушью со спинки — 4 экз. (рис. 9, *78*). Вкладыши ножей — 10 экз., из которых 5 экз. без ретуши, а остальные 5 экз. с ретушью со спинки, реже с брюшка (рис. 9, *80*). Скребки концевые — 3 экз. с выпуклыми скошенными концевыми лезвиями. Один из них имеет ретушь по двум боковым краям. Резец на углу крупной сломанной пластины с одним лезвием, образованным короткими вертикальными боковыми сторонами и сломанной частью без ретуши (рис. 9, *81, 82*). Микропластина с пильчатой ретушью по боковым краям — 1 экз.

Стоянка Чурук-7 находится в 500—600 м к северу от местонахождения Чурук-6 на длинном, плоском, выступающем к западу бугре. Находки сконцентрированы на его северо-западном склоне. В отличие от вышеописанных местонахождений здесь набор орудий сравнительно богаче и разнообразнее. В коллекции насчитывается 313 пред-

метов: отщепы — 169 экз., пластины без ретуши — 75 экз., нуклевидный осколок кремня — 1 экз. Орудия: вкладыши ножей с двумя лезвиями — 12 экз., из них 2 экз. — с одним скошенным ретушированным концом; 4 экз. — с мелкой ретушью по краям, а остальные 6 экз.— без ретуши (рис. 10, *8*). Вкладыши ножей с одним лезвием 5 экз.: с притупленной ретушью по боковым краям со спинки — 1 экз. (рис. 10, *7*); 1 экз. по одному краю с брюшка с мелкой ретушью; остальные 3 экз. — без ретуши.

Пластины (скобели) с мелковыемчатой ретушью по одному (5 экз.) и двум (4 экз.) боковым краям со спинки, реже с брюшка (рис. 10, *1*). Имеются пластины со скошенным концом и притупленным краем, 29 экз. концевых скребков с выпуклыми скошенными лезвиями. Некоторые из них — с ретушью по боковым краям (рис. 10, *14—21*). Скребки на мелких отщепах полукруглой формы, оформленные мелкой ретушью со спинки — 8 экз. (рис. 10, *22—23*). Сверло в виде стержня с симметричным острием, оформленным по краям противолежащей мелкой ретушью, — 1 экз. (рис. 10, *11*). Трапеция (1 экз.) асимметричной формы, удлиненных пропорций с одним сильно вытянутым углом основания (рис. 10, *12*). Резчик (1 экз.) на углу сломанной пластины с одним лезвием, образованным вертикальным сколом (рис. 10, *9, 10*). Наконечник стрелы (1 экз.) кельтеминарского типа (рис. 10, *13*). Обломок подвески из раковины Didacna (1 экз.) с просверленным с двух сторон отверстием в центре (рис. 10, *24*).

Стоянка Чурук-8 расположена в 8 км к востоку от колодцев Чурук на возвышении (до 3—5 м над окружающей местностью) размером 400×600 м. Находки в основном сконцентрированы на вершине и северном склоне холма. Это местонахождение намного богаче других стоянок Чурукского массива и насчитывает 637 предметов, в том числе изделий со вторичной обработкой — 97 экз.; отщепов — 386 экз., из них с ретушью — 2 экз.; ножевидные пластины без ретуши — 120 экз., осколки нуклеуса — 6 экз. Изделия со вторичной обработкой: скребки концевые (30 экз.) с выпуклым, скошенным и дугообразным концевыми лезвиями и ретушированными боковыми краями (рис. 10, *49—58*). Среди них следует особо отметить скребки на средних пластинах со скошенным верхним концом и притупленным краем, отделанные мелкой ретушью. Скребки на средних (1 экз.) и мелких (10 экз.) отщепах с концевыми-боковыми лезвиями, отделанными мелкой ретушью со спинки (рис. 10, *59—60*). Микроскребки на мелких отщепах (3 экз.) округлой и подчетырехугольной формы с круговыми лезвиями, отделанными мелкой ретушью со спинки, реже с брюшка. Вкладыши ножей: с одним и двумя лезвиями (26 экз.), с ретушью (23 экз.) и без ретуши (3 экз.). Пластины (скобели) — 10 экз. со

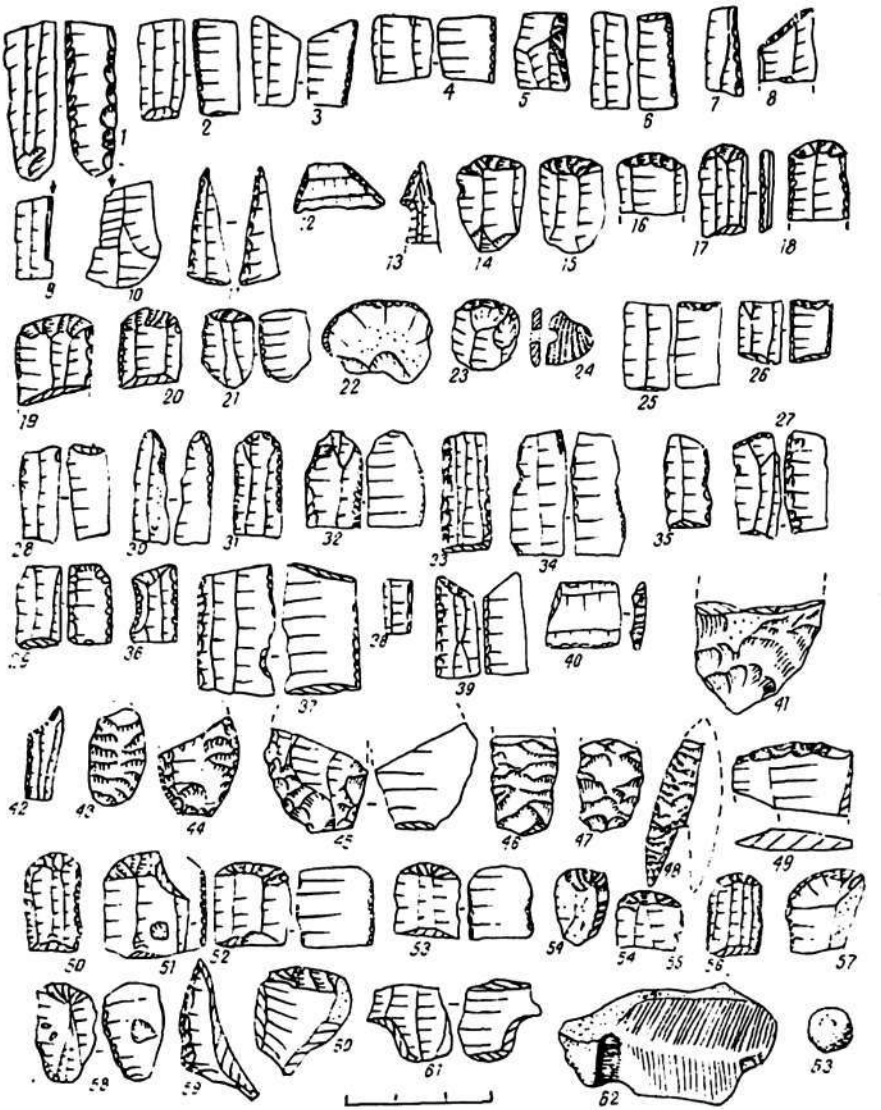

Рис. 10. Чурукский массив. Изделия из кремня. Чурук-7 — 1—24; Чурук-8 — 25—62.

слегка выемчатыми ретушированными (8 экз.) и без ретуши (2 экз.) боковыми краями (рис. 10, *34—35*). Проколка на мелком отщепе подчетырехугольной формы со специально выделенным боковым жальцем — 1 экз. Она отделана с брюшка ретушью. Сверло (1 экз.) на средней пластине с асимметричным острием, расположенным на ударной площадке. Развертка (1 экз.) на пластине с симметричным округлым рабочим концом, расположенным на ударной площадке. Обломки пластин (пилка — 1 экз.) с двумя зубчатыми лезвиями, с угловым резцовым сколом — 1 экз. Наконечники стрел, двусторонне обработанные (7 экз.): из них 5 экз. — в обломках, наконечник миндалевидной формы (1 экз.) с усеченным основанием (рис. 10, *44—45*), наконечник иволистной формы (1 экз.) с удлиненными боковыми шипами (рис. 10, *43*). Наконечники дротиков или копий (2 экз.), один из них в обломках, другой — подтреугольной формы с прямым основанием, отделаны по трем краям двусторонней краевой ретушью (рис. 10, *41*). Отметим также заготовку орудия — бифас со следами двусторонней обработки (1 экз.). Наряду с кремневыми материалами на стоянке найдена небольшая коллекция украшений. Они представлены пронизками из трубочек Dentalium — 14 экз., двумя окатанными камнями и обломком абразива. Последний имеет 2 желобка, расположенных параллельно на одной поверхности.

Стоянка Чурук-9 расположена в 4 км к северу от колодцев Чурук на отдельно стоящем большом бугре с несколькими слабо выраженными вершинами. Находки обнаружены в верхней части бугра. Всего в данном пункте найдено 159 предметов, в том числе изделия со вторичной обработкой — 33 экз., отщепы — 77 экз., ножевидные пластины без ретуши — 48 экз., отломок нуклеуса — 1 экз. Изделия со вторичной обработкой: вкладыши ножей с одним (3 экз.) и двумя лезвиями (9 экз.). Один из них имеет притупленный край с мелкой противолежащей ретушью (рис. 11, *3*). Пластины (скобели) со слегка выемчатыми лезвиями 3 экз., с ретушью (1 экз.) и без ретуши (2 экз.). Концевые скребки (14 экз.) с выпуклыми дугообразными или скошенными концевыми лезвиями, ретушированными боковыми краями (рис. 9, *5, 9*). Скребки на среднем (1 экз.) и мелком (1 экз.) отщепах. Первый из них с округлым лезвием, ретушированном со спинки крупной ретушью по круговому краю, за исключением нижней обломанной части, второй — с боковым лезвием без ретуши. Резцы (2 экз.) типа сломанной на углу пластины, боковые края их отделаны со спинки мелкой ретушью (рис. 11, *4*).

Чурук (поиск-1) — произведен в 1,5—2 км к северу от колодцев Чурук на крайней гряде массива, протянувшейся в меридиональном направлении. Находки малочисленны, рассеянного характера. Всего собрано 12 предметов. Это отщепы — 6 экз., ножевидная пластина

без ретуши — 1 экз., вкладыш ножа — 1 экз., пластина (скобель) — 1 экз. Скребок концевой с концевым выпуклым рабочим лезвием, крутой ретушью со спинки — 1 экз., по боковому краю он отделан ретушью со спинки (рис. 11, *13*). Скребок на мелком отщепе (1 экз.) подчетырехугольной формы с прямым концевым лезвием, отделанным с брюшка мелкой ретушью. Двусторонне обработанный наконечник стрелы (1 экз.) ромбовидной формы с двумя симметрично расположенными шипами в основании (рис. 11, *14*).

Чурук (поиск-2) — произведен в 4 км к северу от поиска-1, на большом оплывшем бугре. Собрано 23 предмета. Отщепы без ретуши — 16 экз., пластины без ретуши — 3 экз. Изделия со вторичной обработкой: вкладыши ножей с двумя рабочими лезвиями — 3 экз. Из них: 2 экз. без ретуши, 1 экз. с ретушью по одному краю с брюшка. Скребок на отщепе (1 экз.) подчетырехугольной формы, отделанный по боковым краям мелкой ретушью со спинки.

Чурук (поиск-3) — произведен на большом такыре, находящемся в 12 км к западу от колодцев Чурук. Такыр вытянут в меридиональном направлении на 5—6 км и в широтном — на 2,5—2,6 км, представляет собой днище огромной плоской бессточной котловины, берега которой интенсивно перерабатываются дождевыми, талыми водами. На выносах делювия были обнаружены очень редкие находки кремневых изделий. Они состоят из 8 предметов: отщепы — 5 экз., вкладыши ножей с двумя лезвиями без ретуши — 2 экз., скребок концевого типа с одним концевым выпуклым лезвием с ретушью со спинки — 1 экз. (рис. 11, *15*).

Стоянка Каракудук-1 расположена на южной стороне небольшой котловины. Находки сконцентрированы на ограниченном участке размером 50—80 м. Коллекция насчитывает 52 предмета: отщепы — 19 экз., обломки средних пластин и микропластин без ретуши — 25 экз.; вкладыши ножей — 3 экз.; обломок крупной пластины (скобель) — 1 экз., с двумя слегка выемчатыми лезвиями без ретуши; скребки концевого типа (4 экз.) с дугообразным выпуклым лезвием. На двух скребках боковые края отделаны мелкой ретушью (рис. *11, 19*).

Стоянка Каракудук-2 находится в 500—600 м к западу от стоянки Каракудук-1. Это небольшой (30×40 м) оплывший бугор на краю котловины. Коллекция насчитывает 16 предметов, из них: отщепы — 3 экз., обломки ножевидных пластин без ретуши — 5 экз., обломок нуклеуса — 1 экз., обломки пластин (скобелей) — 2 экз. с двумя выемчатыми рабочими лезвиями. Одна пластина оформлена противолежащей мелкой ретушью со спинки, другая без ретуши (рис. 11, *20*). Скребки концевого типа с выпуклым концевым лезвием (3 экз.), отделанным со спинки мелкой ретушью (рис. 11). Скребок на отщепах— 1 экз.

Стоянка Каракудук-3 расположена в 1,5—2 км к северу от стоянки Каракудук-2 на северо-западном краю котловины. Сборы проводились по склонам бугра на площади 30×50 м. Кремневые находки немногочисленны, всего 15 предметов: отщепы — 5 экз., обломки сред-

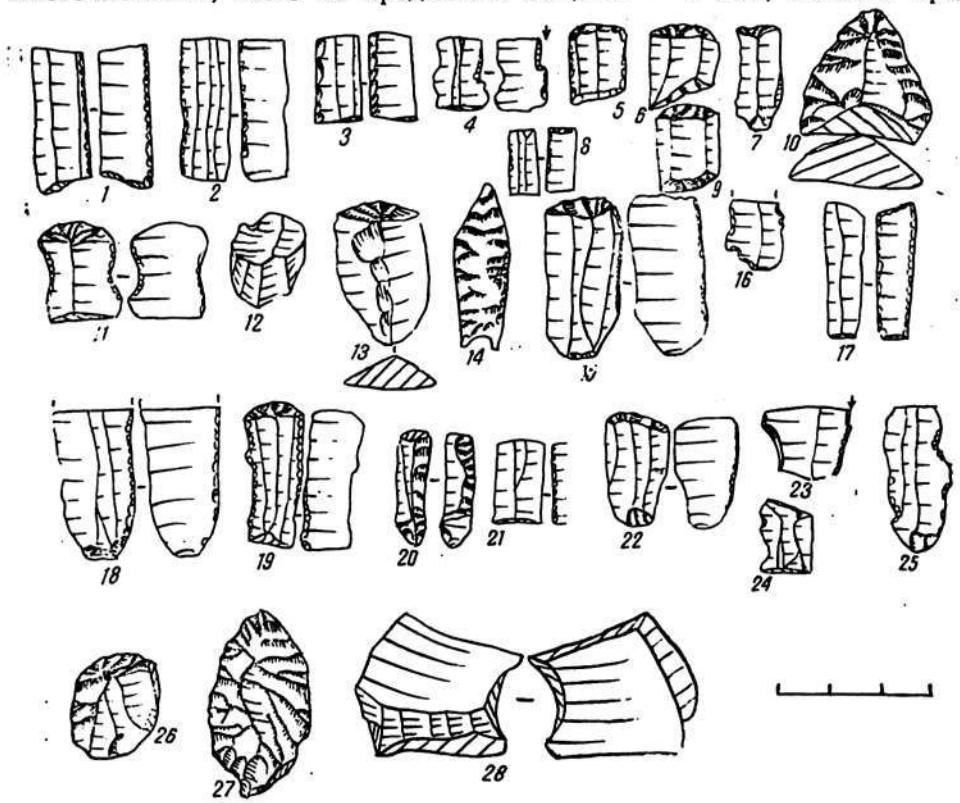

Рис. 11. Чурукский массив и урочище Каракудук. Изделия из кремня. Чурук-9—1—12; Чурук, поиск 1—13—14; Чурук, поиск 3—15; Каракудук-1—16—19; Каракудук-2—20; Каракудук-3—21—22; Каракудук-4—23—28.

них пластин без ретуши — 2 экз.; обломок вкладыша ножа с двумя лезвиями без ретуши — 1 экз.; скребки концевого типа (3 экз.) со скошенным концевым выпуклым лезвием, отделанным мелкой ретушью со спинки (рис. 11, *22*). Скребки на мелких отщепах (4 экз.) с концевым выпуклым лезвием, отделанным по боковым краям мелкой ретушью со спинки (рис. 11, *11, 12*).

Стоянка Каракудук-4 находится на северном берегу руслообразного понижения рядом с одноименным курганным могильником. На стоянке собрано 19 кремневых предметов, из них: отщепы — 4 экз.; обломок нуклеуса подчетырехугольной формы со следами снятия с него пластины — 1 экз. (рис. 11, *28*); ножевидные пластины без ретуши — 5 экз.; скобель на средней пластине с двумя выемчатыми лезвиями — 1 экз., ножевидная пластина с мелкой ретушью с брюшка по одному краю — 1 экз.; вкладыши ножей — 5 экз.; двусторонне обработанный наконечник стрелы — 1 экз. со скошенным основанием (рис. 11, *27*); скребок на мелком отщепе (1 экз.) четырехугольной формы с двумя концевыми боковыми лезвиями, отделанный ретушью со спинки (рис. 11, *I, 26*). Обломок резчика (1 экз.) на углу сломанной пластины с ретушью по одному краю со спинки (рис. 11, *28*).

На основании описанных материалов со всех стоянок Чурукского массива следует выделить общие черты, присущие памятникам данного района Устюрта. Для них характерен единый сырьевой материал, пластинчатая техника обработки. Заготовками являются крупные и средние пластины, реже микропластины. В технике оформления применялась мелкая затупливающая, заостряющая и реже противолежащая ретушь. В коллекции значительную часть всех находок (72%) составляют мелкие, малопригодные для дальнейшего исследования отщепы, обломки и чешуйки, являющиеся, по существу, отходами производства. Ножевидные пластины без ретуши составляют 17% всех находок, некоторые из них, возможно, служили вкладышами ножей. Изделия со вторичной обработкой — 26%. Среди орудий 40,1% составляют скребки: концевые — 34,2 и на отщепах — 6,8%. Некоторые концевые скребки отделаны ретушью по боковым краям. Вкладыши ножей — 30,1%. Отметим, что изобилие различного типа вкладышей — одна из характерных черт инвентаря устюртских стоянок. Из остальных орудий следует назвать пластины с выемками, резцы типа сломанной на углу пластины, трапеции симметричной и асимметричной формы. Некоторые из них имеют микровыемки по верхнему основанию («рогатые трапеции»). Единично встречаются наконечники стрел с прямым усеченным и выемчатым основанием, сверла, развертки, проколки.

Рассматриваемый материал охватывает довольно значительный промежуток времени, поэтому условно его можно разделить на две хронологические группы.

К ранней группе (в рамках неолита) можно отнести стоянки Чурук-2, скопления 1, 2, 3; Чурук-3, скопление 2; Чурук-7. Для них характерны большие серии концевых скребков с ретушированными боковыми краями, пластины с выемками и притупленным краем, со скошенным концом, наличие трапеций, единичные сверла или проколки, резцы. В более позднюю группу можно включить остальные местона-

хождения, где концевые скребки встречаются в сочетании со скребками на отщепах, при некотором преобладании первых. Встречаются двусторонне обработанные наконечники стрел, сохраняются пластины с притупленным краем, с выемками, со скошенным концом и резцовыми сколами. Такова в общем виде схема относительной хронологии неолитического материала Чурукского массива, которая имеет сугубо предположительный характер. Об абсолютных датировках чурукских находок, тем более каждой из намечаемых групп, можно также говорить пока только предположительно. Некоторое сходство кремневого материала с другими неолитическими комплексами Средней Азии и Казахстана позволяет приблизительно определить их возраст. Ранние группы стоянок Чурукского массива хорошо сопоставляются с неолитическими комплексами Прикаспия, особенно V—VI слоями Джебела [166, с. 210] и карабогазским комплексом [104, с. 63], что позволяет датировать их тем же временем — VI тыс. до н. э.

Отметим, что в карабогазском комплексе отсутствуют сверла, проколки и наконечники стрел кельтеминарского типа. Последние не характерны и для Устюрта, хотя единично встречаются в отдельных местонахождениях.

Из северных аналогий наиболее близок материал со стоянок типа Агиспе и Саксаульская-1 Западного Казахстана. Почти все из перечисленных выше памятников определяются обычно как ранний неолит (VI—V тыс. до н. э.). Возможно, к этой эпохе можно отнести ранние группы стоянок Чурукского массива.

Материалы стоянок второй группы наиболее близки к кремневым изделиям со стоянок Западного Казахстана, Южного Урала и Нижнего Поволжья [27, с. 103], где также найдены пластины, микропластинки с притупленным краем, со скошенным концом, с резцовыми сколами, двусторонне обработанные наконечники стрел. Эти формы кремневых изделий продолжительное время сохраняются в условиях степной полосы Средней Азии, но не позднее рубежа III—II тыс. до н. э. Что касается некоторых типов двусторонне обработанных наконечников стрел (листовидные, с округлым, усеченным основанием или с легкой полукруглой выемкой в нем), то они могли существовать в III, даже IV тыс. до н. э. Вероятно, этим временем и можно датировать вторую группу стоянок Чурукского массива.

ПАМЯТНИКИ АЛАНСКОГО МАССИВА

В 1973 г. были обследованы западная и северо-западная части впадины Барсакельмес, а также западная и южная части солончака Агыин. Во время этих работ, наряду с другими археологическими па-

мятниками, был обнаружен и исследован ряд новых местонахождений с кремневым инвентарем [240, с. 493—494], (рис. 8, *II*).

Стоянка Сумбетимералан-Куркреук-1 (далее Сумбетимер-1) находится в 4 км к северу от развалин крепости Алан, около большого карстового провала — ана. С восточной стороны к ану подходит длинное руслообразное понижение, на южном склоне которого, в 15—20 м от ана, и располагается стоянка (рис. 8, *II, 1*). Сырьевой материал — темный красновато-коричневый непрозрачный кремень и дымчато-серый «устюртский» кремень. На стоянке собрано 263 предмета. Из них: отщепы — 193 экз., пластины без ретуши — 16 экз. Нуклеусы бесформенные — 5 экз., среди них имеются два двухплощадочных нуклеуса (призматические односторонние) со следами снятия пластин (рис. 12, *13*). Ножевидные пластины с ретушью — 14 экз. (с ретушью со спинки — 7 экз., с брюшка — 6 экз., с противолежащей ретушью — 1 экз.). Пластина со скошенным концом и пильчатыми ретушированными боковыми сторонами — 1 экз. Проколки (или сверла) — 2 экз. У одной из них отретушированы только острие и продольные края со спинки (рис. 12, *3, 4*). Из геометрических форм орудий отметим трапеции (3 экз.) симметричной формы, на отщепах сравнительно крупные. У первой трапеции основание 2 см, высота 2,3 см (рис. 12, *5, 7*). Вторая трапеция высокая, тоже симметричной формы, с выемками по верхнему основанию, «рогатая» (основание — 2,7 см, верхнее основание — 1 см). Третья — на мелком отщепе, по основанию — 1,6 см, по верхнему основанию — 0,8 см, высота — 1 см. Трапеция имеет симметричную форму с выемками на верхнем основании с брюшка. Боковые края обработаны противолежащей ретушью. Скребки на отщепах (16 экз.), в том числе микроскребки (10 экз.) (рис. 12, *9, 10, 11*). Они полукруглой и круглой формы с невысокими рабочими лезвиями. Концевые скребки сравнительно малочисленны (2 экз.). Они выполнены на сечениях микропластин, очень мелкие с дугообразными и прямыми рабочими лезвиями. Двусторонне обработанный наконечник стрелы (1 экз.) листовидной формы с усеченным основанием (остальные в обломках, формы которых восстановить трудно) (рис. 12, *8*).

Следует отметить, что небольшое количество кремневых изделий собрано на насыпи, находящейся рядом с отдельной постройкой Сумбетимералан-Куркреук. Очевидно, находки были перенесены на нее с вышеописанного местонахождения. В составе сборов с отдельной постройки: отщепы — 9 экз., нуклеусы односторонние конические со следами сколов с них пластин (3 экз.), пластины с ретушью — 3 экз., отщепы с нерегулярной краевой ретушью — 3 экз. (рис. 12, *2*), скребок полукруглой формы на тонких отщепах — 1 экз., наконечник стрелы двусторонне обработанный с прямым основанием — 1 экз. (рис. 12, *5*).

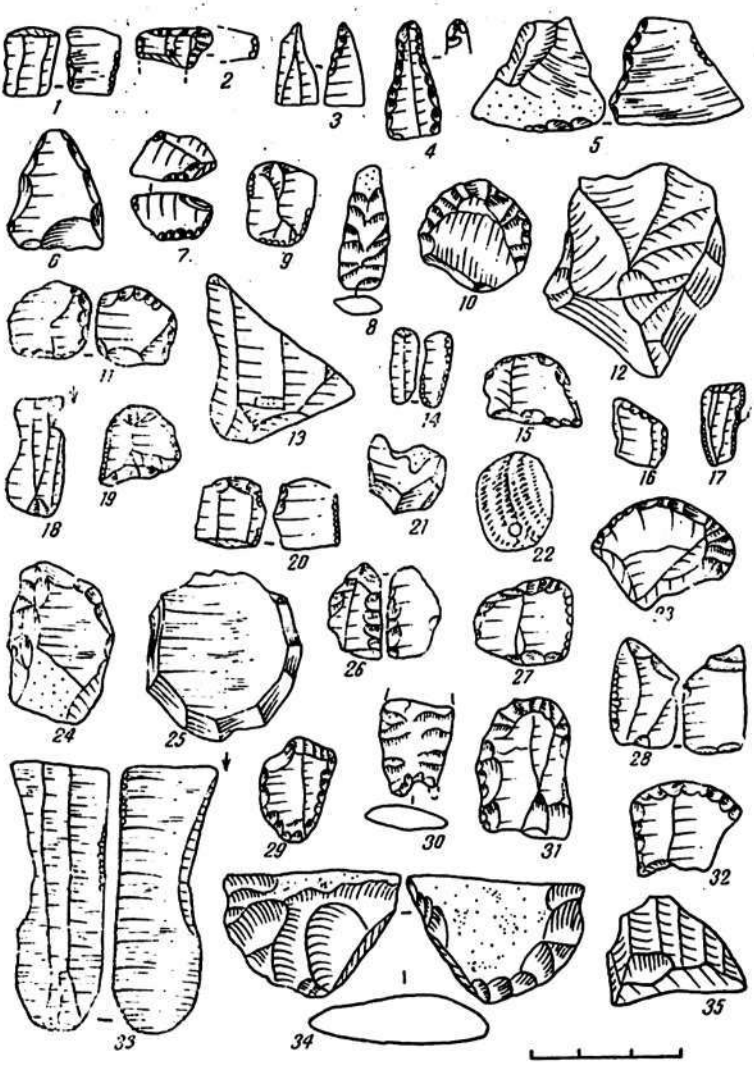

Рис. 12. Аланский массив. Изделия из кремня, Сумбетимер-1—1—13; Сумбетимер-2—14—21; Сумбетимер-3—22—23; Сумбетимер-4—24—35.

Стоянка Сумбетимер-2 расположена в 300—400 м к западу от описанной стоянки, на юго-западном склоне котловины, которая узким понижением связана с аном (рис. 8, *II, 2*). Собрано 228 предметов: отщепы — 121 экз., пластины без ретуши — 82 экз., сколы с нуклеуса— 5 экз. (рис. 12, *21*). Орудия: ножевидные пластины и микропластина с ретушью — 11 экз. (с ретушью со спинки — 8, с брюшка — 2, противолежащей ретушью — 1); пластинка со скошенным концом — 1 экз. (рис. 12, *17*); пластинка с угловым резцовым сколом — 1 экз. (рис. 12, *18*), пластины с притупленным концом с ретушированными боковыми краями, так называемые пластины с прямосрезанным концом — 3 экз. Скребки концевые — 3 экз. (рис. 12, *19—20*). Они имеют дугообразный рабочий край и ретушированные боковые края. У одного из них конец, противоположный рабочему, подтесан, а два других косо срезаны ретушью со спинки (рис. 12, *15*). В коллекции имеется единственный экземпляр бусины из раковины Didacna (рис. 12, *22*).

Стоянка Сумбетимер-3 находится в 300—400 м к югу от Сумбетимер-1, на южном берегу руслообразного понижения, вытянутого в широтном направлении (рис. 8, *II, 3*). К востоку от стоянки оно тянется на 200—250 м и открывается в барсакельмесскую депрессию. К западу понижение выходит к большому провалу — ану. Находки разбросаны на площади 50×30 м, и как отмечено выше, приурочены к склону южного берега этого руслообразного понижения. Здесь собрано 398 предметов. Большей частью это отщепы и отбросы — 390 экз. Остальные находки представлены ножевидными пластинами без ретуши (4 экз.), с ретушью (1 экз.), обломком заготовки для наконечника стрелы (1 экз.), скребками на отщепах с невысоким полукруглым рабочим лезвием (2 экз.) (рис. 12, *23*).

Стоянка Сумбетимер-4 расположена напротив стоянки Сумбетимер-3, на противоположном склоне руслообразного понижения (рис. 8, *II, 4*). Кремневые находки сосредоточены на площадке размером 50×30 м. Здесь собрано большое количество кремней — всего 1794 экз. В основном это отщепы и отбросы — 1728 экз., нуклеусы или сколы с нуклеуса (3 экз.). Два из них односторонние (рис. 12, *35*; 13, *1*), один с круговым огранением (рис. 12, *2, 5*). Пластины без ретуши — 31 экз. Заметим, что правильных пластин, призматических, которые мы часто встречаем на остальных стоянках Устюрта, здесь сравнительно немного. Пластина со скошенным концом (рис. 12, *26—28*) с противолежащей ретушью по боковым краям — 1 экз., крупная пластина с резцовым сколом (рис. 12, *33*), с противолежащей нерегулярной ретушью по боковым краям — 1 экз., скребки концевые — 3 экз., с дугообразным (1 экз.) и скошенными (2 экз.) рабочими лезвиями. Ретушью обработаны боковые края с брюшка (рис. 12, *27, 29, 31, 32*). Скребки на отщепах полукруглой и подтреугольной формы с невысо-

ким рабочим лезвием — 3 экз., микроскребки на отщепах подтреугольной формы — 4 экз. Обломки наконечников стрел — 3 экз., двусторонне обработанные с выемкой в основании — 1 экз. Форму их восстановить трудно. Отметим обломки заготовок для копья или дротиков с краевой двусторонней ретушью из крупных отщепов красновато-коричневого кремня — 12 экз. (рис. 12, *34*).

Стоянка Сумбетимер-5 находится в 350—400 м к северу от стоянки Сумбетимер-1, на мысу меридионального руслообразного понижения (рис. 8, *II, 5*). На юго-востоке оно выходит к барсакельмесской депрессии, а на западе — к северному чинку аланского массива. Кремневые изделия бессистемно разбросаны на площади примерно 70×40 м. Собранная коллекция насчитывает 374 предмета. Из них отщепы—345 экз., крупные куски кремней со следами обработки — 12 экз., заготовки для наконечников копий и дротиков — 6 экз. (рис. 13, *5, 6*), пластины без ретуши — 8 экз., скребки на отщепах с полукруглым рабочим лезвием — 3 экз. (13, *7*).

Стоянка Сумбетимер-6 расположена на северном склоне водосборной системы, аналогичной системе на стоянке Сумбетимер-2. Кремневые находки собраны на небольшой площади примерно 60×40 м. Они (122 предмета) представлены: отщепы — 73 экз.; ножевидные пластины без ретуши — 37 экз.; с ретушью — 8 экз. (с ретушью со спинки — 5, с брюшка — 2, противолежащей — 1); микропластина с притупленной ретушью спинкой — 1 экз. (рис. 13, *9*); проколка с противолежащей ретушью — 1 экз. (рис. 13, *10*). Скребок концевой формы с дугообразным рабочим лезвием с противолежащей ретушью по боковым краям — 1 экз. (рис. 13, *8, 12*). Скребок на отщепе подчетырехугольной формы с невысоким ретушированным рабочим лезвием — 1 экз.

Стоянка Сумбетимер-7 расположена на южном склоне той же водосборной системы, на которой расположена стоянка Сумбетимер-6, у начала узкой горловины, ведущей к ану (рис. 8, *II, 7*). Сбор проведен по склону на площади примерно 50×30 м. Собрано 55 предметов. Это отщепы и отбросы — 44 экз., нуклеусы (односторонние со следами снятия с них микропластин) — 3 экз. (рис. 13, *14*). Ножевидные пластины без ретуши — 7 экз., скребок концевой формы с дугообразным рабочим лезвием — 1 экз. (рис. 13, *13*).

Стоянка Сумбетимер-8 находится в 2—3 км к западу от стоянки Сумбетимер-1 на небольшом отдельно стоящем бугре, вытянутом с востока на запад. Находки, в основном, распространены на северном склоне на площади примерно 15—20 м. Собрано 67 предметов. Отщепы — 31 экз., ножевидные пластины с ретушью — 5 экз., (ретушь со спинки — 4, с брюшка — 1), ножевидные пластины без ретуши — 20 экз., пластина с притупленной спинкой — 1 экз. (рис. 13, *18*). Пластина со

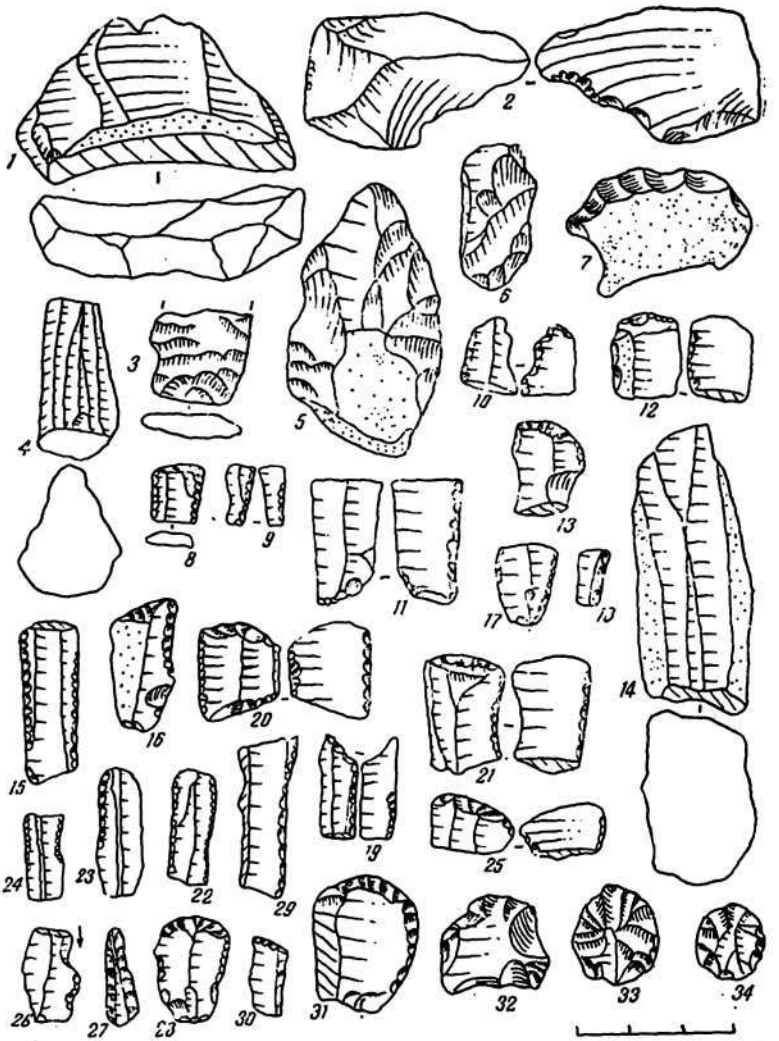

Рис. 13. Аланский массив. Изделия из кремня. Сумбетимер-4—1; Окрестности отдельной постройки Сумбетимералан-Куркреук-2—4; Сумбетимер-5—5—7; Сумбетимер-6—8—12; Сумбетимер-7—13—14; Сумбетимер-8—15—24; Алан-1—25—34.

скошенным концом и притупленной ретушью спинкой, также обработан один из боковых краев с брюшка — 1 экз. (рис. 13, *10*). Концевые скребки с дугообразным рабочим лезвием — 3 экз. (рис. 13, *15, 21*). Два из них с противолежащей ретушью по боковым краям. Среди них интересен один концевой скребок — его рабочий конец дугообразный, а *противоположный — с ретушью со спинки* (рис. 13, *20*).

Стоянка Кыйсыкшинграу-1 расположена в 4 км к западу от одноименного колодца и в 0,5 км к северу от казахского кладбища Кыйсыкшинграу. Местность бугристая, расчлененная многочисленными руслообразными понижениями. На одном из крупных (диаметр 80×60 м, высота 6—8 м) бугров по всей площади плоской вершины отмечены немногочисленные находки кремней — 233 экз. Наибольшая часть их обнаружена в северной части бугра. Более половины находок изготовлены из красновато-серого кремня. Состав коллекции следующий: отщепы — 177 экз., нуклеусы и сколы с них — 4 экз. (рис. 14, 35), отщепы с частичной обработкой — 16 экз. Изделий со вторичной обработкой очень мало. Это пластины с нерегулярной ретушью — 4 экз., скребки на отщепах — 20 экз., в основном, с невысокими полукруглыми лезвиями (рис. 14, 30, *33—34*). Концевые скребки — 3 экз. — со скошенным рабочим лезвием (рис. 14), некоторые из них имеют ретушь по боковым сторонам со спинки. Заготовки для наконечников копий и дротиков двусторонне обработанные — 9 экз.

Стоянка Кыйсыкшинграу-2 расположена в 0,5 км к югу от стоянки Кыйсыкшинграу-1 и в 150—200 м к востоку от курганной группы того же названия (рис. 8, *II, 10*). Стоянка приурочена к руслообразному понижению. Здесь русло круто поворачивает с меридионального на широтное направление и выходит в ан. Поскольку находки локализуются в разных местах, они разделены на два отдельных скопления.

Скопление 1 расположено на северо-восточном склоне излучины руслообразного понижения. Со скопления собрана довольно большая (1270 экз.) коллекция каменных изделий. Подавляющую массу находок составляют отщепы (174 экз.), пластины без ретуши — 9 экз., сколы и нуклеусы с них — 17 экз. Среди последних есть односторонние конические и призматические (рис. 15, *25, 27*) со следами сколов пластин. Обломки пластин с нерегулярной ретушью со спинки, реже с брюшка — 23 экз. Проколки на отщепах (?) с противолежащей ретушью по острию — 1 экз. (рис. 14, *36*). Трапеции крупные, высокие, симметричной формы, сделаны из отщепов — 4 экз. Две из них «рогатые», т. е. с выемками по верхнему краю; одна — с брюшка, другая — со спинки (рис. 15, *4, 5*). Ретушью обработан один из боковых краев с брюшка (1 экз.). Сегменты (рис. 14, *39*) с выемкой по верхнему краю. Один с брюшка и по боковым краям обработан противолежащей ретушью. Двусторонне обработанные наконечники стрел — 16 экз.

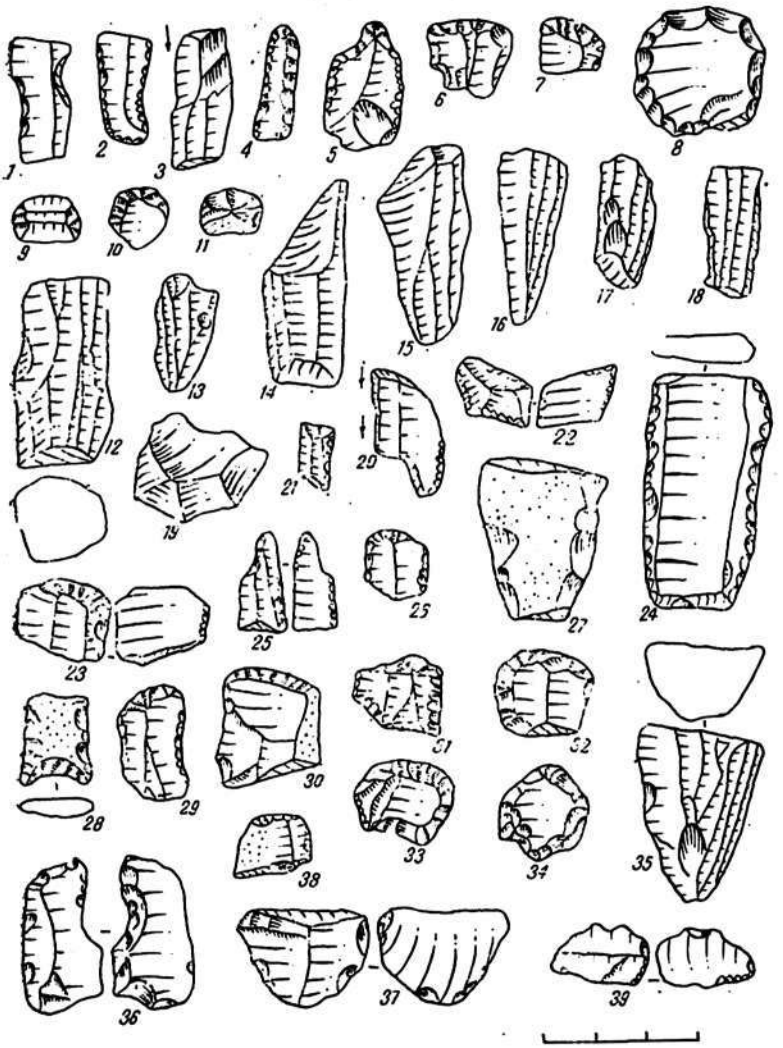

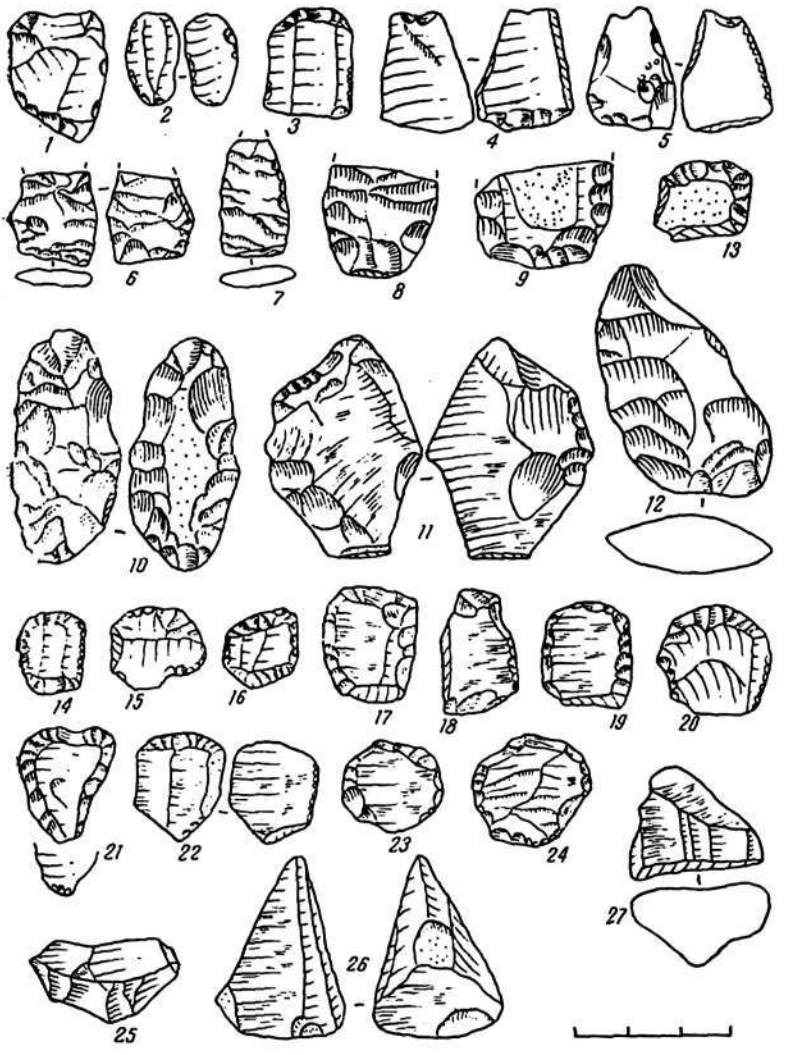
Рис. 14. Аланский массив. Изделия из кремня. Алан-1—1—19; Алан-3—20—23; Отдельные находки между стоянками Алан-1 и Алан-2—24; Кыйсыкшинграу-1—25—35; Кыйсыкшинграу-2, скопление 1—36—39.

с округлым (2 экз.), усеченным (3 экз.) или вымчатым (3 экз.) основанием (рис. 15, *6—8, 10*), остальные обломки (8 экз.) — дротики или копья (4 экз). (рис. 15, *9, 11—12*). Среди них один — с округлым основанием.

Скребки на пластинчатых отщепах с чуть скошенным прямым и V-образным рабочим концом — 22 экз. Некоторые из них обработаны ретушью по одному краю со спинки. Скребки на отщепах подчетырехугольной, подтреугольной и полукруглой формы с невысокими рабочими лезвиями — 75 экз. (рис. 15, *14—24*). Микроскребки на отщепах подчетырехугольной и подтреугольной формы — 17 экз. (рис. 15, *14—16*).

Скопление 2 находится на противоположном склоне руслообразного понижения. Основная масса кремневых предметов (280 экз.) найдена на склоне на расстоянии 300—350 м. Большую часть находок составляют отщепы — 256 экз. Среди них имеются пластины без ретуши — 5 экз. Одна из них односторонней конической формы. Изделия со вторичной обработкой: куски кремней со следами обработки— 10 экз.; пластины с ретушью — 7 экз.; обломок двусторонне обработанного наконечника стрелы — 1 экз. (рис. 11, *78*); проколка на пластине с противолежащей ретушью по боковым краям — 1 экз.

Стоянка Алан-1 находится в 1,5 км к северу от крепости Алан, на западном склоне руслообразного понижения, вытянутого в меридиональном направлении и оканчивающегося затянувшимся аном. Находки приурочены к склону понижения и распространены на площади примерно 40×40 м. Каких-либо локальных скоплений не отмечено. Собранные кремневые находки (801 экз.) представлены отщепами и отбросами производства — 456 экз., пластинами без ретуши — 143 экз., нуклеусами (32 экз.), одноплощадочными (коническими) с заостренным концом — 11 экз., двухплощадочными (призматическими) — 4 экз., ядрищами с нуклеуса аморфными—16 экз. (рис. 14, *12—18*). Изделия со вторичной обработкой: отщеп с краевой нерегулярной с брюшка ретушью подтреугольной формы и отбивными бугорками — 1 экз. Ножевидные пластины с ретушью — 45 экз. (ретушь с брюшка — 40, со спинки — 4, с противолежащей ретушью — 1 экз.). Пластины с притупливающей ретушью на спинке и конце — 8 экз. (рис. 13, *30*), пластины со скошенным концом — 2 экз. (рис. 13, *19*), проколки или сверла на пластинке с ретушью по боковым краям и на острие со спинки — 5 экз. (рис. 13, *27*; 14, *4*) — два из них плечиковые (рис. 14, *5*). Пластины с угловыми резцовыми сколами — 2 экз. (рис. 13, *26*; 14, *3*). Скребки концевые с дугообразным и чуть скошенным рабочим лезвием (22 экз.). Некоторые из них ретушью обработаны по продольному краю со спинки (рис. 13, *25, 28, 31*). Скребки на отщепах с полукруглыми и круговыми лезвиями — 56 экз. (рис. 13,

Фис. 15. Аланский массив. Изделия из кремня. Кыйсыкшинграу-2, скопление 1.

32—34; 14, *6—8).* Значительное место занимают микроскребки, имеющие круговые или почти круговые лезвия, изготовленные из отщепов— 40 экз. Есть микроскребки на пластине с двумя концевыми лезвиями (рис. 14, *9—11).* Среди скребков отметим нуклевидные — 3 экз. с ретушированными боковыми краями со спинки.

Стоянка Алан-2 расположена в 1,5 км к северу от крепости Алан и в 300—350 м к востоку от стоянки Алан-1 (рис. 14, *12).* Здесь проходит край небольшой платообразной возвышенности, который в месте нахождения стоянки круто изгибается и на 20—25 м вдается в плато. В районе этой излучины на плато и склоне отмечены редкие находки кремня 55 экз. Отщепы и отбросы — 49 экз., пластина без ретуши — 1 экз., обломок ядрища с нуклеуса — 1 экз., пластины с ретушью со спинки — 4 экз. Отдельные находки кремневых изделий (3 экз.) обнаружены на территории между стоянками Алан-1 и Алан-2. Это два отщепа и одна крупная плоская ножевидная пластина с притупливающей ретушью по краям и со спинки (рис. 14, *24).*

Стоянка Алан-3 расположена в 1 км к северу от крепости Алан на северном берегу идущего в широтном направлении руслообразного понижения (рис. 8, *II, 13).* Это понижение начинается от ана, сейчас уже сильно заплывшего, и выходит в барсакельмесскую депрессию. На северном склоне понижения вблизи от ана отмечены редкие находки кремневых изделий (40 экз.). Отщепы — 4 экз., ножевидные пластины без ретуши — 17 экз., ребристая пластина — 1 экз., сколы с нуклеуса, до предела использованные, со следами скалывания пластин — 3 экз. (рис. 11, *20).* Орудия: ножевидные пластины с ретушью—7 экз., микропластина со скошенным концом, боковые края отретушированы противолежащей ретушью — 2 экз. Концевые скребки на сечении пластины с дугообразным рабочим лезвием — 5 экз. Некоторые имеют ретушь на одном боковом краю со спинки (рис. 14, *23).* Среди них один экземпляр — со скошенным рабочим концом. Пластины с притупленной спинкой — 2 экз. (рис. 14, 22), пластина с резцовым сколом по одному краю и ретушью со спинки на другом — 1 экз. (рис. 11, *14, 20).*

Частичные находки кремневых изделий отмечены рядом с отдельной постройкой Ардана (рис. 8, *II, 16).* Здесь собраны сравнительно крупные отщепы с ударными бугорками — 2 экз., ножевидные пластины — 4 экз., концевой скребок с дугообразным рабочим лезвием — 1 экз.

Изреженные находки кремневых орудий отмечены в урочище Жиес (рис. 8, *II, 15).* В собранной здесь коллекции имеются отщепы — 9 экз., нуклеусы и сколы с нуклеуса — 8 экз. Среди них есть призматические двухплощадочные. Пластины без ретуши — 3 экз., ножевидные пластины с ретушью 6 экз. (ретушь со спинки — 3, с брюшка — 2, противолежащая ретушь — 1), пластина с резцовыми сколами —

1 экз. Концевой скребок с дугообразным рабочим лезвием и ретушью с брюшка на боковых краях — 1 экз. Скребки на отщепах с полукруглым рабочим лезвием — 3 экз.

Стоянка Жиес-1 находится в 1 км к востоку от колодцев Кызыластау в урочище Жиес (рис. 8, *II, 14*) на невысоком (до 2,5 м высоты) расплывшемся (диаметр около 50 м) глинистом бугре, густо заросшем саксаульником. Кремневые находки (85 экз.) разбросаны по склонам, повышенная их концентрация отмечена в восточной части склона. Это отщепы — 42 экз., нуклеусы — 2 экз.: один одноплощадочный односторонний, другой двухплощадочный призматический со следами скалывания пластин. Ножевидные пластины без ретуши — 29 экз., с ретушью — 10 экз., скребки концевые — 2 экз. с дугообразным рабочим концом. Материал кремневых изделий с местонахождений Аланского массива и урочища Жиес по характеру и расцветке отличается от кремня других районов Устюрта. Около половины орудий изготовлено из красновато-серого непрозрачного кремня, выходы которого известны на Западном чинке Устюрта [58, с. 82—83].

В этом отношении материал Аланского массива близок к узбойскому и некоторым материалам Западного чинка Устюрта. Различия по типологическим и техническим признакам кремневого инвентаря Аланского массива и других районов Устюрта вряд ли могут быть объяснены только хронологической разницей. В аланских материалах заметно сосуществование разных технических традиций в обработке камня, что позволяет выделить их в особую группу памятников неолита Устюрта. Среди изделий мало столь характерных для остальных стоянок Устюрта концевых скребков на сечениях пластин, а многие из орудий изготовлены либо из массивных, неправильно ограненных пластин, либо из отщепов.

Остальные изделия выполнены из обычного для Устюрта дымчато-серого камня.

Стоянки Аланского массива предварительно можно отнести к двум хронологическим группам. К ранней группе — стоянки Сумбетимер-1 и Қыйсыкшинграу-2, скопление 1. Наличие в сборах с этих стоянок крупных симметричных трапеций, в том числе с ретушированными выемками по верхнему основанию с брюшка, как будто указывает на их ранненеолитический возраст. Аналогичные типы трапеций — симметричные и довольно крупные — характерны для ранненеолитических памятников Дарьясая в юго-западных Кызылкумах [57, с. 32, рис. 8]. Однако в отличие от изделий кызылкумских стоянок, здесь выемка всегда выработана ретушью с брюшка. Кроме того, у трапеций со стоянок Аланского массива ретушью обработаны также нижние основания и сделаны они не на пластинах, а на крупных отщепах. Подобные трапеции (по форме) встречаются также в Va слое пещеры Дже-

бел [166, с. 143, рис. 86, *5*] и на стоянках Агиспе, Саксаульская-1, Шулкум-1 в северо-восточном Приаралье. Все они сделаны из ножевидных пластин [223, с. 50, рис. 15, *18—21;* 53, с. 88, рис. 2]. Эти памятники исследователи относят к раннему неолиту. К данной эпохе можно приурочить и материалы со стоянок Сумбетимер-1 и Қыйсыкшинграу-1, скопление 2 Аланского массива. Если говорить об абсолютных датах, то, вероятно, и эти стоянки следует отнести к VI—V тыс. до н. э. Остальные стоянки Аланского массива можно соотнести с многочисленными мелкими стоянками Устюрта, обследованными нами ранее [32]. Хронологический диапазон более поздней группы может быть определен в пределах IV—III тыс. до н. э. и даже начала II тыс. до н. э.

Большая плотность местонахождений Аланского массива свидетельствует о том, что в древности здесь были более благоприятные условия для поселений человека, из которых в первую очередь это объяснялось наличием водных источников. Очевидно, по отмеченным нами руслообразным понижениям периодически происходил сток воды. Не исключено, что в провалах-анах были выходы подземных вод в виде родников. Об этом свидетельствует наличие родника, зафиксированного на топографических картах недавнего прошлого в борту ана, близ которого расположена стоянка Сумбетимер-1.

ПАМЯТНИКИ УРОЧИЩА БАРЛЫБАЙ

Урочище Барлыбай и одноименный солончак расположены к югу от шора Агыин и соединяются с ним довольно узким «проливом» в районе колодца Исатай. Солончак вытянут с востока на запад в меридиональном направлении, площадь около 300 кв. км. По северному краю солончака тянутся песчаные бугры, покрытые солончаковой коркой, где обнаружены основные местонахождения [240, с. 493—494].

Стоянка Келинберди находится на южном краю солончака Барлыбай к западу от одноименного засыпанного колодца на затакыренном солончаке. Кремневые находки зафиксированы на площади примерно 150×200 м.

Коллекция насчитывает 61 кремневый предмет: отщепы — 14 экз., обломки пластин без ретуши — 20 экз., нуклеусы или сколы с них — 7 экз. и т. д.

В качестве сырья использовался обычно «устюртского» типа дымчато-серый кремень или кремневая порода. Техника обработки камня пластинчатая с микролитическими чертами. Характерными заготовками для орудий являлись широкие крупные и средние призматические пластины и микропластины с ретушью как со спинки, так и с брюшка. Редко встречаются изделия с противолежащей ретушью.

В отбросах производства пластин почти нет. Только небольшие отщепы случайных очертаний и чешуйки, малопригодные для дальнейшего использования. Значительную группу составляют ножевидные пластины без ретуши. Некоторые из пластин, обладая острым режущим краем и отбивными бугорками, могли употребляться в качестве вкладышей составного режущего орудия — ножа.

Нуклеусы представлены фрагментами атипичных или аморфных ядрищ со следами скалывания с них пластин и отщепов. Из них только один нуклеус односторонний, клиновидной формы со следами скалывания микропластин (рис. 16, *18, 21*). Около 20 изделий имеют вторичную обработку и относятся к категории орудий. Изделия с ретушью изготовлены в подавляющем большинстве из ножевидных пластин. Среди них отметим группу сечений пластин с различной ретушью по краям — 7 экз., (рис. 16, *3—8*), пластину с резцовыми сколами на углу — 1 экз., скобели со слегка отретушированными выемками — 3 экз. (рис. 16, *11*), притупленной спинкой — 1 экз. и концом — 1 экз. (рис. 16, *10*). Имеется также одна проколка или сверло с противолежащей ретушью (рис. 16, *9*) и двусторонне обработанный наконечник стрелы с намеченным черешком — 1 экз. (длина — 7 см, ширина — 2,5 см) (рис. 16, *17*). Среди орудий обнаружены концевые скребки 3 экз. (рис. 16, *14, 15*) с дугообразными рабочими краями с ретушью по одной из боковых сторон. Скребки на отщепах или пластинчатых отщепах с ретушью по рабочему краю и продольному краю со спинки — 2 экз. (рис. 16, *16*).

Отдельные находки кремневых изделий обнаружены вблизи колодца Жаманаусманкекудук. Здесь найдено три предмета: отщеп с ударным бугорком с краевой ретушью, скребок на отщепе, ядрище от нуклеуса.

Стоянка Исатай-1 расположена на одном из песчаных бугров, окаймляющих солончак Агыин. Бугор, где обнаружены кремневые изделия, сравнительно небольшой, оплывший, вытянут с юга на север. Находки разбросаны по его южному склону. Сборы представлены ножевидными призматическими пластинами без ретуши с ровными краями — 16 экз.

Стоянка Исатай-2 расположена в 0,5 км к юго-востоку от колодца Исатай, на песчаном бугре высотой около 2,5—3 м, вытянутом с востока на запад, на северном краю урочища Барлыбай. К северо-западу от вершины бугра, на площади примерно 40×30 м обнаружены кремневые изделия. Основная масса кремней сконцентрирована на северном склоне.

В коллекции со стоянки насчитывается 124 кремневых изделия. Из них 72 экз. небольших отщепов и обломков без ретуши, 6 экз. пластин с краевой ретушью, 18 экз. сечений ножевидных пластин без ретуш-

ши и 25 экз. предметов со вторичной обработкой. Все изделия выполнены в характерной для Устюрта технической традиции, из того же материала, что и на предыдущих местонахождениях.

Все найденные на стоянке нуклеусы (3 экз.) имеют следы снятия правильно ограненных ножевидных пластин, односторонних, округлой формы (рис. 16, *35, 36*).

Изделия с ретушью, изготовленные в подавляющем большинстве из ножевидных пластин, представлены следующими типами: пластины с различной ретушью по краям — 7 экз. (рис. 16, *19—20*), с притупленной спинкой — 1 экз. (рис. 16, *23, 28*), скобели с выемками — 3 экз. (рис. 16, *24, 26*). Выемки у большинства очень слабо выражены. Пластина крупного сечения с угловым резцовым сколом — 1 экз. (рис. 16, 25), с одной боковой стороны ретушь со спинки. Имеются также так называемые ребристые пластины с ретушью по боковым краям — 2 экз. (рис. 16, *29*). Наиболее выразительную группу составляют концевые скребки (8 экз.) и с выпуклым дугообразным рабочим лезвием (рис. 16, *30—32*). У некоторых боковые края обработаны ретушью с брюшка, а иногда противолежащей ретушью. Наконечники стрел листовидные, двусторонне обработанные, с усеченным прямым основанием (рис. 16, *33—34*), обработаны тщательной отжимной ретушью — 3 экз.

Стоянка Исатай-3 находится в 2—3 км к западу от местонахождения Исатай-2 на высоком (до 3 м) большом песчаном бугре, на вершине которого находится казахское кладбище. Основные находки расположены на небольшой площадке 20×30 м на северо-западном склоне бугра. Кремневый инвентарь на этой стоянке имеет своеобразные черты, выделяющие ее среди других местонахождений данного района.

Сырьевой материал изделий по характеру расцветки несколько отличается от большинства остальных местонахождений Центрального Устюрта: больше половины орудий изготовлено из красновато-коричневого непрозрачного кремня, который близок к материалу Западного чинка Устюрта [58, с. 78; 58; 59] и Узбоя [92, с. 259—310]. Остальные изделия изготовлены из обычного для Устюрта дымчато-серого кремня. Большая часть их покрыта белесой патиной. Здесь собрана большая коллекция кремневых изделий, насчитывающая свыше 948 предметов: отщепы — 671 экз., отщеп с ретушью — 1 экз., пластины без ретуши — 154 экз., нуклеусы — 12 экз. В отбросах производства пластин почти нет, только отщепы неправильных очертаний и чешуйки, малопригодные для дальнейшего использования.

Орудия труда составляют небольшой процент и сделаны в основном из светло-серого «устюртского», а частично из красновато-коричневого кремня. Основную массу орудий составляют, как и на других

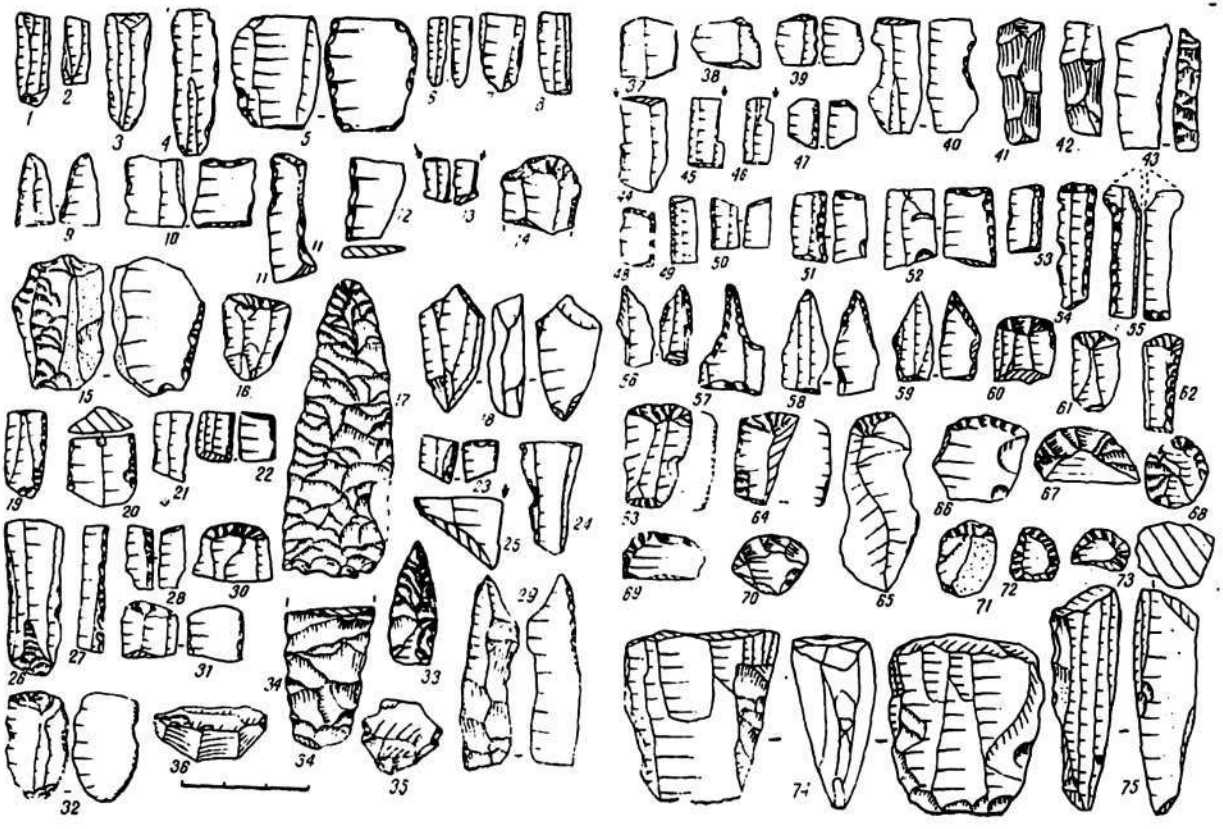

Рис. 16. Урочище Барлыбай. Изделия из кремня. Келинберди—1—18; Исатай—19—75.

стоянках Устюрта, скребки — 57 экз., концевые скребки — 11 экз. и на отщепах — 43 экз., округлые и полукруглые, с высоким рабочим краем (рис. 16, *24, 30, 33*). Имеются микроскребки на отщепах (3 экз.), треугольного и округлого очертаний (рис. 16, *36—37*). Концевые скребки дугообразные с чуть скошенным рабочим концом (рис. 16, *20—26, 28*), некоторые из них с ретушью по одному из боковых краев (рис. 16, *28*). Концевым скребком могла быть пластина с притупленным краем (рис. 16, *26*). Имеются двойные скребки с противолежащей ретушью по боковым краям (рис. 16, *27, 28*). Есть скребки на пластинчатых отщепах (рис. 16, *29*) с дугообразным рабочим краем.

Значительную серию составляют ножевидные пластины с ретушью— 10 экз. (рис. 16, *2, 1*)—и вкладыши из сечений крупных пластин и микропластин с затупленной ретушью по краям—7 экз. (рис. 16, *7*), пластины со скошенным концом—12 экз. (рис. 16, *12—17*), с угловыми резцовыми сколами — 7 экз. (рис. 16, *8—10*), скобель с ретушированными неглубокими выемками — 1 экз. (рис. 16, *4*). Среди орудий из пластин можно отметить так называемые ребристые пластины из красновато-коричневого кремня — 7 экз. (рис. 16, *5, 6*), проколки или сверла — 7 экз. (рис. 16, *20—23*). Среди последних имеется великолепно сохранившееся плечиковое сверло из крупной пластины. У него ретуширован не только рабочий конец, а также черешок со спинки (рис. 16, *21*). Остальные проколки с острием треугольной формы с ретушью с брюшка. Наконец отметим обломки наконечников стрел кельтеминарского типа (?) — 3 экз. (рис. 16, *20*). Один из них изготовлен на пластине с притупленной спинкой, а два других, возможно, являются проколками или сверлами. Нуклеусы представлены, в основном, обломками. Среди них имеются нуклеусы клиновидные в сечении со следами скалывания пластин (рис. 16, *38*) и односторонние конической формы (рис. 16, *39*), с негативами скалывания пластиночек. Из отдельных находок в этом районе можно отметить местонахождение Бекмурат. Это большой бугор, расположенный на западном краю солончака Агыин. Находки представлены одним экземпляром отщепа и одной пластиной со скошенным концом.

Индустрия рассмотренных местонахождений на Устюрте очень сходна между собой, за исключением стоянки Исатай-3, которая отличается от остальных устюртских стоянок характером изготовления кремневых изделий. В этом отношении она очень близка к стоянкам Аланского массива. Остальные местонахождения можно объединить в одну группу или единый культурно-хронологический комплекс. Для них, как и для других стоянок Устюрта, характерно одинаковое сырье, пластинчатая техника обработки, разнохарактерная ретушь со стороны спинки и брюшка, а также противолежащая ретушь. Основными типами орудий являются скребки концевые и на отщепах. Количественное

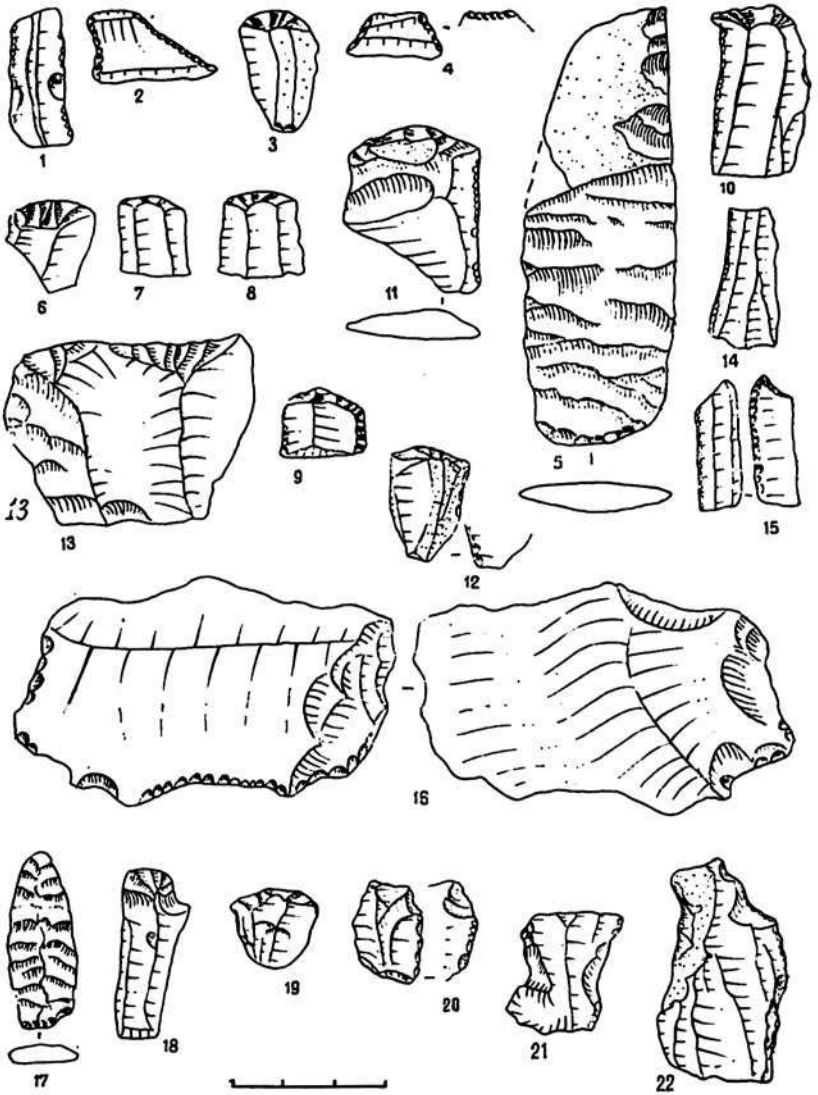

Рис. 17. Восточный чинк Устюрта. Изделия из кремня. Сулама—1—15; Судочье—16—17; Урга—18; Актумсук—19—21.

соотношение орудий этих двух типов на разных стоянках различно. Отметим, что некоторые из концевых скребков обработаны ретушью по бокам, что характерно для всего плато [174, с. 63, рис. 18].

Из остальных изделий назовем пластины с притупленным краем и концом, проколки или сверла, резцы углового типа, скобели, двусторонне обработанные наконечники стрел с усеченным основанием.

Отмеченные формы кремневых изделий в условиях степной полосы Средней Азии и Казахстана сохраняются довольно длительное время, но не позднее рубежа III и II тыс. до н. э.

Кремневые изделия рассмотренных стоянок близки к индустрии западноказахстанского неолита [223, с. 49—58] и ранее обнаруженных стоянок Устюрта [33, с. 69—70]. Это сходство выражается в широком использовании изделий из пластин и микропластин с притупленным краем, в технических приемах оформления скребков, в наличии единичных резцов, проколок или сверл в формах нуклеусов.

На основании сравниваемых материалов кремневую индустрию стоянок урочища Барлыбай предварительно можно датировать IV—III тыс. до н. э.

ОТДЕЛЬНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБЪЕКТЫ И НАХОДКИ

Местонахождение Есен-1 (рис. 18) расположено на хребте Есен в районе колодцев Итбай, на западном краю впадины Барсакельмес [240, с. 493—494]. Оно представляет собой естественные обнажения кремневой породы и огромные россыпи кремневых отщепов вокруг них.

На местонахождении Есен-1 при кратковременном обследовании в 1973 г. не было обнаружено находок с бесспорными следами искусственной обработки. Однако сходство есенского кремня с материалом некоторых стоянок аланского массива позволяет высказать предположение о том, что это местонахождение было источником получения кремня неолитическими обитателями Устюрта.

Восточный чинк. При раскопках кургана № 2 курганного могильника Каскажол найдены украшения из раковин Dentalium и двусторонне обработанные кварцитовые наконечники стрел неолитического возраста[2].

На территории курганной группы Судочье найден один скребок на пластинчатом отщепе с прямым рабочим концом, ретушированным по одному продольному краю со спинки.

Караумбет. На территории средневекового городища того же названия найден 1 экз. ножевидной пластинки с краевой ретушью со спинки.

---

[2] Указанный комплекс обнаружен в кургане, поэтому его описание см. в главе III.

Урга. Находки сделаны около башни и кургана № 3, расположенного на небольшом естественном бугре. Собраны один отщеп из темно-красного кремня без следов обработки и один двусторонне обработанный наконечник стрелы листовидной формы с округлым основанием из серовато-коричневого кремня (рис. 17, *17*), выходы которого имеются на Западном чинке Устюрта [33, с. 82].

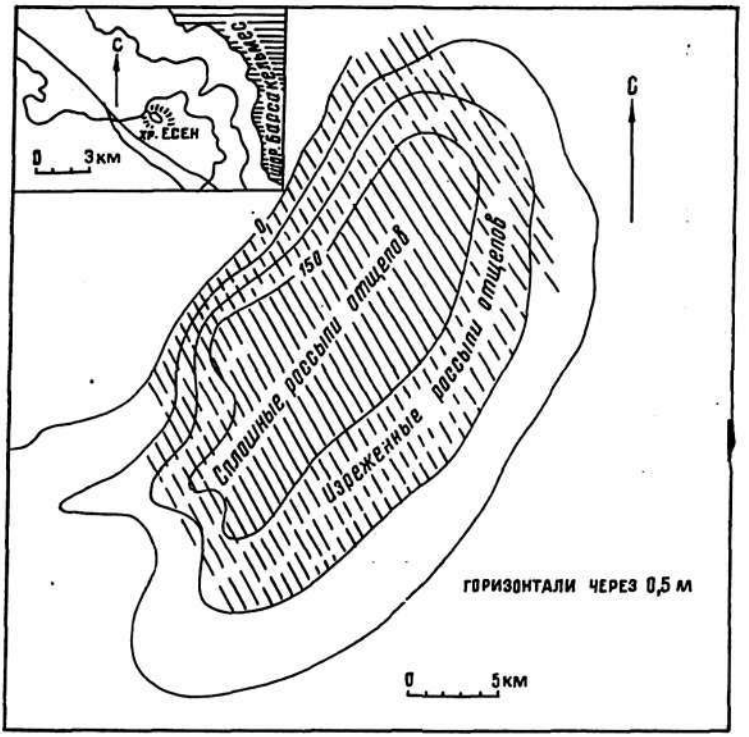

Рис. 18. Схематический план месторождения кремня Есен-1.

Аджибай. В 2 км к югу от одноименного средневекового караван-сарая найден сильно окатанный обломок серовато-коричневого кремня, происходящего, вероятно, с местонахождения Есен-1.

Курганча. Отдельные находки сделаны на территории средневекового городища Курганча и около могильника того же времени. Отметим небольшой скребок концевого — бокового типа с чуть скошенным рабочим концом, его боковые края обработаны противолежащей ретушью и 1 экз. ножевидной пластины с ретушью со спинки.

Актумсук. На насыпи кургана № 2 найден скребок концевого типа со скошенным рабочим краем (рис. 17, *19*).

Сулама. В районе одноименного курганного могильника отмечены редкие находки кремневых изделий. У чинка обнаружены скребок концевого типа с немного скошенным рабочим лезвием (рис. 17), трапеция асимметричной формы из крупной трапециевидной в сечении пластины (рис. 17, 2). Длина основания — 2,4 см, высота — 1,5 см, длина верхнего края — 1 см. Один боковой край скошен, а другой вогнут. Боковые края тщательно отретушированы со стороны спинки. Распространено мнение, что такие трапеции могли использовать в качестве наконечников стрел для охоты на мелкую дичь [166, 198, рис. 4, 6].

Изреженное скопление кремневых орудий и фрагментов керамики обнаружено на склоне чинка восточнее курганной группы. Здесь на площади 300×100 м вместе с кремневым инвентарем собрана и керамика.

Керамическая коллекция содержит как обломки красноглиняных гончарных и лепных сосудов, так и фрагментов первобытной керамики, в том числе орнаментированной. Последняя представлена мелкими обломками с орнаментом в виде параллельных насечек. Кремневые находки насчитывают 44 предмета: ножевидные пластины без ретуши — 8 экз., с ретушью — 3 экз.; отщепы и отбросы — 23 экз. Из орудий отметим трапецию симметричной формы с ретушированной выемкой по верхнему краю с брюшка. Боковые края отретушированы со спинки (рис. 17, *4*). Длина основания — 1,9 см, высота — 0,9 см, длина верхнего края — 0,9 см. Концевые скребки с чуть скошенным и дугообразным рабочим лезвием — *7* экз. (рис. 17, *6—10*). Ретушью дополнительно обработаны боковые края со спинки. Среди них скребок из крупного пластинчатого отщепа с дугообразным рабочим лезвием, ретушированы также боковые края со спинки (рис. 17, *11*), крупный скребок на отщепе подчетырехугольной формы (рис. 17, *13*). Из этого комплекса выпадает крупный, двусторонне обработанный дротик или копье из кварцита (рис. 17, *5*), относящийся к более позднему времени. И, наконец, отметим необработанный кусок кварцита, найденный недалеко от этого пункта.

Дуана. На территории курганного комплекса того же названия найден 1 экз. ножевидной пластины трапециевидной в сечении, ретушированной по обоим краям со спинки (рис. 17, *1*).

«Стреловидная планировка № 2», находящаяся в 6,5 км к северо-западу от Дуаны. Около нее собрано небольшое количество кремневых изделий: ножевидная пластина из кремня темно-оливкового цвета с симметрично расположенной ретушированной неглубокой выемкой со спинки; скребок на отщепе с полукруглым рабочим лезвием

из кремня «устюртского» типа; скребок нуклевидный со скошенным рабочим краем, его боковые края дополнительно обработаны со спинки. Изделие выполнено из шиферно-сланцевоцветного кремня.

Типологический анализ материалов с Восточного чинка Устюрта показывает, что в инвентаре имеются разновременные находки. Самый ранний (с местонахождения Сулама) определяется наличием трапеции асимметричной и симметричной формы. Асимметричной формы трапеция находит аналогии в комплексах Прикаспия, которые датируются исследователями примерно VI—V тыс. до н. э. [104, с. 63]. Симметричная трапеция так же находит многочисленные аналогии в материалах V, Va, VI слоев пещеры Джебел [166, с. 210], в кремневом инвентаре Джейтуна [138, с. 62, 63], во внутренних Кызылкумах [56, с. 76, рис. 13, *26, 27*] и в северо-восточном Приаралье [53, с. 88, рис. 2, 3].

Все перечисленные выше памятники демонстрируют финальный этап бытования симметричных трапеций небольших размеров. Что касается остальных отдельных находок, то они, как и находки с других мелких стоянок Устюрта, относятся к эпохе позднего неолита.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ, КУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ И ХОЗЯЙСТВА НЕОЛИТИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ УСТЮРТА

Одним из наиболее сложных и почти не разработанных вопросов является установление хронологии неолитических памятников Средней Азии и Устюрта в частности[3]. За последние десять лет с Устюрта получен новый значительный по объему и важный в научном отношении материал эпохи неолита. В настоящее время можно попытаться, пользуясь типологическим методом и учитывая некоторое сходство устюртских находок с другими неолитическими комплексами Средней Азии и Казахстана, установить уже на новом этапе изучения в общем виде хронологию неолита Устюрта.

Рассматриваемые в настоящей работе материалы разделены на три этапа (табл.): первый этап — конец мезолита — начало неолита; второй этап — неолит; третий этап — поздний неолит — энеолит.

Намеченная хронологическая шкала охватывает довольно значительный промежуток времени и имеет сугубо предположительный характер. Вкратце охарактеризуем особенности материальной культуры каждого из выделенных этапов.

Первый этап. Охарактеризовать в целом материал этого этапа трудно, так как лишь несколько коллекций были выделены из общей массы находок с разных пунктов как наиболее ранние.

[3] Попытки хронологического расчленения неолитических стоянок Устюрта уже предпринимались [49, с. 70].

В основу анализа материалов первого этапа были положены некоторые общеизвестные и достаточно твердо установленные данные об эволюции кремневого инвентаря неолитических памятников пустынных районов Средней Азии.

Таблица

Периодизация неолита Устюрта

Этап	Дата	Стоянки и пункты		
		внутренние р-ны	Западный чink	Восточный чink
Третий этап—поздний неолит-энеолит	IV—III, начало II тыс. до н. э.	Сам-1—4 (А. А. Формозов, Е. Бижанов); Булак-1—6; Косбулак-1—7; Белеули-1—2; (Е. Бижанов, А. В. Виноградов) Актайлак-2—3; Актобе-2; Акчукур; Таниберген, Исатай-1—3; Келинберди; Сумбетимер-2—8; Кыйсыкшинграу-1; Кыйсыкшинграу-2, ск. 2; Алан-1—4; Жиес-1; Чурук-1; Чурук-3, ск. 1; Чурук-4—8; Каракудук-1—4; (Е. Бижанов)	Демпе-1—7, Кендерли-1—3; Казахлы, Чагала, Утебай-1—3; Карын-Жарык (А. В. Виноградов, В. В. Шолохов); Акбулак, Мертвый Култук, Бесшимрау, Когусем-1-2; Кендерли (Г. Праслов, Н. З. Настюков)	Актумсук, Курганча, Аджибай, Урга, Судочье, Караумбет, Пулжай (Е. Бижанов); Могильник Каскажол, курган №-2, погребение 1
Второй этап-конец раннего неолита—развитой неолит	IV—V. начало IV тыс. до н. э.	Актайлак-1, ск. 4—5; Косхатын; Чурук-2, ск. 3; Сумбетимер-1; Кыйсыкшинграу-2. ск. 1; Сулама (Е. Бижанов)	Дахлы (А. В. Виноградов), Сайутес (Н. Д. Праслов, Н. З. Настюков)	
Первый этап-ранний неолит, возможно, конец мезолита	VI тыс. до н. э., начало-половина V тыс. до н. э.	Актайлак-1, ск. 1; Актобе-2. Чурук-2, ск. 1—2; Чурук-7; Сулама (Е. Бижанов)		Сулама (Е. Бижанов)

Одно из наиболее существенных для нас наблюдений касается хронологической последовательности бытования трапеций — асимметричных и симметричных. По материалам пещеры Джебел [166, с. 197] было установлено, что период бытования мелкой симметричной трапеции следует за периодом, для которого характерны асимметричные трапеции.

Позднее это наблюдение было подтверждено новыми материалами из Джейтуна [138, с. 64]. Отмеченную хронологическую последовательность бытования двух этих типов трапеций подтверждают материалы с Устюрта. Эти изделия как бы определяют характер ранненеолитических и поздненеолитических памятников Устюрта. Отметим возможность взаимодействия на Устюрте двух или более мезолитических культурных традиций. Одна из них проявляется в материалах со стоянок Актайлак-1, Сумбетимер-1, Қыйсыкшинграу-2, скопление 1, где имеются трапеции с симметричными выемками по верхнему основанию («рогатые»). Другая — в материалах стоянок, где найдены асимметричные трапеции иной ранненеолитической традиции, близкой к культуре Прикаспия и Южного Приуралья. Некоторые из стоянок раннего этапа (Актайлак-1, скопление 1; Сулама и др.) отчетливо демонстрируют обе эти технические традиции, видимо, близкие между собой. В ряде случаев можно заметить преобладание прикаспийской традиции (Актобе-1; Чурук-2, скопление 1—2; Чурук-3, скопление 2; Чурук-7; Сулама), в других случаях, наоборот (Актайлак-1, Акчукур и др.).

Учитывая это и основываясь на анализе кремневого инвентаря, к первому этапу можно отнести стоянки с асимметричными трапециями (Актайлак-1, скопление 1; Актобе-2; Чурук-2, скопление 1—2; Чурук-3, скопление 2: Чурук-7, Сулама, часть изделий). Остальных изделий, таких как пластины с притупленным краем, со скошенным концом, здесь сравнительно больше, чем в материалах второго этапа. Одной из его характерных черт является сравнительно большое количество скребков — концевых и особенно на отщепах. Последних в два раза больше, чем на втором этапе. Что касается отдельных находок наконечников стрел кельтеминарского типа, то они не характерны для этой хронологической группы, как впрочем, и для Устюрта в целом. Однако заметим, что кельтеминарские наконечники стрел и симметричные трапеции в неолите Средней Азии в ряде случаев не только соприкасаются, но и сосуществуют короткое время [50, с. 143]. Наличие их на некоторых стоянках скорей всего надо рассматривать как отражение связей населения Устюрта с Хорезмом и как позднюю примесь. Редко встречаются также двусторонне обработанные наконечники стрел. Хронологически эта группа синхронна памятникам Дефе-Чаганак (северный холм), Чагыла—1, VI, V слоям пещеры Джебел Восточного Прикаспия [104, с. 85; 166, с. 198].

Из северных аналогий отметим памятники Южного Урала и Зауралья [141, с. 25, рис. 2, *1*]. Все эти памятники определяются обычно как ранний неолит или поздний мезолит и датируются VI тыс. до н. э. К группе памятников первого этапа нами отнесены находки со стоянок Сумбетимер-1, Қыйсыкшинграу-2, скопление 1. Не исключено, что эти стоянки составляют отдельную группу. Здесь техника

расщепления камня и изготовления орудий производит впечатление более грубой и примитивной, чем на остальных стоянках Устюрта. Много отщепов, небрежных сколов, массивных в сечении, пластин неправильных очертаний и т. д. Данные материалы отличаются также по расцветке кремня от остальных стоянок Устюрта. По сырьевым материалам и по технике обработки они близки к памятникам комплекса Балхан Восточного Прикаспия.

Второй этап. Материалы этой хронологической группы найдены во всех обследованных районах Устюрта. Специфическими чертами кремневого инвентаря, отличающими второй этап от более поздних неолитических комплексов, является также наличие изделий геометрической формы — трапеций симметричных (в том числе «рогатых»), характерных для ранненеолитических комплексов Средней Азии [166, с. 143, рис. 85, *5;* 223, с. 50, рис. 15, 18—23; 53, с. 88, рис. 2, *1—3;* 228, с. 46, рис. 13, *24—26*]. Для этой группы также характерны пластины с притупленными краями и спинкой, со скошенным концом, с выемками, но их количество по сравнению с первым этапом заметно уменьшается. Сокращается также число скребков концевых, скребков на отщепах (в 6 раз). При этом отметим сравнительное преобладание (в 2 раза) концевых скребков. Здесь также встречаются двусторонне обработанные наконечники стрел. Хронологическое положение этой группы стоянок Устюрта среди неолитических памятников Средней Азии и Казахстана определяется достаточно уверенно. Это время памятников типа Агиспе, Саксаульская-1 и Шулкум-1 в Западном Казахстане, Джейтунской культуры в Туркмении, памятников дарьясайского типа Кызылкумов, наконец, время V—Va слоев Джебела в Прикаспии. Все памятники демонстрируют финальный этап бытования геометрических микролитов (симметричные трапеции небольших размеров). Возможно, к данной эпохе можно отнести и материалы второго этапа неолита Устюрта. Абсолютную датировку этой хронологической группы по аналогичным материалам можно установить в пределах конца VI—V тыс. до н. э.

Третий этап. К нему отнесена часть материалов стоянки Актайлак-1, скопление 2, 3, материалы которых перемешаны. Хронологический диапазон этой группы может быть определен очень широко (IV—III и начало II тыс. до н. э.) [33, с. 70]. Кремневый инвентарь стоянок третьего этапа в значительной мере продолжает традиции предшествующего времени, сохраняя пластинчатый микролитический облик. Сохраняются пластины с притупленным краем, со скошенным концом, с выемками и резцовыми сколами, но встречаются они гораздо реже, чем на втором этапе. На третьем этапе намечаются некоторые поздние черты: полное отсутствие геометрических форм, сравнительно уменьшается количество скребков концевых, а увеличивается число

разнообразных форм скребков на отщепах. И, наконец, отметим двусторонне обработанные наконечники стрел, отличающиеся разнообразием форм и отделкой (особенно формой основания). Этот этап нами условно расчленен на три хронологические подгруппы. К ранней подгруппе можно отнести комплексы находок, в которых подавляющее большинство орудий сделано из ножевидных пластин. Только на некоторых стоянках изредка попадаются двусторонне обработанные наконечники стрел листовидной формы с округлым и слегка выемчатым основанием и скребки на отщепах (Косбулак-5—7; Чугала; Утебай; Демпе-7, Акбулак; Чурук-5; скопление 1, 2; Чурук-6; Чурук-8—9; Сумбетимер-2, 8; Алан-3, Жиес-1, Исатай-2). К средней подгруппе относятся комплексы, где концевые скребки встречаются в сочетании со скребками на отщепах с некоторым преобладанием последних. На ряде пунктов найдены единичные (за исключением стоянки Актайлак-1, скопление 2, где их насчитывается около 180 экз.) двусторонне обработанные наконечники стрел листовидной формы с выемкой в основании (Демпе-1,6; Мертвый Култук; Актайлак-1, скопление 2; Актайлак-2, 3; Чурук-4; Сумбетимер-4, 6, 7; Кыйсыкшинграу-2, скопление 2; Келинберди; Исатай-3). К поздней подгруппе, вероятно, относятся коллекции, в которых изделия сделаны из отщепов, особенно скребки на отщепах. (Белеули-1—2; Кендерли, Казахлы; Булак-1; Карынжарык; Каракудук-1—4; Сумбетимер-1—5; Кыйсыкшинграу-1; Алан-1—2; Сам-1, 2, 3). Отметим, что материал со всех этих пунктов очень незначителен.

Такова в общем виде схема абсолютной и относительной хронологии неолитических материалов с Устюрта. Оговоримся еще раз, что она имеет сугубо предварительный характер.

Вопрос о культурной принадлежности устюртских неолитических находок, как и хронология, остается до сих пор нерешенным. Первые находки кремневых орудий на плато были интерпретированы как кельтеминарские [33, с. 67—68]. Новые открытия и исследования неолитических памятников плато Устюрта позволили иначе подойти к решению вопроса о культурном своеобразии этой обширной территории. Отмечалось, что устюртский неолит по ряду признаков ближе к западноказахстанскому и южнозауральскому, чем к хорезмийскому, верхнеузбойскому или закаспийскому (Джебел) [166, с. 72].

В свете новейших массовых находок в разных районах плато укажем на ошибочность отнесения неолитических памятников Устюрта и западноказахстанских стоянок к кельтеминарской культуре. Анализ кремневой индустрии с Устюрта позволяет высказать мнение о том, что мы имеем дело с новой культурой. В этой связи отметим причины, породившие своеобразие неолита Устюрта.

Одной из причин является зарождение его на местной мезолитической основе и дальнейшее развитие под влиянием родственных куль-

тур сопредельных территорий: неолитических культур Прикаспия, с одной стороны, южноуральско-западноказахстанских — с другой. Замечено взаимодействие с неолитом Кызылкумов дарьясайского типа. Другая причина объясняется географическим положением Устюрта. Неолитические памятники плато размещены на стыке ареала неолитических культур Европы и Азии. Занимая промежуточную территорию, неолит Устюрта, видимо, служил связующим звеном между Южным Уралом и Западным Казахстаном с одной стороны и Приаральем, Южным Прикаспием и Кызылкумами — с другой.

Эти причины, несомненно, сыграли определенную роль в формировании своеобразной «устюртской неолитической культуры». Возможно, с накоплением материалов с Устюрта можно будет поставить вопрос о выделении новой устюртской культуры со своеобразной кремневой индустрией, которая складывалась в самом тесном контакте с юго-западными (Прикаспий), северными (Южноуральско-Казахстанский) и восточными (Кызылкумы) культурами.

Условия находок во внутренних частях плато и состав кремневых орудий свидетельствуют о том, что охота была, в основном, хозяйственным занятием неолитического населения Устюрта [33, с. 67—68]. Местоположение стоянок и сравнительно небольшое количество инвентаря на большинстве из них свидетельствуют об их кратковременности и частой перекочевке охотников. О первостепенном значении охоты свидетельствуют находки скребков, составляющих в коллекциях весьма высокий процент. Главной функцией скребков, по мнению большинства исследователей, была выделка кожи, обработка шкур животных.

Основными охотничьими орудиями населения Устюрта являются наконечники стрел, всевозможные составные вкладышевые изделия: ножи, используемые для разделки туш животных, и копья. К охотничьему инвентарю, возможно, относятся, геометрические микролиты (трапеции), которые, по мнению некоторых исследователей, использовались в качестве вкладышей составного метательного оружия [104, с. 56]. Топография стоянок так же, как состав находок, свидетельствует о связи их обитателей с водными источниками и охотой как основным видом хозяйственной деятельности. «...Вся жизнь в пустыне была сосредоточена вблизи источников воды: рек, озер, родников или временного скопления талых и дождевых вод. Здесь человек находил кроме воды для питья также и пищу, ибо в пустыне около источников воды растут в изобилии самые разнообразные растения и к воде тянутся животные, служившие объектом охоты» [103, с. 3].

В заключение отметим, что вопрос о хозяйстве и образе жизни древнего населения Устюрта в целом еще далек от своего решения. Он требует дальнейшего изучения собранных материалов и накопления новых фактов.

ГЛАВА 3

ПАМЯТНИКИ КОЧЕВЫХ ПЛЕМЕН ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Территориально все нанесенные к настоящему времени на карту археологические памятники кочевых племен Юго-Восточного Устюрта можно разделить на три группы (рис. 19): 1 — памятники Восточного чинка; 2 — памятники северо-западного Барсакельмеса; 3 — памятники солончакового массива Чурук (курганный могильник Каракудук).

ПАМЯТНИКИ КОЧЕВЫХ ПЛЕМЕН ВОСТОЧНОГО ЧИНКА

При археологическом обследовании Восточного чинка на всем его протяжении были обнаружены многочисленные кочевнические древности. Особенно значительной концентрации они достигают на северном участке от границы КК АССР до мыса Актумсук и на среднем участке от мыса Урга до оврага Саксаулсай.

Археологические разведки в отдельных районах южного участка Восточного чинка, проведенные Хорезмской археолого-этнографической экспедицией АН СССР, памятников древних и средневековых кочевников не выявили [215, с. 74 сл.]

Североустюртская система стреловидных планировок (рис. 19, *1, 2*). В 5 км к северу от мыса Дуана от обрывистого края плато начинается непрерывная цепь сооружений, условно названных «стреловидными планировками», образующая грандиозную систему, уходящую от названной точки чинка к северо-востоку, в направлении песков Матайкум (рис. 20). Она была первоначально обнаружена при анализе аэрофотоснимков. В 1975 г. был организован выезд к этой системе и в натуре обследованы две «стреловидные планировки». Затем система была прослежена на протяжении 42 км от указанной точки, выше мыса Дуана, до границы с Казахской ССР. По материалам дешифрованного участка удалось установить, что она состоит из отдельных звеньев-подсистем. Если для характеристики всей системы в целом у нас

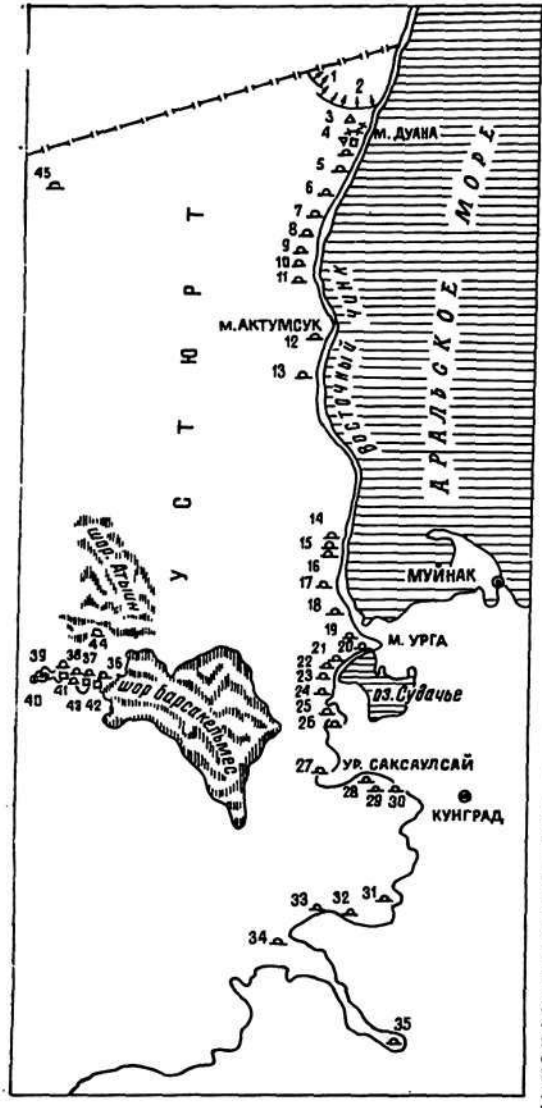

Рис. 19. Схематическая карта кочевнических археологических памятников юго-восточного Устюрта.

1—2—северо-устюртская система стреловидных планировок; 3 — стоянка Дуана, 4 — археологический комплекс Дуана (могильник, петроглифы, каменные ограды); 5 — курганная группа Сулама; 6 — курганная группа Байтуре; 7 — курганная группа Джиделибулак-1; 8 — курганная группа Джиделибулак-2; 9 — курганная группа Акбулак-1; 10 — курганная группа Акбулак-2; 11 — курганная группа Косарма; 12 — курганная группа Актумсук; 13 — курганы урочища Курганча; 14 — одиночный курган Каракибир; 15 — одиночный курган Узынуба; 16 — одиночный курган Куркараканр; 17 — курганная группа «мыс Безымянный»; 19 — курганная группа Кызылканр; 20 — курганная группа Урга; 21 — курганная группа Тайли; 22 — курганная группа Княжол; 23 — курганная группа Судочье; 24 — курганная группа Караумбет; 25 — одиночные курганы Саксаулсай-1, 2; 26 — одиночный курган Акчулак; 27 — курганная группа Саксаулсай; 28 — одиночный курган Пулжай-1; 29 — курганная группа Пулжай-2; 30 — курганная группа Пулжай-4; 31 — курганная группа Каскажол; 32 — курганная группа Айбугир; 33 — курганная группа Кулмагамбет; 34 — курганная группа Куланлы; 35 — курганная группа Чаштепе; 36 — одиночный курган Биркалнышшинграу-1 и курганная группа Биркалнышшинграу-2; 37 — курганная группа Сумбетимералан—Куркреук; 38 — одиночные курганы Ардана-1, 2; курганная группа Ардана-2; 39—одиночный курган Туртkульдынкудук; 40 — отдельная постройка Ардана-4; 41 — курганная группа Кыйсыкшинграу; 42 — отдельная постройка Сумбетимералан—Куркреук; 43 — отдельная постройка Алан-2; 44 — одиночный курган Жаманаус—Манке—Кудук; 45 — курганная группа Каракудук.

пока не хватает материалов, отдельное ее звено-подсистему мы можем охарактеризовать полностью. На дешифрованном участке выделено две подсистемы. Подсистема № 1 представлена полностью, подсистема № 2 — частично, т. к. она выходит за пределы территории, о которой мы в данный момент располагаем материалами.

Подсистема № 1. В ее составе находятся 15 стреловидных планировок. Они расположены по дуге, вытянувшейся от края плато в северо-западном направлении примерно на 28 км. Почти вдоль всей линии дуги прослеживается местами четко, местами расплывчато, что-то вроде сильно затянутого руслообразного понижения. Планировки отстоят одна от другой на расстоянии от 1 до 2,5 км. Они иногда перестраивались на одном и том же месте, поскольку из-под одной из них проглядывают остатки другой, более ранней. Это явление отмечено для планировок 2, 3, 5, 15. В подсистеме № 2, начало которой отстоит на 6 км к северу от крайней западной (№ 15) планировки подсистемы № 1, нанесено на карту четыре планировки. Остальная часть этой подсистемы пока не исследована. За планировками к югу отчетливо прослеживается извилистая полоса руслообразного понижения, аналогичного отмеченному для подсистемы № 1.

Планировки, входящие в обе подсистемы, в принципе одинаковы, различаясь лишь в деталях и незначительно — в размерах (рис. 20, врезка). Каждая из этих планировок представляет собой в плане фигуру в виде мешка с втянутой внутрь верхней частью, разорванной широким проходом. На верхних острых краях находятся две фигуры, «стрелки», в виде треугольников. Основание треугольников втянуто внутрь фигуры и разорвано узким проходом. Боковые стороны иногда прямые, иногда вогнутые, иногда выпуклые. На вершинах треугольников находятся «кольца». На части планировок, к северу от них, прослежены длинные линии — валы, идущие в меридиональном направлении и выходящие к центру широкого прохода внутрь «мешка», но не соединяющиеся с самой планировкой. Наличие подобных элементов отмечено в планировке №№ 3, 4, 7.

Все стреловидные планировки одинаково ориентированы; основание «мешка» обращено к югу, «стрелки» — к северу, и имеют в общем одинаковые размеры. Длина планировок колеблется в пределах 800—900 м. ширина 400—600 м. Длина вала перед входом 600—700 м.

Таким образом, попадая внутрь замкнутого пространства «мешка» через широкий проход, к которому иногда выводит специальный «направляющий» вал, далее можно попасть через узкие проходы только внутрь треугольников — «стрелок», из которых выхода уже не было.

На местности пока обследованы только две планировки из подсистемы 1, №№ 1 и 2. Обратимся к их описанию.

Стреловидная планировка № 1 находится непосредственно на чин-

ке. Восточная ее часть обрушилась вместе с краем чинка. На местности прослеживается лишь широкий проход, ведущий в «мешок» планировки, и западная «стрелка». Контуры самого «мешка» на местности проследить не удается.

Контуры «стрелки» и «мешка» в натуре представляют вал и ров, причем последний расположен с внутренней стороны «стрелки». Вал

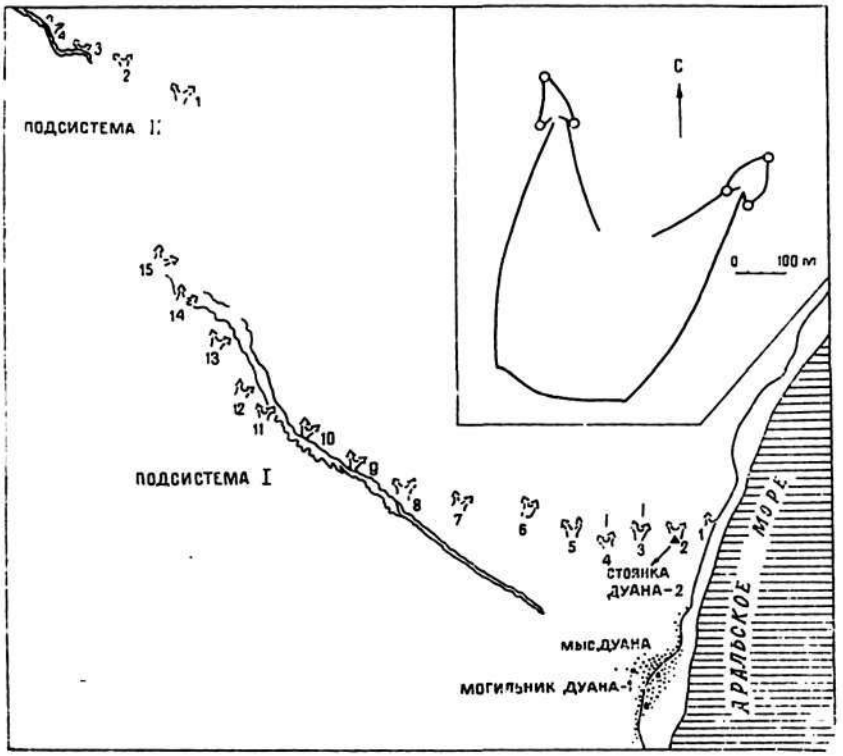

Рис. 20. План североустюртской системы стреловидных планировок. На врезке — схематический план стреловидной планировки 6 в подсистеме 1.

изнутри имеет следы обкладки камнем-плитняком или остатки разрушенной ограды из этого камня. «Кольца» представляют довольно глубокие западины, также имеющие по внутреннему краю обкладку камнем или разрушенную ограду. Диаметр «колец» около 10 м. Ширина вала — до 6 м, ширина рва около 4,5 м. Длина сторон «стрелки» — от 90 до 110 м.

На планировке отмечены редкие находки лепной и станковой красноглиняной керамики. Последняя по характеру черепка напоминает афригидскую хорезмийскую керамику.

Стреловидная планировка № 2 находится в 1,5 км к западу от стреловидной планировки № 1. Восточная «стрелка» сдвоена, очевидно, в данном случае сохранилась часть более ранней планировки. Прослежена только верхняя часть планировки, нижняя не сохранилась, т. к. ни на аэрофотоснимках, ни на местности при визуальном осмотре она не просматривается. Конструктивно аналогична стреловидной планировке № 1.

Восточная «стрелка» прорезана траншеей прошедшего здесь газопровода, частично разрушившей кольцо на вершине «стрелки». Осмотр отвалов траншей, выброшенных из пределов кольца, позволил установить в них наличие большого количества костей животных.

Североустюртская система стреловидных планировок пока может быть датирована лишь в весьма предварительном плане. Основанием для этого служит расположение стоянки Дуана, датируемой последней четвертью VII — первой половиной VIII вв., на валу одной из стреловидных планировок. Это обстоятельство позволяет определить верхнюю хронологическую границу возможной даты стреловидных планировок в пределах конца VII — начала VIII вв.

Что касается вопроса о назначении этой системы, то он при нынешнем уровне ее изученности решен быть не может. Можно лишь высказать предположение, что система могла использоваться кочевниками для грандиозных облавных охот на мигрирующих животных вроде куланов или сайгаков. В какой-то мере подобные сооружения были у казахов, кочевавших по Устюрту в новое время [113, с. 117—118].

Стоянка Дуана. (рис. 19, *3*). На восточной стороне «мешка» стреловидной планировки № 2 обнаружено несколько светлых пятен мягкого грунта, изрытого норами грызунов. Грунт несет на себе признаки перекопанности. Изобилует массой фрагментов керамики, мелких костей животных, часто обожженных. В выбросах из нор грызунов наблюдается та же картина. На описанных светлых пятнах грунта отмечается несколько мелких круглых блюдцевидных западин диаметром до 10 м. Закладка на одном из пятен небольшого шурфа установила наличие тонкого золистого культурного слоя.

Вполне очевидно, что это остатки кочевья. Блюдцевидные западины, по всей вероятности, отмечают места стоянки юрт. Описанная стоянка, видимо, связана с функционированием системы стреловидных планировок или же возникла позже на уже заброшенной и не функционирующей стреловидной планировке.

Здесь собрана небольшая коллекция керамики. По технологическим признакам ее можно разделить на две группы: 1 — лепная, на-

польного обжига, 2 — вылепленная с применением поворотной подставки для гончарного круга, горнового обжига.

Все сосуды первой группы представляют собой, очевидно, плоскодонные горшки баночной формы с резко отогнутым наружу венчиком, обычно удлиненно-подпрямоугольной формы (рис. 21, *17, 18, 19, 23*). Сосуды вылеплены вручную из плохо промешанной формовочной массы с обильными примесями шамота, обжиг напольный, неравномерный. Черепок на изломе обычно черный. Поверхности бугристые, плохо заглаженные, внешние до обжига затирались жидкой глиной. Тулово сосудов имело нарочито грубую глиняную обмазку с хорошо выраженной вертикальной ребристостью (рис. 21, *24, 25*). Венчики по внешней поверхности украшены пояском орнамента в виде вдавленных ромбов, вертикальных полос или вытянуто-треугольных вдавлений. На внешней стороне венчиков сосудов имеются шишечки-налепы и ушки-налепы — на нижней части венчика. Их, очевидно, было по две или четыре штуки.

Баночные сосуды, аналогичные описанным, в целом характерны для первой группы керамики Джетыасарской культуры низовий Сырдарьи на II и III этапах ее развития, т. е. с IV по VII или начало VIII в. н. э. [116, с. 72, 74—75] и раннего этапа развития Кердерской культуры Приаральской дельты Амударьи, датирующегося последней четвертью VII — серединой VIII в. н. э.[1] Наличие такого признака, как вертикальная ребристость на грубой глиняной обмазке, нанесенной на тулово сосуда, позволяет ограничить дату всего комплекса последней четвертью VII — серединой VIII в. н. э., поскольку в Джетыасарской культуре подобный признак появляется лишь на третьем этапе [116, с. 74—75], а в Кердерской это наиболее характерный признак для горшков преимущественно баночной формы раннего этапа развития культуры[2].

Во вторую группу керамики входят фрагменты двух сосудов. Первый принадлежит сосуду типу хумчи. Изготовлен на гончарном круге из предварительно отмученной и хорошо промешанной формовочной массы с редкими известковыми примесями. Обжиг горновой, равномерный, черепок в изломе кирпично-красный (рис. 21, *22*). Внешняя поверхность облицована неплотным желтоватым ангобом и украшена линейно-волнистым гребенчатым орнаментом.

Сосуды этого типа характерны для афригидской культуры раннесредневекового (VII—VIII вв.) Хорезма [200, табл. 51; 158, с. 236, 240, рис. 5, *2, 13*]. В небольших количествах фрагменты аналогичных сосудов имеются в Джетыасарской культуре на третьем этапе ее развития

---

[1] Поселение Курганча, фонды сектора археологии ИИЯЛ КК ФАН УзССР.
[2] Там же.

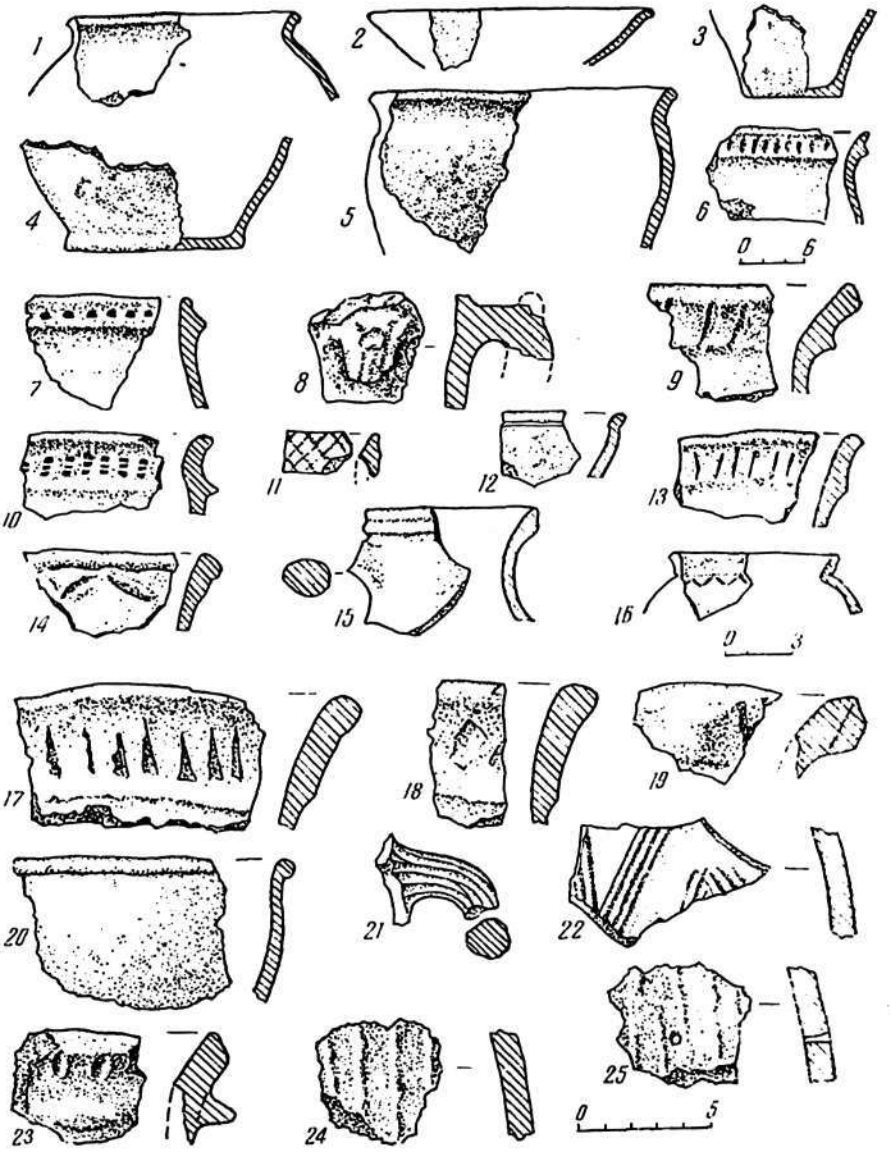

Рис. 21. Могильник Дуана, группа X, культово-погребальная постройка 1, керамика 1—16; стоянка Дуана, керамика 17—25.

(VII — начало IX в.) [114, с. 59, рис. 8, *19, 20, 28*] и на раннем этапе развития Кердерской культуры (последняя четверть VII — середина VIII вв. н. э.) [74, с. 261; Материалы фондов сектора археологии ИИЯЛ КК ФАН УзССР раскопок кердерских поселений Куюк-кала и Курганча].

Второй фрагмент принадлежит небольшому сосуду с петельчатой, круглой в сечении ручкой типа небольшого кувшинчика или кружки. Сосуд изготовлен из тонкоотмученной, хорошо промешанной формовочной массы без видимых примесей отощителя. Обжиг равномерный, горновой, черепок в изломе равномерного красного цвета. Поверхность ручки бессистемно огранена в результате заглаживания каким-то плоским орудием. Внешняя поверхность сосуда облицована плотным темно-красным ангобом, поверх которого имеется сплошное лощение (рис. 21, *21*).

По технологическим признакам и отделке поверхности ручка находит аналогии в керамике второй группы Джетыасарской культуры на всех этапах развития [116, с. 68—70, 73, 75], а также в Кердерской культуре раннего этапа.

Таким образом, анализ керамики со стоянки Дуана позволяет датировать ее в пределах последней четверти VII — первой половины VIII в. и констатировать ее однотипность с керамикой III этапа развития Джетыасарской культуры и раннего этапа Кердерской культуры.

Могильник Дуана. (Рис. 19, *4*). Расположен в огромной излучине Восточного чинка, образованной многократными оползнями (рис. 22). Излучина представляет собой величественный оползневый амфитеатр. С севера его замыкает мыс Дуана, по имени которого назван могильник, с юга — безымянный мыс, у основания которого находится родник Дуана. Оползневый амфитеатр занимает в ширину до 2 км и в длину чуть более 4 км. Все это пространство имеет чрезвычайно сложный рельеф. Система ступенчатых оползней постепенно спускается от чинка к морю и во многих местах расчленена оврагами. Гребни вздыбленных оползней часто образуют целые хребты, дугообразно простирающиеся параллельно линии чинка. В долинах и провалах между хребтами, в промоинах и оврагах видны отдельные кусты, а местами — густые заросли, целые рощицы зеленеющего саксаула. Причудливые скалы, суровые обрывы, розовые, красные, желтые и зеленоватые обнажения пластов известняков и глин, яркие пятна зелени, хаос хребтов, оврагов и промоин, красноватая полоска морского пляжа с фантастически выветренными скалами, часто окрашенными в густые багровые тона, неоглядная синева Аральского моря с ожерельем жемчужной пены вдоль пляжа, неумолкающий шум прибоя — все это создает эмоционально сильный и запоминающийся ландшафт, в ко-

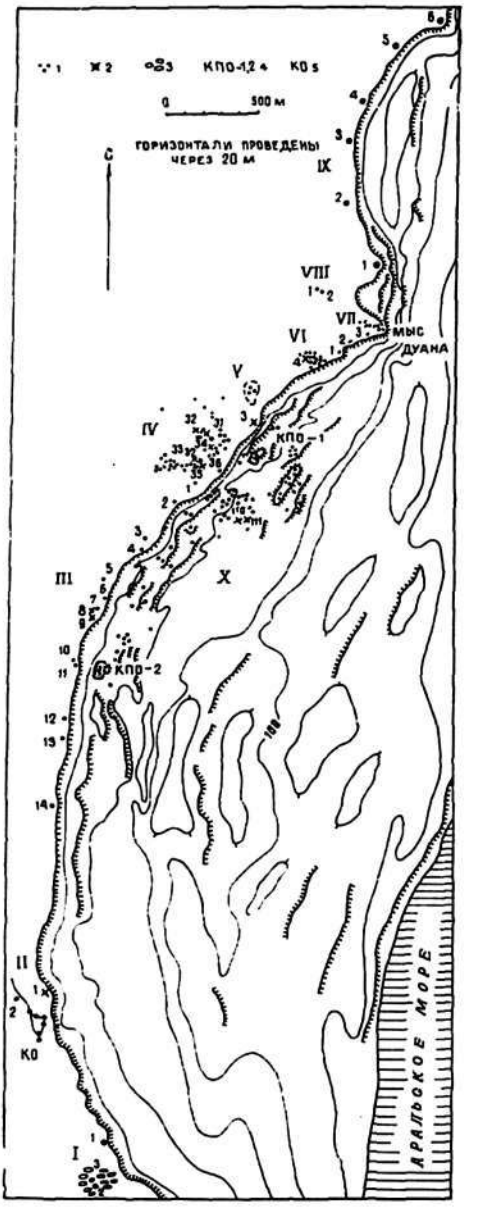

Рис. 22. План могильника Дуана. Условные обозначения:

1 — курганы; 2 — раскопанные курганы; 3 — казахское кладбище; 4 — культово-погребальные ограды 1, 2; 5 — каменная ограда (*римскими цифрами обозначены курганные группы*).

торый органически вписываются многочисленные археологические объекты могильника.

Могильник тянется вдоль всей излучины, более чем на 6 км к северу от мыса Дуана. Археологические объекты могильника располагаются полосой вдоль чинка и на верхних «ступенях» амфитеатра под чинком. В составе могильника по топографическим признакам выделено десять групп археологических объектов.

Группа I. Состоит из трех курганов. Расположена в южной части могильника. Курган № 1 находится в 14 км к западу от чинка. Венчает вершину небольшого расплывчатого бугра. Курганы №№ 2 и 3 находятся в 280—290 м к юго-западу от курганов № 1 среди могил казахского кладбища. Оба имеют каменные насыпи диаметром 6—7 м, высотой 0,2—3,3 м. В центре каждого из курганов — неглубокая оплывшая грабительская воронка.

Группа II. Находится в 700—800 м севернее группы I, насчитывает в своем составе 2 кургана и одно своеобразное сооружение, условное название которого «система каменных оград», с несколькими курганообразными насыпями, включенными в эту систему. Курган № 1 расположен на краю чинка и имеет вид каменной насыпи диаметром 6—8 м, высотой 0,4—0,5 м. В 90 м к югу от него находится система каменных оград. В плане она имеет вид равнобедренного треугольника, длина сторон которого составляет 100—120 м, длина основания 60—65 м. Основание прогнуто внутрь треугольника и разорвано в середине, образуя воронкообразный вход внутрь ограды, шириной около 8 м. Ограда сооружена из больших каменных плит, установленных на ребро в один ряд.

К вершине треугольника, обращенной к югу, примыкают две круглые ограды диаметром около 6 м. По одной аналогичной ограде отмечено на двух других вершинах треугольника и одна, несколько меньшая, расположена на середине восточной стороны ограды, причем эта последняя имеет проход внутрь треугольной ограды. В основание треугольника, ближе к его северо-западной вершине, включена большая (диаметр около 10 м, высота 1,2—1,5 м) курганообразная каменная насыпь, сложенная из крупных каменных плит. От круглой ограды, находящейся на северо-западной вершине треугольника, тянется к северо-западу на расстоянии около 140 м цепочка каменных плит, установленных на ребро, своеобразный «хвост». Примерно на середине «хвоста» к западу от него каменная насыпь еще одного (№ 2) кургана, входящего в группу.

Группа III. В нее объединены небольшие группы и одиночные курганы (14), редко расположенные вдоль края чинка на расстоянии около 2 км, между группами II и IV. Расстояния между отдельными курганами от 100 до 350 м. На курганах № 8, 9 произведены раскопки.

Группа IV. Представляет собой компактное скопление тесно расположенных курганов и насчитывает 57 насыпей. Она начинается у чинка и простирается в глубь плато на расстояние более 600 м. В размещении курганов можно проследить определенную закономерность. Ближе к краю плато расположены на расстоянии 200 м один от другого два небольших кургана с каменными насыпями диаметром около 10 м. От них на северо-запад и юго-запад тянутся мелкие курганы, иногда обозначенные на поверхности просто небольшой кучкой камней. В некоторых случаях удается проследить расположение курганов небольшими цепочками.

В группе отмечены насыпи прямоугольной формы. В двух случаях насыпи соседних курганов соединены своеобразным «коридором» из вертикально поставленных каменных плит. В одном случае такой «коридор» начинается от курганной насыпи и ничем не завершается. У одного из курганов отмечено наличие каменной «дорожки» или «хвоста». В группе раскопаны курганы № 3, 30—36.

Группа V. Находится на вершине небольшой плоской высотки в 200 м к северо-востоку от группы IV. В ее составе три небольших кургана.

Группа VI. Представляет собой компактную группу из 17 расположенных без видимой системы курганов. По некоторым признакам можно предполагать, что курганов в данной группе больше, однако они незаметны, поскольку насыпи их полностью уничтожены. В описанной группе раскопан один курган (№ 4).

Группа VII. Расположена непосредственно на мысу Дуана. В ее составе 11 курганов. Один большой курган находится на самом конце мыса. От него в северо-западном направлении вытянута цепочка из 7 курганов меньших размеров. По краю чинка, к юго-западу от конца мыса, расположены еще три кургана на расстоянии 50—100 м друг от друга.

Группа VIII. Находится в 400 м к северо-западу от края мыса Дуана. В группе имеется 2 расположенных рядом кургана с почти полностью разрушившимися насыпями.

Группа IX. К северу от мыса Дуана чинк вновь образует излучину длиною около 1,5 км. Вдоль этой излучины по краю чинка расположено 6 одиночных курганов, отстоящих один от другого на расстоянии от 200 до 350 м. Все они имеют каменные насыпи диаметром до 14 м. На одном из курганов (№ 5) в насыпи виден большой каменный ящик. На вершинах почти всех курганов группы хорошо заметны заплывшие воронки — следы грабительских ям.

Группа X. В данную группу включены все археологические объекты, расположенные под чинком на верхних ступенях «амфитеатра», образующие совершенно самостоятельный комплекс как в топографическом отношении, так и по типу входящих в комплекс сооруже-

ний. Самыми крупными объектами являются два, условно названные «культово-погребальными сооружениями». Они расположены непосредственно под чинком примерно в 1,2—1,3 км одно от другого. Между ними и вокруг них то группами, то в одиночку, расположены многочисленные погребальные сооружения с наземными постройками. Видимой системы в их расположении проследить не удается. Большинство из них приурочено к гребням хребтов и вершинам отдельных бугров. Однако часть этих сооружений расположена в низинах. При топографической съемке могильника их удалось насчитать более сотни. Действительное же количество этих сооружений, видимо, превышает эту цифру, поскольку сложный, сильно расчлененный рельеф препятствует их точному учету.

Все эти сооружения представляют собой круглые или прямоугольные каменные постройки с низким входом-лазом на южной стороне (рис. 23, *II;* рис. 24). Сооружены из необработанных каменных плит, уложенных плашмя. Середина обычно завалившаяся, однако можно предполагать, что эти сооружения имели или перекрытия типа ложного свода, или сплошную каменную засыпку внутри. Две из этих построек № 110 и № 111 раскопаны.

Культово-погребальное сооружение № 1 расположено у подножья отдельной скалы с плоской вершиной, отвесными обрывистыми краями и нависающими карнизами. На плоской вершине этого останца находятся развалины двух погребальных построек типа описанных выше. С юга к скале пристроена ограда из каменных необработанных плит. Вдоль ее южной стены пристроен целый ряд погребальных сооружений типа описанных. Остатки подобных сооружений можно обнаружить и внутри ограды. От основания идут довольно крутые склоны. На западном склоне прослеживаются сплошные осыпи золистого культурного слоя, переполненного массой горелых и негорелых костей животных, обломков керамики.

По технологическим признакам керамику можно разделить на две группы: в первую входят сосуды, изготовленные вручную и обожженные напольным способом, во вторую — сосуды, изготовленные на гончарном круге или с помощью поворотной подставки, обожженные горновым способом.

В первой группе керамики подавляющее количество фрагментов принадлежит горшкам. Среди них можно выделить несколько разновидностей. Большинство обломков принадлежит баночным сосудам с резко отогнутым наружу воротничковым венчиком, в поперечном сечении удлиненно-подпрямоугольным или подтреугольным (рис. 21, *6, 7, 9, 10, 11, 13*). Изготовлены сосуды из плохо промешанного теста с примесями шамота. Внешние поверхности обычно до обжига затирались жидкой глиной. Обжиг слабый, напольный, черепок в изломе черный.

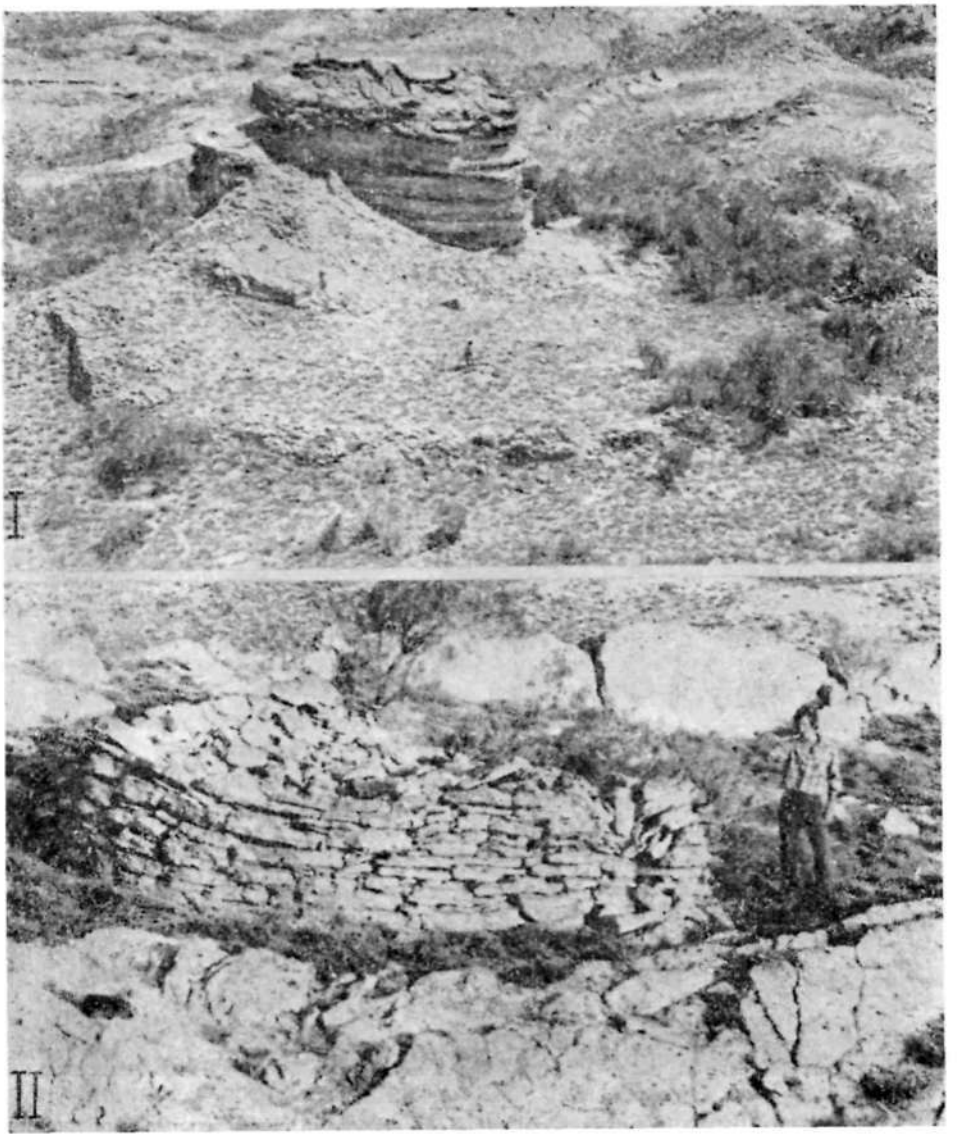

Рис. 23. Могильник Дуана: I — культово-погребальная ограда № 2; II — курганная группа X, одно из круглых погребальных сооружений.

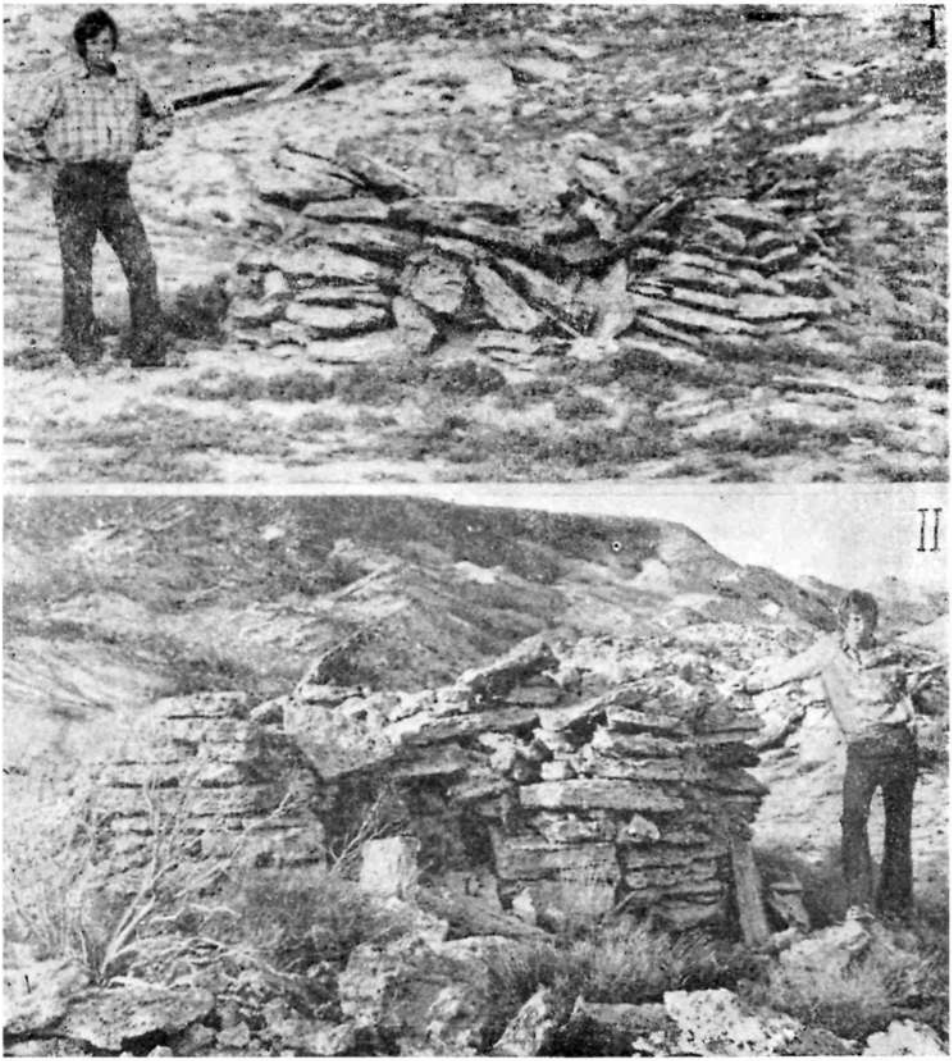

Рис. 24. Могильник Дуана, курганная группа X. Квадратные погребальные сооружения.

Сосуды украшены орнаментом, продавленным по сырой глине. Орнамент располагается пояском на внешней стороне венчика, по преимуществу это прямые вертикальные или чуть наклонные линии, иногда это отпечатки трезубого штампа, иногда ромбическая решетка или полукруглые вдавления. Эти сосуды находят аналогии в Кердерской культуре, культуре болотных городищ и в керамике III этапа Джетыасарской культуры. Здесь следует особо отметить наличие подтреугольного венчика на сосудах культово-погребальной ограды № 1. Этот признак, по наблюдениям Л. М. Левиной, появляется на горшках баночной формы лишь на III этапе развития Джетыасарской культуры [116, с. 74].

В анализируемом комплексе имеются также простые, без орнамента, лепные плоскодонные широкогорлые горшки, сформованные из очень плохо промешанной формовочной массы и обожженные на костре (рис. 21, *1, 4, 5*). Эти сосуды, а также миниатюрный лепной сосуд горшковидной формы с орнаментом в виде горизонтальной ломаной линии под горловиной (рис. 21, *16*) являются какими-то локальными формами, не имеющими аналогий.

Во вторую группу керамики отнесены сосуды, изготовленные на гончарном круге или с помощью поворотной подставки из предварительно отмученной и хорошо промешанной формовочной массы без видимых примесей. Обжиг горновой, черепок в изломе красный или розовато-кремовый. Среди этой керамики необходимо отметить фрагмент стенки станкового сосуда, внешняя поверхность которого облицована беловатым ангобом, поверх которого нанесены неопределенные темно-коричневые мазки. Сосуды с беловатым ангобом и красно-коричневыми мазками и потеками поверх него в небольших количествах находят на I и II этапах развития Джетыасарской культуры и включают во вторую группу керамики [116, с. 72].

В эту же группу входят фрагменты двух кувшинов. От первого сохранился фрагмент горловины и ручки (рис. 21, *15*). Горловина раструбообразная, оформленная подтреугольным в сечении, с прогнутой лицевой поверхностью, воротничковым венчиком. Под венчиком прикреплена вертикальная, подкруглая в поперечном сечении ручка. Диаметр устья 8 см, толщина стенок 0,5 см. Внешняя поверхность сосуда облицована красно-коричневым ангобом.

Фрагмент второго кувшина (рис. 21, *8*) имеет на внешней поверхности следы сплошной облицовки ярко-красным ангобом, одну коленчатую, овальную в поперечном сечении, сужающуюся к низу ручку. На изломе ручки конический налеп. На внешней поверхности, ниже налепа, двумя сходящимися книзу бороздами сформированы три широких низких валика.

Аналогичные по форме и технологическим признакам кувшины от-

мечены для всех трех этапов развития Джетыасарской культуры. Однако подтреугольные в сечении небольшие венчики характерны только для первых двух этапов, а на III этапе венчик образует лишь несколько утолщенный край [116, с. 68, 73, 75].

По наиболее поздним аналогиям весь комплекс можно датировать VII—VIII вв. Однако при этом необходимо отметить наличие в комплексе сосудов, обнаруживающих признаки, характерные для I и II этапов развития Джетыасарской культуры.

Культово-погребальное сооружение № 2 (рис. 23, *1*) расположено у подножья обрывистой скалы с плоской вершиной. Стена в месте примыкания к скале с северо-запада расширяется и постепенно поднимается вверх. Похоже, что она использовалась в качестве пандуса, ведущего на плоскую вершину скалы. Внутри двора, образованного оградой, прослеживаются два кольца из вертикально закопанных камней. С юга к стене примыкают сплошные погребальные сооружения. Одно такое сооружение примыкает к северо-западному углу. Склон к западу от ограды представляет сплошную поверхность золистого культурного слоя с массой костей животных, пережженных и непережженных, костей и чешуи рыб, многочисленных обломков керамики. По линии север — юг протяженность культово-погребальной постройки № 2 — 53 м, по линии восток—запад — 45 м, толщины стены 1,5—3 м.

С западной стороны скалы на плоской поверхности глинистого обнажения обнаружена целая галерея наскальных изображений.

Раскопки могильника Дуана. Группа 1, курган 1 (рис. 25, III). Насыпь кургана сооружена из грунта и обломков камня. На вершине насыпи находилась кучка каменных плит. Диаметр насыпи по основанию чуть более 14 м, высота около 0,4 м. На поверхности насыпи обнаружен обломок лепного сосуда. Под насыпью с уровня горизонта прослежена подпрямоугольная в плане яма, длинной осью ориентированная по линии восток — запад. Размеры ямы — 1,7×0,75 м, глубина от уровня горизонта — 0,65 м. Яма была заполнена грунтом и отдельными обломками камня.

Курган ограблен. В засыпке ямы в беспорядочном состоянии найдены обломки двух человеческих костяков и погребальный инвентарь, от которого сохранились бусы, серьги, фрагменты бронзового зеркала, четырех лепных и трех станковых сосудов (рис. 26—27).

Бусы. Обнаружено 114 экземпляров. Форма бусин цилиндрическая и кольцевидная. Плоскости цилиндров часто скошены и не параллельны. Диаметр дисков 4—6 мм, высота 1—3 мм, диаметр внутреннего отверстия 1—2 мм. В качестве материала для изготовления бус использован гагат (гишер, лигнит). Бусы пиленые из длинных валиков гагата, центральное отверстие сверленое, сверление одностороннее — выкол всегда на одной стороне бусины (рис. 26, 3).

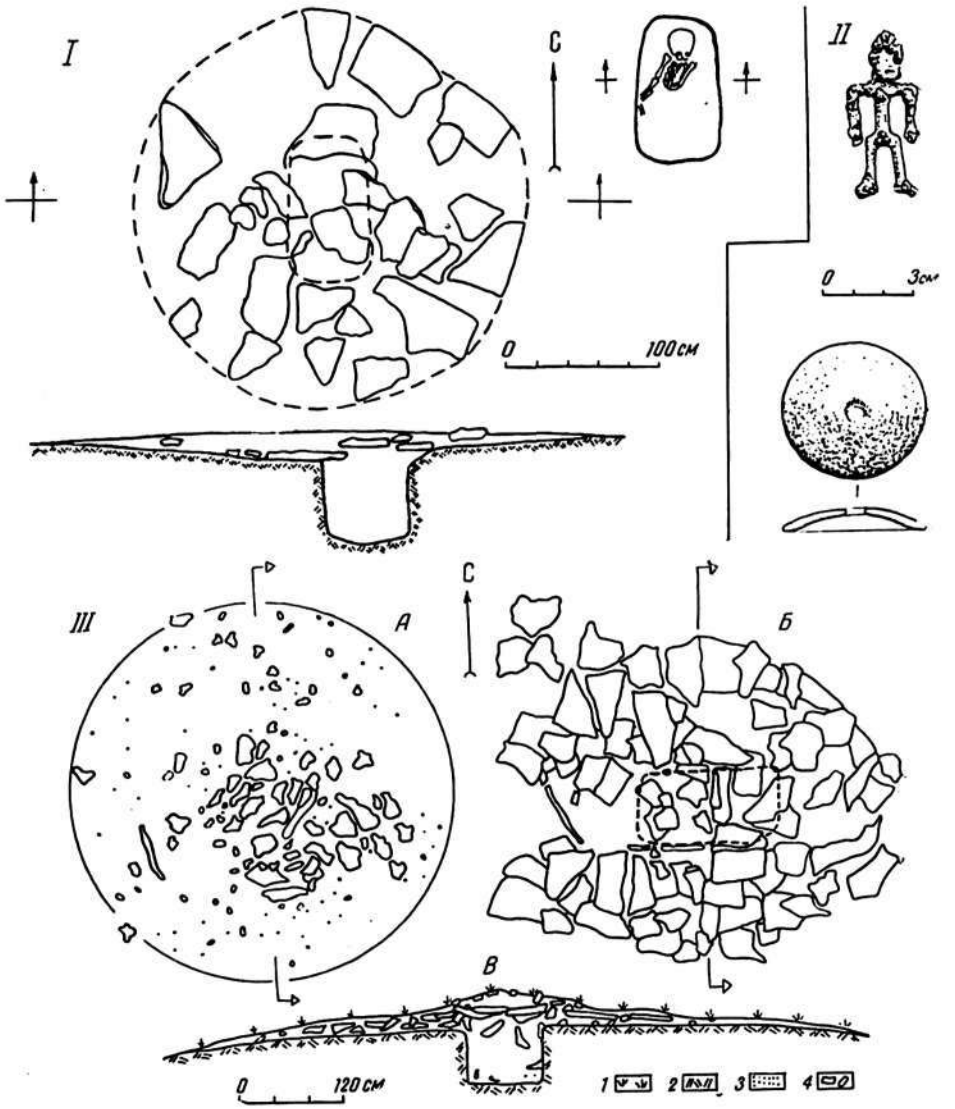

Рис. 25. Могильник Дуана:

I — группа IV, курган 34, в центре — план по уровню горизонта, справа — могильная яма, внизу — разрез; II — группа IV, курган 34, находки; III — группа I, курган 1, А — план насыпи до раскопок, Б — план расчищенной каменной насыпи, В — разрез.

Аналогичные гагатовые бусы составляют самую многочисленную группу среди бус в прохоровских погребениях. По наблюдениям М. Г. Мошковой, наличие многочисленных гагатовых бус является одной из характерных особенностей прохоровских погребений Приуралья [150, с. 145].

Большое количество гагатовых бус цилиндрической и дисковидной формы в погребениях — признак, характерный для прохоровской культуры от рубежа IV—III вв. до н. э. до II в. до н. э. [191, табл. II, 6, 13; табл. III, 2; табл. IV, 19а; табл. IX, 24; табл. XII, рис. 12, описание бус — с. 119; 150, с. 45, табл. 30].

Серьги или височные кольца. Имеют спиралевидную форму в 1 и 3/4 оборота. Согнуты из круглой в сечении бронзовой или медной проволоки. Концы тупые или слегка приостренные. Диаметр спирали 2,0—2,2 см, диаметр проволоки 1,4—1,8 мм (рис. 26, 2). Подобные серьги или височные кольца являются наиболее характерным и распространенным украшением населения прохоровской культуры Поволжья и Приуралья. Серьги эти известны с IV по II вв. до н. э. Ранние — сравнительно большие: диаметр 1,9—3,4 см, а с конца IV—III вв. до н. э. диаметр этих серег составлял обычно 1,5 см и доходил до 2 см [191, с. 119—121, табл. 11, 4, 10, табл. VI, 15; табл. IX, 16, 25; 150, с. 44, табл. 29, 1—4, 7, 12—28]. Однако в целом спиралевидные серьги — явление гораздо более широкое, чем только прохоровское украшение как в отношении хронологии, так и в отношении ареала. Они известны с VIII в. до н. э. [137, табл. XXXIII 6. XXXIV 17, с. 48] до последних веков до н. э. — 1 в. н. э. [4, с. 179; 189; 38, с. 477] от Поволжья [229, с. 438, 439, рис. 44, 4—6, 10—14] до Памира [24, с. 60; 122, с. 29, 59—60] и от Прикамья [87, с. 30, табл. 1/3, 11/10] до Туркмении [137, табл. XXXIII, 6, XXXIV, 17; 38, с. 477] и Ферганы [124, с. 31, 40]. К. Ф. Смирнов полагает, что эта форма серег происходит из Ирана или Средней Азии [199, с. 143]. Эту точку зрения поддерживает Б. А. Литвинский [122, с. 56—60].

Зеркало. Сохранился лишь обломок, позволяющий предположить два варианта реконструкции изделия. В первом варианте — зеркало представляло собой металлический диск, плоский с одной стороны, с широким и низким валиком по краю — с другой. На боку диска небольшая петелька, с помощью которой, как отмечают некоторые исследователи, зеркало скреплялось с деревянной и костяной рукояткой [150, с. 42]. Диаметр диска 9,8 см, ширина валика 1,3 см, толщина диска 0,2 см, толщина валика 0,4 см, высота петельки 0,7 см, диаметр отверстия в петельке 0,25 см.

Зеркало бронзовое, цельнолитое (рис. 26, 1). Зеркала этого варианта являются самой многочисленной, характерной и распространенной формой прохоровских зеркал. В классификации этих зеркал

они выделены во II отдел 3 тип [150, с. 42—43]. Такие зеркала появляются в прохоровских погребениях на рубеже IV—III вв. до н. э. и распространены в памятниках сарматской культуры Поволжья и Южного Приуралья до I в. до н. э. [150, с. 42—43, табл. 28; 191, с. 120—121; 132, табл. IV, 2, 9, табл. V, 5, 11; 230, 121]. Необходимо заметить, что ареал зеркал подобного типа чрезвычайно широк и выходит далеко за пределы собственного сарматского ареала. Они известны в древней Индии [248], Средней Азии [80, табл. 84, I; 121, с. 42—43], Крыму [172, рис. 14, 6; рис. 26, 4].

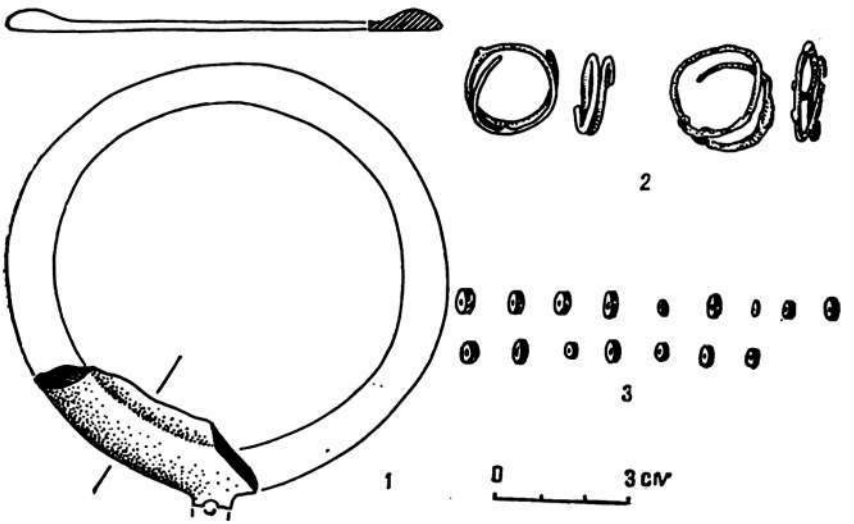

Рис. 26. Могильник Дуана, группа I, курган 1, находки.

Во втором варианте в центре диска зеркала расположена утолщенная коническая выпуклость. Однако этот вариант реконструкции маловероятен, поскольку все зеркала с выпуклостью имеют ручку — штырь. В описываемом случае мы имеем петельчатую ручку.

Сосуды. В комплексе находятся фрагменты керамики, принадлежавшие семи сосудам. Три из них — станковые, четыре — лепные. Первый станковый сосуд представлял собой кувшин. Судя по сохранившейся части, он имел плоское широкое дно, грушевидное тулово, высокое горло. Покатые плечики от горловины отделены рельефным валиком. На уровне валика прикреплен нижний корень вертикальной пластинчатой ручки. Наибольший диаметр тулова 23 см, толщина стенок 0,6—0,7 см. Изготовлен на гончарном круге из хорошо промешан-

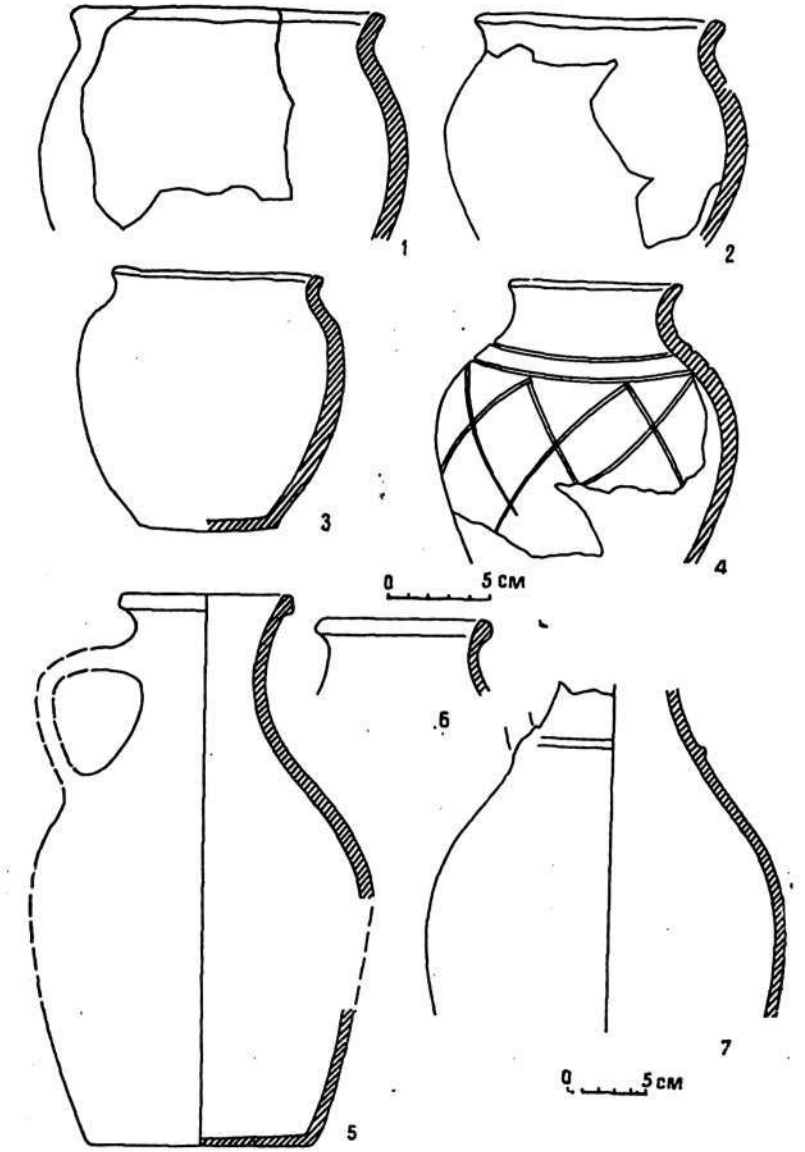

Рис. 27. Могильник Дуана, группа I, курган 1, находки.

ной формовочной массы, в которой отмечаются незначительные примеси мелкомолотого отощителя. Обжиг равномерный, горновой, черепок в изломе буро-красный. Внешняя поверхность имела сплошную облицовку буро-красным ангобом (рис. 27, *7*).

Кувшин ремесленного производства, судя по аналогиям, происходит из одного из древнехорезмийских ремесленных центров. Аналогичные кувшины широко распространены в культурных слоях древнехорезмийских городов и сельских поселений. По замечанию М. Г. Воробьевой, эта форма относится к наиболее трудно датируемым. Подобные кувшины в Хорезме появляются в слоях так называемого раннекангюйского периода — IV—III вв. до н. э. [63, с. 100, рис. 13, *3*, рис. 12, 15] и существуют затем, почти не изменяясь, на протяжении позднекангюйского (II в. до н. э. — I в. н. э.) [63, с. 130, рис. 27, *3*; рис. 29, *3*] и даже кушанского (II—IVвв. н. э.) периода [63, с. 15]. С другой стороны, единичные находки подобных сосудов отмечаются исследователями в курганах IV—III вв. до н. э. южно-уральской территориальной группы прохоровской культуры [150, с. 30].

Второй станковый сосуд также кувшин. Он имеет плоское широкое дно, тулово грушевидной формы, высокое горло сужено в средней части и расширяется вверх и вниз. Раструбообразное устье обрамлено подпрямоугольным в сечении воротничковым венчиком со скругленным бережком. Кувшин имеет одну вертикальную ручку, верхним корнем она прикреплена под венчиком, нижним опирается на покатые плечики. Судя по сохранившемуся обломку, ручка в сечении круглая. Наибольший диаметр тулово (21 см) имеет в своей верхней трети, диаметр дна (14 см) почти в два раза больше диаметра устья, высота горловины 10 см. Кувшин изготовлен из тонкоотмученной и хорошо промешанной формовочной массы, без применения отощителя, на гончарном кругу. Обжиг горновой, черепок в изломе кирпично-красного цвета. Вся внешняя поверхность кувшина покрыта темно-красным ангобом, поверх которого нанесены вертикальные полосы лощения (рис. 27, *5*).

Сосуд не находит прямых аналогий в хорезмийских керамических комплексах. Тем не менее у нас нет оснований сомневаться в его хорезмийском происхождении. Надо полагать, что он происходит из какого-то периферийного ремесленного центра, продукция которого имела свои локальные особенности.

Необходимо заметить, однако, что вертикальное, полосчатое лощение на хорезмийских кувшинах характерно лишь для позднекангюйского (II в. до н. э. — I в. н. э.) и раннекушанского (II—III в. н. э.) периодов [63, с. 152]. Так, в частности, при раскопках городища Кой-Крылган-кала кувшины с полосчатым лощением отмечены в слоях второго и третьего горизонтов (I в. до н. э. — первые века н. э.) [102, с. 120, 172].

От последнего станкового сосуда сохранилась лишь горловина (рис. 17, *6*). Она, очевидно, принадлежала сосуду типа хорезмийских раннекангюйских фляг [63, рис. 12, *31*].

Лепных сосудов четыре. Первый представляет собой узкогорлый горшок с яйцевидным туловом и, очевидно, плоским дном. Горловина низкая, раструбообразная. Бережок уплощен и скошен наружу. Диаметр устья 9,3 см, горловина по основанию 8,4 см, наибольший диаметр тулова 15,7 см, высота горловины 2 см, толщина стенок 0,7—1,0 см. Сформован вручную из плохо промешанной формовочной массы, черепок крошится, в тесте обильные примеси дресвы, черепок в изломе черный, внешняя поверхность в черных и серых пятнах неравномерного кострового обжига, бугристая, грубо заглаженная. Тулово от плечиков отделено двойной прочерченной линией. На тулове пересекающиеся линии образуют грубую ромбическую решетку (рис. 27, *4*).

Невысокая горловина, отделенная от тулова рельефным выступом или желобком, является характерной особенностью прохоровской керамики [151, с. 25].

Второй лепной сосуд (рис. 27, *1*) также сохранился фрагментарно. Вероятно, имел плоское дно, тулово шаровидной или яйцевидной формы, низкую раструбообразную горловину со скошенным наружу бережком. Диаметр устья 16 см, диаметр горловины по основанию 14,7 см, наибольший диаметр тулова 78 см, высота горловины 1,8 см, толщина стенок 0,7—0,9 см. Сосуд вылеплен вручную из плохо промешанной формовочной массы, черепок слоится и крошится. Имеются незначительные примеси мелкоокатанной дресвы, видимой лишь при увеличении. Поверхность бугристая в результате ручной формовки, грубо заглажена, выделяются серые и черные пятна кострового обжига, в изломе черепок черный. Внешняя поверхность сильно закопченная.

Третий лепной сосуд (рис. 27, *2*) сохранился не полностью. Очевидно, имел плоское дно. Тулово яйцевидное, приземистое, горловина низкая, раструбообразная. Бережок уплощен и скошен наружу. Диаметр горловины по устью 13 см, по основанию — 12 см, наибольший диаметр тулова 15,6 см, высота горловина 1,6 см, толщина стенок 0,7—0,9 см. Сосуд вылеплен вручную из плохо промешанного теста, черепок крошится. При увеличении в изломе видны мелкоокатанные немногочисленные примеси дресвы. Обжиг костровый, черепок в изломе черный, на внешней поверхности сероватые и черные пятна кострового обжига.

Четвертый лепной сосуд (рис. 27, *3*) имеет слегка выпуклое дно, яйцевидное, вертикально вытянутое тулово. Плечики от тулова отделены уступом, горловина низкая, раструбообразная, бережок уплощен и скошен наружу. Диаметр устья 10,8 см, диаметр по основанию горловины 10 см, наибольший диаметр тулова 13,3 см, диаметр дна 6,8 см,

высота сосуда 13,5 см, высота горловины 1,0 см, толщина стенок 0,5—0,9 см. Сосуд изготовлен из плохо промешанной формовочной массы, черепок слоится. Формовка произведена вручную, сосуд вытянут из одного куска формовочной массы. В изломе и на поверхности сосуда невооруженным глазом хорошо видны обильные примеси тонких блесток слюды, придающих местами поверхности сосуда металлический блеск. На изломе черепка видны довольно многочисленные примеси мелкоокатанных зерен кварца. Внутренняя поверхность слабобугристая, внешняя довольно ровно заглажена. Обжиг костровый, черепок в изломе черный, внешняя поверхность в серо-черных пятнах кострового обжига.

Таким образом, наиболее узкие даты в исследуемом комплексе устанавливаются для зеркала — IV—I вв. до н. э. и для мелких гагатовых бус, нахождение которых в погребении в массовом количестве является характерным признаком прохоровской культуры от рубежа IV—III вв. до II в. до н. э. Наличие кувшина с полосчатым лощением не позволяет принять эту дату для комплекса в целом, поскольку этот признак на хорезмийских кувшинах отмечен только со II в. до н. э. Более поздняя дата также неприемлема, так как в это время мы уже не имеем в погребениях массовых мелких гагатовых бус. В свете изложенного, наиболее вероятной датой для анализируемого погребения является II в. до н. э.

По характеру и составу погребального инвентаря отмечается значительная близость с прохоровской культурой Южного Приуралья.

Группа III, курган № 8. Находится рядом с курганами № 7 и 9. Имел вид круглой небольшой грунтовой насыпи диаметром по основанию около 6 м, высотой 0,4—0,45 м. Под насыпью на уровне горизонта из необработанных каменных плит был выложен квадрат, сторонами ориентированный по странам света. Длина стороны квадрата около 6 м. Какие-либо следы костяка, инвентаря или могильной ямы отсутствуют.

Группа III, курган № 9 (рис. 28, *1*) расположен на краю чинка. Представляет каменный ящик на уровне горизонта, сооруженный из больших каменных плит, установленных на ребро и обложенных вокруг по уровню горизонта камнем-плитняком. Размеры ящика 300×230 см. Максимальная высота плит 70 см. Плиты заглублены в грунт не более чем на 20 см. Длинной осью ящик ориентирован по линии север — юг. Курган ограблен.

В ящике находились разбросанные кости двух человеческих костяков. Судя по длинным костям ног, сохранившим, вероятно, свое первоначальное положение, погребенные лежали на спине вытянуто и были ориентированы головой на юг. У южной стенки ящика обнаружены фрагменты лепной керамики, принадлежавшие не менее чем трем раз-

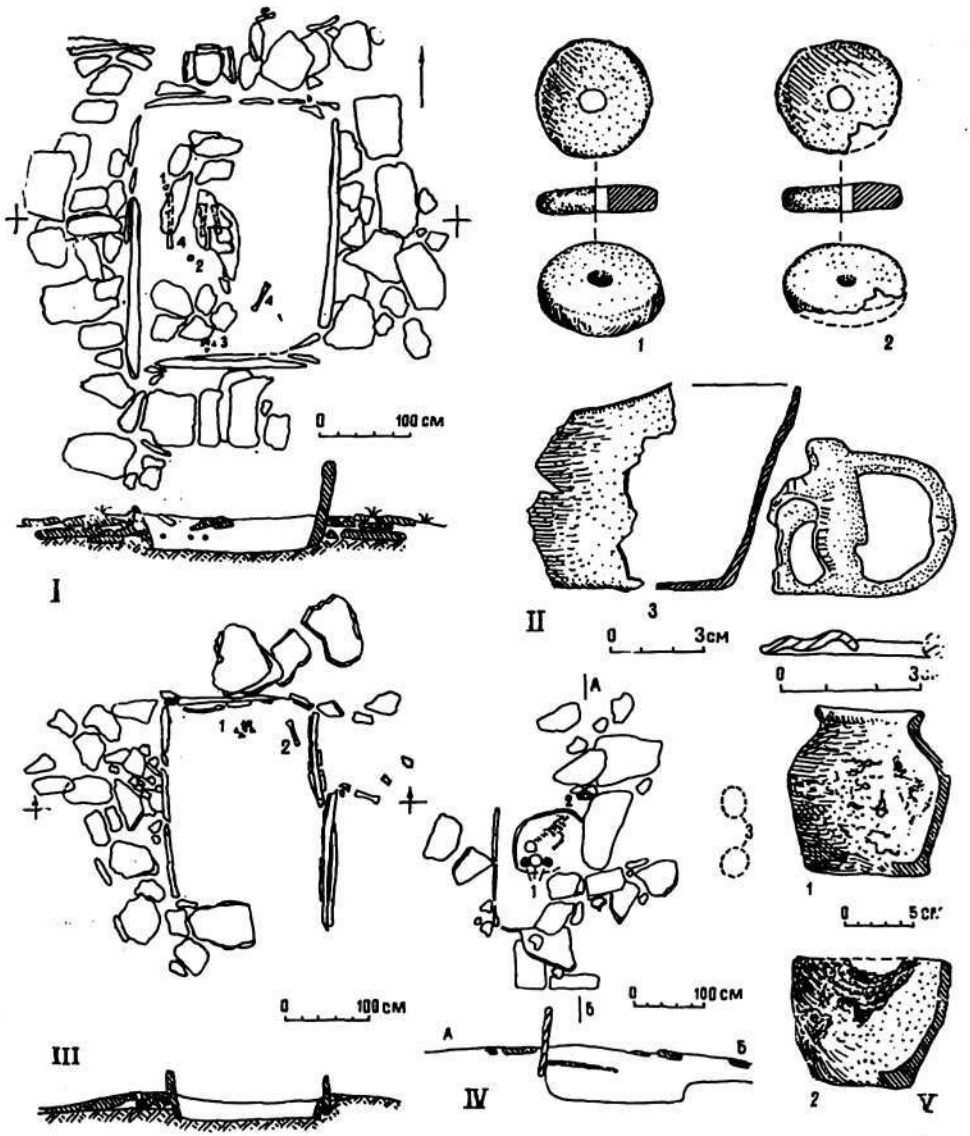

Рис. 28. Могильник Дуана. I — группа III, курган 9, план и разрез.
I — пряслица, 2 — пряжка, 3 — фрагменты керамики, 4 — кости: II — группа III, курган 9, находки; III — группа IV, курган 3, план и разрез: 1 — кости, 2 — фрагменты керамики; IV — курганная группа Сулама, курган 5, план и разрез *АБ*; V — курганная группа Сулама, находки.

личным лепным сосудам. Лишь один из них удалось частично реконструировать. Это сосуд типа небольшой плоскодонной чаши или миски, верхний край которой на сохранившемся фрагменте не горизонтальный, а наклонный. Не исключено, что на бортике сосуда имелся какой-то выступ. Сосуд тонкостенный, вылеплен вручную из грубо промешанной формовочной массы с примесями шамота. Поверхности грубо бугристые, серые, черепок в изломе черный (рис. 28, II, *3*).

В центре ящика был найден обломок бронзовой литой рамчатой пряжки с неподвижным, обращенным наружу крючком на сохранившейся стороне (рис. 28, II, *4*). Внутри рамки находилось какое-то изображение, однако понять, что именно было изображено здесь, по имеющемуся фрагменту затруднительно. Тип описанной пряжки устанавливается довольно определенно. Это рамчатые пряжки, известные в раннесарматской культуре [149, с. 301 и сл.] и выделенные в ней III тип I отдела [150, с. 40]. В территориально близких к Устюрту комплексах аналогичные по типу пряжки найдены на Илеке в прохоровском кургане конца IV—II вв. до н. э. [201, с. 100, 105, рис. 34, *9*] и на верхнем Узбое в кургане № 2 могильника Дордуль, датирующимся IV—II вв. до н. э. [233, с. 50—51, рис. 22, *5*].

В западной половине ящика найдены два пряслица, выточенные из стенок станкового красноглиняного сосуда, с гипсовыми примесями в формовочной массе и следами желтоватого неплотного ангоба на внешней поверхности (рис. 28, II, *1, 2*). Форма пряслиц дисковидная, не совсем правильная, со слегка округленными боковыми сторонами. Выточены из стенок сосуда и сохраняют легкую кривизну черепка. Сверление отверстий одностороннее, слегка наклонное по отношению к плоскостям. Диаметр пряслиц 4,5—4,7 см, диаметр отверстий 0,8 см, толщина дисков 0,8—1,0 см.

Пряслица в кочевнических погребениях — находка довольно частая. Находки пряслиц отмечены в сакских курганах Восточного Приаралья. В могильнике Уйгарак они найдены в курганах VII—VI вв. до н. э. Однако они вылеплены специально и имеют не дисковидную, а усеченно-коническую форму [62, с. 40, 41, 48—50, 120, 122, табл. XXI, 5, 6]. Дисковидные пряслица отмечены у саков Семиречья, и датируются VI—V вв. до н. э. [4 с. 94—98, рис. 77]. Совершенно тождественные пряслица, изготовленные из стенок гончарных сосудов, имеются в культуре савроматов, в ее южноуральской группе. Здесь они найдены в погребениях IV в. до н. э. [199, с. 107, рис. 59, *35—37*].

Обращаясь в поисках аналогий к хорезмийским материалам, мы отмечаем находки подобных пряслиц в слоях V в. до н. э. архаического поселения Дингильдже [64, 146].

Пряслица, выточенные из стенок гончарных сосудов, составляют основную массу находок в слоях IV—III вв. до н. э. городища Кой-

Крылган-кала [102, с. 169]. Они отмечаются и в более поздних слоях городища, однако уже не являясь господствующей формой, а сосуществуя с пряслицами других форм и изготовленных из других материалов [102, с. 169—171].

Таким образом, вероятная дата исследуемого кургана VI—II вв. до н. э. может быть установлена на основании находки обломка рамчатой пряжки. Однако наличие в комплексе пряслиц, выточенных из стенок гончарных сосудов, допускает возможность расширения этой даты до V—II вв. до н. э.

Группа IV, курган № 3. Расположен на краю чинка. Представляет собой каменный ящик, сооруженный на уровне горизонта из больших необработанных каменных плит, поставленных на ребро. По периметру, также по уровню горизонта, ящик имеет сплошную обкладку из камня. Размеры ящика 250×200 см, длинными сторонами ориентирован по линии север — юг. Курган ограблен. Лишь в северной его части сохранились обломки лепного сосуда и несколько фрагментов человеческих костей. Вероятно, первоначально имел насыпь (рис. 28, III).

Обломки сосуда из кургана принадлежат миске с округлыми стенками, вертикальным верхом со скругленной закраиной и уплощенным дном. Сосуд сформирован вручную из плохо промешанной формовочной массы с очень небольшими примесями песка и редких, сильно окатанных кусочков кварца (естественная примесь в песке). Поверхность грубобугристая, обжиг неравномерный, костровый, черепок в изломе черный в середине, кирпично-бурый — у поверхностей.

Курган № 30 (рис. 29, 1). Имел слабо заметную грунтовую насыпь, едва возвышающуюся над дневной поверхностью. Под насыпью находилась прямоугольная яма размером 240×84 см, глубиной 64 см. Длинными сторонами она ориентирована по линии север — юг. Нижняя часть ямы на высоту до 32 см облицована вертикально установленными необработанными каменными плитами. Выше, до поверхности, яма обложена горизонтально уложенными каменными плитами, ровными краями внутрь ямы. Сохранились 4—5 рядов обкладки. К западу от ямы в беспорядке лежали редкие обломки каменных плит. На дне ямы на спине, вытянуто, с руками, несколько раскинутыми в стороны, лежал человеческий костяк, черепом ориентированный на север.

В южной части ямы, по ее углам, стояло два сосуда. В юго-восточном углу — целый сосуд, в юго-западном — только нижняя часть. Рядом с бедренной костью левой ноги, немного выше дна ямы, лежали два костяных наконечника стрел. Вдоль западной стенки — костяные обкладки лука: у кисти руки — три концевых, у плеча — три срединных. Вторая пара концевых накладок отсутствовала. У кисти

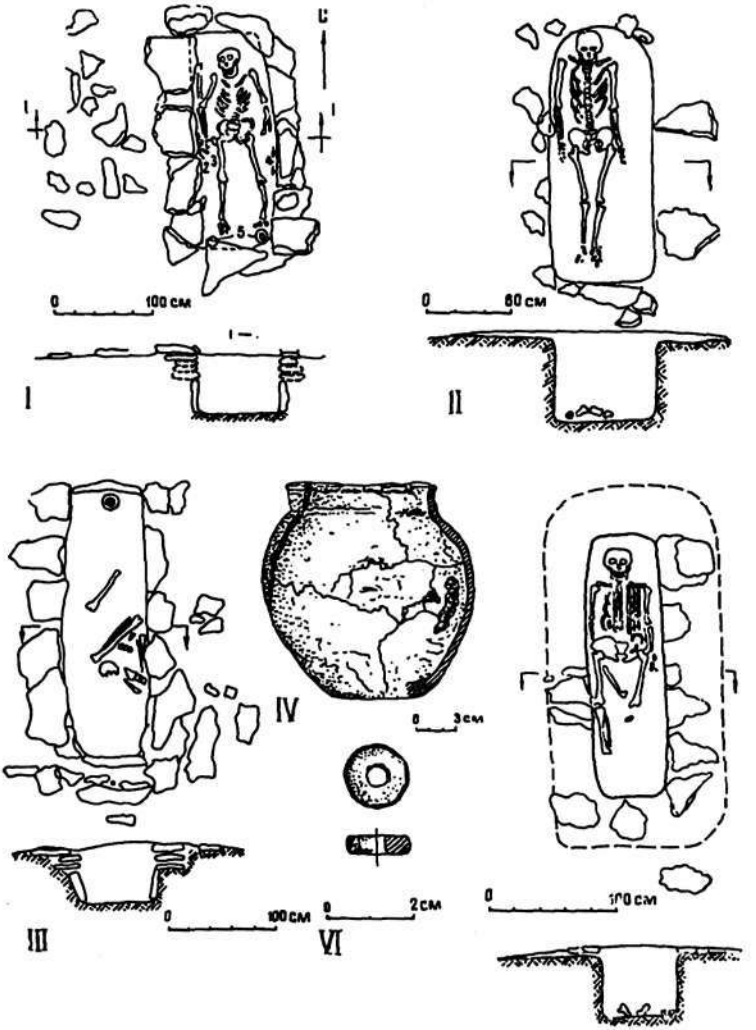

Рис. 29. Могильник Дуана, группа IV, I — курган 30, план и разрез:
1–2 — накладки лука, 3 — желтая охра с каменным бруском и железным шилом, 4 — наконечники стрел, 5 — сосуды; II — курган 36, план и разрез; III — курган 35, план и разрез; IV — курган 35, сосуд; V — курган 33, план и разрез; VI — курган 33, костяное колечко.

правой руки лежали кусочки красной охры и большие куски желтой, с прилипшими к ней железным шильцем и каменной плиткой, может быть являющейся обломком оселка. В заполнении целого сосуда обнаружены обломки небольшой деревянной ложечки.

Костяные обкладки лука (рис. 30, *1—5*): две концевых и три срединных — две боковых и одна промежуточная. Концевые накладки парные, слабоизогнутые, сохранились неполностью. Внутренняя сторона накладок шершавая. Наружная поверхность слабовыпуклая, на ней видны следы обработки накладки орудием типа круглого напильника. На одной из накладок сохранился полукруглый вырез для закрепления тетивы. Сохранившаяся часть накладок имеет в длину около 26 см, первоначально, очевидно, около 35 см, ширина 1,4—1,8 см, толщина 0,4—0,6 см (рис. 30, *4—5*).

Срединные боковые накладки широкие, подтрапециевидные, с острыми концами, в поперечном сечении дугообразные, длинной, слегка вогнутой стороной были обращены к внешней части дуги лука. Наружная поверхность пластин гладкая, внутренняя — шершавая. Длина срединных боковых накладок 37—38 см, ширина 3,5 см, толщина 0,2—0,3 см. На внешней выпуклой поверхности местами видны следы обработки (рис. 30, *1, 3*). С внутренней стороны лука между короткими сторонами боковых накладок находилась третья, срединная, промежуточная. Накладка узкая, длинная, со слегка расширяющимися концами, клиновидно срезанными. Внешняя поверхность гладкая, внутренняя — шершавая, со следами поперечных косых борозд, которые, как полагают, наносились на внутреннюю сторону обкладок для более прочного их склеивания с деревянной основой (кибитью) лука. Длина накладки 21 см, ширина 1,5—1,8 см, толщина 0,5 см (рис. 30, *2*).

Накладки обнаружены в погребении in situ и хотя кибить лука истлела полностью, накладки лука сохранили свое первоначальное положение. Это позволяет определить длину лука. От края концевых накладок до центра срединных длина лука составляла 85 см. Вторая пара концевых накладок отсутствует. Поскольку первая пара и срединные накладки сохранились хорошо, вряд ли есть основания предполагать, что вторая пара концевых накладок не сохранилась. Всего вероятнее, что лук имел концевые накладки лишь на одной стороне. Сторона без накладок была короче стороны с накладками. В этом легко убедиться, измерив расстояние между центром средних накладок и северным краем могильной ямы, в которую, всего вероятнее, упирался конец лука. Это расстояние составляет 63 см. Таким образом, лук был асимметричным и его общая длина составляет 148 см. Нельзя исключить, однако, и другой вариант. Известно, что изготовление сложного лука требовало многих лет и луки были очень дорогим оружием, поэтому в погребениях часто мог укладываться не целый лук, а сломанный, или даже

часть лука [225, с. 42]. В этом случае мы также имеем асимметричный лук с двумя парами концевых накладок. Длина его должна составлять около 150—160 см, т. е. несколько больше, чем в первом варианте.

Таким образом, и в том, и в другом случаях перед нами сложносос-

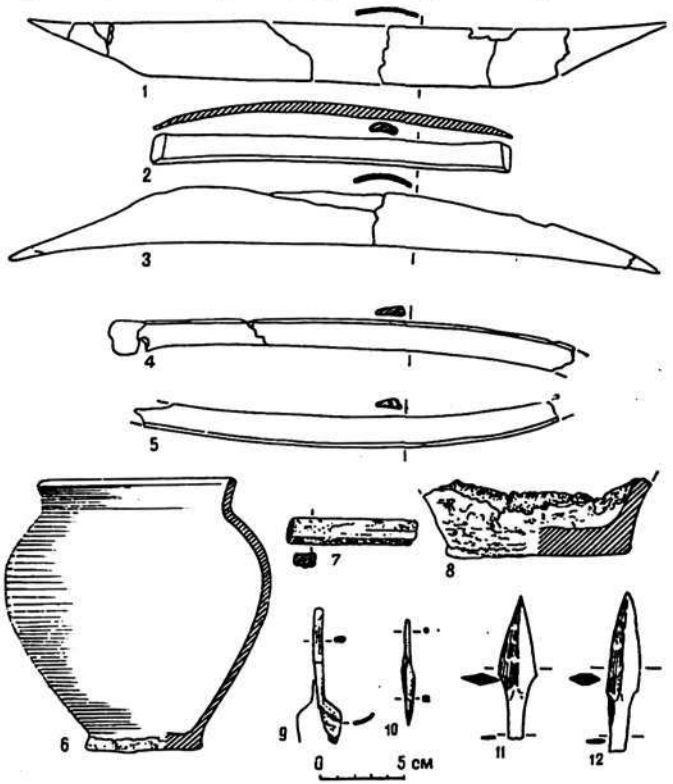

Рис. 30. Могильник Дуана, группа IV, курган 30, находки.

тавный лук «гуннского» типа с семью или пятью костяными накладками. Подобные луки в различных типологических вариантах были чрезвычайно широко распространены в степях Евразии в гунно-сарматское время [225; 226, с. 31—35; 120, с. 51—69]. Однако типологическую близость обнаруживают находки с гораздо меньшей территории. Если говорить о варианте с семью накладками, то наибольшую близость к нему обнаруживает лук из кургана № 10 Кенкольского могильника

[25, с. 21—32, табл. XXVII, XXVIII], датируемого II—IV вв. н. э. [202, с. 142]. Необходимо заметить, однако, что лук из могильника Дуана имеет бóльшие абсолютные размеры, чем кенкольский. Близок к рассматриваемому варианту и лук из поселения Актобе-2, датируемый концом VI — рубежом IV—V вв. н. э. [129, с. 77, 79]. Его абсолютные размеры также меньше, чем у экземпляра с Устюрта. Еще одно различие заключается в том, что срединные боковые накладки короткой стороной обращены наружу, а не внутрь дуги, как на устюртском луке. Близкие по размерам и типологически луки найдены в усуньских погребениях Тянь-Шаня: могильник Турасу, курган № 19 [96, с. 117, рис. 19, 5], могильник Чонтобо, курган № 2 [96, с. 128, рис. 26], могильник Калмактобе, курган № 1 [96, с. 132, рис. 28], датируемых не ранее IV в. н. э. В Киргизии же известны замечательные находки аналогичных луков в Карабулакском могильнике, датируемые II—IV вв. н. э. [19, с. 61—62]. Близкие по размерам и типологически, сложносоставные луки имелись в Южной Сибири в гуннское время [183, табл. IV, 2—4].

Если мы будем сравнивать вариант с пятью накладками, то прежде всего должны обратиться к южносибирским материалам, где, благодаря работам А. А. Гавриловой, прослежен весь эволюционный ряд сложносоставных луков «гуннского» типа [66, 87—88]. По ее наблюдениям, сложносоставные луки в Южной Сибири эволюционировали по пути постепенного уменьшения количества костяных или роговых накладок. В частности, первые луки с пятью накладками (с одной парой концевых накладок) появляются в могилах берельского типа, датируемых IV—V вв., и являются господствующими в могилах кудыргинского типа, датируемых VI—VII вв. [66, с. 87—88, табл. XXXI].

Тот же эволюционный процесс уменьшения количества накладок до двух срединных, по замечанию А. М. Хазанова, наблюдается в южнорусских степях, хотя и не столь последовательно, как в Южной Сибири [226, с. 35]. Однако эта линия развития сложносоставных луков, очевидно, не была единой для всего их ареала. Во всяком случае, в Приаралье этот процесс, вероятно, развивался несколько иначе. Об этом, например, свидетельствуют находки концевых накладок сложных луков «гуннского» типа на памятниках Кердерской культуры в слоях, датируемых концом VII — первой половиной VIII вв. [132, рис. 16—17]. В Южной Сибири в VII—VIII вв. у сложных луков остаются уже только две срединные накладки [66, с. 88].

В том же кургане были найдены костяные черешковые наконечники стрел. Головка вертикально вытянутая, треугольной формы, со слегка выпуклыми сторонами. Основание головки с черешком соединено плавным изгибом. В поперечном разрезе головка уплощенно-ромбическая, черешок плоский. Его нижнему концу подрезкой с обеих сторон придана

клиновидная форма. Поверхности головки заполированы до жирного блеска. Размерами и пропорциями наконечники несколько различаются. Первый имеет длину 9,1 см, длина головки 4,8 см, наибольшая ширина — 2,3 см. Второй наконечник имеет длину 10 см, длина головки 6,3 см, наибольшая ширина — 1,9 см (рис. 30, *11—12*).

Костяные наконечники различных типов распространены довольно широко, как во времени, так и в пространстве. В восточноевропейских степях костяные черешковые наконечники стрел известны со времен срубной и андроновской культур. Отдельные находки подобных наконечников отмечаются в течение всего раннежелезного века и в средние века. Известны они и для всех четырех этапов развития сарматской культуры [226, с. 41]. Однако типологически близких анализируемым, наконечников мы здесь не находим. В какой-то степени, правда, сходны наконечники в позднесарматской культуре [195, с. 22—23, рис. 5; 229, с. 496—498, рис. 61, *4, 5, 10, 11*]. Однако они отличаются от рассматриваемых формой основания головки, которая или прямая, или даже прогнутая, заостренная в шипы. В Средней Азии костяные наконечники известны лишь в Кенкольском могильнике [25, табл. XXIX], датируемом II—IV вв. н. э. [202, с. 142]. Однако, эти наконечники аналогичны восточноевропейским позднесарматским и также различаются с устюртскими формой основания головки.

Близкие по размерам и типологически, костяные черешковые наконечники мы находим в Западном Казахстане. Здесь они известны в Джетыасарской культуре [214, с. 249, рис. 122, *3;* 116, с. 60; 117, с. 471].

Многочисленные находки аналогичных наконечников отмечены в Северном Казахстане. Здесь, в курганном могильнике у села Покровка, в позднесарматских курганах было найдено 24 экз. подобных наконечников [88, с. 74—75, 77—78, табл. II, 1—9, табл. III, 3—7].

Близкие по форме наконечники известны в погребениях последних веков до н. э. — первых веков н. э. могильника Кокэль в Туве [81, с. 122, 159, 171, 195, 209, табл. II, 1, 2, 3, 5], а также в Таштыкской культуре Минусинской котловины [111, с. 87, рис. 31, 1, табл. IV, рис. 6].

В противовес единичным или немногочисленным перечисленным находкам массовые находки костяных наконечников подобного типа мы имеем на Верхней Оби, в археологических культурах лесостепной и степной зон Западной Сибири. Прямые аналогии, в частности, мы имеем в археологических комплексах одинцовского и переходного этапов Верхнеобской археологической культуры, в целом датирующихся III—V вв. н. э. [72, с. 115, табл. XXXII, 14, табл. XXXIV, 6, 7, 11, 17, 18, 19, табл. XXXVIII, 6, 7, 10, 11]. Однако появляются здесь наконечники этого типа гораздо раньше, еще в Большереченской культуре VII—I вв.

до н. э. [72, табл. XVIII, 5] и на городище Потчеваш, датирующимся в пределах середины I тыс. до н. э. — I в. н. э. [147, с. 206, табл. X, 15]

Исследователи полагают, что костяные наконечники стрел — явление по отношению к сарматской культуре и Средней Азии не местное. В качестве вероятного района, откуда они могли быть заимствованы, называют Западную Сибирь [229, с. 423].

Керамика. Керамические сосуды сформованы вручную, без применения гончарного круга, из грубопромешанной формовочной массы, черепок крошится, с обильными примесями отощителя в виде шамота. Внешняя поверхность сосудов до обжига грубо затиралась жидкой глиной, после обжига приобретшей бледно-бурый цвет. Обжиг костровый, недостаточный, черепок в изломе черный. Орнамент отсутствует. На целом сосуде отмечены следы закопченности на верхней части, на плечиках и горловине. Темный нагар покрывает почти всю внутреннюю поверхность сосуда. Эти признаки могут свидетельствовать об использовании сосуда для приготовления пищи.

Полностью сохранившийся сосуд (рис. 30, *6*) имеет грушевидное тулово, наибольшей ширины достигающее на 2/3 высоты. Дно плоское, очень узкое, с грубо выделенным, неровным дисковидным поддоном. Горловина широкая, низкая, раструбообразная. Бережок уплощен, по внешнему краю опоясан грубо выделенным валиком. В месте перегиба от плечиков к горловине по сырой глине, небрежно и не везде заметно, прочерчена линия. Диаметр дна 7 см, наибольший диаметр тулова 14,5 см, диаметр горловины по основанию 10,5 см, по верхнему краю — 11,3 см. Высота сосуда 16 см, высота горловины 2 см. Форма, видимо, индивидуальная. Во всяком случае, в доступных нам материалах аналогии отсутствуют.

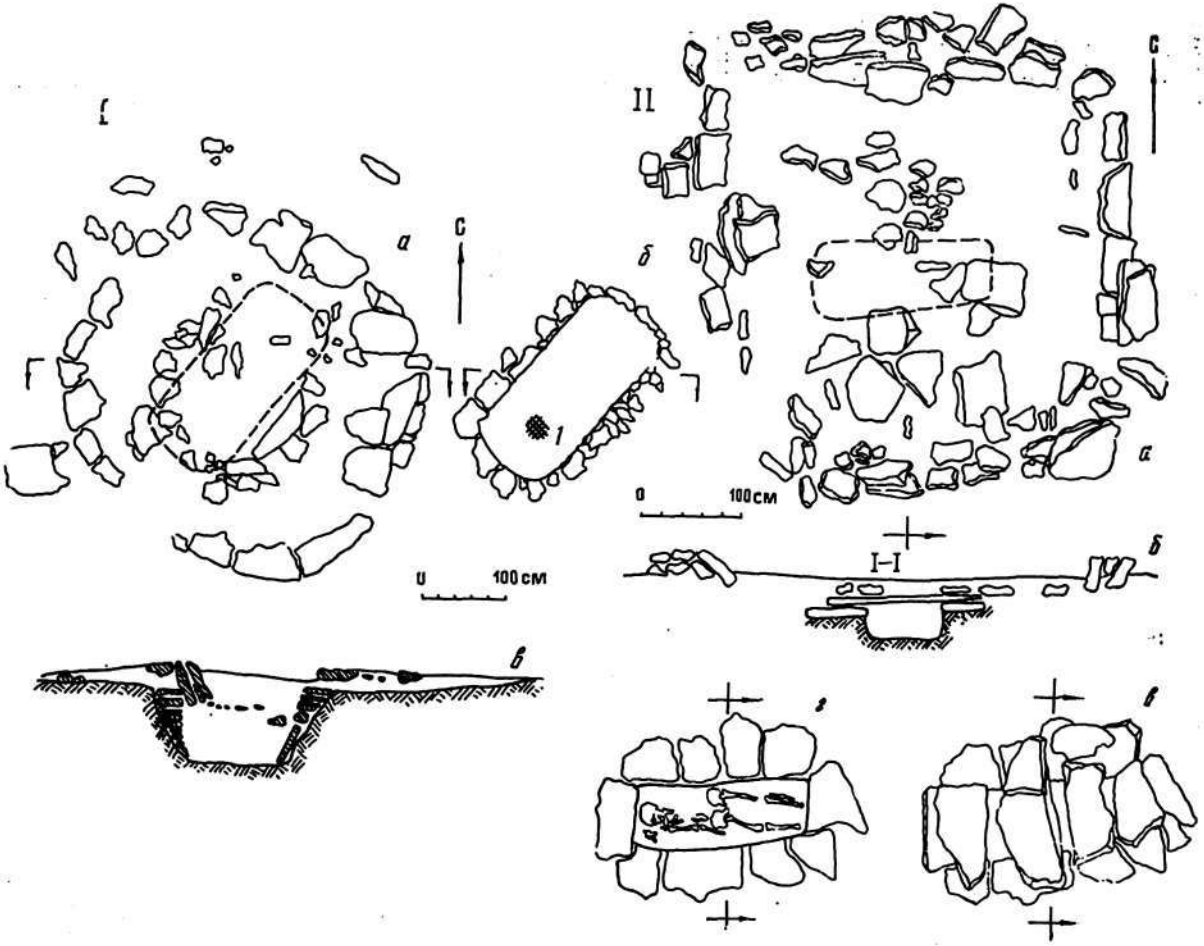
В этом же погребении найден фрагмент плоского дна диаметром 11 см, принадлежавшего крупному лепному сосуду (рис. 30, *8*).

Шило. Железное цельнокованое, черешок в сечении круглый, удлиненно-конической формы, рабочая часть квадратная в сечении, удлиненно-пирамидальная по форме. Общая длина шила 6,5 см, длина рабочей части 3,5 см, черешка — 3 см (рис. 30, *10*).

В том же погребении обнаружен обломок каменного бруска, очевидно, точильного (рис. 30, *7*), подобного известным в позднесарматских погребениях Нижнего Поволжья [229, с. 508].

Таким образом, анализ инвентаря позволяет датировать рассматриваемый курган II—IV вв. н. э.

Рис. 31. Могильник Дуана:
I — группа VI, курган 4, *а* — план по уровню горизонта; *б* — план могильной ямы. I—зольное пятно, *в* — разрез; II — группа IV, курган 32, *а* — план по уровню горизонта, *б* — разрез, *в* — план перекрытия могильной ямы, *г* — план могильной ямы.

I
II
С
а
б
1
0 100см
I–I
в
г
д

«Курган» № 31. На горизонте полукольцо из обломков необработанных каменных плит. Могильная яма отсутствует, следов погребения не обнаружено.

Курган № 32 (рис. 31, II). На горизонте из камня-плитняка грубо выложен квадрат, имеющий длину сторон около 6 м и ориентированный сторонами по странам света. Судя по положению некоторых плит, ограда частично состояла из вертикально вкопанных плит. Внутри квадрата чуть ниже уровня горизонта — редкая бессистемная наброска камня-плитняка. Под ним в центре квадрата находилась подпрямоугольная могильная яма размерами 174×70 см, глубиной от современной дневной поверхности 60 см. Длинными сторонами яма ориентирована по линии восток — запад. На уровне 25—30 см от дна яма обложена по периметру одним рядом камня-плитняка, поверх которого имеется перекрытие из необработанных каменных плит, положенных поперек ямы.

На дне ямы находился человеческий костяк, лежавший на спине, вытянуто, черепом на запад, костями лица на юг. Костяк, видимо, был потревожен. Кости левой руки отсутствуют. В заполнении могильной ямы обнаружены обломки овечьих костей. Над ямой в насыпи отмечались находки фрагментов лепных сосудов.

Курган № 33 (рис. 29, *V*). Курган имел слабозаметную низкую грунтовую насыпь диаметром около 3 м. Под насыпью с уровня горизонта прослеживается могильная яма, подпрямоугольная в плане, размером 210×62 см, глубиной около 56 см, длинными сторонами ориентированная по линии север — юг. По периметру на уровне горизонта яма имеет обкладку из камня — плитняка, сохранившуюся лишь частично.

Обнаруженный в яме человеческий костяк лежал на спине, вытянуто, черепом ориентированный на север. Очевидно, был потревожен, поскольку кости левой ноги частично отсутствуют, частично смещены к тазу. Выше грудной клетки костяка прослежены остатки 14 деревянных прутьев. Выше таковых костей находились овечьи кости (ребра — 3 шт). Кости животных отмечены и в области ног костяка. В засыпке кургана найдена костяная бусина (рис. 29, VI). Курган, видимо, ограблен в древности.

Курган № 34 (рис. 25, *I*). Курган имел низкую, слабозаметную грунтовую насыпь диаметром около 3,5 м, в основании которой на уровне горизонта лежит каменная закладка, выложенная в форме круга диаметром около 2,5 м. В северо-западной части сплошная закладка прерывается, здесь в насыпи отмечена неглубокая воронка. Под этой закладкой с уровня горизонта обнаружена подпрямоугольная яма размерами 95×58 см и глубиной около 60 см. Длинными сторонами она ориентирована по линии север — юг. Курган ограблен.

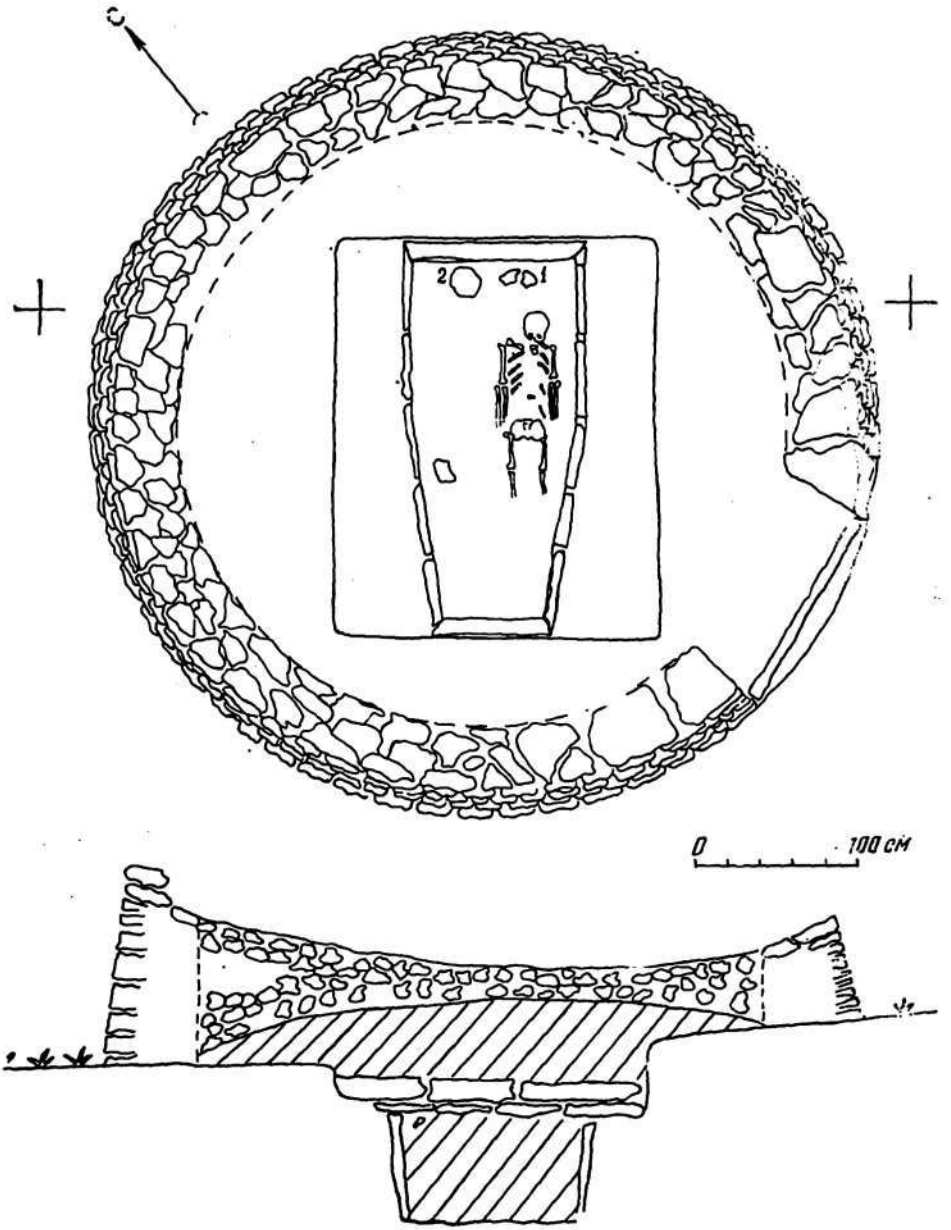
В яме находился смещенный из первоначального положения детский костяк. Можно понять, однако, что первоначально он лежал на спине черепом на север. На черепе были обнаружены диск из раковины и бронзовая антропоморфная подвеска. Диск вогнуто-выпуклый, с отверстием в середине, выточенный из створки крупной раковины. Диаметр его 4,8 см, диаметр отверстия 0,5 см (рис. 25, II, *2*). Диск лежал рядом с черепом погребенного и представлял собой, очевидно, наглазник, употребление которого зафиксировано в кочевнических погребениях Таджикистана и Киргизии [122, с. 141, здесь же сводка находок и литература вопроса].

Значительный интерес представляет находка в кургане антропоморфной подвески в виде плоской человеческой фигурки угловатых геометрических очертаний, с широко расставленными руками и ногами, изображающей обнаженного мужчину с четко выделенными признаками пола. Голова и руки фигурки сильно окислились и несколько деформировались, однако можно отметить, что голова имела вертикально вытянутую, сужающуюся кверху форму. Фигурка бронзовая, литая, изготовлена отливкой в полую форму. Задняя сторона фигурки плоская, моделирована лишь передняя сторона. Высота фигурки 5,5 см, толщина 0,3 см (рис. 25, *II, 1*).

Аналогичные фигурки широко распространены на Северном Кавказе, в Крыму, на нижней Сырдарье. Авторы сводок подобных фигурок И. Т. Кругликова и Л. М. Левина основную массу их датируют IV—V вв. н. э. [110, с. 255, 257; 115, с. 271—272], связывая их появление в Крыму с движением гуннских племен на запад [110, с. 257], вовлекших в это движение и племена Джетыасарской культуры низовий Сырдарьи, где подобные фигурки известны задолго до появления здесь гуннов. В собственно гуннских памятниках Центральной Азии находок подобных фигурок не отмечено [116, с. 62].

По мнению некоторых исследователей, фигурки были амулетами [116, с. 62], связанными с фаллическим культом [110, с. 256; 116, с. 62]. Заслуживает быть отмеченным и тот факт, что и в Крыму, и на Устюрте находки интересующих нас фигурок связаны только с детскими погребениями.

Курган № 35 (рис. 29, *III*). Имел слабозаметную грунтовую насыпь высотой 10—15 см. Под насыпью находилась подпрямоугольная в плане могильная яма размером по осям 250×80 см, глубиной около 50 см. Длинной осью яма ориентирована по линии север — юг. Нижняя часть ямы облицована необработанными каменными плитами, установленными вертикально. Верх ямы с уровня 30—35 см над дном обложен горизонтально уложенными каменными плитами. Сохранилось три ряда этой обкладки. Камни верхнего ряда выходили на поверхность и были видны до раскопок. Курган ограблен. Костяк, нахо-

2
1
0
100 см

дившийся в яме, частично уничтожен. Сохранившиеся кости смещены из своего первоначального положения и разбросаны. В северном торце ямы сохранился, очевидно, in situ, лепной сосуд. На поверхности кургана обнаружены фрагменты лепных сосудов.

Горшок из кургана № 35 (рис. 29, IV) имеет шаровидное тулово и уплощенное дно. Сосуд асимметричен. Горловина низкая, широкая, цилиндрическая, у основания ее опоясывает слабовыделенный валик. Аналогичный валик отмечается на внешней стороне уплощенной закраины горловины. Диаметр дна 7 см, наибольший диаметр тулова 16,5 см, высота горловины 2 см, толщина стенок 0,5—0,7 см, толщина дна 1,3—1,4 см. В целом сосуд близок позднесарматским лепным горшкам, выделенным В. П. Шиловым по материалам Калиновского курганного могильника в горшки второй разновидности [229, с. 504, 506] и распространенным в позднесарматских курганах Нижнего Поволжья [252, 31; рис. 23; 186, 115].

Курган № 36 (рис. 29, *II*). Имеет едва заметную грунтовую насыпь, под которой расположена длинная яма с прямыми боковыми стенками, округленной северной и прямой, со скругленными углами, южной стенками. Размеры ямы по осям 190×75 см, глубина около 65 см. Длинной осью яма ориентирована по линии север — юг. Верхняя часть ямы имела обкладку камнем-плитняком по периметру, сохранившуюся лишь частично. На дне ямы, на спине, вытянуто, черепом на север, лежал человеческий костяк (рис. 31, *I*).

Группа VI, курган № 4 находился в западной части группы. Имел невысокую грунтовую насыпь диаметром около 7 м и высотой около 30 см. В насыпи над могильной ямой имелась сплошная закладка из камня-плитняка, частично нарушенная при ограблении кургана. В основании насыпи над уровнем горизонта из плитняка была выложена фигура, в основе которой квадрат, но со скругленными углами и сторонами. Длина стороны квадрата около 4 м, углами ориентирован по странам света.

С уровня горизонта по центральной оси квадрата размещалась подпрямоугольная могильная яма со скругленными углами и торцовыми сторонами. Размеры ямы по осям 2,40×1,2 м, глубина около 0,9 м. Длинной осью ориентирована по линии северо-восток — юго-запад. Нижняя часть ямы имеет обкладку из вертикально установленных необработанных каменных плит. С уровня 0,35—0,4 м ее сменяет обкладка из таких же плит, уложенных горизонтально в 6 рядов. Вершина насыпи просевшая, камни закладки частично осели внутрь ямы.

Рис. 32. Могильник Дуана, группа X, курган 110; план после раскопок и разрез: 1—2 фрагменты керамики.

В заполнении ямы обнаружены фрагменты лепной керамики. Кости полностью уничтожены при ограблении. На дне в южной части ямы обнаружено зольное небольшое пятно.

Группа X, погребальное сооружение № 110 (рис. 32) находится на дне неглубокой ложбины, в плане имеет форму круга, состоящего из необработанных плит камня. Стены построены с наклоном внутрь. В южной ее части находится вход шириной 1,3 м, закрытый вертикально поставленной каменной плитой высотой до 0,8 м. Стены сооружения в основании имеют толщину около 0,5—0,6 м и сохранились на высоту до 1,2 м. Вся внутренняя часть постройки завалена обломками каменных плит разных размеров, а непосредственно на горизонте лежал слой щебня, закрывавший перекрытие могильной ямы с заплечиками. Нижняя часть ямы представляет собой камеру трапециевидной формы, обложенную по периметру вертикально установленными крупными каменными плитами. Эта часть ямы имеет высоту около 0,75 м и размеры по осям 2,5×1,2 м. Выше — широкая часть ямы, подпрямоугольная в плане, размерами по осям 2,5×2,0 м. Нижняя часть ямы перекрыта в два ряда большими каменными плитами, верхняя — поверх перекрытия засыпана щебнем. Длинной осью яма ориентирована по линии северо-восток — юго-запад. На дне в ее южной половине, на спине, вытянуто лежал человеческий костяк. У северо-восточной, торцовой стенки находились обломки двух лепных сосудов. Мелкие фрагменты керамики и бронзы, а также несколько бусин были разбросаны по всей яме. Погребение сильно повреждено корнями растений и норами грызунов.

Одна бусина из числа найденных усеченно-биконической формы из синего полупрозрачного стекла (рис. 33, 7). Четыре других гагатовые, дисковидные или бочонковидные (рис. 33, *3—6*). Гагат в качестве поделочного материала для бус употреблялся в разное время и на очень широкой территории [219, с. 123; 175, с. 108, 112, 117; 34. с. 54, 56; 76, с. 144]. Находки дисковидных гагатовых бус более ограничены по времени и по территории. Они в изобилии находятся в раннепрохоровских погребениях [150, с. 145] и, в частности, в погребении № 1 из группы I того же могильника Дуана. Подобные бусы найдены на некрополе древнего Миздахкана в Хорезме, где они датированы первой половиной VIII в. н. э. [242, с. 113].

Однако для прохоровских бус датирующим фактором является, помимо формы и материала, массовость находок подобных изделий и их абсолютное преобладание в погребальных комплексах, в то время как на некрополе древнего Миздахкана так же, как и в рассматриваемом погребении, — это единичные экземпляры.

В погребении найдены обломки двух сосудов. Оба сосуда лепные, из плохо промешанной формовочной массы с обильными примесями

шамота. Обжиг напольный, недостаточный, черепок в изломе черный. Поверхности облицованы плохим желтовато-красным ангобом. Первый фрагмент принадлежит плоскодонному сосуду неопределимой формы (рис. 33, *1*), второй — миске открытой формы, полусферической, с уплощенным дном, выпуклыми стенками и простым, без венчика краем с уплощенной закраиной. Диаметр устья 20 см, диаметр дна

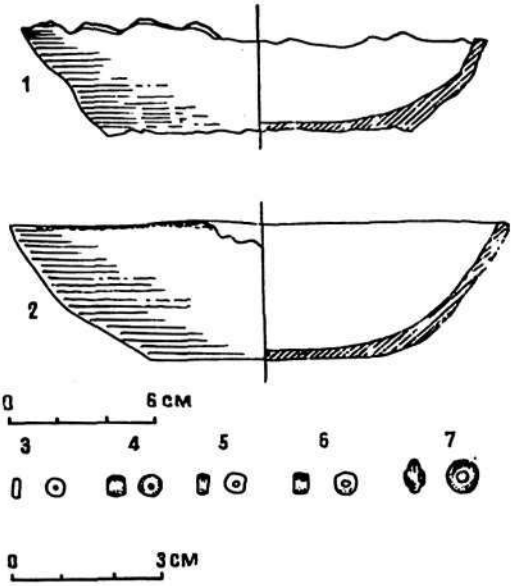

Рис. 33. Могильник Дуана, группа X, курган 110, находки.

8 см, высота сосуда 5 см, толщина стенок 0,6—0,7 см. Поверхности сосуда несут следы слабого лощения (рис. 33, *2*).

Аналогичные по форме миски отмечены для всех трех этапов Джетыасарской культуры. Однако по технологическим признакам джетыасарские сосуды другие. Они обычно изготовлены на кругу или на поворотной подставке из хорошо промешанной формовочной массы и обожжены в горне [116, с. 70, 74, 76].

Устюртские сосуды, таким образом, являются, очевидно, лишь лепной копией ремесленных образцов, изготавливающихся в оседлых центрах Джетыасарской культуры.

«Погребальное» сооружение № 111 (рис. 34) находилось на гребне невысокой гряды. Представляло собой остатки квадратного назем-

ного сооружения, построенного из необработанных каменных плит разных размеров и толщины. Углами постройка ориентирована приблизительно по странам света. Стены ее наклонены внутрь. Верхняя

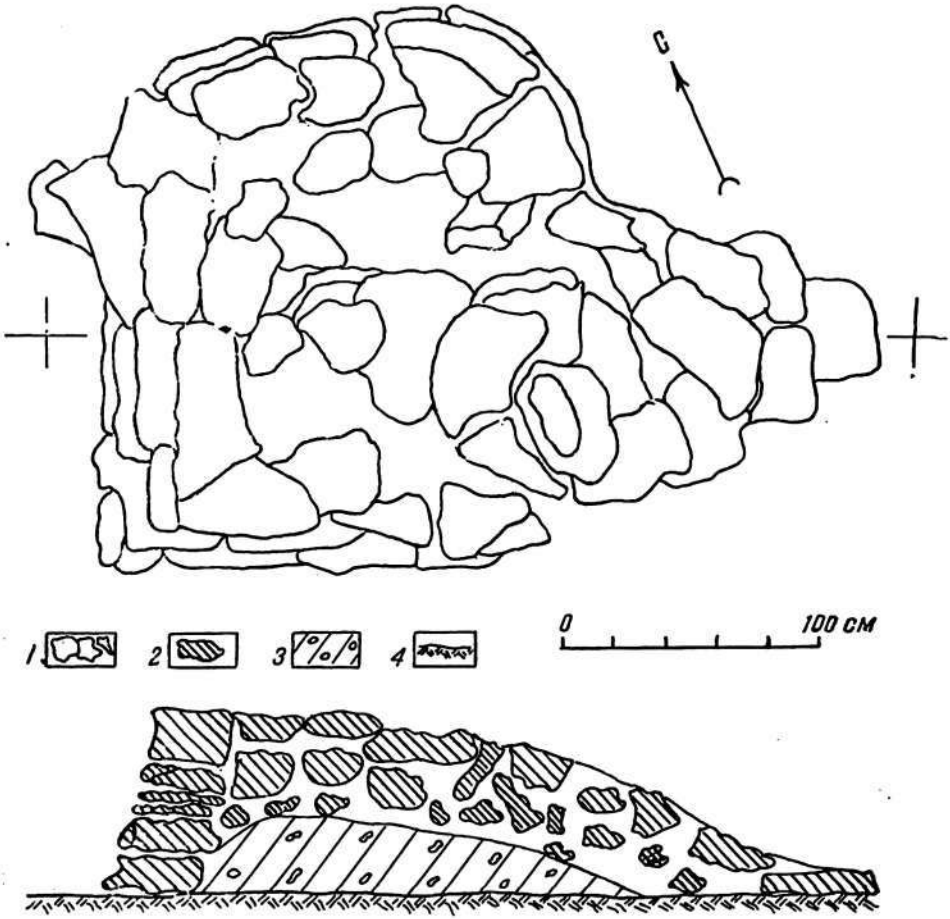

Рис. 34. Могильник Дуана, группа X, курган 111, план и разрез. Условные обозначения: 1 — каменная кладка; 2 — каменные плиты в разрезе; 3 — песок со щебнем; 4 — материк.

часть и две боковых стенки завалены плитами с разрушившихся стен. На горизонте лежал слой щебня толщиной около 30 см. Никаких признаков погребения под описанным сооружением не обнаружено.

Курганная группа Сулама (рис. 19, *5*). Расположена на Восточном чинке Устюрта рядом с одноименным казахским кладбищем, на пологом склоне плато, вытянута редкой цепочкой в меридиональном направлении вдоль берега моря на протяжении около 1,3 км с промежутками между отдельными курганами 150—300 м. Всего в группе насчитывается 11 курганов (рис. 35).

На кургане № 1 была найдена гранитная зернотерка, на пологом склоне к востоку от курганов № 2—3 обнаружена неопределенных очертаний редкая россыпь фрагментов керамики, кремневых отщепов и орудий[3]. Раскопкам подвергались курганы № 1—5. «Курган» № 2 расположен в северной части группы. Представлял неопределенную кучу камней. Раскопки показали отсутствие каких-либо признаков погребения под ней.

Курган № 2 (рис. 36, *Б*). Невысокая, круглая в плане каменная насыпь диаметром 3,2—3,4 м, высотой до 0,4 м. На юго-западном краю прямоугольный в плане каменный ящик размером 0,5×0,8 м, сооруженный из небольших каменных плит. Раскопки показали, что внутри насыпи находилась круглая камера диаметром 1,8—2,0 м. Камеру образует кольцо из вертикально поставленных на древнем горизонте каменных плит, вокруг беспорядочная обкладка камнем-плитняком. Внутри камера засыпана грунтом с обломками камня. Поверх засыпки лежат каменные плиты. Внутри ящика аналогичная засыпка. Каких-либо следов погребения или инвентаря ни в камере, ни в ящике не обнаружено.

Курган № 3 (рис. 36, А). Невысокая каменная насыпь с вертикально торчащими по периметру каменными плитами разных размеров. Часть плит упала или стояла с наклоном. На насыпи и вокруг нее беспорядочно набросаны плиты разных размеров. Диаметр насыпи около 4,5 м. После раскопок выяснено, что вертикально стоящие плиты поставлены на уровне древнего горизонта и образуют в плане спиральный проход, выводящий в центральную округлую камеру, на дне которой находилось неправильных в плане очертаний меридионально вытянутое углубление размером по осям 3,0×1,4 м и глубиной 0,10 0,15 м, т. е. практически на уровне горизонта. Пол спиралевидного прохода почти на всем протяжении выложен необработанными каменными плитами. Вход в спираль находится с юга. Все это сооружение засыпано грунтом с мелкими обломками камня.

Следов погребения не обнаружено. Единственная находка представлена обломком браслета диаметром 5—6 см, согнутого из железного прута диаметром 0,4—0,5 см.

Курган № 4 находится на краю плато на вершине небольшого

[3] Описание кремневых орудий см. в главе II.

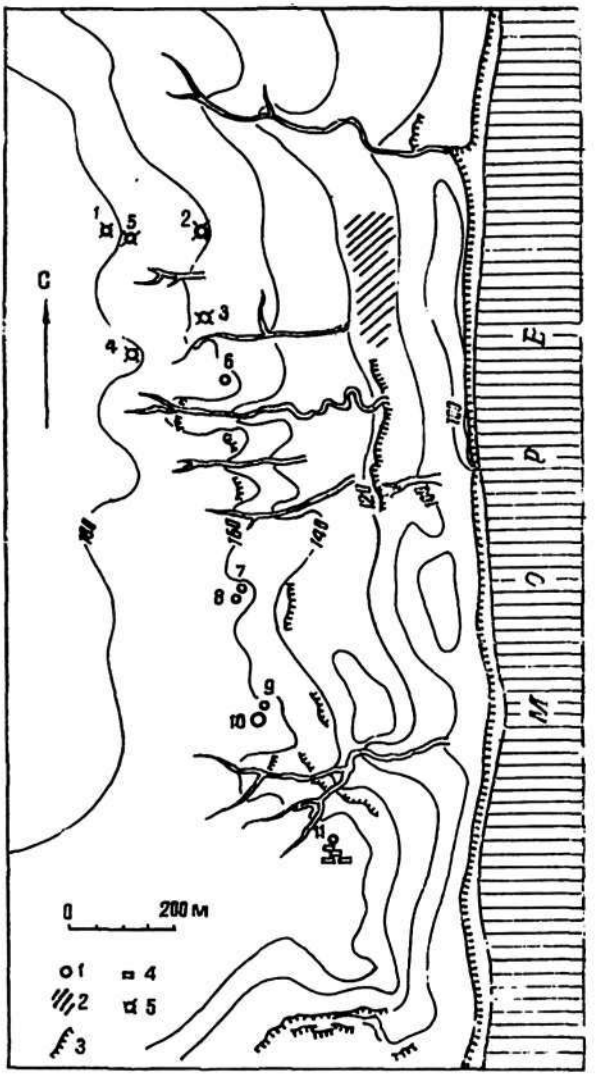

Рис. 35. План курганной группы Сулама. Условные обозначения:
1 — курганы; 2 — редкая россыпь керамики и кремней; 3 — обрывы; 4 — казахские могилы; 5 — раскопанные курганы.

бугра. Камни насыпи разбросаны в результате ограбления кургана. Раскопки кургана позволили установить, что по типу он близок кургану № 2, т. е. имеет круглых очертаний каменное кольцо на горизонте. Внутри кольца обнаружено лишь несколько мелких обломков костей. Могильная яма отсутствует.

Курган № 5 (рис. 28, *IV*) расположен в северной части могильника, в 90 м к востоку от кургана № 1. Насыпь кургана деформирована при установке на нее в недавнее время деревянного столба. Под насыпью, очевидно, на уровне горизонта из вертикально установленных плит был сооружен каменный ящик размерами примерно 2,0×1,6×1,7 м. Длинными сторонами он ориентирован по меридиану. В северной части ящика, в плоском углублении находится детский костяк. Костяк потревожен, кости частично уничтожены. Однако по костям, сохранившим свое первоначальное положение, можно понять, что погребенный лежал на правом боку, черепом на юго-запад. У черепа стояли в ряд три лепных сосуда (рис. 28, *V*). Сосуд № 1 стоял крайним с запада, он небольшой, баночной формы, диаметр устья 11 см, высота 9,5 см (рис. 28, *V, 2*). Сосуд № 2 — в середине. По размерам он самый большой в группе, плоскодонный, горшковидной формы, с широким устьем и трубчатым носиком-сливом на плечиках. При расчистке сосуд рассыпался в мелкую крошку. Сосуд № 3 (крайний с востока) представляет собой узкогорлый горшок с широким плоским дном, по диаметру превышающим устье, тулово грушевидное (рис. 28, *V, 1*). Сосуд баночной формы. Эта форма лепных сосудов имела распространение у савроматов. К. Ф. Смирнов в своей классификации савроматской керамики выделяет их в группу плоскодонных сосудов 1 отдела. Ранние сосуды этой формы имели желобчатый носик-слив. Баночные сосуды без носика, подобные устюртскому, появляются у савроматов лишь с V в. до н. э. [199, с. 112, 114]. Они известны и у саков нижней Сырдарьи. В могильнике Уйгарак такие сосуды обнаружены в курганах VII—VI вв. до н. э. [62, с. 34, 56, 75—78, 120—122, табл. XXII, 17, 18, 19].

Горшковидный сосуд с трубчатым носиком-сливом. Подобные сосуды имеют различную форму. Специфической чертой, объединяющей их, является наличие трубчатого носика-слива, который является характерным элементом савроматских [199, с. 113, 114, рис. 66, *1—8*, 69] и сакских [62, с. 76—77, 5, с. 100, 120; 3, с. 214, табл. V, 1—2; 119, с. 49, рис. 4, *8—11*] керамических комплексов.

Курган № 6 расположен на вершине мыса-высотки. Представляет неопределенную кучку камней.

Курган № 7. Невысокая каменная насыпь диаметром около 8 м. Рядом небольшая кучка камней диаметром около 2,0—2,5 м, обозначенная как курган № 8.

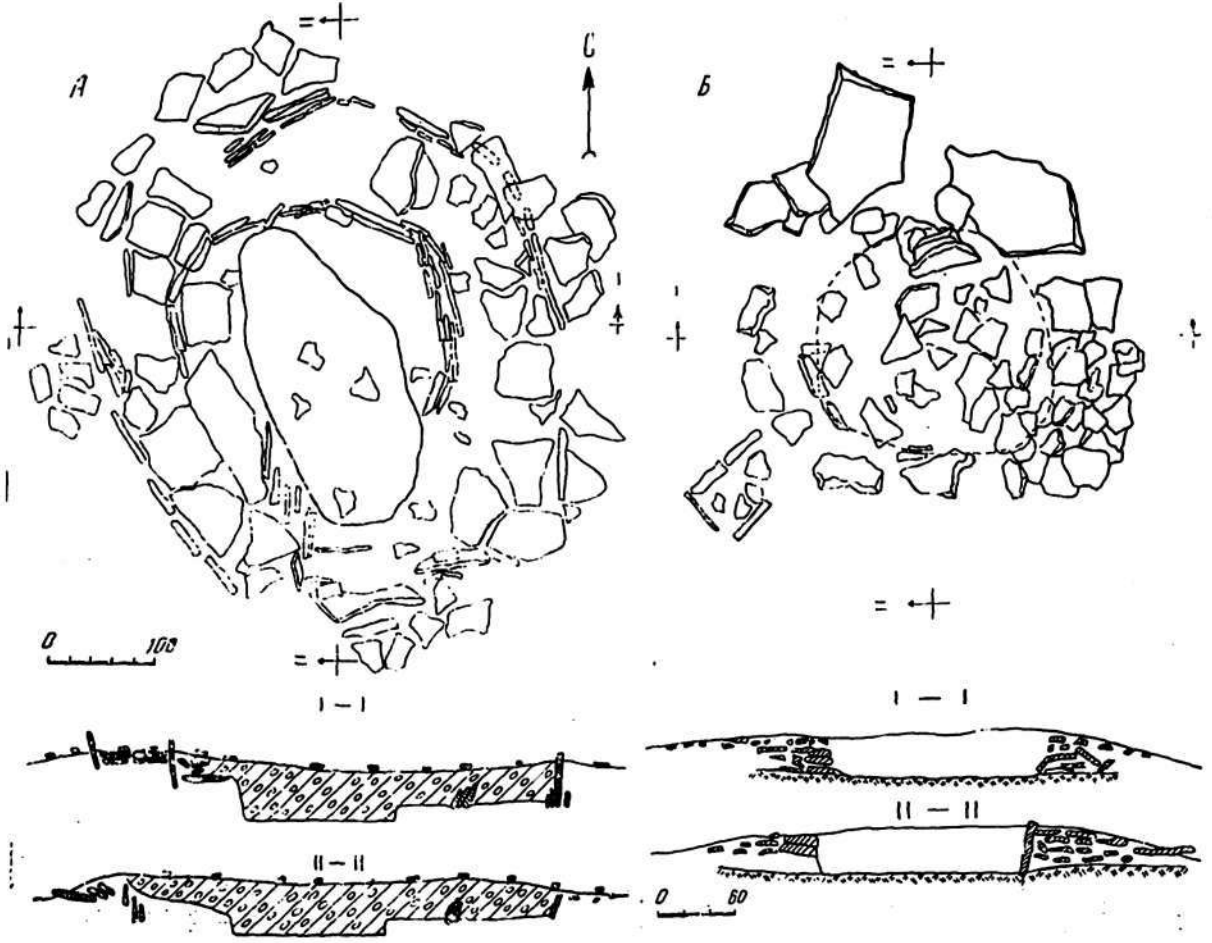

Рис. 36. Курганная группа Сулама: *А* — курган 3, план после раскопок и разрезы I—I и II—II; *Б* — курган 2, план после раскопок и разрезы I—I и II—II.

Курганы № 10, 11 по размерам и конструктивно близки кургану № 3.

Курган № 9 — небольшая кучка камней, расположенная рядом с курганом № 10, к северу от него.

Курганная группа Байтуре (рис. 19, *6*). Находится в 10 км к югу от курганной группы Сулама и в 4 км к югу от мыса Қеинчияк. Названа по расположенному рядом казахскому кладбищу. В составе группы четыре кургана.

Курганная группа Джиделибулак-*1* (рис. 19, *7*). Находится в 5 км к югу от последнего кургана курганной группы Байтуре. Названа по имени родника, расположенного южнее, среди оползней чинка. В группе насчитывается 19 курганов.

Курганная группа Джиделибулак-*2* (рис. 19, *8*). В данную курганную группу включены 6 курганов, расположенных вдоль Восточного чинка на протяжении 4 км. Северный конец группы находится в 6 км к югу от южного конца курганной группы Джиделибулак-1 и в 2 км к юго-западу от родника Джиделибулак.

Курганная группа Акбулак-*1* (рис. 19, *9*). Находится на краю чинка, в 2 км к югу от родника Акбулак и в 2 км к северу от одноименного казахского кладбища нового времени. Семь курганов расположены вдоль чинка на протяжении 2 км. Крайний северный курган находится в 5 км к югу от крайнего южного кургана курганной группы Джиделибулак. Самый северный курган резко выделяется по величине.

Курганная группа Акбулак-*2* (рис. 19, *10*). Қазахский могильник нового времени Акбулак находится на территории древнего курганного могильника, названного нами Акбулак-2. От крайнего южного кургана курганной группы Акбулак-1 могильник Акбулак-2 находится в 2,5 км. От края чинка он отстоит на 200—300 м. В отличие от ранее описанных курганных групп, которые обычно вытянуты редкой цепочкой вдоль Восточного чинка, курганы в могильнике Акбулак-2 расположены кучно.

Курганные насыпи разнотипны. Обследование позволило выявить каменные насыпи подквадратной в плане формы. Во многих курганах имеются каменные ящики, легко прослеживаемые там, где курганная насыпь в силу тех или иных причин оказалась разрушенной. На многих курганах хорошо заметны следы грабительских воронок.

По ориентировочным подсчетам, в курганном могильнике Акбулак-2 находятся 80—100 курганов.

Курганная группа Қосарма (рис. 19, *11*). Расположена в урочище Қосарма, в 4 км к северу от колодца и одноименного казахского кладбища на Восточном чинке Устюрта.

Плато на протяжении 500—700 м полого понижается по направлению к чинку и этот откос расчленен на отдельные бугры, ложбины,

увалистые гряды. Курганы редко разбросаны на площади 500—600 м от края чинка вглубь плато и на 1,5 км вдоль чинка. Обычно курганы (в группе 6 курганов) находятся на плоских вершинах небольших столовых высоток (рис. 37).

На территории курганной группы отмечаются редкие находки фрагментов лепной и станковой керамики. Среди них необходимо отметить находку обломка пластинчатой ручки водоносного кувшина, похожего на кувшины, распространенные в Хорезме в IX—XI вв. Довольно многочисленны находки сероглиняной, сероангобированной керамики хорезмийских типов хорезмшахского времени. В группе раскопаны курганы № 1, 2.

Курган № 1 (рис. 38, *II*) расположен на самом краю чинка. на вершине небольшой столовой высотки. Диаметр насыпи около 5 м. В центре прослеживались круговая кладка из наклонно установленных каменных плит, за ней, до основания кургана, — обкладка из каменных плит, уложенных плашмя. На вершине кургана лежал верблюжий череп, сплошь покрытый буро-зелеными пятнами лишайников, вероятно, положенный кочевавшими здесь в новое время казахами-табынами. Обычай оставлять на могиле голову животного — явление, известное в этнографии [94, с. 82]. После раскопок было выявлено, что под насыпью на уровне горизонта было выложено кольцо диаметром 1,5 м из каменных плит, установленных вертикально. Вокруг беспорядочная обкладка из каменных плит, уложенных плашмя. Следов погребения или ямы под насыпью обнаружено не было.

Курган № 2 (рис. 38, *I*) находится на вершине столовой высотки. Диаметр по основанию 6 м, высота 0,5 м. Насыпь грунтовая, по поверхности усыпанная щебнем и небольшими каменными плитами. В центре насыпи прослеживалась заплывшая грабительская воронка. Под насыпью находилась подпрямоугольная в плане могильная яма размером 1,9×0,6 м, длинной осью ориентированная по линии восток — запад. Глубина ямы от уровня горизонта 0,8 м. Яма была заполнена перекопанным песчанистым грунтом и щебенкой. В заполнении ямы найдено ребро барана, обломки человеческих костей, неопределенные фрагменты железных предметов и обломки керамических сосудов.

Костяк находился на дне ямы, лежал на спине, вытянуто, черепом на запад, костями лица вверх. Левая рука согнута в локте. Кости кисти лежали на лобковых костях. На костях таза и кисти левой руки найдены обломки железного двулезвийного меча или кинжала, ромбического в поперечном сечении (рис. 39, *6*). На части обломков четко видны отпечатки ткани.

Под костяком на дне ямы обнаружен тонкий слой древесного тлена — может быть, остатки деревянных носилок или гроба.

Обломок сосуда (рис. 39, 7) представляет собой фрагмент горловины с массивным валикообразным венчиком, в поперечном сечении

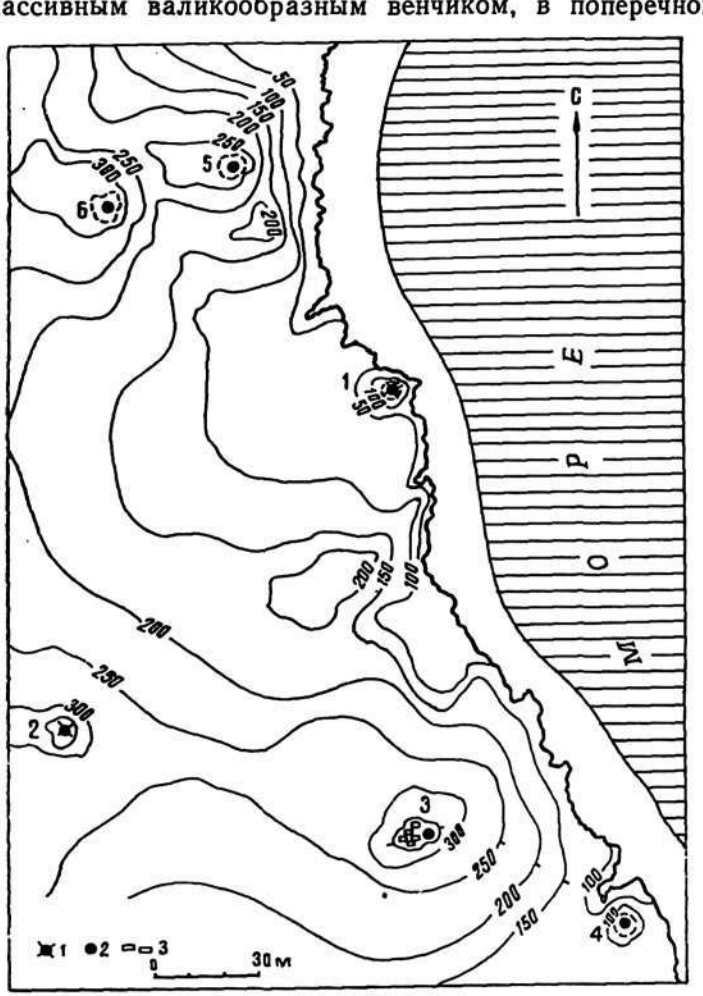

Рис. 37. План курганной группы Косарма. Условные обозначения:
1 — раскопанные курганы, 2 — нераскопанные курганы, 3 — казахские могилы.

подтреугольным, с сильно выпуклыми сторонами. Диаметр устья 10 см, толщина стенок 0,4 см. Сосуд изготовлен на гончарном кругу из тонкоотмученной и хорошо промешанной формовочной массы. При

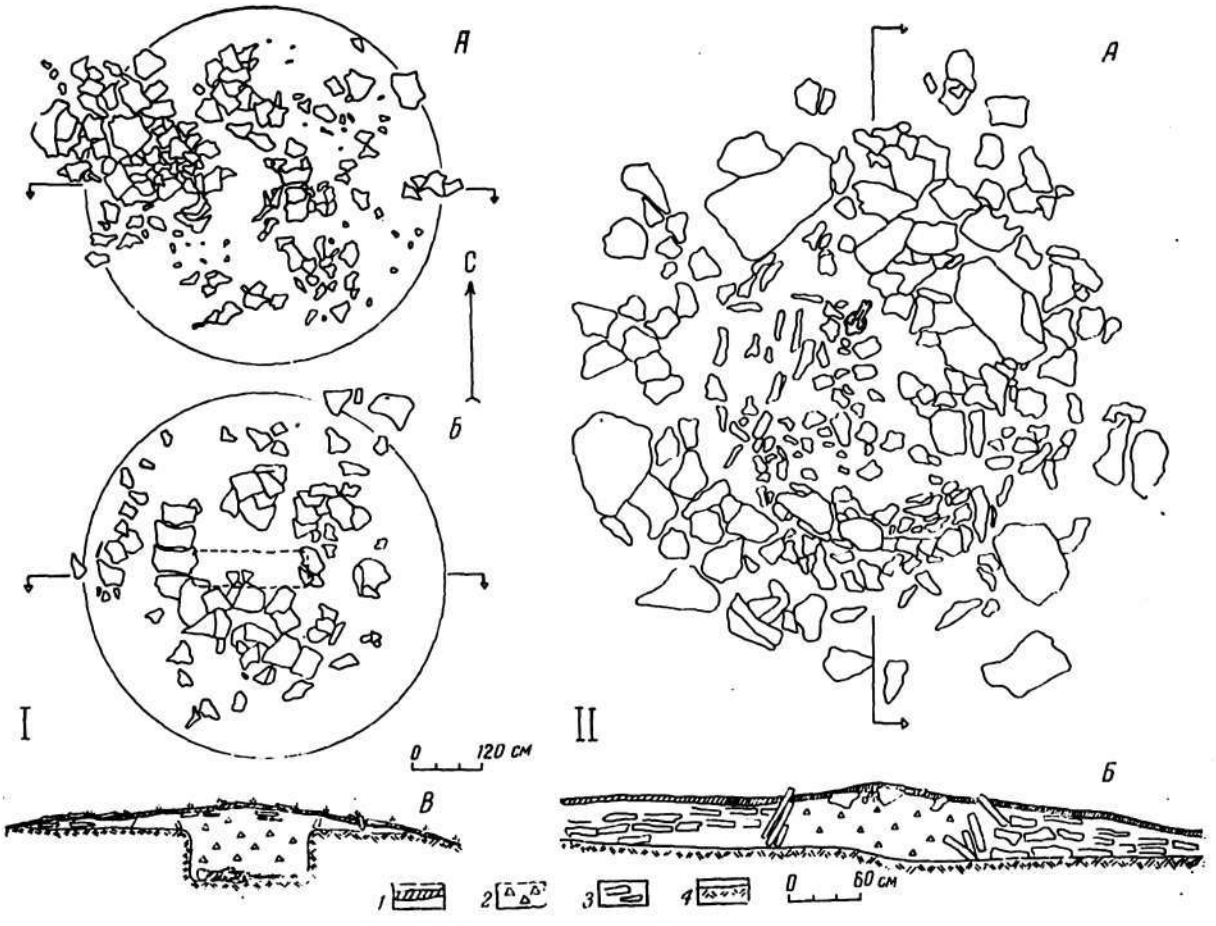

Рис. 38. Курганная группа Косарма:

I — курган 2, А — план по расчищенной насыпи, Б — план по уровню горизонта, В — разрез; II — курган 1, А — план расчищенной насыпи, Б — разрез. Условные обозначения к разрезам: 1 — дерновый слой, 2 — песчано-щебнистая засыпка, 3 — каменная кладка, 4 — материк.

небольшом увеличении в изломе черепка видны мелкие гипсовые примеси, обжиг равномерный, горновой, черепок в изломе кирпично-красный. На внешней поверхности следы неплотного грязно-белого ангоба.

Аналогии к сосуду в целом подобрать затруднительно, т. к. его форма по имеющемуся фрагменту не реконструируется. Однако по

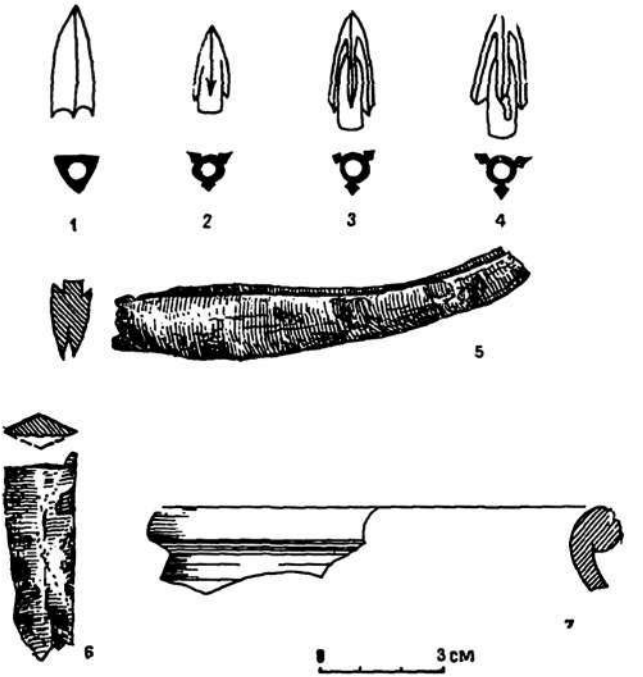

Рис. 39. Курганная группа Аджибай, курган 1, находки — 1—5; курганная группа Косарма, курган 2, находки — 6—7.

характеру формовочной массы и оформлению венчика сосуд может быть сопоставлен с раннекангюйской хорезмийской керамикой [63, с. 99, с. 188, рис. 12, *5, 26, 27*] и на основании этого признан за продукт хорезмийского ремесленного производства, в результате обмена попавшего к кочевникам Устюрта.

Курганная группа Актумсук. Расположена у мыса на Восточном чинке, по имени которого и дано название курганной группе. Рядом с нею находится казахское кладбище нового времени Актумсук. В курганной группе насчитывается 4 крупных кургана, расположенных на протяжении 1,2—1,5 км и занимающих вершины небольших господст-

вующих над местностью высоток. В группе раскопаны курганы № 2, 4.

Курган № 2 (рис. 40) находится на вершине плоского бугра. Имеет песчано-щебенчатую насыпь диаметром 16—18 м. В центре — заплывшая грабительская воронка. Высота сохранившейся части насыпи достигает 0,75 м. К югу от центра кургана виден каменный ящик, сооруженный из вертикально поставленных плит. Размеры ящика 1,5×1,2 м, длинной осью ориентирован по линии север — юг. Под насыпью на уровне горизонта находилось кольцо диаметром 8,5 м, шириной 0,65—0,75 м, сложенное из плитняка. В северо-восточном секторе кургана прослежены остатки второго, внутреннего кольца, сооруженного из каменных плит, установленных вертикально. Его диаметр около 5,5 м. Инвентаря и следов могильной ямы нет. Очевидно, погребение было совершено на горизонте во внутреннем кольце. В южной части кургана в насыпь впущен каменный ящик, при сооружении которого было частично разрушено кольцо основного погребения.

Курган № 4 расположен на вершине небольшого плоского бугра. Разрушен почти полностью. Однако удалось установить, что под курганной насыпью на древнем горизонте находилось каменное кольцо диаметром около 10 м, внутри которого и находилось, очевидно, погребение.

Курганы урочища Курганча (рис. 19, *13*). Здесь обнаружено два кургана, расположенные на краю чинка недалеко от городища Курганча (Давлетгирей) и одноименной башни[4].

Курган № 1 расположен примерно в 250 м к северу от средневековой башни городища Курганча. Имел низкую (около 20 см) насыпь из камня и грунта с широкой оплывшей грабительской воронкой в центре. Под насыпью находилась могильная яма размерами по осям 1,8×0,5 м, глубиной до 1 м, длинной осью ориентированная по линии восток — запад. С северной стороны ямы на высоте 0,2 м от дна сделана ступень шириной около 0,1 м. В перекопанном заполнении ямы найдены разрозненные кости человеческого скелета. Инвентарь отсутствует.

Курган № 2 находится на плато недалеко от края чинка, в 360 м к северо-западу от развалин башни городища Курганча. Представляет собой плоский оплывший бугор диаметром около 40 м, высотой 0,15—0,20 м. На поверхности бугра видны верхушки многочисленных каменных ящиков. Один из них подвергся раскопкам. Ящик сооружен из необработанных каменных плит, поставленных на ребро. Его размеры 2,65×1,05 м, длинной осью ориентирован по линии восток — запад. На дне сохранились фрагменты человеческих костей.

---

[4] См. главу IV, рис. 83, А.

Одиночный курган Каракибир (рис. 19, *14*) находится на плоской вершине небольшой высотки в 70 м к северо-западу от края чинка, в 3 км южнее мыса Кустау. Курган диаметром 8 м, высотой около 0,7 м имел каменно-грунтовую насыпь. Вершина просевшая. При рас-

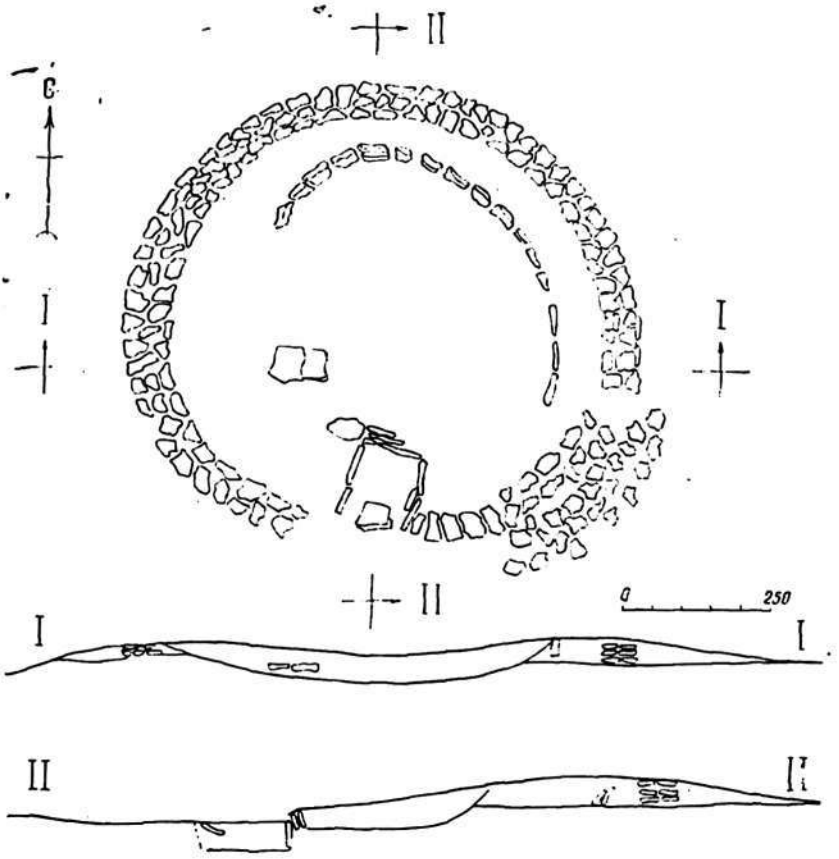

Рис. 40. Курганная группа Актумсук, курган 2, план и разрезы.

копках в разных местах найдены мелкие обломки костей животных и человека. Под насыпью обнаружены три погребения, перекрывавшие одно другое (рис. 41).

Погребение № 1 — впускное, в каменном ящике, который сооружен из необработанных каменных плит, поставленных на ребро. Размеры ящика 1,7×0,6 м. Длинной осью ориентирован по линии северо-

восток — восток — юго-запад — запад. Сверху имел перекрытие из каменных плит. В ящике на спине, вытянуто, черепом на юго-запад — запад, костями лица вверх лежал человеческий костяк. Инвентарь отсутствовал. У северного угла ящика обнаружены остатки еще одного черепа, вероятно, из нижележащего погребения, разрушенного погребением № 1.

Погребение № 2. Западнее погребения № 1 находилась яма сложных в плане очертаний, размерами по осям 1,9×1,5 м, глубиной от уровня горизонта около 0,6 м. В юго-западной части ямы обнаружен лежащий на боку череп верблюда с остатками двух железных колец. В щебнисто-песчаной засыпке ямы найдены кости ног лошади.

Погребение № 3. Яма погребения № 3 почти полностью перекрыта ямой погребения № 2. Ее глубина от уровня горизонта около 0,7 м. Яма прямоугольная в плане, размеры 1,7×0,65 м, длинной осью ориентирована по линии восток — запад. В юго-восточном углу ямы лежали человеческие кости: череп и мелкие обломки длинных костей конечностей. Это, видимо, все, что осталось от первоначального погребения в кургане.

Одиночный курган Узыноба (рис. 19, *15*) находится в 3 км от одиночного кургана Қаракибир, на краю чинка, на вершине высокого бугра.

Одиночный курган Курккаракаир (рис. 19, *16*) находится в 3 км к югу от одиночного кургана Узыноба, в урочище Курккаракаир, на краю чинка. Курганная насыпь имеет вид плоского усеченно-конического бугра диаметром по основанию около 14 м. Вершина насыпи плоская. Хорошо заметна круглая в плане обкладка верха диаметром около 5 м из вертикально установленных каменных плит. Внутри круга и по склонам кургана — каменная наброска.

Курганная группа Аджибай (рис. 19, *17*) расположена на Восточном чинке в урочище Аджибай, в 12 км от одиночного кургана Курккаракаир. В группе насчитывается 4 кургана. Все они разбросаны вдоль обрыва плато, часто на самом краю его (рис. 42, *II*). Курганы имеют вид небольших бугров, поверхность которых обложена камнем. Курганы № 1 и 2 расположены вблизи один от другого на вершине плоской высотки. Курганы № 3 и 4 — на краю плато, на значительном удалении друг от друга. На кургане № 3 прослеживается кольцо по периметру насыпи из вертикально установленных каменных плит. В группе раскопаны курганы 1, 2, 4.

Курган № 1 (рис. 42, *I*) имел грунтовую насыпь диаметром 6 м, высотой 0,32. На вершине насыпи — следы грабительской воронки. На поверхности насыпи — обкладка из камня-плитняка. Под насыпью на горизонте находилось кольцо диаметром около 5 м, сложенное из плитняка. В пределах кольца, в насыпи, перекопанной грабителями,

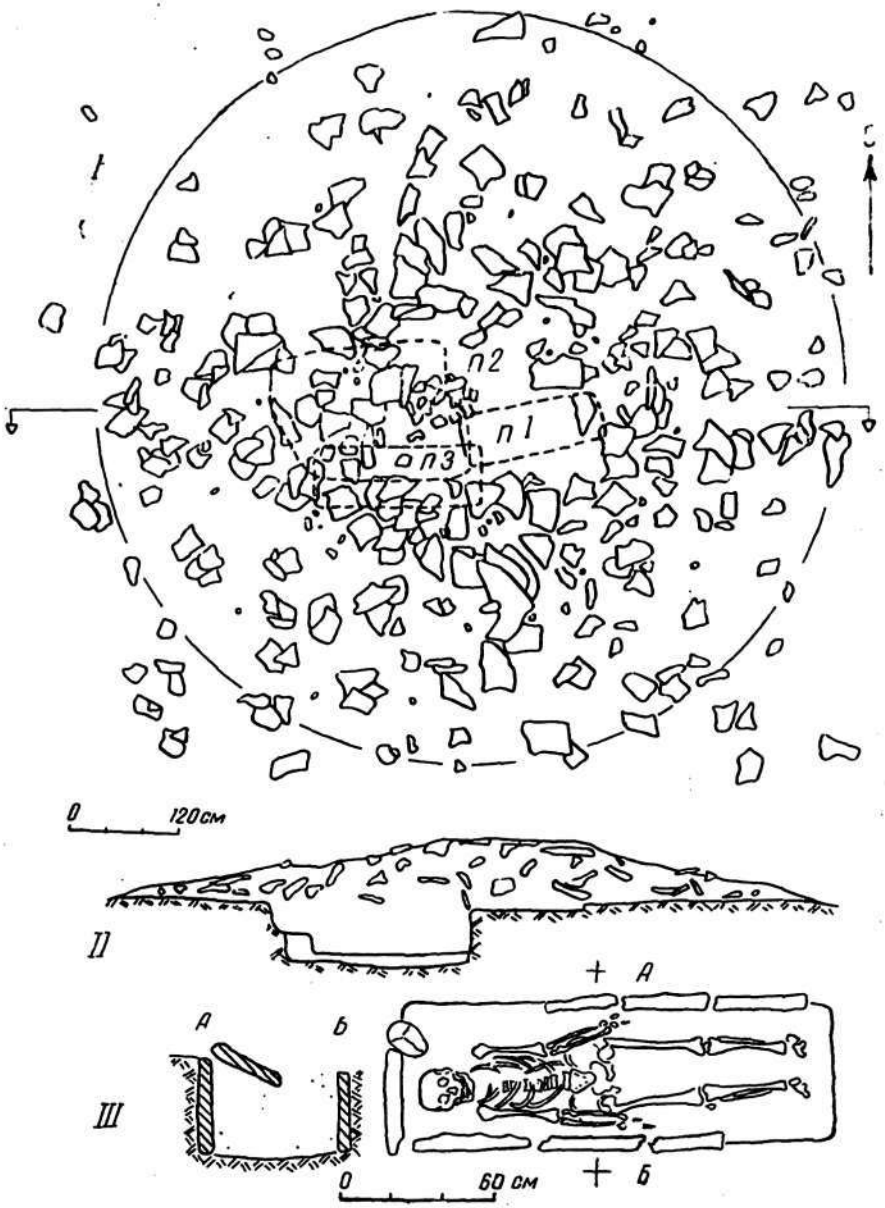

Рис .41. Одиночный курган Каракибир:
I — план, II — разрез, III — план и разрез АБ погребения 1.

и на горизонте обнаружены сильно разрозненные, часто фрагментированные человеческие кости, четыре бронзовых наконечника стрел (рис. 39, *1—5*), фрагменты лепных сосудов, обломки какого-то бронзового изделия, неопределимые обломки железных предметов. Могильная яма отсутствовала. По всей вероятности, в данном случае перед нами погребение на горизонте внутри каменного кольца. Обломок бронзового изделия (рис. 39, *5*), предположительно определенного как бритва, имеет клиновидное поперечное сечение. Аналогии ввиду неполной, не реконструирующейся формы изделия, подобрать затруднительно. Обломки сосуда принадлежат плоскодонному лепному горшку, изготовленному из плохо промешанной формовочной массы и неравномерно обожженному на костре.

Наконечники стрел трех типов. Первый наконечник (рис. 39, *1*) трехгранный, сводчатой формы, с дуговидным вырезом базы и внутренней втулкой. Длина 2,8 см. Автор классификации савроматских наконечников стрел К. Ф. Смирнов выделяет подобные наконечники в отдел III, тип 14 и отмечает, что они распространены у савроматов, в основном, приуральской группы в VI—IV вв. до н. э. Более ранние наконечники отличаются крупными размерами. В IV в. до н. э. наконечники данного типа мельчают, на некоторых из них появляются узкие ложки вдоль граней [198, с. 56].

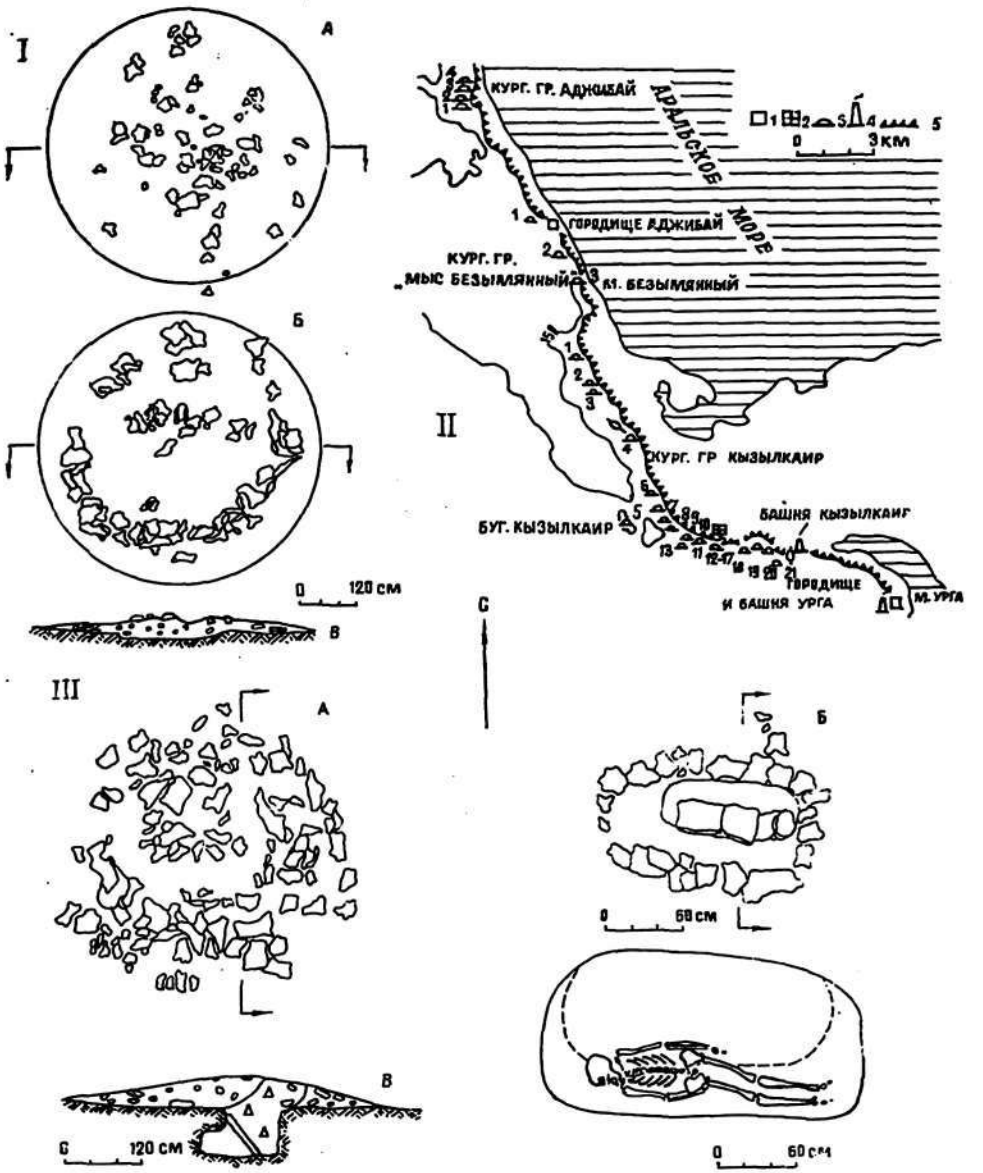
Находки подобных наконечников отмечены в Прикамье, на Северном Урале, в Казахстане, Сибири и Алтае. Отдельные находки известны в странах Переднего Востока [198, с. 56].

В раннесарматской, прохоровской культуре бронзовые наконечники стрел, как это отмечено М. Г. Мошковой, развиваются по линии преемственности от савроматских типов [150, с. 31]. Близкие по форме, но более мелкие по размерам наконечники отмечены в прохоровской культуре в комплексах IV в. до н. э. [150, табл. 16, 20, 44]. В более позднее время трехгранных наконечников с гладкой поверхностью нет, на известных экземплярах узкие ложки.

Анализируемый наконечник по таким признакам, как крупные абсолютные размеры, отсутствие ложков, ближе стоит к ранним савроматским наконечникам.

Наконечник второго типа (рис. 39, *2*) имеет сводчатую трехгранную головку и выступающую короткую втулку. Ребра головки отделены от втулки узкими, едва намеченными ложками и заканчиваются острыми шипами. Длина наконечника 2,1 см. Отливка небрежная, на втулке

Рис. 42. Курганная группа Аджибай:
I — курган 1, *А* — план нераскопанной насыпи, *Б* — план по уровню горизонта, *В* — разрез; II — схема расположения курганных групп Аджибай, мыс Безымянный, Кызылкаир. Условные обозначения: 1—городища, 2—казахское кладбище, 3—курганы, 4 — развалины башен, 5 — обрывы III — курган 2, план расчищенной насыпи, *Б* — план по уровню горизонта с расчищенной входной ямой, *В* — разрез, *Г* — план могильной ямы.

I
А
Б
0 120 см
В
II
КУРГ. ГР. АДЖИБАЙ
АРАЛЬСКОЕ МОРЕ
1 2 3 4 5
0 3 км
ГОРОДИЩЕ АДЖИБАЙ
КУРГ. ГР. „МЫС БЕЗЫМЯННЫЙ"
КЛ. БЕЗЫМЯННЫЙ
КУРГ. ГР КЫЗЫЛКАИР
БУГ. КЫЗЫЛКАИР
БАШНЯ КЫЗЫЛКАИР
ГОРОДИЩЕ И БАШНЯ УРГА
М. УРГА
С
III
А
В
0 120 см
Б
0 60 см
0 60 см

большая раковина — дефект литья. В савроматской культуре подобные наконечники выделены К. Ф. Смирновым в III отдел, тип 3. Основная масса их датирована в пределах конца VII—V вв. до н. э. Единичные экземпляры наконечников данного типа отмечаются также и в колчанах IV—II вв. до н. э. [198, с. 52]. Однако наличие таких характерных признаков для анализируемого наконечника, как короткая втулка и слабо намеченные ложки, отмечено для савроматских наконечников, обнаруженных в комплексах V в. до н. э. [198, табл. IVГ, 24—27].

Два остальных наконечника (рис. 39, *3, 4*) относятся к типу стрел со сводчатой трехлопастной головкой и выступающей втулкой, употреблявшихся в течение почти всего периода существования в савроматском мире бронзовых стрел, т. е. с конца VII до II вв. до н. э. К. Ф. Смирнов в своей классификации относит их в отдел I, тип 6 Б [198, с. 46—47]. По наблюдениям М. Г. Мошковой, данный тип наконечников наибольшее распространение также получает в IV—III вв. до н. э.

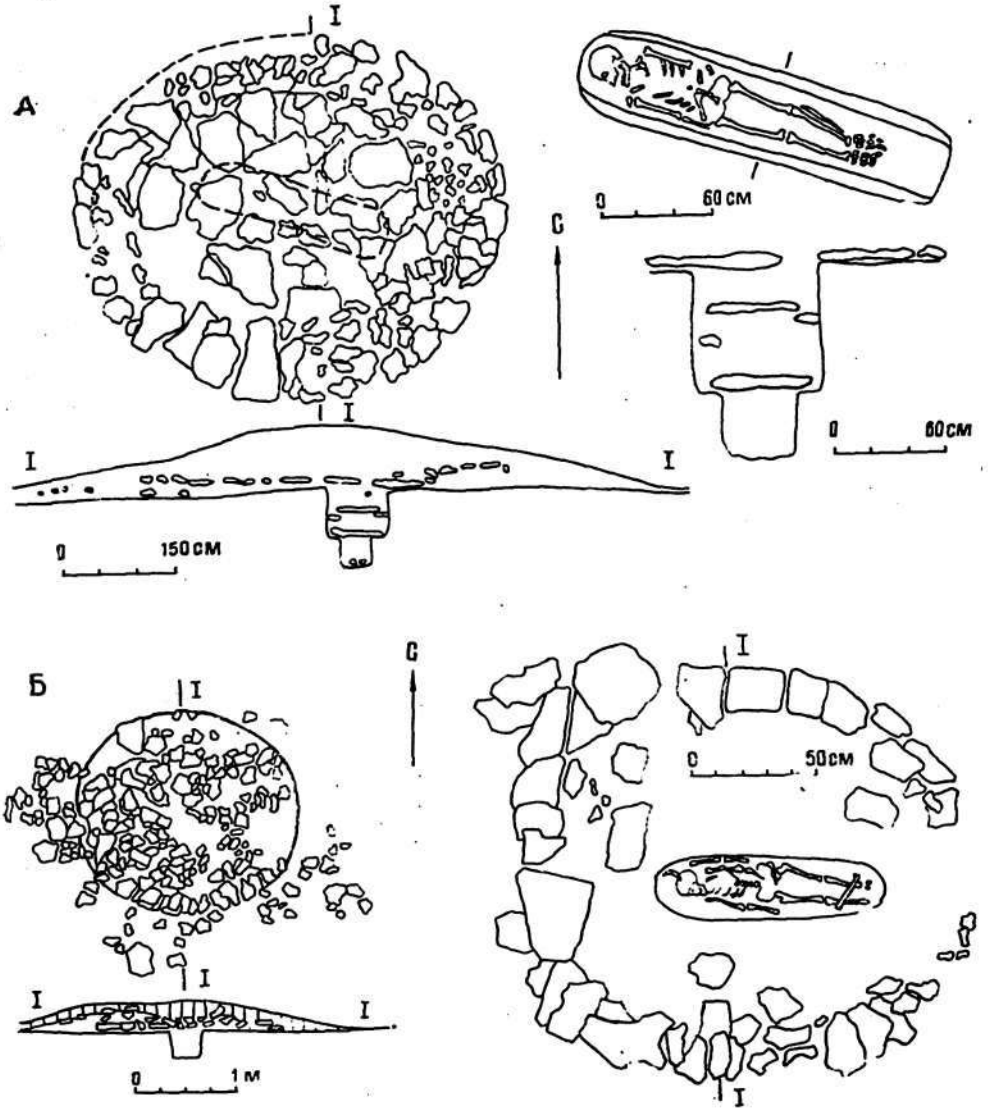
Таким образом, на основании нахождения в комплексе наконечника второго типа, обнаруживающего признаки, близкие к савроматским наконечникам, наиболее вероятной датой для перечисленной группы наконечников стрел является V в. до н. э. Этим же временем, вероятно, можно датировать и курган в целом.

Курган № 2 (рис. 42, *III*) имеет насыпь из грунта с камнем, диаметром по основанию до 5 м, высотой до 0,1 м. На поверхности сохранились следы обкладки камнем. Северная часть насыпи просевшая. В насыпи кургана обнаружены отдельные бараньи кости. Под насыпью находилась подовальная в плане могильная яма размерами по осям 2,0×0,8 м, длинной осью ориентированная по линии восток — запад. Глубина ямы от уровня горизонта 0,7 м. В южной стенке ямы подбой глубиной до 0,4 м. Устье подбоя было заложено наклонно поставленными каменными плитами. В подбое на спине, вытянуто, черепом на запад лежал человеческий костяк. Под костяком отмечены следы тонкого сплошного слоя коричневого тлена.

Курган № 4 находится на краю обрыва и имеет каменную насыпь. Она состояла из крупных каменных плит, уложенных горизонтально и переслоенных огипсованным песком. Диаметр ее около 8 м, высота около 0,6 м. В каменной кладке прослежены отдельные находки фрагментов костей и фрагменты керамики. Насыпь сооружена на уровне горизонта. Могильная яма под ней не обнаружена.

Курганная группа «мыс Безымянный» (рис. 19, *18*) находится на чинке на участке протяженностью около 3 км между городищем Аджи-

Рис. 43. Курганная группа Урга, курган 3, план по уровню горизонта, разрез, план и разрез могильной ямы *(А)*; курганная группа «мыс Безымянный», курган 3, план расчищенной курганной насыпи, разрез 1—1, план по уровню горизонта с расчищенной могильной ямой *(Б)*.

А
I
I
I
I
0 150 см
С
0 60 см
0 60 см
Б
I
I
I
I
0 1 м
С
I
0 50 см
I

бай и мысом «Безымянный». В группе находятся четыре кургана (рис. 42, *II*). Все курганы раскопаны.

Курган № 1 расположен в 1 км от городища Аджибай к северо-западу. Курган имеет насыпь диаметром 6—7 м и высотой около 0,85 м. Поверхность усыпана мелким щебнем и небольшими плитами известняка. Вокруг насыпи и на ней отмечены редкие находки красноглиняной станковой керамики и фрагментов овечьих костей. Под грунтовой насыпью на уровне горизонта было сооружено из камня-плитняка кольцо диаметром по внутреннему краю около 3 м. В северной половине кольца находилась подпрямоугольная в плане могильная яма размером 0,6×0,2 м, глубиной около 0,5 м. Длинной осью ориентирована по линии северо-запад — юго-восток. На всю глубину яма забита беспорядочно набросанным камнем-плитняком. На дне находились остатки детского костяка, ориентированного, очевидно, черепом на северо-запад. От костяка сохранились лишь часть черепа и разрозненные кости. В пределах кольца на уровне горизонта было обнаружено несколько мелких обломков красноглиняной станковой керамики и фрагмент бронзовой пластинки.

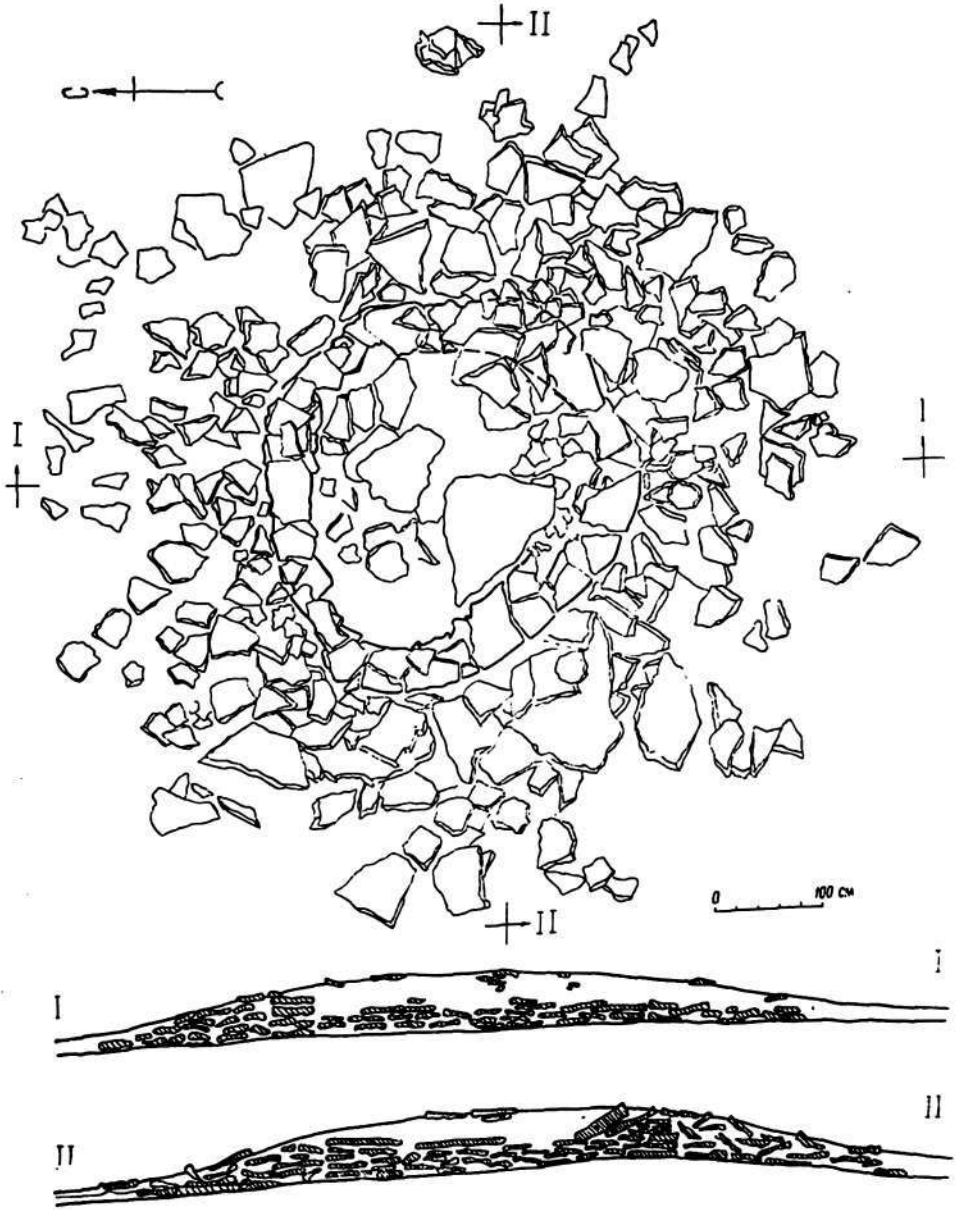
Курган № 2 находится в 1,2—1,3 км к юго-юго-востоку от городища Аджибай и имеет насыпь диаметром 6—8 м, высотой около 1 м. Насыпь сложена из плитняка. Следов могильной ямы под ней не обнаружено.

Курган № 3 (рис. 43, Б) находится в 1 км от кургана № 2 к юго-юго-востоку, на вершине небольшой высотки, расположенной в 35—40 м к западу от края чинка. Имел каменную насыпь диаметром около 6 м, высотой около 1 м. На уровне горизонта из камня-плитняка выложено кольцо диаметром около 3 м, в центре которого находилась могильная яма со скругленными торцами, размер по осям — 1,8×0,6 м, длинной осью ориентированная по линии восток — запад. На дне ямы на спине, в вытянутом положении лежал человеческий костяк, черепом ориентированный на запад, костями лица — на юг. Кисть левой руки на костях таза. Часть костей смещена.

Курган № 4 находится в 250—260 м к югу от кургана № 3, на самом краю мыса «Безымянный». Имел каменную насыпь диаметром 5—6 м и высотой около 0,4 м и погребение на уровне горизонта. От последнего сохранилось лишь несколько обломков человеческих костей, так как курган разрушен почти полностью.

Курганная группа Кызылкаир (рис. 42, *II*) вытянута на 13 км вдоль чинка, под которым находится урочище Кызылканр. Группа расположена между «мысом Безымянный» на севере и мысом Урга на юге. 22 ее кургана отстоят друг от друга на 0,2—0,3, 3 км.

Рис. 44. Курганная группа Княжол, курган 3. План после расчистки насыпи, разрезы I—I, II—II.

II
I
I
II
0
100 см
I
I
II
II

Курганная группа Урга (рис. 19, *20*) расположена между мысом Урга на северо-востоке и заброшенным поселком Тайли на юго-западе. Насчитывает четыре кургана. Курган № 1 находится на краю чинка в 1,2—1,3 км от башни Урга. Насыпь сильно расплылась, усыпана щебнем и крупными обломками камня.

Курганы № 2 и 3 расположены на вершинах отдельных высоток, находящихся в 1 км к западу от кургана № 1. Оба кургана имеют вид невысоких земляных насыпей диаметром по основанию 8—12 м и высотой до 1,5 м. На кургане № 3 найдена бронзовая пуговица или поясная бляшка. Курган № 4 расположен в 1,2—1,3 км к юго-западу от кургана № 3. Находится на краю высотки. Насыпь кургана сохранила каменную обкладку.

В группе раскопан курган № 3. Он (рис. 43, *А*) имел грунтовую насыпь диаметром около 8 м. В основании насыпи на уровне горизонта выложено каменное кольцо, внутри которого сплошная каменная закладка. Под закладкой находилась подпрямоугольная в плане длинная, узкая могильная яма с заплечиками. Размеры по осям 2,2×0,5 м, длинной осью яма ориентирована по линии северо-запад — юго-восток. Глубина ее около 1,1 м. В 0,7 м от поверхности имеются заплечики, ниже которых находится узкая щелевидная погребальная камера шириной и глубиной чуть менее 0,4 м. На дне камеры на спине, вытянуто, черепом на северо-запад, костями лица на юго-запад лежал человеческий костяк. Камера имела перекрытие из уложенных поперек нее на заплечики каменных плит. В 0,5 м выше на засыпке лежало еще одно такое же перекрытие. Инвентарь отсутствует.

Курганная группа Тайли (рис. 19, *21*) находится в районе заброшенного поселка Тайли на плато и состоит из 9 курганов, которые расположены вдоль чинка на протяжении 5,0—5,5 км. Большинство курганов с обычными каменными насыпями, а курганы № 5, 6 необычного типа, у каждого из них имеется каменная «дорожка» или «хвост». Курган № 5 находится в 1,5—1,6 км к юго-западу от кургана № 4. Представляет собой сооружение цилиндрической формы в основании. Его образуют несколько рядов каменной кладки, сложенной из больших плит дикого камня. Сверху находится высокая развалка каменного боя и больших каменных плит. От кургана по направлению к северо-западу из каменных плит, лежащих на земле плашмя, выложена «дорожка — хвост» длиною 135 м.

Курган № 6 расположен в 800 м к юго-западу от кургана № 5. В принципе этот курган аналогичен кургану № 5. Однако в его конструкции имеются заметные отличия. Курган образует три окружности, вписанные одна в другую, которые выложены из вертикально поставленных плит. Пространство между ними заполнено мелким камнем.

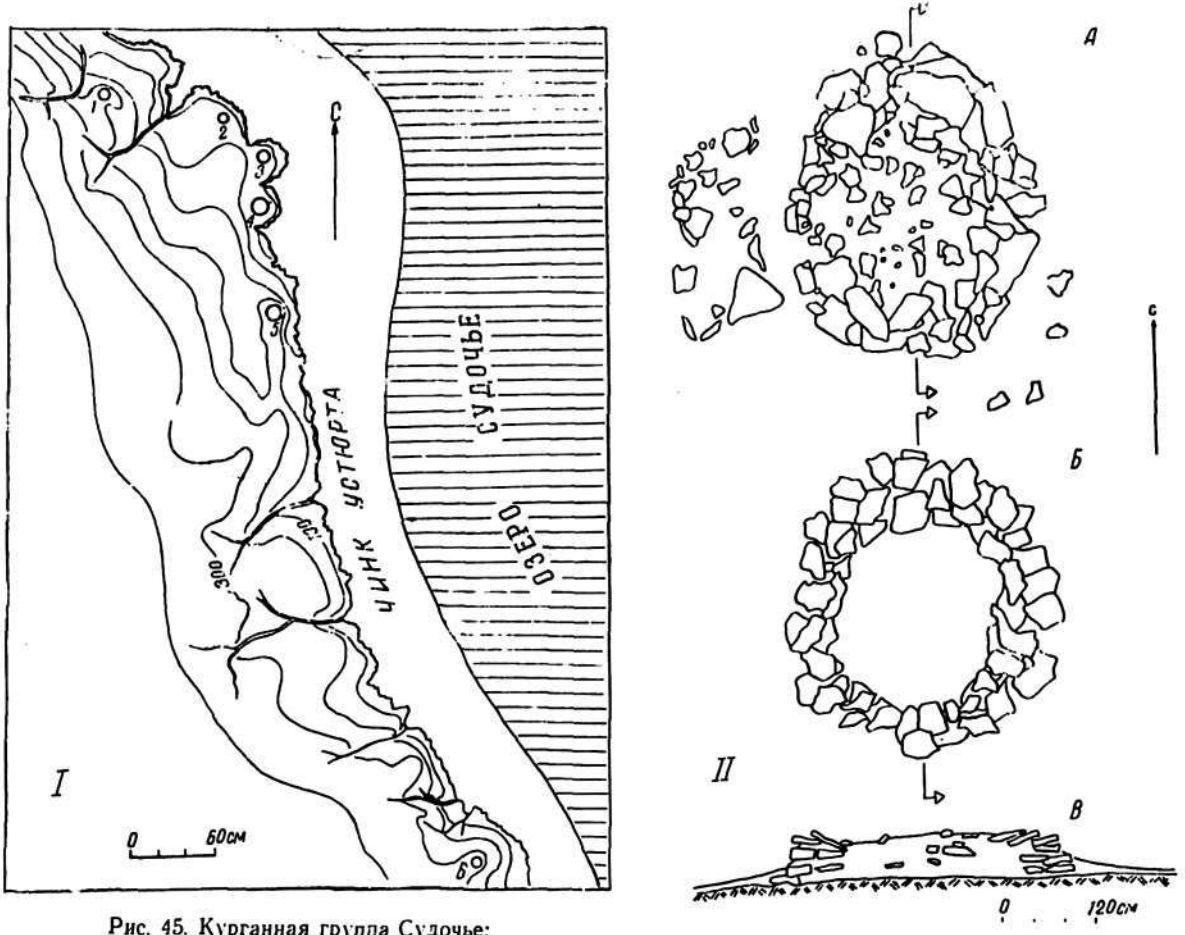

Рис. 45. Курганная группа Судочье:
I—план группы, II—курган 5; *А*—план расчищенной курганной насыпи, *Б*—план по уровню горизонта, *В* — разрез.

К северо-западу от кургана тянется извилистый «хвост», образованный цепочкой вертикально уложенных каменных плит.

Курганная группа Кияжол (рис. 19, *22*) расположена вдоль чинка на протяжении 2 км между башней Кияжол на севере и курганной группой Судочье на юге. В группе насчитывается 15 курганов, из которых раскопкам подвергались курганы № 3 и 4.

Курган № 3 (рис. 44) расположен в 25—30 м к югу от развалин средневековой башни Кияжол. До раскопок имел вид низкой насыпи из камня-плитняка диаметром около 8 м, высотой до 0,7 м. Под насыпью в центре кургана на уровне горизонта — грубое каменное кольцо диаметром около 3,5 м, сложенное из камня-плитняка и сохранившееся на высоту до 0,6 м. Имеются признаки того, что курган был потревожен, часть кладки кольца сброшена. Внутри кольца обнаружен только один мелкий обломок кости животного.

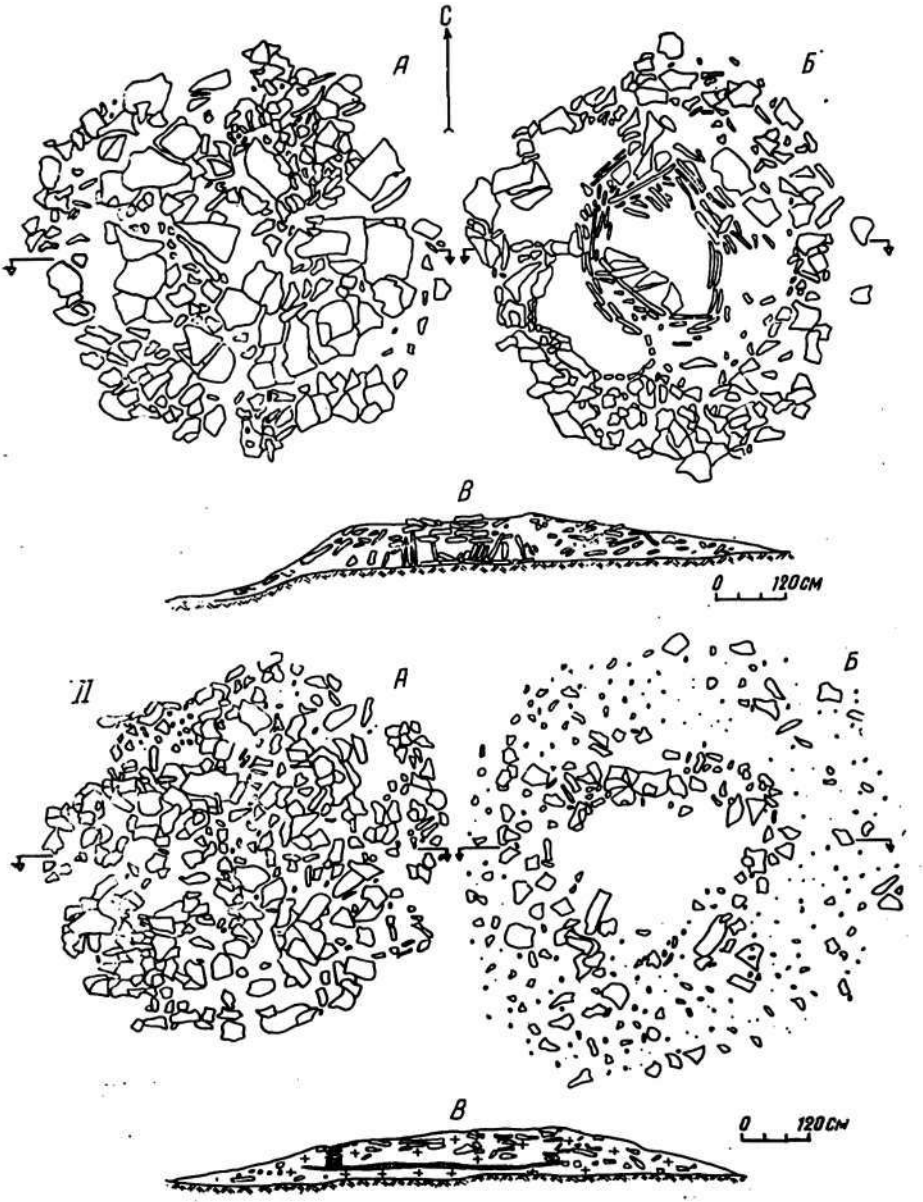
Курган № 4 находился в 50—60 м к югу от кургана № 3. Представляет собой каменное кольцо на горизонте диаметром около 4 м и высотой около 0,4 м. Внутри кольца найдены немногочисленные фрагменты костей животных и рыб.

Курганная группа Судочье (рис. 19, *23*) расположена на Восточном чинке в 3 км к северу от спуска Караумбет и одноименного комплекса археологических памятников. Курганы вытянуты цепочкой по краю чинка в меридиональном направлении. С севера могильника чинк прорезан большим оврагом. В месте расположения курганной группы плато круто спускается вниз к чинку. Повышенные части плато ограничивают это понижение с севера и юга, образуя лощину, открытую к чинку. Лощина во многих местах расчленена неглубокими промоинами. На краю чинка находятся несколько мысов — высоток, на вершинах которых, как правило, и располагаются курганы (рис. 45, *I*).

В составе группы насчитывается шесть курганов. Пять из них на севере образуют довольно компактную группу. Один курган (№ 6) стоит несколько особняком, в 0,5 км от основной группы к югу. Курганы примерно одинаковы по величине: диаметр равен 6—10 м, высота — 1,0—1,5 м. Несколько отличается размерами насыпь кургана № 4, занимающего центральное положение в группе. На территории могильника отмечаются редкие находки сильно фрагментированной красноглиняной станковой и лепной керамики. Раскопаны три кургана — № 2, 3, 5.

Курган № 2 (рис. 46, *II*) расположен на краю небольшого мыса, имеет вид сферического бугра с несколько уплощенной вершиной.

Рис. 46. Курганная группа Судочье:
I — курган 3; *А* — план расчищенной насыпи, *Б* — план по уровню горизонта, *В* — разрез; II — курган 2; *А* — план расчищенной насыпи, *Б* — план по уровню горизонта, *В* — разрез.

С
А
Б
В
0 120см
II
А
Б
В
0 120см

Диаметр по основанию около 6 м, высота около 1 м. Поверхность густо усыпана мелким щебнем. Насыпь кургана состоит из беспорядочно уложенных каменных плит, пересыпанных огипсованным песком. Под насыпью, чуть выше уровня древнего горизонта, находилась подкруглая в плане диаметром около 4,5 м площадка, засыпанная тонким слоем глинистого грунта. По краю этой площадки из каменных плит сооружено кольцо примерно того же диаметра, что и площадка. Яма под насыпью отсутствует. При раскопках в пределах кольца найден лишь один неопределенный кусок кости. В западной и восточной половинах находились в кладке насыпи провалы, ведущие к ее центру, вероятно, представляющие собой грабительские ходы.

Курган № 3 (рис. 46, *I*) расположен в 20 м к юго-востоку от кургана № 2 на высотке — мысу. На вершине находилась вкопанная вертикально, обожженная до красноты большая каменная плита. Диаметр кургана по основанию 9—10 м, высота 1,0—1,5 м. Курган имел каменную насыпь, засыпанную песком. Насыпь сооружена из каменных плит, уложенных плашмя и наклонно. В центре насыпи на горизонте из вертикально установленных плит была сооружена грубая спиральная конструкция, вход в которую находился с юго-востока. Камера внутри спирали засыпана песком и щебнем, в засыпке найдены довольно многочисленные находки овечьих костей. Под насыпью на материке в ряде мест обнаружились пятна совершенно истлевших костей.

Курган № 5 (рис. 45, *II*) имеет каменную насыпь. Верх насыпи снят, а плиты с него валяются рядом с курганом. Диаметр насыпи около 5 м, высота — до 0,5 м. После раскопок установлено, что насыпь сооружалась следующим образом: на материке по кругу укладывались каменные плиты, внутри делалась песчаная насыпь, которая обкладывалась горизонтально уложенными плитами по кругам все уменьшающегося диаметра. Конструкция верха неясна, поскольку он разрушен полностью. В засыпке внутри насыпи, в ее нижней приматериковой части найдено несколько мелких обломков костей. Никаких следов могильной ямы не обнаружено.

Курганная группа Караумбет-*I* (рис. 19, *24*) расположена к югу от одноименного спуска с плато. В составе группы пять курганов. В стороне от основной группы на краю чинка, непосредственно у начала спуска, находится курган № 5, выделяющийся среди других своими размерами и имеет насыпь низкой сферической формы. От остальных четырех курганов он отделен глубоким оврагом (рис. 47).

В основной группе курганы расположены цепочкой, вытянутой по краю плато в меридиональном направлении. Вершины насыпей курганов № 1—4 сильно просевшие, кратерообразные, в результате чего насыпи имеют вид низких усеченных конусов. Поверхность густо усыпана мелким щебнем и отдельными каменными плитами. Диаметр 8—10 м

и высота 1,0—1,5 м. В районе группы отмечены редкие находки красноглиняной станковой керамики. Раскопаны курганы № 1, 2.

Курган № 1 (рис. 48, *II*) имеет грунтово-каменную насыпь диамет-

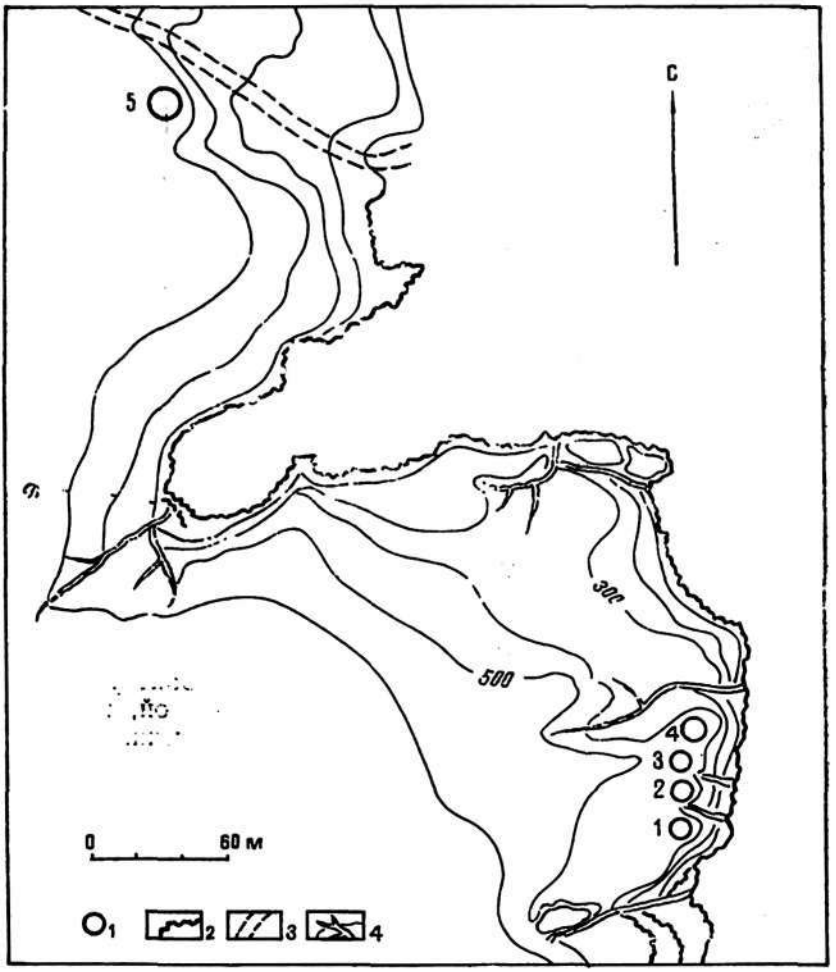

Рис. 47. План курганной группы Караумбет-1. Условные обозначения:
1 — курганы, 2 — обрывы, 3 — спуск с плато, 4 — промоины.

ром по основанию 8 м, высотой 1 м. Вершина просевшая. В ее основании на древнем горизонте выложено двойное каменное кольцо, перекрытое затем насыпью из чередующихся слоев камня, грунтово-щеб-

нистой засыпки, зеленоватой глины. Следов ямы под насыпью не обнаружено. Центр нарушен грабительским перекопом.

Курган № 2 (рис. 48, *1*) имеет насыпь диаметром по основанию 8 м, высотой около 1 м, просевшую на вершине. На уровне древнего горизонта выложено кольцо из необработанных каменных плит, которое затем перекрыто курганной насыпью, состоявшей из щебня и глины. Внутри кольца на материке лежал тонкий слой мягкой грунтовой засыпки коричневого цвета. Каких-либо ям и погребений не обнаружено.

Одиночный курган Саксаулсай-*1* (рис. 19, *25*) расположен на южной стороне оврага Саксаулсай, на краю чинка. Хорошо прослеживается круговая кладка из камня-плитняка. Диаметр круга 4 м.

Одиночный курган Саксаулсай-*2* (рис. 19, *25*) расположен на краю чинка, в 4 км южнее кургана Саксаулсай-1. Насыпь каменная.

Одиночный курган Акчулак (рис. 19, *26*) находится в 150—200 м к северу от башни Акчулак, расположенной на бугре того же названия, на мысу плато.

Саксаулсай, курганная группа (рис. 19, *27*) находится в 9 км в направлении запад — запад-юг от городища Пулжай на чинке, над урочищем Саксаулсай. В группе насчитывается три кургана с каменными насыпями, расположенных на краю уступа в 150—200 м от чинка.

Одиночный курган Пулжай-1 (рис. 19, 28) находится в 22 м к востоку от башни Саксаулсай. Насыпь кургана сохранилась в виде оплывшего бугра высотой около 1 м и диаметром около 18 м. На насыпи отмечены находки красноглиняной керамической щебенки.

Курганная группа Пулжай-*2* (рис. 19, *29*) находится в 800—900 м к северо-востоку от развалин средневековой башни Саксаулсай. В составе группы шесть курганов, расположенных цепочкой, вытянутой в меридиональном направлении по краю небольшой высотки.

Курганная группа Пулжай-*4* (рис. 19, *30*) находится в 1,8—2,0 км к северо-востоку от Пулжай-2 и состоит из пяти курганов, расположенных компактной группой. Они имеют невысокие щебеночные насыпи.

Курганная группа Каскажол (рис. 19, *31*) расположена на мысу Восточного чинка Устюрта к северу от подъема Каскажол, в 4,5 км к западу от средневекового городища Кетен-кала и в 45 км к северо-западу от районного центра Каракалпакской АССР пос. Шуманай. На плоской равнине мыса выделяются два низких плоских столовых бугра (северный и южный), отстоящие на 0,7—0,8 км друг от друга. Последний известен у местного населения под названием Каратюбе. Основная часть курганной группы находится на этих буграх. Отдель-

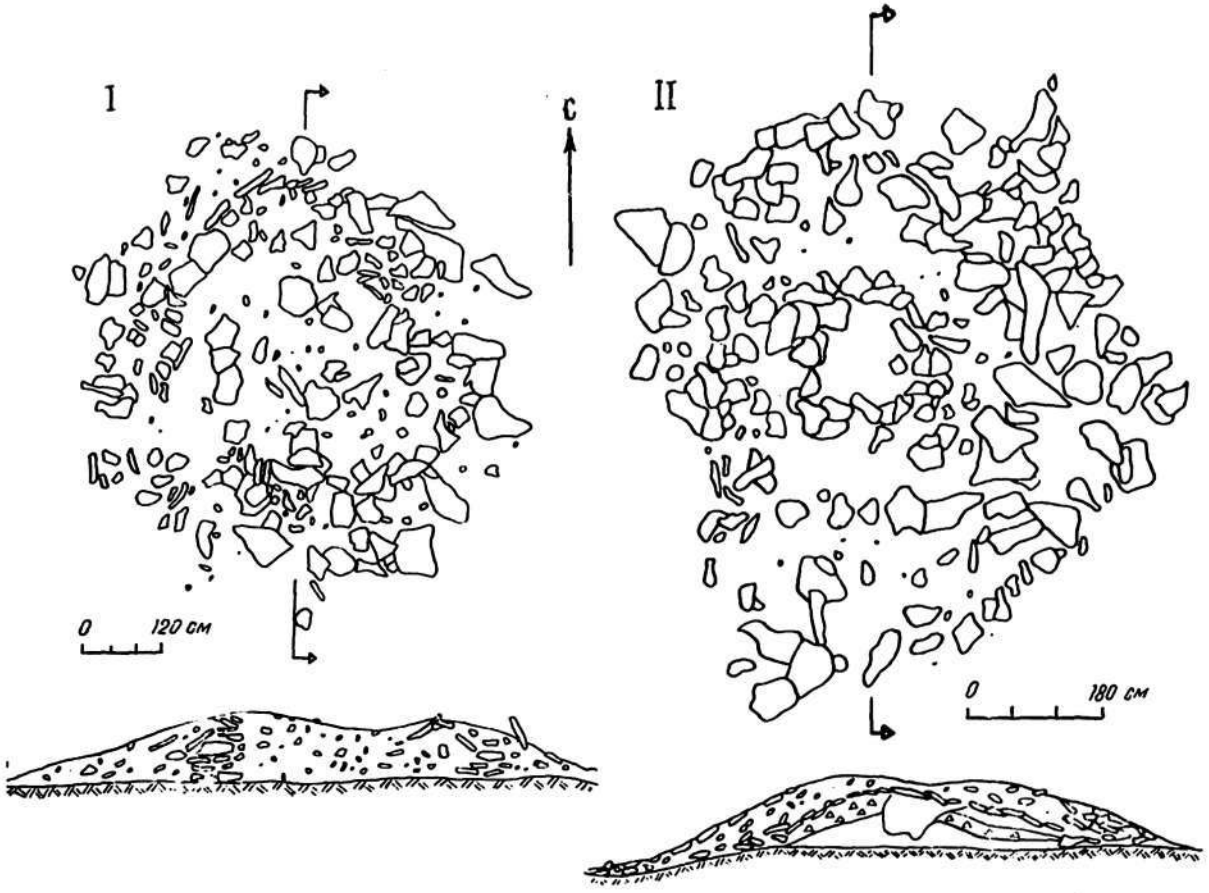

Рис. 48. Курганная группа Караумбет-1:
I — курган 2, план насыпи по уровню горизонта и разрез; II — курган 1, план расчищенной насыпи и разрез.

ные курганы расположены на краю плато к юго-востоку и западу от южного бугра. Всего в группе отмечено 9 курганных насыпей (рис. 49).

Курган № 1 находится на краю плато в 0,5 км к юго-востоку от южного бугра. Насыпь низкая, усыпанная щебнем, диаметром 12—14 м. На насыпи отмечены редкие находки красноглиняной станковой керамики.

Курганы № 2—5 находятся на южном бугре. Все они расположены цепочкой вдоль восточного края бугра и имеют низкие расплывшиеся насыпи, усыпанные щебнем. В ряде случаев в центре насыпи прослеживается светлое, слегка пониженное пятно, видимо, след грабительской ямы. Своими размерами выделяется курган № 5. Диаметр его насыпи составляет около 24 м, высота достигает 1 м. В центре кургана глубокая и широкая грабительская воронка. Юго-восточная часть насыпи повреждена установленным здесь триангуляционным знаком. В обрезе ямы, выкопанной для установки одной из опор знака, видно, что насыпь грунтовая, по ее периметру на древнем горизонте находится кольцо из каменных плит. Возможно, что на этом бугре имеется еще несколько курганов, насыпи которых не сохранились и местоположение которых не устанавливается. На плоской вершине бугра, в районе расположения курганов и на самих насыпях отмечаются находки многочисленных фрагментов керамики.

Курганы № 6, 7 находятся в 0,4 км один от другого на восточном краю северного бугра. Курган № 6 имеет низкую расплывшуюся насыпь диаметром около 12 м, усыпанную щебнем, по характеру близкую к насыпям курганов № 2—4 на южном бугре. Насыпь кургана № 7 по характеру близка насыпи кургана № 5 на южном бугре. Имеет приблизительно те же размеры и аналогичную грабительскую воронку. Кроме того, в ряде мест бугра отмечаются небольшие кучки щебня, образующие на поверхности плоские пятна, которые, очевидно, также являются курганами, насыпи которых к настоящему времени не сохранились.

Весь юго-восточный склон бугра покрыт россыпями фрагментов керамики, местами достигающих значительной плотности. Среди них выделяются характерные красноглиняные черепки, принадлежавшие, по-видимому, статуарным оссуариям. В районе курганов отмечены редкие находки черепков красноглиняных станковых сосудов.

Находки фрагментов, в которых предполагаются обломки статуарных оссуариев, навели на мысль о возможности сохранения целых или частей оссуариев in situ. Для ее проверки в месте небольшого скопления обломков на юго-восточном склоне северного бугра от верха до основания была сделана зачистка. На всем ее протяжении были обнаружены ненарушенные естественные отложения. Таким образом, если статуарные оссуарии и стояли здесь по краю склона, то были они пол-

ностью или частично открытыми, и под действием естественных и антропогенных факторов разрушались и сместились с мест первоначального залегания.

Курган № 8 расположен в 1,5 км к западу от южного бугра на

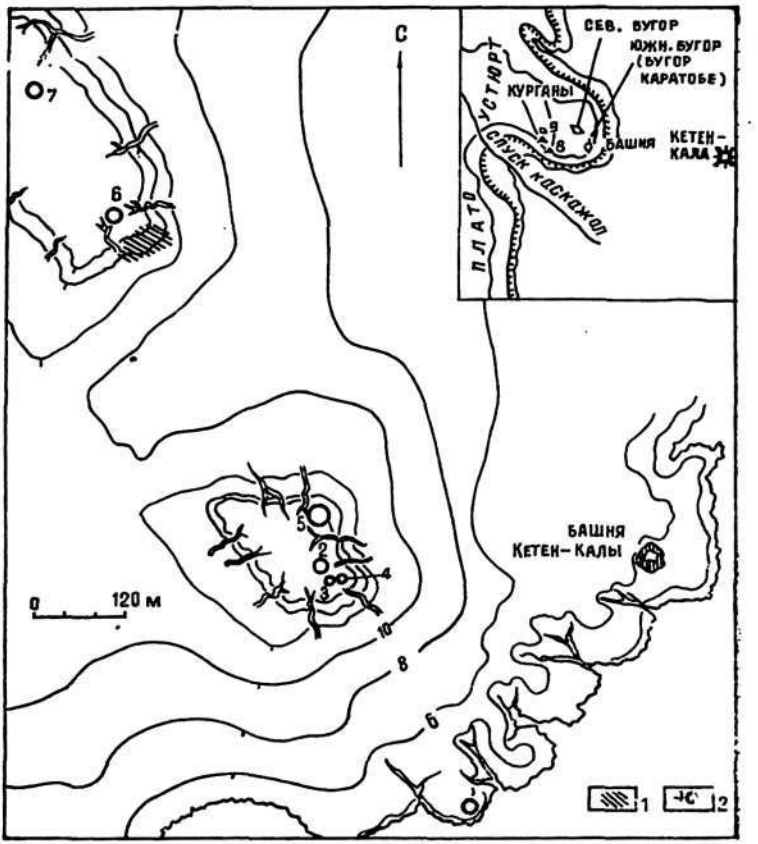

Рис. 49. План курганной группы Каскажол. Условные обозначения:
1 — россыпи фрагментов керамики, 2 — курган. На врезке — схема расположения группы.

мысообразном выступе чинка. Насыпь кургана расплывшаяся, покрытая щебнем и довольно многочисленными обломками керамических оссуариев. Среди них есть обломок, похожий на фрагмент руки от статуарного оссуария типа хорезмийских [180, рис. 4].

Курган № 9 расположен примерно в 1,5 км к западу от южного

бугра и в 0,5 км к северо-западу от кургана № 8, вблизи обрыва плато. Имеет низкую расплывшуюся насыпь, усыпанную щебнем и отдельными крупными обломками известняка. На насыпи и в ее ближайших окрестностях редкие россыпи античной хорезмийской красноглиняной керамики. Невдалеке, на склоне чинка, россыпь черепков, очевидно, от статуарных оссуариев.

В могильнике Каскажол раскопаны три кургана № 2, 4, 6.

Курган № 2 (рис. 50). Имел низкую песчаную насыпь диаметром около 12 м и высотой до 0,5 м; вершина кургана просевшая. Здесь обнаружено основное погребение и целая серия впускных. Основное находится в центре насыпи, впускные располагаются кругом по периферии кургана. Вероятно, в насыпи кургана была выкопана круглая площадка, по периметру которой и были совершены погребения. Кроме того, в ряде мест насыпи обнаружены фрагменты керамических сосудов № 1—3, вероятно, являющихся остатками разрушенных вторичных погребений в сосудах.

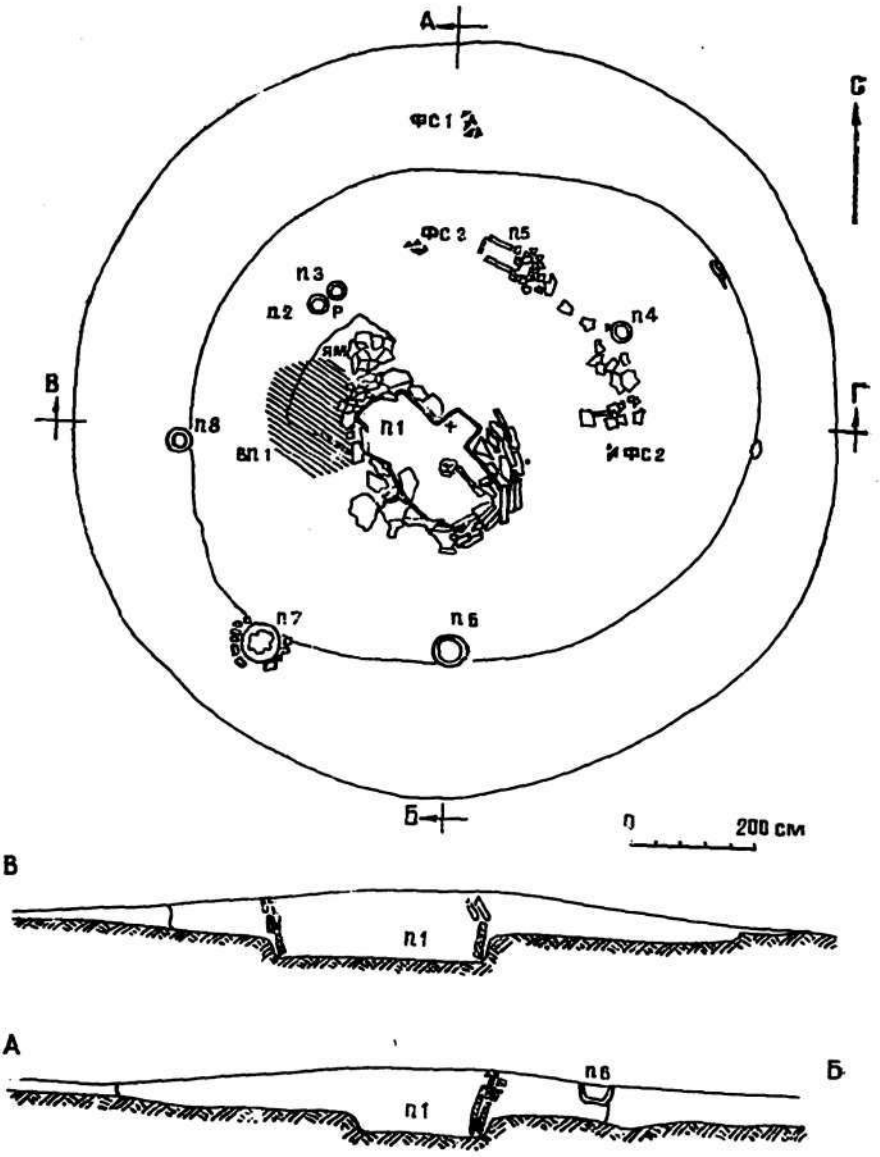
Погребение № 1. Расположено в центре насыпи, является для кургана основным. Представляет собой неглубокую (до 0,2 м) прямоугольную яму с выступом в северо-восточной стенке и размерами по осям 2,3×0,7 м. Длинной осью ориентирована по линии юго-восток — северо-запад. По периметру яма обложена вертикально установленными крупными известняковыми плитами в два или даже три ряда. В месте выступа кладка прерывается. В северной части ямы найдено несколько трубчатых бусин из морских раковин Dentalium и фрагменты лепных сосудов. В южной части ямы — остатки разрушенного костяка: бедренная кость и поврежденный череп без нижней челюсти. Во время расчистки ямы в разных ее местах были обнаружены мелкие обломки костей, окрашенных в красноватый цвет, и несколько кусочков красной охры. Вполне очевидно, что погребение ограблено. С северо-запада от погребения удалось обнаружить следы грабительской ямы, выходящие к отмеченной выше просевшей части насыпи. В грабительской яме довольно четко определен грунт, выброшенный из погребения № 1 во время его ограбления. В этом грунте обнаружены обломки костей, многочисленные находки раковинных трубчатых бус, аналогичных найденным в погребении, мелкая красноглиняная керамическая щебенка, неопределенных очертаний, красные охристые пятна и серия кварцитовых наконечников стрел.

С северо-западной стороны погребения в материке выбита узкая яма длиной около 2 м, длинной осью ориентированная по линии юго-

---

Рис. 50. План и разрезы курганной группы Каскажол, кургана № 2. Условные обозначения:

П 1—8 — погребения 1—8; ФС 1—3 — фрагменты сосудов 1—3; ВП 1 — грабительский выброс из погребения 1, ЯМ — яма под погребением 1.

А
С
ФС 1
ФС 2
п5
п3
п2
Р
п4
яма
В
Г
п8
п1
вП 1
иФС 2
п7
п6
Б
0
200 см
В
п1
А
п6
Б
п1

запад — северо-восток. Глубина ее такая же, как и ямы погребения № 1, которая частично врезана в описываемую яму. На дне обнаружены красные охристые пятна, две раковинные трубчатые бусины, аналогичные найденным в погребении № 1 и грабительском выбросе из него, много мелких обломков костей, окрашенных в красноватый цвет, немногочисленные фрагменты каких-то изделий из бронзы.

Возможно, что перед нами остатки еще одного погребения, разрушенного ямой погребения № 1.

Наконечники стрел из погребения № 1 (рис. 51, *1—7*) представлены довольно большой (7 экз.) единообразной серией. Все они изготовлены из светло-серого или розовато-серого кварцита. Форма большинства наконечников удлиненно-листовидная, с выемкой в основании. Только один наконечник имеет треугольную форму со слегка вогнутым основанием, образующим небольшие боковые шипы. Наконечники двусторонне обработанные тщательной отжимной ретушью, ретушь формирует мелкозубчатый край изделия. Длина наконечников колеблется от 5,1 до 7,1 см. Листовидные двусторонне обработанные наконечники широко распространены в неолите [108, с. 78]. В кельтеминарской культуре южной дельты Амударьи они известны в материалах нижнего слоя стоянки Джанбас-4, который датирован второй половиной IV тыс. до н. э. [50, с. 91—92, 143, 152, рис. 42, *17*]. Подобные наконечники известны и в неолите северо-восточного Приаралья [53, с. 88—89, 91, рис. 3, *13*], где они датируются IV—III тыс. до н. э.

На юге находки двусторонне обработанных листовидных наконечников стрел с выемкой в основании отмечены для 2—3 слоев пещеры Джебел, датирующихся III тыс. до н. э. с возможным заходом в IV и II тыс. до н. э. [166, с. 205], а также для южного холма Анау (третий слой) [251, с. 164], Тепе-Гавра VIII [253, табл. 144], Телль-Халафа, седьмой и восьмой слои [250], Шахтепе [244, с. 270, рис. 466], датирующихся IV—III тыс. до н. э. А. П. Окладников отмечает, что основная масса находок интересующих нас наконечников в перечисленных поселениях приходится на III тыс. до н. э., а местами даже до начала II тыс. до н. э. [166, с. 205].

Из северных аналогий можно указать на наконечники из Южного Урала. Причем, среди них и несколько выпадающий из группы наконечник треугольной формы [108, с. 78—79, табл. XXII, 16, 15, 19, рис. 26].

Таким образом, мы можем датировать рассматриваемый комплекс IV—III, а может быть даже началом II тыс. до н. э., т. е. эпохой неолита — энеолита. Не противоречат подобной датировке и многочисленные пронизи из раковин Dentalium, входящие в рассматриваемый комплекс (рис. 51, *8—22*). Подобные бусы чрезвычайно широко распространены в кельтеминарской культуре на всех этапах ее развития

[50, с. 45, 47, 63, 106, 107, 109, 111, 117, 119], датирующихся второй половиной IV — рубежом III—II тыс. до н. э. [50, с. 152].

Погребение № 2 находится в северо-западном секторе насыпи. Впускное, в лепном плоскодонном сосуде. Верхняя часть разрушена. Внутри сосуда сильно разрушившийся человеческий череп, лежавший

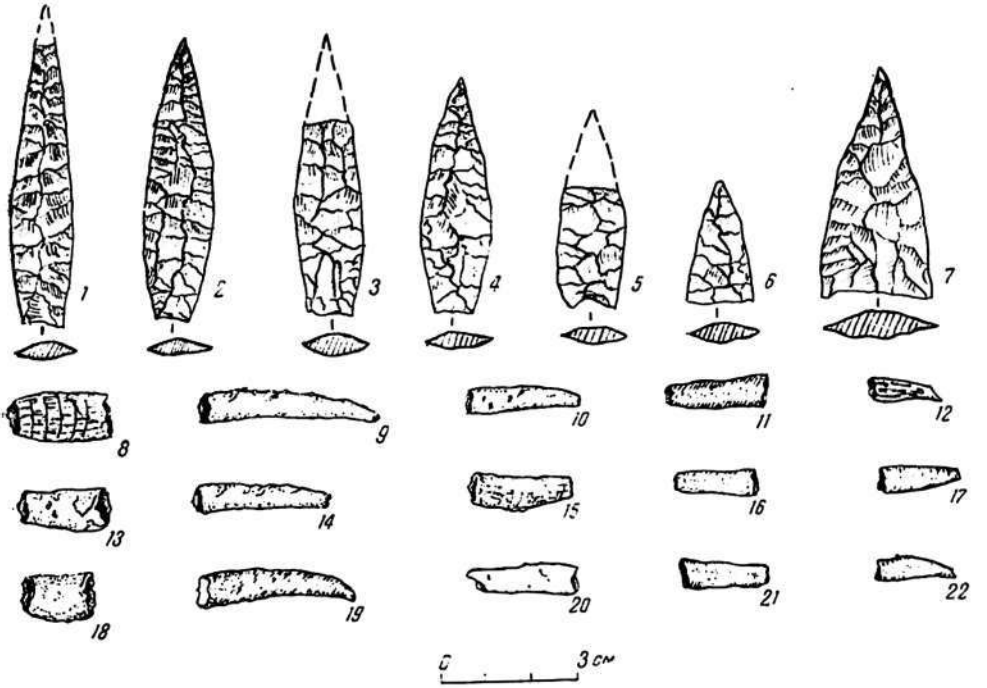

Рис. 51. Курганная группа Каскажол. Курган 2, грабительский выброс из погребения 1 и ямы под ним. Наконечники стрел и пронизи.

теменной частью вниз, костями лица на восток. Перед костями лица уложена нижняя челюсть и длинные кости конечностей.

Погребение № 3 находится рядом с погребением № 2. Впускное, в лепном плоскодонном сосуде, от которого сохранилась лишь нижняя часть. Здесь обнаружены обломки длинных костей конечностей и нижняя челюсть, лежавшая в южной половине сосуда.

Между погребениями № 2 и 3 обнаружена подвеска из створки раковины.

Погребение № 4 находится в северо-восточном секторе насыпи. Впускное, в плоскодонном лепном сосуде типа банки, высотой около

0,3 м. Одна сторона полностью разрушена. Внутри сохранились лишь мелкие обломки человеческих костей.

Погребение № 5 находится в северо-восточном секторе насыпи. Впускное, в каменном ящике размером 0,3×0,2 м, сооруженном из вертикально поставленных обломков каменных плит. Длинной осью ящик ориентирован по линии юго-восток — северо-запад. С юго-востока открыт, и отсюда тянется длинная полоса беспорядочно уложенных камней. Дно ящика образовано горизонтальной каменной плитой. На дне, вдоль ящика, лежали сильно разрушенные длинные кости верхних и нижних конечностей.

Погребение № 6 находится в южной половине. Впускное, в насыпи, в тулове хумчи без дна и верха. Сосуд поставлен на горизонтально уложенную каменную плиту. Внутри находился человеческий череп, лежавший на правом боку, костями лица на запад. К югу от него — нижняя челюсть. Вокруг черепа и нижней челюсти лежали шесть позвонков.

Погребение № 7 находится в юго-западном секторе насыпи. Впускное, в хумче, от которой сохранилась только нижняя часть. В днище сосуда сквозное отверстие, сделанное до обжига хумчи. По периметру сосуд обложен камнями. Внутри, в восточной половине, находились длинные кости, уложенные наклонно в разных направлениях. Черепа и кости принадлежали двум взрослым субъектам и одному детскому. Все они лежали в разных положениях, один — на темени, второй — на боку, третий (детский) — костями лица вниз. У детского черепа отдельно была положена нижняя челюсть, у взрослых нижние челюсти отсутствовали.

Погребение № 8 находится в западной половине насыпи, впускное, в лепном сосуде. На дне сосуда, в северо-восточной части, детский череп, лежавший основанием вниз, костями лица на северо-запад. Все остальное пространство внутри сосуда занято беспорядочно уложенными костями верхних и нижних конечностей.

Курган № 4 (рис. 52). Насыпь кургана сильно оплывшая, высотой не более 0,4 м, диаметром около 15 м. В северной ее части до раскопок на поверхности было видно много крупных обломков камня. В центре насыпь просевшая, с явными признаками перекопанности. В основании насыпи на древнем горизонте из обломков каменных плит выложено двойное каменное кольцо внешним диаметром около 14 м и шириной около 1,5 м и внутреннее — диаметром около 4,5 м и шириной около 0,7—0,8 м. Под внутренним кольцом находилась могильная яма с подбоем. Входная яма овальной в плане формы, длинной осью вытянута по линии юго-юго-восток — северо-северо-запад. Ее размеры по осям 2,70×1,25 м, глубина около 1,6 м. В западной длинной стороне входной ямы находился обширный подбой. На всю глубину входная

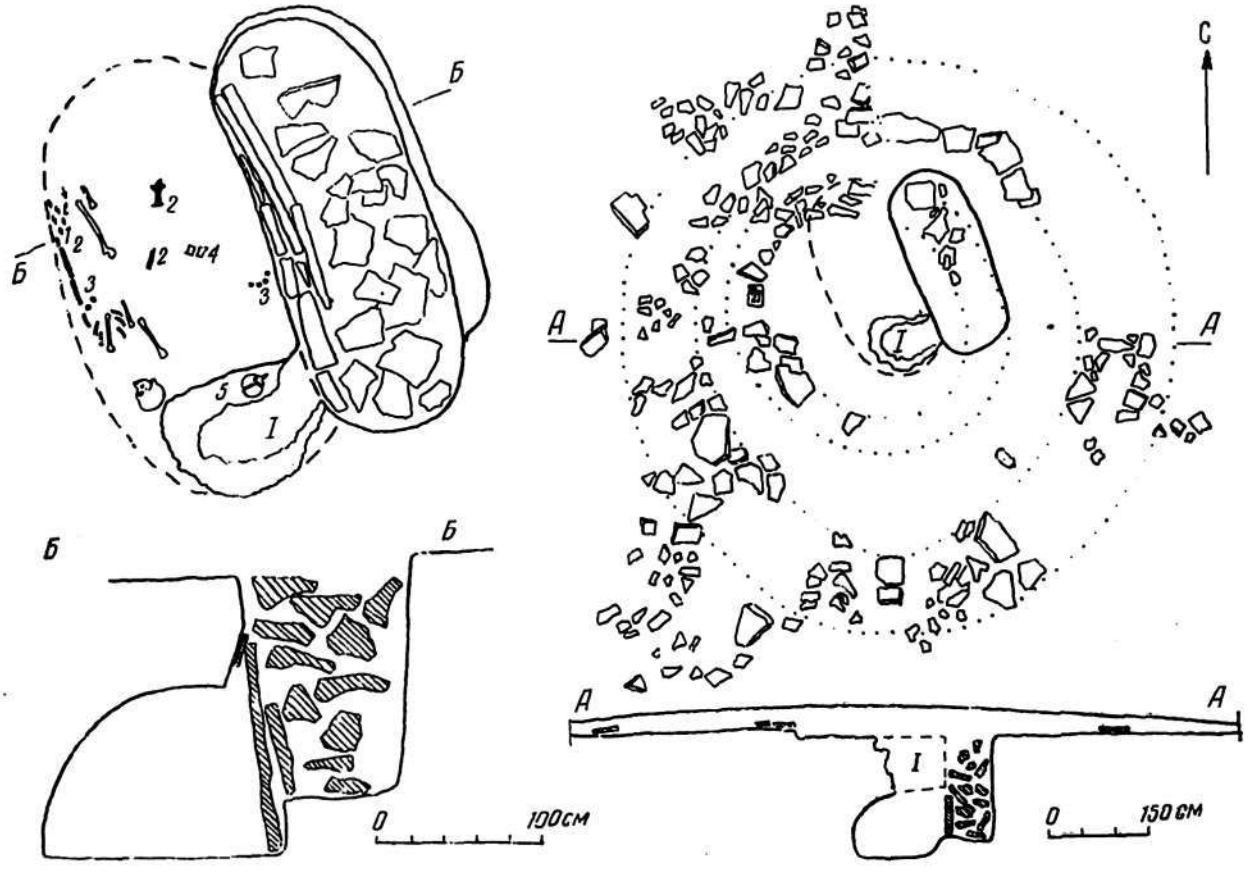

Рис. 52. Курганная группа Каскажол. Курган 4, план и разрез кургана, план и разрез ямы с подбоем:

1 — грабительский ход, 1 — наконечники стрел, 2 — фрагменты железного меча, 3 — бусы, 4 — фрагменты керамических сосудов, 5 — бронзовое зеркало.

яма завалена крупными обломками известняка. Устье подбоя закрыто вертикально установленными в один-два ряда очень большими каменными плитами. Подбой в плане овальной формы, имеет размеры по осям 2,8×1,5 м, высота его около 0,5 м. Дно подбоя глубже, чем дно входной ямы, и отделено от него ступенью высотой около 0,3 м. Свод подбоя пробит примерно по центру внутреннего кольца. На дне подбоя, вдоль его западной стенки находились остатки человеческого костяка, сильно поврежденного. Судя по положению сохранившихся костей, костяк лежал на спине, вытянуто, черепом на юго-юго-восток. На насыпи и в верхних слоях ее перекопанной части обнаружены фрагменты керамических оссуариев, сосудов и бронзовый наконечник стрелы.

В осыпи, образовавшейся под пробитым сводом, были обнаружены фрагменты лепных и станковых сосудов, здесь же находилось разбитое бронзовое зеркало. Вдоль западной стенки подбоя лежали обломки железного меча, отдельные его обломки были обнаружены также и в центре подбоя. У ног костяка лежали девять бронзовых наконечников стрел. В области таза и у входа в подбой лежало керамическое пряслице и обломки станкового сосуда (рис. 53).

Перекоп в центре внутреннего кольца, частично уничтоженные оба кольца, пробитый свод, разбитые сосуды в подбое и явная смещенность из первоначального положения большинства вещей комплекса свидетельствуют о частичном ограблении кургана. Обломки оссуариев и сосудов на насыпи кургана и в ее верхних перекопанных частях позволяют говорить о том, что насыпь использовалась для совершения в ней впускных погребений в оссуариях и сосудах, также, как и насыпь кургана № 2.

Обратимся к характеристике находок из кургана.

Фрагмент лепного сосуда. Форма не реконструируется, изготовлен из грубого шамотного теста, обжиг костровый, черепок в изломе черный, крошащийся.

Фрагмент станкового сосуда. Форма не реконструируется. Изготовлен на гончарном кругу из тонкоотмученного и великолепно промешанного теста, практически без примесей.

Зеркало (рис. 53, *2*). Принадлежит к типу плоских бронзовых зеркал с боковой ручкой. Диск с обратной стороны имеет на краю слабозаметное концентрическое широкое утолщение, образовавшееся, вероятно, за счет проковки центральной части. Обратная сторона диска орнаментирована. Орнамент гравированный, в виде вписанных одна в другую окружностей и изображения птицы из семейства утиных, идущей вправо, в центральном круге. Зеркало принадлежит к типу широко распространенных в Евразии бронзовых зеркал. В прохоровской культуре М. Г. Мошкова выделяет эти зеркала в I отдел, тип 3, датируемый IV—III вв. до н. э. [150, с. 41—42, табл. 27, 15—22]. В клас-

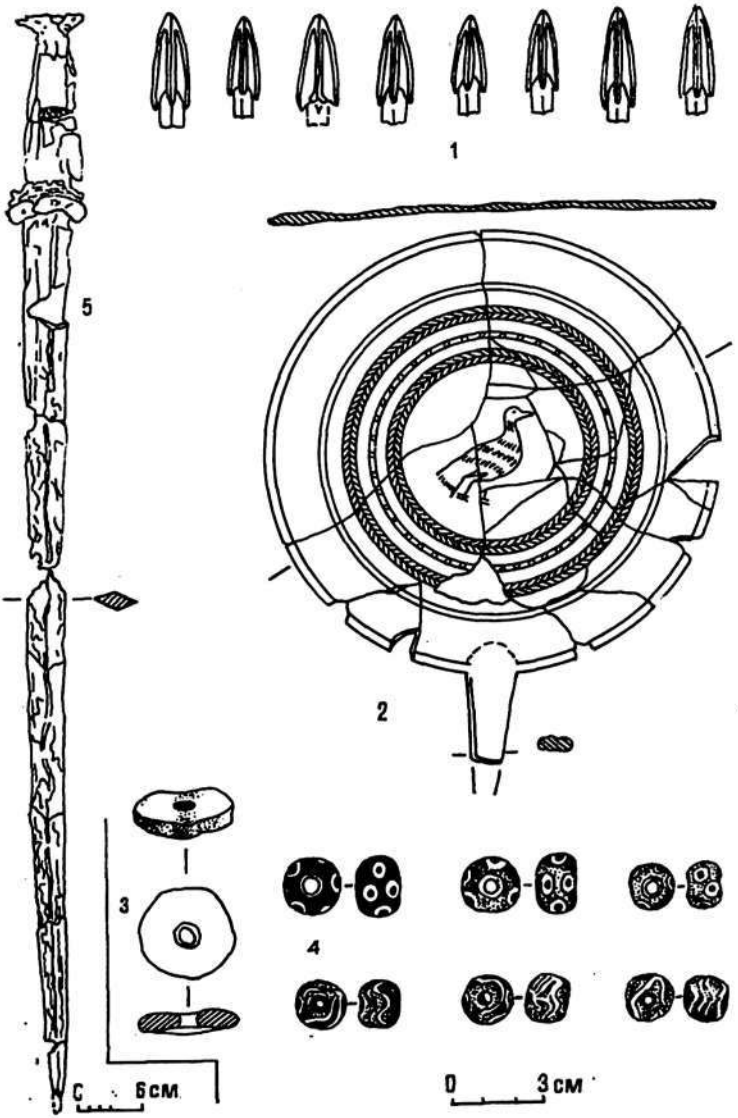

Рис. 53. Курганная группа Каскажол. Курган 4, находки.

сификации среднеазиатских бронзовых зеркал, разработанной Б. А. Литвинским, они отнесены в отдел I, тип I, датируемый в целом VII в. до н. э. — I в. н. э. По отношению к среднеазиатским зеркалам данного типа проведена работа по их более дробной типологической классификации, в результате которой было выделено четыре подтипа. Наиболее близки к зеркалу из могильника Каскажол зеркала подтипа 2, датируемые VII—III вв. до н. э. [121, с. 38—41].

По наличию слабозаметного валика на обратной стороне диска зеркало может быть сопоставлено с зеркалами из курганов № 1—3 IV—II вв. до н. э. у сел. Прохоровка Шарлыкского района Оренбургской области [182, с. 1—18; 150, с. 17, 41, табл. 27, 19—21].

Необходимо отметить, что зеркало из кургана № 1 найдено в комплексе, который датируется IV — началом III в. до н. э. [150, с. 18].

Для обоснования даты может быть также использован орнамент. В целом орнаментальная композиция на зеркале из кургана № 4 могильника Каскажол не находит аналогий среди известных нам материалов. Однако отдельные элементы этой композиции отмечаются на целом ряде сарматских и среднеазиатских зеркал интересующего нас типа. Орнамент из двойных концентрических линий отмечен на зеркале из кургана № 2 IV в. до н. э. на р. Тара-Бутак Соль-Илецкого района Оренбургской области [182, с. 1—18; 150, с. 17, 41, табл. 27, 19—21]. Орнаментальный мотив в виде концентрической окружности из тройных линий с «елочным» орнаментом отмечен на зеркале из раннепрохоровского кургана № 8 IV в. до н. э. Мечетсайского могильника на р. Илек Оренбургской области [200, с. 116, рис. 2]. Эти находки позволяют сузить дату анализируемого зеркала до IV вв. до н. э.

Наличие аналогичного орнамента на среднеазиатском плоском зеркале с боковой ручкой из могильника Туп-хона в Таджикистане, датируемого II—I вв. до н. э. [121, с. 39, рис. 3, *1*], и на зеркалах других типов, датирующихся III—II вв. до н. э. в прохоровской культуре [150, с. 41, табл. 27, 8—9; табл. 28, 19, 20], может, на наш взгляд, свидетельствовать лишь о генетической зависимости орнамента на перечисленных зеркалах от гравированного орнамента из двойных и тройных концентрических линий на плоских зеркалах с боковой ручкой IV в. до н. э. прохоровской культуры.

Наконечники стрел (рис. 53, *1*). Все 9 наконечников, обнаруженные в подбое, принадлежат к одному типу и лишь незначительно различаются по величине. Наконечники трехлопастные, со сводчатой, довольно массивной головкой и выступающей короткой втулкой. Лопасти четко отделены от втулки и возвышаются над ней, края лопастей заострены в шипы. Стрелы литые, на втулках некоторых наконечников видны литейные швы. На нескольких наконечниках во втулках сохранились обломки деревянных древков стрел. Длина наконечников от 3,1 до 3,7 см. Подобные наконечники употреблялись савроматами-сарма-

тами с конца VII по II в. до н. э. [198, с. 46]. В классификации К. Ф. Смирнова — М. Г. Мошковой они отнесены в отдел II, тип 6 [198, с. 46—48, табл. II]. Устюртские наконечники ближе всего к варианту Б этого типа. Наиболее широкое распространение в сарматских колчанах они получают в IV в. до н. э. [150, с. 31; 63, с. 79]. По наблюдениям М. Г. Мошковой, наиболее характерен этот тип для прохоровской культуры Приуральской территориальной группы [151, с. 81].

Меч железный (рис. 53, *5*). Имеет массивную прямоугольную в сечении рукоятку, сегментовидное навершие, перекрестье в виде узкого бруска, «сломанного» в середине под тупым углом. Клинок узкий (ширина у рукоятки 3,7 см), равномерно сужающийся от рукоятки к концу, уплощенно-ромбический в поперечном сечении. Общая длина меча около 106 см. Имеет аналогии в раннепрохоровской культуре, где подобные мечи выделяются в т. н. «переходный» тип от скифосавроматских к раннесарматским мечам [198, с. 25, рис. 7, *1—6;* рис. 5, *3*]. В классификации К. Ф. Смирнова подобные мечи выделены в IV отдел, тип I и датированы IV в. до н. э. [198, с. 24; здесь же сводка аналогий к мечам указанного типа]. В классификации М. Г. Мошковой подобные мечи отнесены в IV отдел, тип 1 [150, с. 33, табл. 18, 5, 5—6, 9—10, 15] и датированы IV в. до н. э. [150, с. 33; здесь же сводка мечей данного типа].

Исследователи единодушно отмечают, что все находки подобных мечей приурочены к территории Южного Приуралья и лишь один экземпляр происходит с территории Нижнего Поволжья [198, с. 25; 150, с. 44—45, табл. 30], что дает основание полагать — Южное Приуралье было местом сложения данного типа мечей.

Бусы (рис. 53, *4*) шаровидной формы, шесть экземпляров. По технике изготовления разделяются на две группы. 1) Полосчатые (рис. 53, *4*, нижний ряд). Диаметр 1,4—1,6 см, диаметр отверстия 0,4 см. Изготовлены из стеклянной непрозрачной пасты темно-каштанового цвета со светлыми полосками бурого цвета. Три экземпляра.

2) Глазчатые (рис. 53, *4*, верхний ряд). Диаметр 1,4—1,8 см, диаметр отверстия 0,6—0,8 см. Три экземпляра. Изготовлены из темной, синей, почти черной, или голубой непрозрачной массы. Имеют «глазки» белого цвета с темным «зрачком» основного цвета бусины.

Крупные бусины, подобные описанным, в раннепрохоровских погребениях IV в. до н. э. являются ведущими формами. Небезынтересной особенностью их является тот факт, что найдены они лишь в Приуральской группе раннесарматских памятников и полностью отсутствуют в Поволжской [150, с. 44—45, табл. 30].

Широко распространены глазчатые бусы в Средней Азии. Здесь они впервые появляются в сакское время и в различных вариантах существуют до эпохи средневековья [124, с. 166—171].

Пряслице (рис. 53, *3*). Форма дисковидная, выточено из стенки красноглиняного станкового сосуда. Диаметр диска 3 см, диаметр отверстия 0,8 см, толщина диска 0,8 см. Находки пряслиц характерны для прохоровских погребений как Нижнего Поволжья, так и Южного Приуралья. Однако круглые плоские пряслица, выточенные из стенок гончарного сосуда, характерны только для приуральской группы памятников [150, с. 39, табл. 24; 201, с. 166].

На основании всего комплекса вещественного материала дата кургана может быть ограничена IV в. до н. э.

Курган № 6 (рис. 54) расположен на северной возвышенности у ее юго-восточного края. Имеет низкую (высотой 0,10—0,15 м) сильно оплывшую земляную насыпь диаметром не более 12 м. В центре насыпи светлое пятно неопределенных очертаний. После расчистки насыпи было установлено, что в ее основании идет кольцевой валик выкида, по внутреннему обводу имевший кольцо диаметром около 3,5 м из обломков камня. В центре кольца под вышеупомянутым светлым пятном находилась длинная узкая могильная яма, длинной осью ориентированная по линии северо-запад — юго-восток. Размеры ямы по осям 2,35×0,8 м. Ко дну яма сужается, ее глубина составляет около 1,0 м. Она заполнена камнями и натеками. Никаких следов погребения не сохранилось. Однако в насыпи на уровне верха ямы были найдены два бронзовых наконечника стрел (рис. 54, врезка).

Светлое пятно над могильной ямой, частично разрушенное каменное кольцо на древнем горизонте, натеки в яме свидетельствуют об ограблении кургана и о том, что яма находилась долгое время открытой. Два наконечника стрел, обнаруженные при раскопках кургана, следует в этом случае рассматривать как часть погребального инвентаря.

Наконечники трехлопастные, с выступающей втулкой, со сводчатой приближающейся по форме к треугольной, довольно массивной головкой. Края лопастей опущены вниз и заострены в шипы. Втулки трехгранные, с выпуклыми гранями. Длина наконечников 3,8 см. Наконечники бронзовые, цельнолитые в трехсоставной литейной форме, по углам втулок хорошо видны литейные швы в виде продольных тонких жилок.

Наконечники принадлежат к типу VI Б, II отдела классификации савромато-сарматских наконечников стрел К. Ф. Смирнова [198, с. 46—48] и М. Г. Мошковой [151, с. 78—79], переходному от ранних наконечников со сводчатой головкой к поздним — с треугольной. Подобные наконечники наибольшее распространение имеют в раннепрохоровских комплексах IV в. до н. э., хотя и существуют до III—II вв. до н. э. [151, с. 74].

Курганная группа Айбугир (рис. 19, *32*). Находится на краю плато над городищем Малая Айбугир-кала. В составе группы два кургана.

Насыпи имеют высоту 15—20 см. В их основании видна каменная обкладка. На насыпи собраны мелкие обломки красноглиняной керамики.

Курганная группа Кулмагамбет (рис. 19, *33*). Находится западнее курганной группы Айбугир, на краю плато в районе бугра Кулмагамбет. В составе группы 4 кургана.

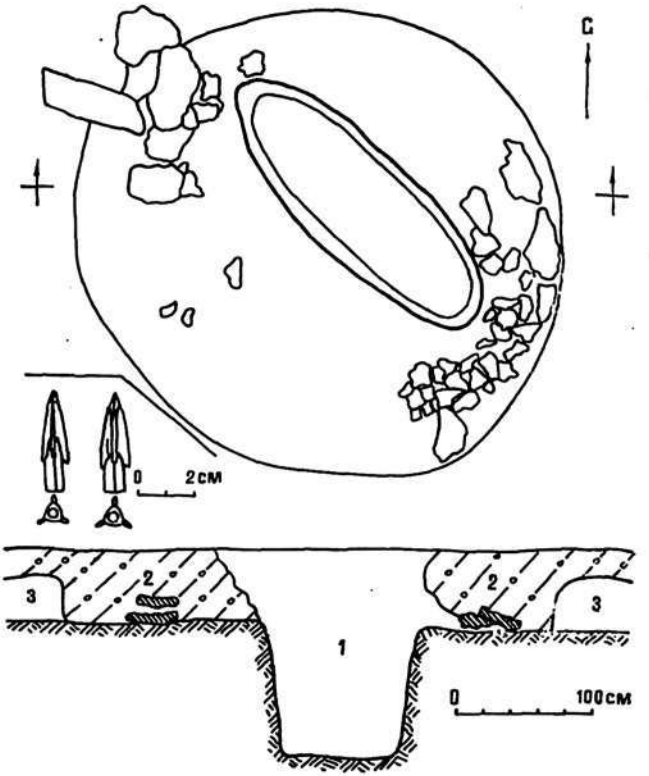

Рис. 54. Курганная группа Каскажол. Курган 6, план, разрез, находки:
1 — натечно-надувное заполнение ямы, 2 — каменное кольцо на горизонте, 3 — валик выкида. На врезке — наконечники стрел.

Курганная группа Куланлы (рис. 19, *34*). Расположена в районе городища и башни Куланлы. В составе группы 5 курганов.

Чаштепе. Курганная группа (рис. 19, *35*). Находится на одноименной возвышенности, представляющей собой продолжение одного из мысов Восточного чинка Устюрта. Возвышенность расположена в 45 км к западу от районного центра Ташаузской области Туркмен-

ской ССР гор. Куня Ургенча. Здесь находится огромное количество курганных насыпей, тянувшихся по поверхности бугра полосой на 10 км в длину и до 2,5 км в ширину.

Курганный комплекс Чаштепе был обнаружен в 1947 г. Хорезмской археолого-этнографической экспедицией АН СССР. На основании материалов шурфов могильник был датирован раннесредневековым временем [207, с. 315, рис. 102, прим. 8]. В 1963 г. один из отрядов этой экспедиции провел раскопки нескольких курганов комплекса. Все они оказались ограбленными. Лишь в одном была найдена медная с золотой отделкой пряжка, датированная IV в. н. э.

Е. Е. Неразик, проанализировавшая керамику из раскопок Чаштепе, выделяет группу, датирующуюся первыми веками нашей эры, и группу, относящуюся ко второй половине I тыс. н. э. Особо выделены курганы, датируемые III—IV вв. н. э., которые она считает оставленными племенами хионитского круга [160, с. 123—125].

ПАМЯТНИКИ КОЧЕВЫХ ПЛЕМЕН СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ БАРСАКЕЛЬМЕССКОЙ ВПАДИНЫ

По своим особенностям северо-западная часть Барсакельмесской впадины резко отличается от обычных устюртских ландшафтов. Здесь Барсакельмесская депрессия переходит в сравнительно узкую долину, простирающуюся в широтном направлении на протяжении почти 30 км и образующую своеобразный аппендикс, отчленяющийся от общего массива Барсакельмесской депрессии в ее северо-западном углу.

Северный край долины на значительном протяжении обрывист, расчленен многочисленными оврагами и далеко выдающимися мысами. Местами край напоминает отвесные обрывы Восточного чинка Устюрта. Южный край долины более пологий, а на западе она постепенно поднимается на уровень окружающей равнины. К востоку долина открывается к безбрежным солончакам Барсакельмеса, где в ясные дни в дрожащем нагретом воздухе над ослепительно белой поверхностью солончака как бы парят две темные полоски островов Шайтан-кала.

В районе городища Алан ландшафт еще более своеобразен. Здесь расположена целая система карстовых провалов-анов [46, с. 60]. Некоторые из них уже затянуты обвалами и оползнями. Другие представляют глубокие котловины, открывающиеся в руслообразные понижения, сложно взаимопереплетающаяся система которых широко развита в этом районе. Руслообразные понижения постепенно углубляются от уровня окружающей равнины, и их борта из пологих постепенно становятся крутыми и обрывистыми, часто переходящими в отвесные стенки, на которые выходят многоцветные толщи известняков. На дне ана, в наиболее глубокой его части, в обрамлении ярко-зеленой растительно-

сти находятся озерца воды, в зависимости от условий освещения то угольно-черной, то ярко-голубой.

К анам, руслообразным понижениям и обрывистым краям северного борта долины приурочиваются, как правило, находки археологических объектов (рис. 55).

Биркалныншинграу-*1*, одиночный курган (рис. 19, *36*) находится в 6 км к северо-северо-востоку от городища Алан-кала-1 и назван по имени близлежащего колодца (2 км к юго-востоку от кургана). Курган расположен на одном из мысов северного края долины (рис. 55). Первоначальный облик каменной насыпи сильно искажен, очевидно, в результате ограбления.

Курганная группа Биркалныншинграу-*2* (рис. 19, *36*). Расположена в 6 км к северо-востоку от городища Алан-кала-1 и в 1,5 км к северу от колодца Биркалныншинграу. Находится на одном из мысов северного края долины. В составе группы два больших кургана и 5 маленьких (рис. 56). Просевшие вершины больших курганов свидетельствуют об ограблении. Малые курганы явно тяготеют к большим. Так, курганы № 3 и 4 входят в группу кургана № 2, а курганы № 5, 6, 7 — в группу большого кургана № 1. Диаметр больших насыпей 11—12 м, высота 0,5—0,7 м, малых — диаметр 1,5—2,0 м, высота 0,2—0,3 м. Раскопаны курганы № 1 и 2.

Курган № 1 (рис. 57, *I*) имел низкую расплывшуюся насыпь, диаметр которой около 12 м. Центр насыпи незначительно просел, демаскируя грабительскую воронку. В 3 м к северу от центра лежала группа камней высотой до 0,5 м, выброшенная грабителями. Под насыпью на горизонте находилось кольцо из плит известняка и песчаника. Часть плит разрушилась полностью и рассыпалась в порошок. Кольцо имеет форму овала размером 3×5 м, вытянутого в направлении север — юг. В центре каменного кольца располагалась могильная яма с очень широкими заплечиками. По сути дела, это яма в яме. Верхняя — овальная в плане яма размерами по осям 3,35×2,30 м, длинной осью ориентирована по линии север — юг. Глубина ямы от уровня горизонта 0,55 м. На дне большой ямы, ориентированная по ее длинной оси, находилась узкая яма, также овальная в плане, размерами по осям 2,20×0,6 м. Глубина этой нижней ямы около 0,8 м. С западного края ямы положена толстая каменная плита. Курган ограблен— ни костяка, ни вещей нет.

Курган № 2 (рис. 57, *II*). Насыпь кургана практически уничтожена полностью. На горизонте сохранились камни, вероятно, являющиеся остатком каменного кольца, выложенного на горизонте под курганной насыпью. В центре кургана находилась могильная яма, прямоугольная в плане со скругленными углами. Размеры ямы 2,65×0,6 м. Длинными сторонами она ориентирована по линии север — юг, глубина око-

ло 1,6 м. Верхняя часть ямы сильно разрушена грабительскими перекопами, однако местами здесь сохранилась обкладка из камня. По наличию крупных каменных плит можно предполагать, что яма первоначально имела перекрытие. На дне ее сохранились станковый сосуд и алебастровое пряслице (рис. 58).

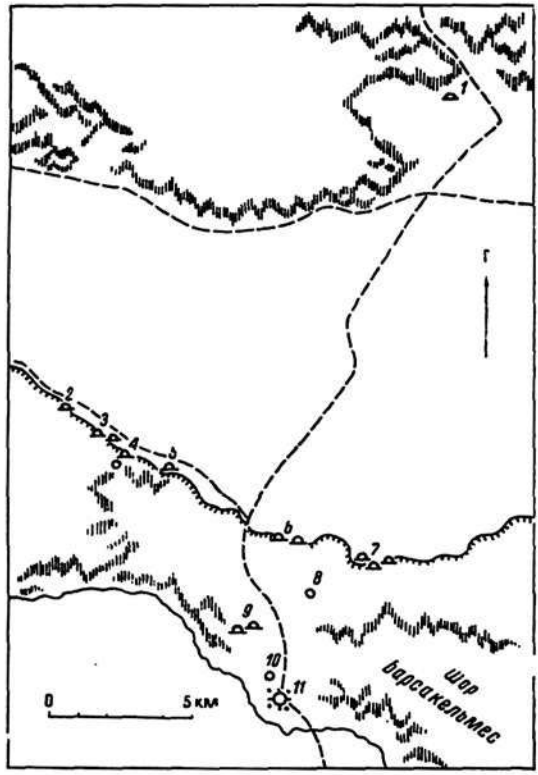

Рис. 55. Схема расположения аланской группы памятников.

Сосуд представляет собой одноручный кувшин с вертикально вытянутым, яйцевидным туловом, плоским широким дном, высокой, суженной в средней части горловиной, отделенной от плечиков слабо заметным валиком и бороздкой. Устье обрамлено небольшим в сечении, подпрямоугольным со скругленными углами и сторонами венчиком. Ручка вертикальная, подпрямоугольная в сечении, со скругленными углами и сторонами. Верхним концом опирается на венчик,

нижним — на плечики. Диаметр устья 10,5 см, наибольший диаметр тулова 22 см, диаметр дна 14,5 см. Высота сосуда 42 см, высота горловины 12,5 см. Изготовлен на гончарном кругу из тонкоотмученной и хорошо промешанной формовочной массы без видимых примесей отощителя. Обжиг ровный, горновой, черепок в изломе красный. Внешняя поверхность имеет сплошную облицовку красным ангобом.

Сосуд по технологическим признакам, по форме и пропорциям может быть сопоставлен с хорезмийскими кувшинами с львиноголо-

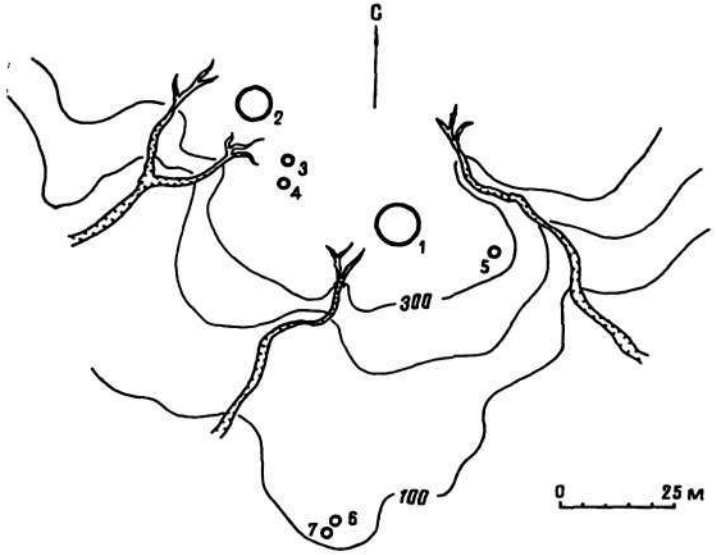

Рис. 56. План курганной группы Биркалныншинграу-2.

выми ручками, датирующимися IV—II вв. до н. э. [63, с. 101—103, рис. 13, 2] и является, вероятно, их упрощенным и огрубленным вариантом, вышедшим из одного из периферийных хорезмийских ремесленных центров, работавших на обмен с кочевой степью.

Пряслице, найденное в этом же кургане, дисковидное по форме, с прямыми краями и широким цилиндрическим каналом отверстия. Диаметр пряслица 4 см, диаметр отверстия 0,8, толщина пряслица 0,7—0,9 см. Изготовлено из алебастровой плитки.

Аналогичные пряслица были обнаружены в Хорезме на городище Қойкрылган-кала [102, с. 169], в нижнем слое, датирующемся IV—III вв. до н. э. [102, с. 102], и при раскопках усадьбы Дингильдже в слое V в. до н. э. [64, с. 143]. С другой стороны, находки аналогичных пряслиц

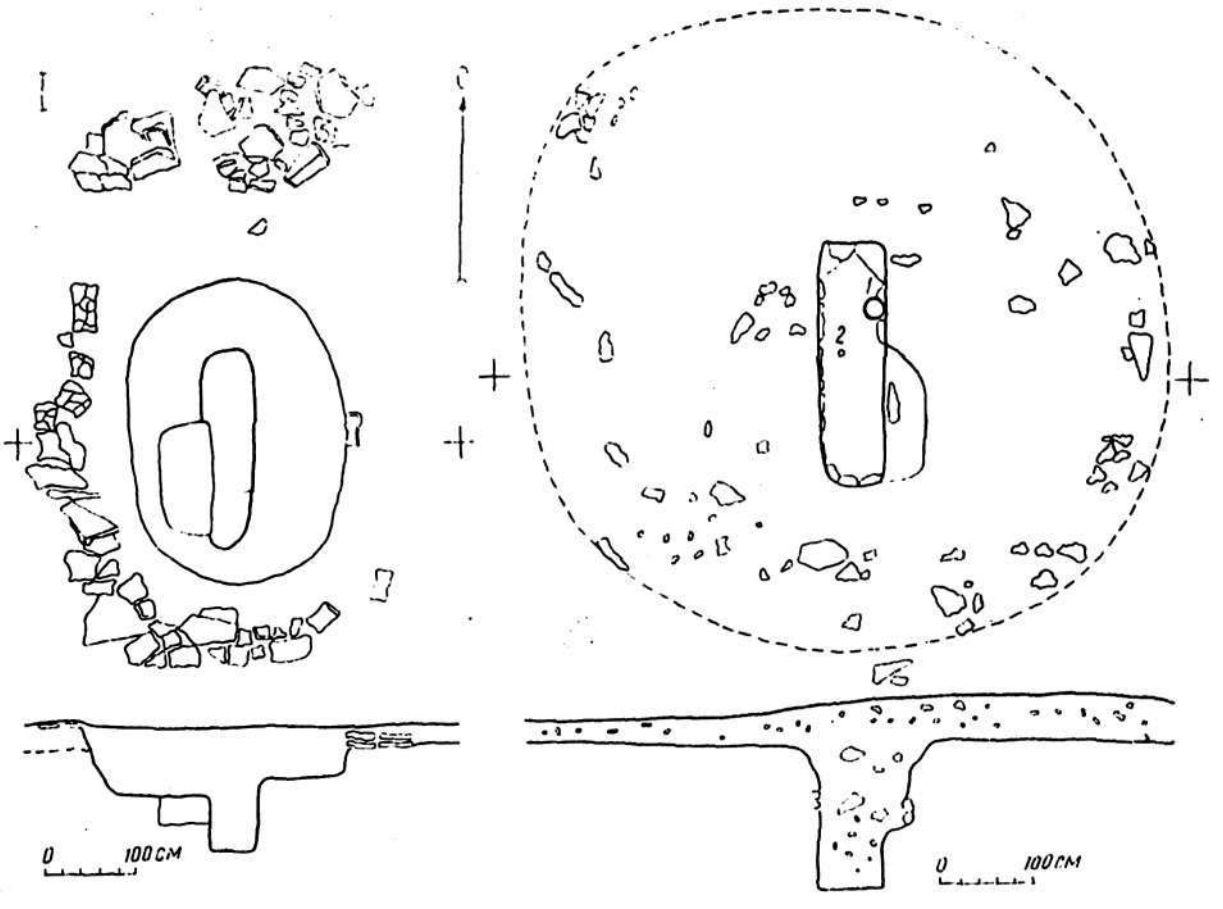

Рис. 57. Курганная группа Биркалыашинграу-2;
I — курган 1, план и разрез; II — курган 2, план и разрез; 1 — сосуд, 2 — пряслице.

отмечены и в прохоровской культуре. Алебастровое пряслице было найдено в кургане № 8, погребение 5 Мечетсайского могильника на Илекс и датировано IV в. до н. э. [201, с. 149, 143, рис. 5, *45*]. Последняя аналогия позволяет допускать возможность датировки описанного выше кургана № 1 курганной группы Биркалныншинграу-2 IV в. до н. э.

Сумбетимералан-Куркреук, курганная группа (рис. 19, *37*). Расположена в 6 км к северу от городища Алан-кала-1, на мысу северного края долины (рис. 55). На плоской поверхности мыса удалось насчитать 11 плохо заметных низких курганных насыпей, демаскирующихся обычно скоплениями известняковых плит. Высота насыпей в пределах 0,10—0,15 м (рис. 59, *I*).

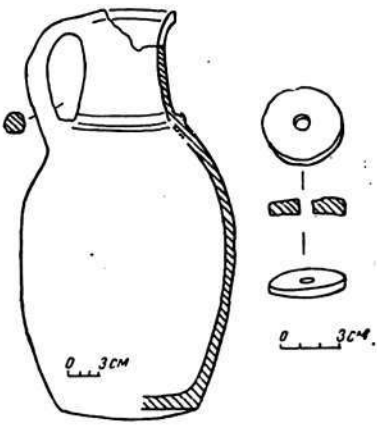

Рис. 58. Курганная группа Биркалныншинграу-2. Курган 2. Находки.

В районе кургана № 10 зафиксирована редкая россыпь керамической щебенки. Керамика красноглиняная, станковая, из хорошо отмученной формовочной массы, равномерно обожжена. На изломе черепка видны редкие известковые включения. Морфологически определенных черепков нет. Лишь на одном из них удалось отметить перелом от тулова к коническому дну, похожему на аналогично оформленное дно крупных сосудов архаического Хорезма. Найденная керамика технологически также близка к хорезмийской, архаической. Чтобы дать перечень сходных черт, необходимо отметить наличие на некоторых из фрагментов описанной керамики неплотного ангоба желтоватого цвета [63, рис. 2].

Курганы вытянуты цепочкой вдоль мыса в меридиональном направлении. Резко разграничиваются два типа насыпей: большие — диаметром 8—10 м, и малые — диаметром 1,5—2,0 м. Малые насыпи имеют отчетливую тенденцию группироваться вокруг больших. Подобная топография отмечена и для находящихся поблизости курганных групп Биркалныншинграу-2 и Кыйсыкшинграу.

Отчетливо выделяются три группы. Вокруг большого кургана № 2 расположены курганы № 1 и 3, вокруг большого кургана № 7— малые № 4—6, вокруг большого кургана № 9 — малые № 8, 10. Раскопаны курганы № 2, 6, 7.

Курган № 2 (рис. 59. *III*) имел низкую (высота до 0,2 м) расплывшуюся насыпь диаметром около 7 м, состоявшую из щебня и небольших камней. Под насыпью на горизонте находилось каменное

сооружение, прямоугольное в плане, размером 3,8×3,0 м, длинной осью ориентированное по линии северо-запад — юго-восток. По краям сооружение обложено необработанными каменными плитами, установленными вертикально и слегка заглубленными в грунт. Внутри эта прямоугольная ограда заложена горизонтально уложенными каменными плитами. В середине сооружения плиты лежали параллельными рядами. Под сооружением находилась широкая, прямоугольная в плане яма глубиной около 0,8 м, размером 2,5×2,0 м, длинной осью ориентированная по длинной оси прямоугольного сооружения. Стенки ямы ко дну сужаются. Грунт явно перекопанный, погребение ограблено.

Курган № 6 (рис. 59, *II*). До раскопок на поверхности просматривался каменный ящик, вокруг которого лежало несколько каменных плит. После расчистки был выявлен каменный ящик, сооруженный из необработанных каменных плит разных размеров, опущенный в грунт на глубину около 0,4 м. Он квадратный в плане, длина сторон, ориентированная по странам света, 0,7 м. Находки внутри ящика отсутствовали.

Курган № 7 (рис. 59, *IV*) имел насыпь, состоящую из щебня и мелких камней диаметром около 15 м, высотой до 0,2 м. Под насыпью на уровне древнего горизонта было выложено кольцо из каменных плит диаметром около 6 м. Западная часть кольца почти полностью уничтожена при ограблении кургана. В юго-западной части насыпи видна груда камней, очевидно, грабительский выброс.

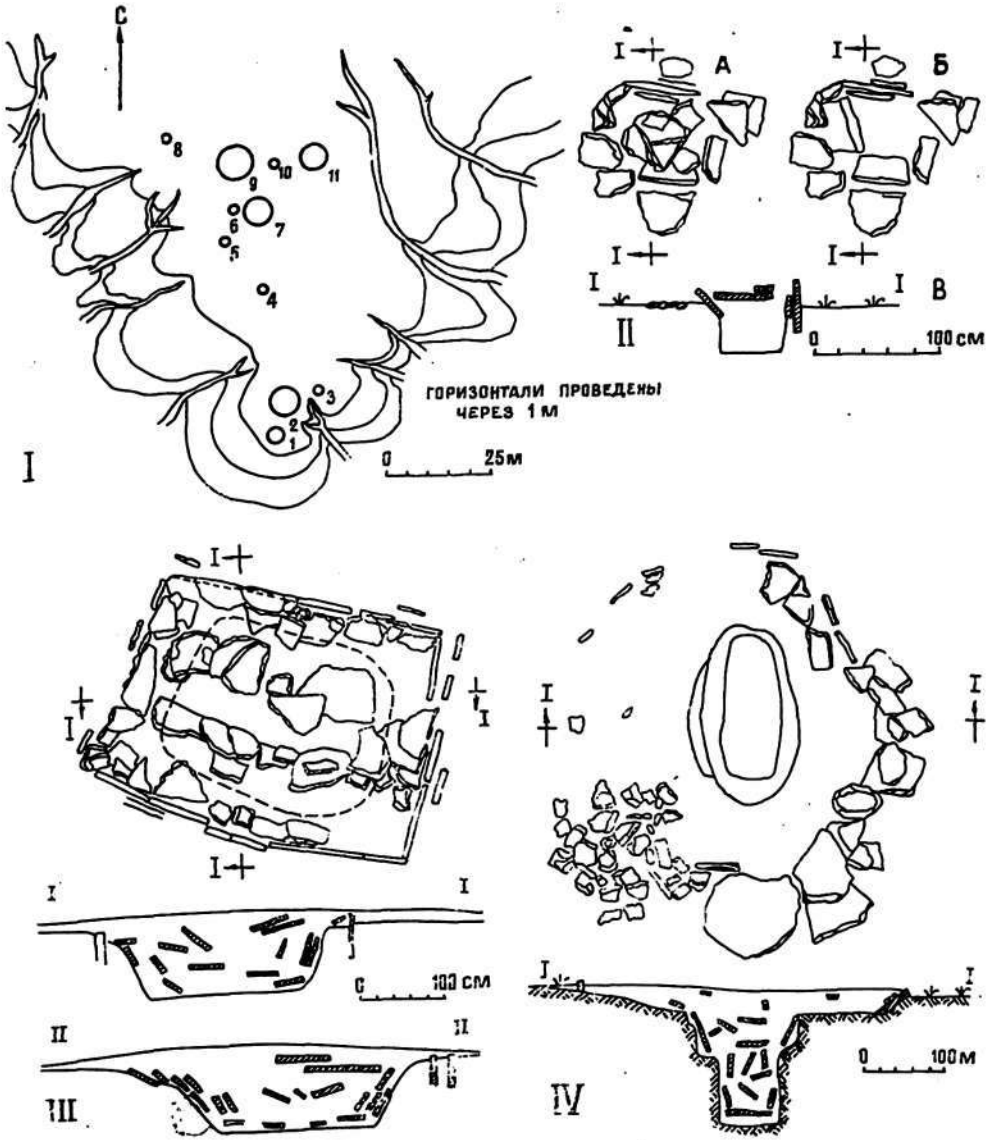
В центре каменного кольца находилась овальная в плане могильная яма с заплечиками, длинной осью ориентированная по линии север — юг. Размеры ямы выше заплечиков 2,25×1,20 м, ниже заплечиков — 1,8×0,8 м. Общая глубина около 1,4 м. Грунт внутри ямы перекопан грабителями. Единственная находка представлена невыразительным фрагментом плоского бронзового зеркала, найденным в перекопе.

Ардана-*1*, одиночный курган (рис. 19, *38*). Расположен в 9 км к северо-западу от городища Алан-кала-1. Назван по имени колодца Ардана, находящегося во впадине Барсакельмес в 2 км от кургана, на краю мыса (рис. 55). Имеет вид сильно оплывшей каменной насыпи диаметром по основанию около 10 м и высотой 0,8—0,1 м. На вершине насыпи, на расстоянии примерно 3 м одна от другой, видны верхушки вертикально установленных плит. Рядом с насыпью кургана, в 7 м к северо-западу от нее, отдельная кучка крупных каменных плит.

Ардана-*2*, одиночный курган (рис. 19, *38*). Находится в 10,5 км к северо-западу от городища Алан-кала-1, на одном из мысов север-

---

Рис. 59. Курганная группа Сумбетимералан—Куркреук:
I — план группы; II — курган 6, *А* — план до раскопок, *Б* — план после раскопок, *В* - разрез; III — курган 2, план и разрезы; IV — курган 7, план и разрез.

С
8
9
10
11
7
6
5
4
3
2
1
I
0 25м
ГОРИЗОНТАЛИ ПРОВЕДЕНЫ ЧЕРЕЗ 1 М
I
А
Б
В
II
0 100 см
I
I
I

ного края аланской долины, среди могил казахского кладбища (рис. 55). Имеет каменную насыпь диаметром по основанию около 8 м. В центре насыпи глубокая, заплывшая грабительская воронка.

Ардана-*3*, курганная группа (рис. 19, *38*). Находится в 11 км к северо-западу от городища Алан-кала-1, на северном краю аланской долины (рис. 555). Курганные насыпи почти полностью разрушены. На территории курганной группы разбросано множество каменных плит, среди которых обнаружены обломки красноглиняной станковой керамики. Местонахождение отдельных курганов и их общее количество без раскопок не определяются.

Турткульдын-кудук, одиночный курган (рис. 19, *39*). Расположен в 13 км к северо-западу от городища Алан-кала-1 и в 1 км к востоку от колодца Турткульдын-кудук, по имени которого и назван курган. Находится на одном из мысов северного края аланской долины. Имеет вид сильно оплывшей сферической каменной насыпи. Диаметр по основанию около 6 м, высота 0,5—0,6 м. К западу от вершины оплывшая воронка, возможно, след ограбления.

Ардана-*4*, отдельная постройка (рис. 19, *40*). Находится в 10 км к северо-западу от городища Алан-кала-1 на склоне, ведущем от северного края долины к ее дну (рис. 55). Над отдельной постройкой возвышается мыс, на котором расположен одиночный курган Ардана-2.

В плане описываемый археологический объект представляет квадрат (длина сторон 10 м). Стены постройки сложены из очень крупных каменных плит, кладка в видимой части сохранилась на высоту четырех плит. Посредине юго-восточной стены, видимо, находился вход в постройку (рис. 60, *1*).

Кыйсыкшинграу, курганная группа (рис. 19, *41*). Находится в 3 км к северо-западу от городища Алан-кала-1 и в 4 км к юго-востоку от колодца Кыйсыкшинграу (рис. 55). Рядом с могильником находится казахское кладбище и три ана. Один из них длинный, почти пересохший, другой — типа провального колодца с водой. Чуть в стороне находится третий, уже почти полностью обсохший ан.

Курганная группа расположена над обрывом первого ана, на краю небольшого плато, со всех сторон окруженного котловинами и руслообразными понижениями. В составе группы насчитано 8 курганов. Центральным является большой каменный курган диаметром по основанию 12—14 м, вокруг которого расположены курганы меньших размеров (рис. 61).

На территории группы имеются отдельные скопления камней, вертикально торчащие каменные плиты, очевидно, свидетельствующие о том, что первоначально курганов было больше, однако к моменту обследования они оказались уничтоженными. В 1973 и 1975 гг. были раскопаны курганы № 1, 2, 4.

Курган № 1 имел низкую оплывшую насыпь с просевшей вершиной. Диаметр насыпи по основанию 12—14 м, высота 0,6—0,7 м. Насыпь кургана щебнисто-грунтовая. Под нею на уровне горизонта находилось

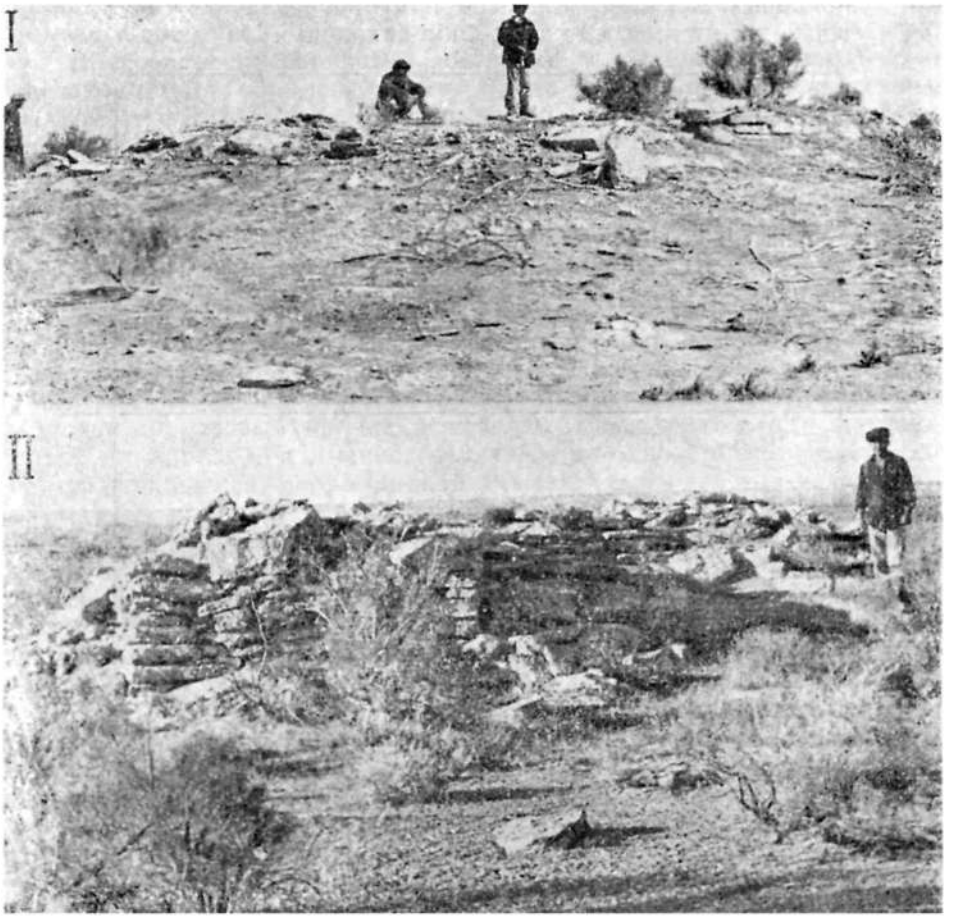

Рис. 60. Отдельные постройки Ардана (I) и Алан-2 (II).

кольцо из камня диаметром около 12 м. В центре кольца — яма, сильно испорченная грабительским перекопом. Первоначальный контур ямы не прослеживается. В перекопанной засыпке ямы обнаружены обломки истлевших человеческих костей.

Курган № 2 представлял собой кучу каменных плит диаметром 3—4 м на горизонте. Под камнями нет ни вещей, ни ямы.

Курган № 4 представлял собой кучу каменных плит диаметром около 4 м и высотой 0,5—0,6 м. В основании прослеживается кольцо из плит, уложенных плашмя. В центре плита поставлена вертикально. Под насыпью нет ни ямы, ни каких-либо находок.

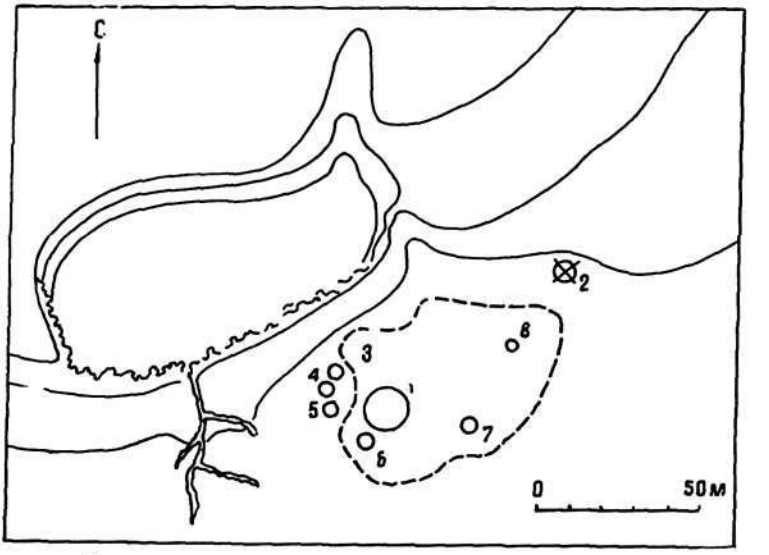

Рис. 61. План курганной группы Кыйсыкшинграу.

Сумбетимералан-Куркреук, отдельная постройка (рис. 19, *42*) расположена в 4 км к северо-западу от городища Алан-кала-1, на краю большого карстового провала-ана (рис. 55). Рядом находится казахское кладбище Сумбетимералан-Куркреук, по которому и назван описываемый археологический объект.

К востоку, в 50—70 м, находится сильно затянувшийся ан, в который открывался одноименный с казахским кладбищем родник, к настоящему времени полностью иссякший. В 1973 и 1974 гг. на отдельной постройке Сумбетимералан-Куркреук были произведены раскопки.

До раскопок постройка имела вид невысокого, плоского, в плане прямоугольного бугра, северо-восточную часть его венчала большая курганообразная каменная насыпь. После раскопок было установлено, что под бугром скрывалась постройка, квадратная в плане, размером 18×18 м, углами ориентированная по странам света (рис. 62). Сте-

ны сложены из необработанного известнякового плитняка. На северо-восточной и северо-западной стенках кладка комбинированная: изнутри — сырцовая, снаружи — каменная. Южный угол и часть юго-западной стены обрушилась в ан. Перекрытия постройка, очевидно, не имела, представляя собой просто ограду. Вход в нее находился посредине юго-восточной стены.

Внутреннее пространство постройки четко организовано. Южную часть занимает обширный двор. Вдоль северо-восточной и северо-западной стен находится сплошная застройка, расчленяющаяся на шесть изолированных секций. Все они разделены тонкими, в один кирпич, сырцовыми стенами, которые не могли нести на себе серьезных перекрытий и имели или легкие навесы, или не были перекрыты вовсе. О существовании легких перекрытий в части секций свидетельствуют сгоревшие жерди, лежавшие в завале над ними. Размер кирпича в сырцовой кладке 34×34×8—10 см.

Секция I находится в восточном углу постройки. Перпендикулярная по отношению к ее северо-восточной стене, которая, отсекая восточный угол постройки, образует помещение, открытое с одной из сторон, типа айвана, известного в народной архитектуре Средней Азии. Впрочем, некоторые признаки позволяют предполагать и другой вариант планировки, а именно, наличие еще одной, к моменту раскопок не сохранившейся, юго-западной стенки, делавшей помещение замкнутым.

У юго-восточной стены секции находятся остатки низкой сырцовой суфы, по периметру которой частично сохранилась обкладка вертикально поставленными каменными плитами. Суфа доходила до отсечной стенки, сохранившейся частично. Упомянутая стенка и аналогичная ей отсечная стена, примыкавшая к северо-западной стенке секции, ограничивали часть ее площади.

В центре секции находилось большое кострище неопределенных в плане очертаний, пол под которым прокален до ярко-красного цвета. На кострище сохранилась чистая белая зола. В районе кострища находилась масса керамики и костей животных, а также несколько сосудов, раздавленных рухнувшими стенами и перекрытием. Один из раздавленных сосудов закрывал сверху кострище. Еще одно кострище, меньших размеров и с меньшим прокалом под ним, находилось у середины северо-восточной стены. Стены секции частично повреждены впускными погребениями нового времени. В завале под секцией обнаружены сгоревшие длинные жерди, видимо, следы легкого перекрытия.

Секция II. Из-за плохой сохранности стен неясно, было ли это закрытое помещение или открытое, типа айвана. В центре секции находилось кострище в плоском тарелкообразном углублении. Углубле-

ние под кострищем сильно прокалено, сверху лежит слой чистой белой золы. На участке пола, непосредственно примыкающем к кострищу.

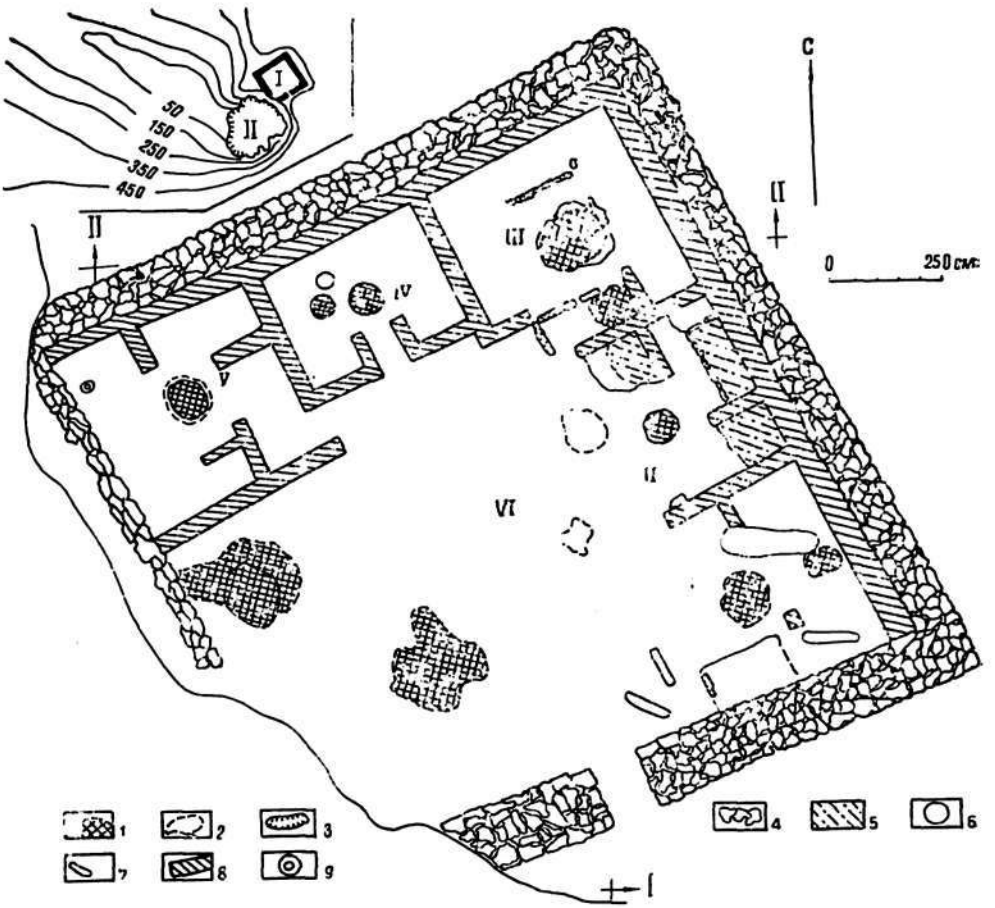

Рис. 62. Отдельная постройка Сумбетимералан—Куркреук. План после раскопок. Условные обозначения:
1 — кострища (ярко-красный прокал); 2 — кострища, покрытые белой золой; 3 — вертикально стоящие каменные плиты; 4 — каменная кладка; 5 — зола с пережженными костями; 6 — ямы-углубления; 7 — впускные казахские могилы; 8 — сырцовая кладка; 9 — закопанный в пол кувшин. На врезке — схема расположения отдельной постройки: I — отдельная постройка, II — ан.

концентрируются находки костей животных и фрагментов керамики.

Двумя отсечными стенками внутреннее пространство секции рас-

членено на три части. В северо-восточном углу стенки образуют маленькое помещение размером 2,6×1,6 м с широким проходом в него в юго-западном углу. К северо-восточной стене приставлена низкая суфа, огражденная с двух сторон вертикально поставленными плитами. Ее размеры 2,0×0,9 м. Поверхность суфы покрыта толстым слоем золы с массой мелких обломков пережженных костей. Поверхность суфы под золой не имеет ни малейших следов прокаленности. Вероятно, зола сюда приносилась со стороны и ссыпалась уже холодной. Между северо-западным концом суфы и северо-западной стенкой помещения расположена яма, сплошь забитая костями животных.

В юго-восточном углу отсечная стена образует нишу глубиной 1,40 м и шириной 1,25 м. Уровень пола в нише несколько поднят по отношению к уровню остальной части секции. На этом возвышении также находится слой насыпанной золы с пережженными костями. И, наконец, еще одна не полностью сохранившаяся ниша глубиной около 1,4 м находилась на северо-западной стене. Здесь злой золы, подобный вышеописанному, лежал прямо на полу.

Секция III занимает северный угол постройки. Почти полностью замкнута. Попасть внутрь можно лишь через узкий проход с юга через находящуюся здесь ограду из вертикально вкопанных каменных плит и большое кострище. Юго-восточный угол секции отсечен стенкой и образует нишу глубиной 1,25 м, шириной 1,20 м.

В центре секции, в тарелкообразном углублении находилось большое долговременное кострище. Грунт под ним сильно прокален. Сверху кострище закрыто толстым слоем белой чистой золы. С восточной стороны оно ограничено вертикально вкопанной каменной плитой, также прокаленной докрасна.

У северо-западной стены находилась плохо сохранившаяся суфа, огражденная вертикально поставленными каменными плитами.

Секция IV примыкает к середине северо-западной внешней стены пристройки. Вход, находящийся в середине юго-восточной стены, оформлен втянутыми внутрь секции двумя стенками. В центре, прямо перед входом, очаг в цилиндрической яме, нижняя часть которой заполнена прокаленным докрасна песком, а верхняя — чистой белой золой. Чуть западнее находится второй аналогичный очаг меньших размеров. К северу от очагов лежала грубо обитая круглая, плосковыпуклая известняковая плита.

Секция V находится в западном углу постройки. Отсечными стенами выделен коленчатый вход, а площадь секции разбита на небольшое помещение в северном углу, нишу в западном углу, нишу с дополнительной нишкой на отсечной стенке — на юго-восточной стене и центральную часть секции. В центральной части, в тарелкообразом углублении, находится кострище, грунт под которым сильно прокален, свер-

ху прикрыт слоем белой чистой золы. В полу ниши, находящейся в западном углу, закопан серолощеный кувшин. В завале над секцией находилась масса сгоревших жердей, видимо, остатков легкого перекрытия секции.

Секция VI. Так условно назван открытый двор постройки. Во дворе находится несколько кострищ в виде пятен ярко-красного прокаленного грунта, прикрытых чистой белой золой с мелкими древесными угольками. Выделяется большое кострище в западном углу двора. В его основании находится глубокая и широкая яма неправильных в плане очертаний, прокаленная до ярко-красного цвета. Аналогичным образом прокален грунт и вокруг ямы. Яма была заполнена золой. Большое бесформенное пятно ярко-красного прокаленного грунта находится недалеко от входа в постройку. Слой, заполнявший постройку, песчаный, довольно однородный. В слое на разных уровнях имеются прослойки белой золы, следы кострищ, находившихся в разных местах. Судя по слабой прокаленности грунта под ними, кострища были одновременными. Основные кострища в секциях были долговременными и повторялись на вышележащих уровнях на том же месте (рис. 63). Слой пронизан фрагментами керамики и пищевыми отбросами — костями животных, концентрирующимися вокруг кострищ и образующими иногда сплошные прослойки.

В северо-восточном углу постройки над секцией II и III находилась курганообразная насыпь. Она состояла из очень крупных необработанных каменных плит, пространство между которыми заполнено песком. Низ каменной кладки насыпи выше низа стен ограды на 0,2—0,3 м. Под насыпью следует песок с отдельными тонкими глинистыми прослойками, обязанными своим появлением дождевым водам. В курганообразной насыпи, особенно в ее нижней части и под полами, прослеживаются следы многочисленных кратковременных кострищ. Они лежат в разных уровнях. У кострищ обычно группируются находки керамики и костей. В этих же кострищах отмечаются куски обожженной глины. По всей толще снятой курганообразной насыпи рассеяны многочисленные находки фрагментов костей животных, обломки керамики и редкие находки кремневых отщепов. Кости, судя по их сильной измельченности, расколам крупных из них, являются пищевыми отбросами.

Вполне очевидно, что курганообразная насыпь сооружена несколько позже, чем сама постройка. Причем, возведение насыпи было не единовременным актом, а постепенным прерывистым процессом. Лежащие на разных уровнях кострища, намывные прослойки достаточно ярко подтверждают этот факт.

Отдельная постройка Сумбетимералан-Куркреук раскопана полностью. Обильный керамический материал, полученный в результате

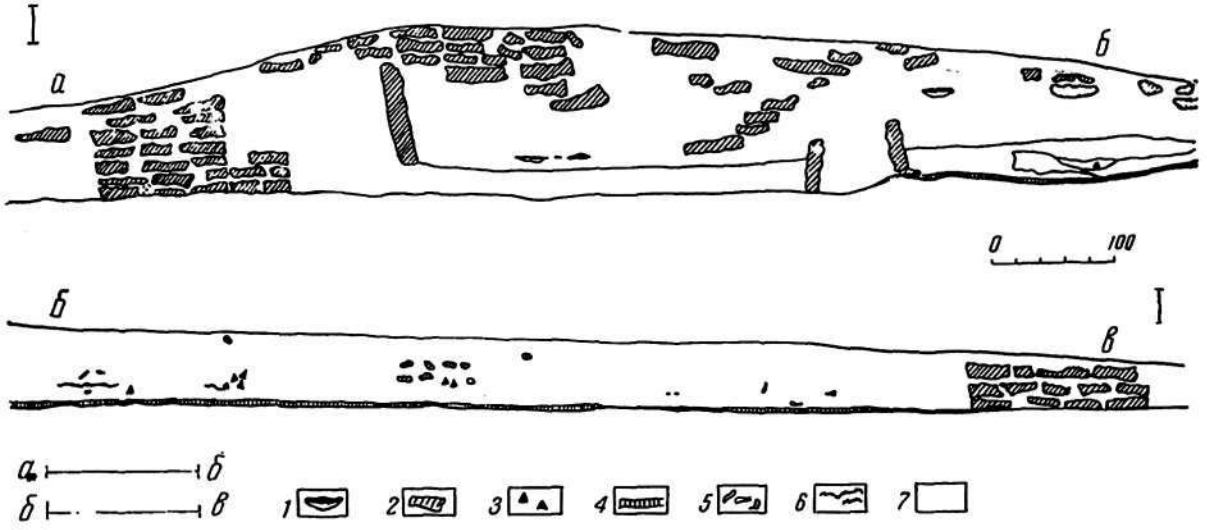

Рис. 63. Разрез I—I отдельной постройки Сумбетимералан—Куркреук. Условные обозначения:
1 — кострища (ярко-красный прокал, наверху зола); 2 — каменные плиты; 3 — керамика; 4 — сплошная прослойка костей животных и фрагментов керамики; 5 — фрагменты костей животных; 6 — угольные прослойки; 7 — мягкий гипсованный песок.

ее раскопок, по технологическим признакам можно разделить на две группы. В первую группу выделены сосуды, сформованные вручную из плохо промешанной формовочной массы с обильными примесями крупномолотого шамота, напольного обжига.

Во вторую группу, представленную единичными экземплярами, выделена керамика, выделанная вручную, но с применением поворотной подставки, из относительно хорошо промешанной формовочной массы и, очевидно, горнового обжига.

Первая группа представлена сравнительно небольшим количеством форм. Преобладающим (более половины от общего количества) являются горшки баночной формы с маленьким плоским дном, вертикально вытянутым, чуть раздутым туловом, покатыми плечиками и очень широким раструбообразным устьем, обрамленным низким, обычно подтреугольным в сечении венчиком или отогнутым прямым краем с валиком чуть ниже края, также образующим воротничковый венчик (рис. 64, *1—3, 6—7, 10—13, 15—16*).

Описываемые банки различны по величине — от небольших экземпляров, имевших диаметр устья 26—28 см, до очень крупных — диаметр устья до 40 см. Все сосуды этого типа изготовлены вручную, без применения гончарного круга, из плохо промешанной формовочной массы с обильными примесями шамота, обжиг слабый, напольный, черепок в изломе черный. На внешней поверхности обычны углисто-черные и ярко-красные пятна кострового обжига. Внешняя сторона венчика обычно орнаментирована. В большинстве случаев это поясок из вертикальных вдавлений, реже отмечен орнамент в виде одинарного, двойного или даже тройного пояска круглых вдавлений. На единичных экземплярах отмечен орнамент в виде пояска треугольных вдавлений или вдавленной зигзагообразной линии. На отдельных экземплярах — налепы грубо конической формы на внешней стороне венчика и удлиненные горизонтальные налепы-ушки на плечиках (рис. 64, *7, 11*).

По характеру обработки внешней поверхности сосуды распадаются на две разновидности. Сосуды небольших размеров имеют хорошо заглаженную внешнюю поверхность, до обжига затертую жидкой глиной. Крупные сосуды обычно имеют на внешней поверхности нарочито грубую обмазку глиной, создающую бугристую и бессистемно-ребристую фактуру. Подобным образом обрабатывалось тулово сосуда до плечиков, которые оставались гладкими (рис. 64, *1—1, 15, 17*). На внутренней стороне сосудов, особенно на венчике, сохранились обильные пятна копоти. По сумме признаков, характеризующих данный тип керамики, она находит практически полное совпадение в керамике Джетыасарской культуры низовьев Сырдарьи. Подобные сосуды в этой культуре выделены в первую группу керамики и отмечены для II и III этапов ее развития, датирующихся соответственно IV—VII и VIII—IX вв.

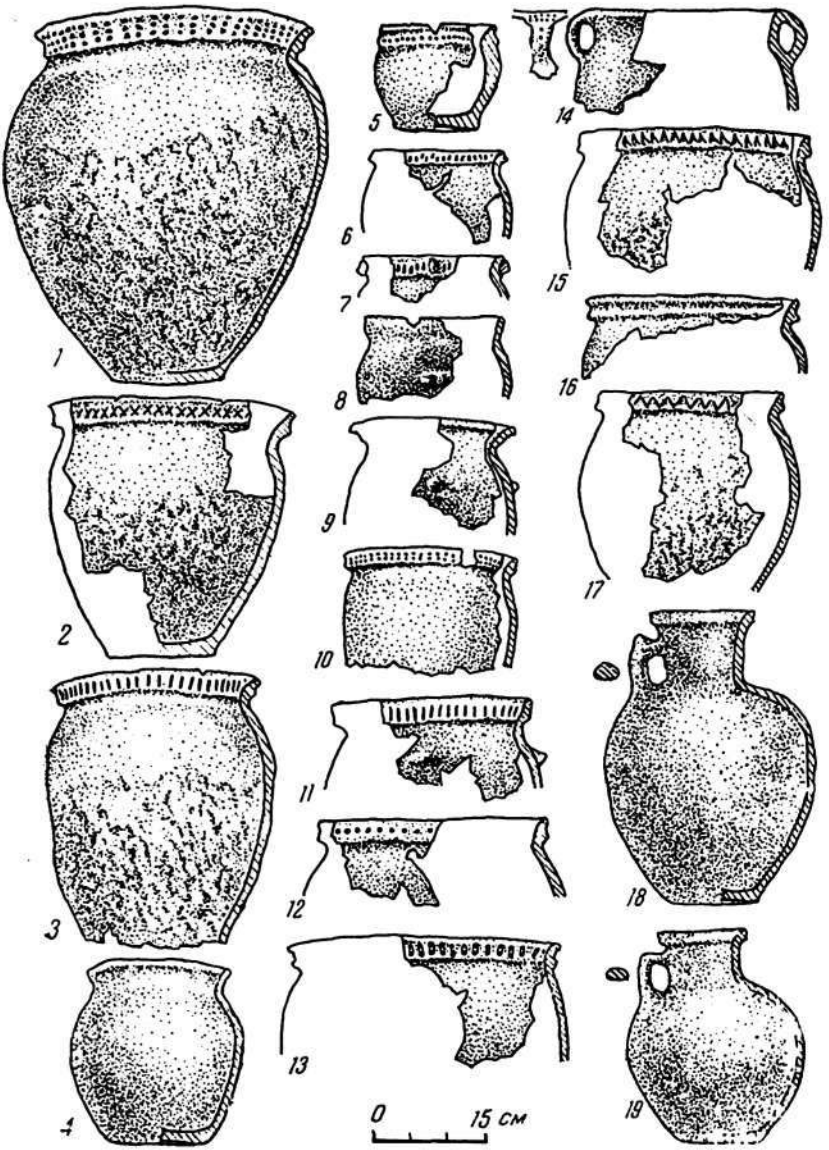

Рис. 64. Отдельная постройка Сумбетимералан-Куркреук. Керамика.

н. э. [116, с. 72, 74]. Горшки баночной формы, подобные вышеописанным, составляют здесь более половины первой группы керамики.

Дату керамики из отдельной постройки Сумбетимералан-Куркреук ограничивает такая деталь, как наличие толстого слоя грубой глиняной обмазки на тулове сосудов, создающей бугристую и бессистемно-ребристую фактуру. Этот прием отделки внешней поверхности горшков баночной формы, по наблюдениям Л. М. Левиной, появляется в конце II этапа Джетыасарской культуры и получает полное развитие на III этапе [116, с. 74—75], иначе говоря, подобные сосуды могут быть датированы в пределах VII—VIII вв. н. э. С другой стороны, аналогичные сосуды мы отмечаем и в материалах кердерской культуры Приаральской дельты Амударьи. Их много, например, в материалах поселения Курганча, датируемых монетными находками концом VII — серединой VIII в. н. э.[5] Однако в большинстве случаев грубая глиняная обмазка на кердерских сосудах приобретает уже систематическую вертикальную ребристость.

Очень небольшим количеством экземпляров представлены горшковидные сосуды приземистой формы, с широкой и высокой раструбообразной горловиной без венчика или с валикообразным, грубо моделированным венчиком. Сосуды имеют две вертикальные петлеобразные ручки, опирающиеся корнями на край горловины и на плечики. В одном случае на внешней поверхности ручек нанесен точечными вдавлениями орнамент в виде двойной горизонтальной и одинарной вертикальной линий, опускающихся вниз, до середины ручки. Сосуды имели, очевидно, плоское дно. Величина сосудов не стандартна. Диаметр горловины колеблется в пределах 22—28 см (рис. 64, *14*).

Изготовлены сосуды вручную, из плохо промешанной формовочной массы с примесями шамота, реже дресвы, обожжены напольным способом, на горловине обычно следы копоти. Подобные сосуды имеются в материалах Джетыасарской культуры, но там они находятся в другой технологической группе сосудов, изготовленных вручную, но с применением поворотной подставки, имеющих горновой обжиг и облицовку красным или коричневым ангобом с лощением по нему. Они отмечены для второго этапа развития Джетыасарской культуры [116, с. 73].

Единичными экземплярами представлены небольшие лепные горшки без ручек, с одинарными или парными коническими налепами на плечиках или вообще ничем не украшенные (рис. 64, *4, 8, 9*).

Вторая группа керамики представлена двумя кувшинами и небольшим горшковидным сосудом. Кувшины (рис. 64, *18—19*) однотипные, хотя и несколько различных пропорций. Имеют плоское дно, яйцевид-

[5] Фонды сектора археологии ИИЯЛ КК ФАН УзССР.

ное тулово (у одного кувшина оно вытянуто вертикально, у другого — приземистое), крутые плечики, высокую раструбообразную горловину, обрамленную небольшим, подтреугольным в сечении со скругленными углами воротничковым венчиком, одну вертикальную, уплощенную в поперечном сечении коленчатую ручку. На одном кувшине в месте излома ручки имеется вертикальный выступ. Диаметры горловины 12—14,5 см, наибольший диаметр тулова 23—29 см, диаметр дна 11—12,5 см, высота 29,5—42 см. Сосуды изготовлены вручную, но с применением поворотной подставки, из относительно хорошо промешанной формовочной массы с примесями шамота. Обжиг равномерный, горновой. Внешняя поверхность облицована серым ангобом, поверх которого сплошное слабое лощение.

Аналогичные сосуды, вплоть до полного совпадения по технологическим и морфологическим признакам, имеются в материалах кердерской культуры Приаральской дельты Амударьи[6], датирующиеся последней четвертью VII — серединой VIII в. н. э. [237, с. 299; 239, с. 42].

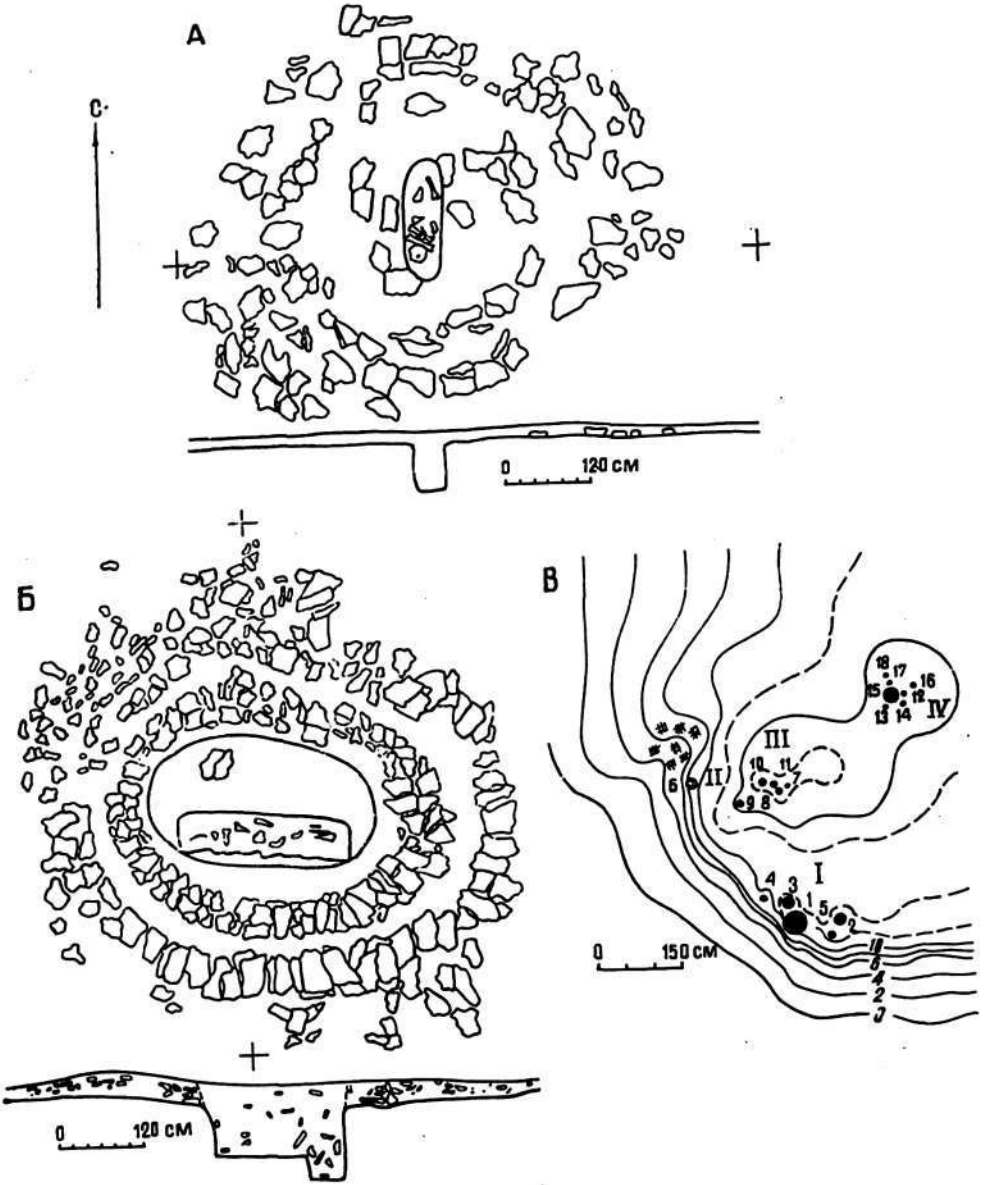
Единичным экземпляром представлен горшковидный сосудик, имеющий небольшое плоское дно, слегка раздутое приземистое тулово, очень широкое устье с массивным, подтреугольным в поперечном сечении венчиком. За счет прогнутости лицевой стороны венчика создается впечатление, что по низу он опоясан валиком. Сосуд имеет очень толстые стенки и дно (рис. 64, *5*). Диаметр устья 16 см, наибольший диаметр тулова 17,5 см, высота сосуда 15 см, диаметр дна 12 см, толщина стенок 2,0—2,2 см. Сосуд симметричен, вылеплен вручную на поворотной подставке, на которую была положена ткань. Отпечаток последней хорошо заметен на плоском дне. Сосуд вытянут из целого куска глины. Формовочная масса имеет обильные примеси отощителя в виде крупнодробленного шамота. Обжиг относительно равномерный, горновой. На изломе видна полоса серого не дожженного теста, у поверхностей цвет черепка равномерно светло-коричневый. Поверхности сосуда облицованы светлым ангобом. На внешней стороне венчика орнамент в виде пояска пунсонных вдавлений.

В целом аналогии сосуду отсутствуют, однако необходимо отметить, что облицовка беловатым ангобом внешней поверхности изредка отмечается для керамики второй группы Джетыасарской культуры III этапа развития [116, с. 75]. Подобная облицовка отмечается и для керамики II этапа, однако в этом случае поверх светлого ангоба на сосуды нанесены мазки и натеки красно-коричневой краски [116, с. 74].

Таким образом, анализ керамики отдельной постройки Сумбети-мералан-Куркреук позволяет считать, что она по своим основным

---

[6] Фонды сектора археологии ИИЯЛ КК ФАН УзССР. Коллекционные описи Курганчинского археологического экспедиционного отряда (КАЗО) 1967 г., оп. 2, № 1623—1625; Коллекционные описи КАЗО—70, оп. 2, № 2852.

А
С
0 120 см
Б
0 120 см
В
I
II
III
IV
0 150 см

признакам совпадает с джетыасарской керамикой III этапа развития и кердерской керамикой. Это дает основание датировать отдельную постройку Сумбетимералан-Куркреук VII—VIII в. н. э. и считать ее культуру вариантом Джетыасарской культуры, близким к Кердерской.

Оценивая результаты раскопок отдельной постройки Сумбетимералан-Куркреук в целом, необходимо прежде всего отметить, что перед нами, бесспорно, не жилая постройка, а скорее культовая, возможно даже культово-погребальная. Слой золы и пережженных костей на суфах в секции II могут свидетельствовать об обряде кремации — сожжении на стороне с последующим ссыпанием пепла в секции на суфообразном возвышении. Большое кострище в яме и на поверхности во дворе постройки в этом случае могут быть определены как возможные места сожжения. Все это наводит на мысль о значительной роли огня в культе, отправлявшемся в постройке. Кости животных, сосуды, многочисленные кострища — возможно, следы каких-то поминальных обрядов, справлявшихся в постройке длительный период (кострища на разных уровнях).

Если часть секций (у северо-восточной стены) могла служить для погребения праха сожженных, то вдоль северо-западной стены располагались помещения, где, очевидно, происходило отправление культа. Особенно характерно центральное помещение (секция IV). Не случайно, очевидно, и расположение отдельной постройки у ана.

Алан-кала-2, отдельная постройка (рис. 19, *43*). Расположена в 1 км к северу от городища Алан-кала-1, на краю ана, полузатянувшегося и уже лишенного воды. Представляет собой квадратное в плане (длина стороны 12 м) сооружение, сложенное из крупных, грубо обработанных плит известняка. Сторонами ориентирована по странам света. Западной стены нет, если она и была, то к настоящему времени обрушилась в ан. На северо-восточном и юго-восточном углах постройки имеются круглые башнеобразные выступы, на середине южной стены — квадратный выступ. Ни круглый, ни квадратный выступы помещений внутри не имеют, сложены сплошной кладкой (рис. 60, *II*).

Жаманаус-манке-кудук, одиночный курган (рис. 19, *44*). Расположен у южного края солончака Агыин, в 5 км к северо-востоку от колодца Жаманаус-манке-кудук, на краю плато, обрывающегося крутым склоном к солончаковой равнине шора Агыин (рис. 55). Курган имеет небольшую каменную насыпь и мягкое песчаное основание, сплошь изрытое норами грызунов.

Рис. 65. Курганная группа Каракудук:
А — группа I, курган 2, план после раскопок и разрез; *Б* — группа III, курган 10, план после раскопок и разрез; *В* — план группы.

КУРГАНЫ СОЛОНЧАКОВОГО МАССИВА ЧУРУК

В этом районе Устюрта известен только один курганный могильник — Каракудук, находящийся в 18 км к северо-востоку от колодцев Чурук и в 3 км к юго-западу от колодцев Каракудук, по имени которых назван могильник (рис. 19, *45*).

Могильник расположен в местности, по многим признакам выделяющейся из обычных устюртских ландшафтов. Здесь находится обширная руслообразная долина глубиной до 10—15 м. Долина на юге выходит к солончаковому массиву Чурук, а на севере уходит к пескам Матайкум.

На днище долины во многих местах находятся обширные солончаки, ее дно и борта весной обильно порастают травяной растительностью. В районе могильника расположены три группы колодцев, много старых, уже засыпанных, на месте которых остались лишь воронки. Весной и осенью дно долины, очевидно, заливается дождевыми и талыми водами, образующими временные озерца.

Могильник расположен на высоком мысу восточного берега долины, возвышающемся над ее дном на высоту до 15 м (рис. 65, В). Верх мыса плоский, постепенно переходящий в плоскую однообразную равнину Устюрта. Склон довольно крут, на него выходят обрывы горизонтальных пластов известняка, который эпизодически добывался в прошлом. Каменные плиты в курганных насыпях, очевидно, происходят отсюда, этот же камень использовался для сооружения намогильников, находящихся вблизи казахского кладбища.

Всего в могильнике удалось насчитать 18 курганов. Общее их количество, очевидно, намного выше, однако учесть все курганы оказалось невозможным, поскольку каменные насыпи многих из них разбросаны в более позднее время. В могильнике выделяются четыре группы курганных насыпей. Каждая из них имеет большой центральный курган и более мелкие, группирующиеся вокруг центрального.

Группа I. Находится в южной части могильника над крутым откосом берега долины. В группе насчитывается 5 курганов. Один из них (№ 1) резко выделяется по величине насыпи. Остальные — меньших размеров и примерно одинаковые по величине.

Курган № 1 находится на самом краю мыса. Он самый большой и заметный. На вершине глубокая грабительская воронка. В своем современном виде грунтово-каменная курганная насыпь имеет высоту около 2 м и диаметр около 25 м. Грабительская воронка сплошь изрыта норами грызунов, в выбросах которых наблюдаются многочисленные находки пережженных и измельченных костей животных и фрагментов керамики. Керамика грубая, лепная, из плохо промешанной формовочной массы с примесями дробленых раковин и дресвы. Обжиг

костровый, слабый, черепок в изломе черный. На нескольких черепках сохранился прорезной орнамент в виде ромбической решетки и заштрихованных треугольников (рис. 66). Подобные мотивы орнамента характерны для керамики степной бронзы Средней Азии [163, рис. 56]. Поскольку они явно происходят из разрушенного грабителями погребения в кургане № 1, мы вполне можем допустить, что он датируется эпохой бронзы.

Курган № 2 находится в 55—60 м к югу от кургана № 1. Насыпь его сильно оплывшая, высота не превышает 25—28 см, диаметр около 8 м. Сверху она покрыта сплошным слоем щебня, несколько крупных плит известняка уходит в глубь насыпи, лишь частично поднимаясь над ее поверхностью.

Курган № 3 расположен в 10—15 м к северо-востоку от кургана № 1. Имеет вид плоской каменной насыпи. В центре ее следы грабительской воронки. Высота 25—30 см, диаметр около 12 м.

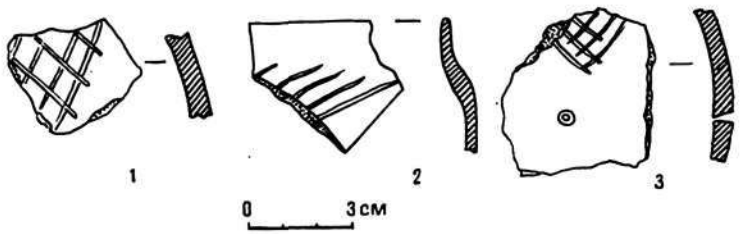

Рис. 66. Курганная группа Каракудук. Группа I, курган 1, керамика из грабительской воронки.

Курган № 4 находится в 35—40 м к северу от кургана № 1, имеет вид невысокой (до 35—40 см), диаметром около 8 м, каменно-грунтовой насыпи с глубокой грабительской воронкой посередине. Среди камней насыпи встречаются обожженные. В грабительской воронке отмечены редкие находки грубой шамотной керамики ручной лепки.

Курган № 5. Находится на плато в 40—50 м к югу от кургана № 1. Имеет вид каменной насыпи, почти плоской, диаметром около 6 м.

Группа II. Ее центром является курган № 6. Он расположен на краю мыса. По величине подобен кургану № 1, но очертания его более неопределенны. Очевидно, каменная насыпь кургана расползлась по склонам мыса, сильно исказив его первоначальную конфигурацию. В каменной наброске описываемого кургана отмечены отдельные черепки керамики грубого шамотного теста и ручной лепки. Курган, вероятно, является центральным для целой группы курганов, находящихся к востоку от него на склоне мыса. Однако насыпи этих курганов

настолько расползлись, что распознать в каменной россыпи отдельные курганы без специальных раскопок затруднительно.

Группа III. В нее входят курганы № 7—11, расположенные отдельной компактной группой. Основная часть курганов одинакова по размерам, поэтому выделить из них центральный не удается.

Курган № 7. Находится в восточной части группы, насыпь, очевидно, разобрана. В момент обследования представлял две торчащие вертикально каменные плиты и набросанные вокруг них на уровне современного горизонта обломки подобных же плит.

Курган № 8. Один из самых больших в группе. Имеет довольно высокую (до 1 м) насыпь из камня диаметром около 10 м. В центре насыпи воронка, очевидно, на месте грабительского лаза.

Курган № 9. Имеет каменную насыпь высотой 15—20 см, диаметром около 5 м. В центре глубокая, ниже уровня горизонта, грабительская воронка.

Курган № 10. Имеет каменную насыпь высотой до 0,5 м, диаметром около 8 м. На вершине — грабительская воронка.

Курган № 11. Имеет каменную насыпь диаметром около 6 м, высотой 0,2—0,3 м. В центре ее грабительская воронка.

Группа IV. Курганы № 12—16 образуют последнюю группу. Она находится в глубине плато. Здесь очень четко по величине и по расположению выделяется большой курган, вокруг которого группируются меньшие по размерам.

Курган № 12 является центральным в группе. Имеет невысокую (до 25—30 см) песчаную насыпь, сверху усыпанную щебнем и отдельными крупными камнями.

Курганы № 13—18 представлены небольшими кучками камней, оставшихся, вероятно, на месте разобранных каменных насыпей. Раскопки произведены на двух курганах могильника — № 2 и № 10.

Курган № 2 (рис. 65, А) имел каменно-грунтовую насыпь, под которой на уровне горизонта было выложено каменное кольцо диаметром около 6 м. В центре кольца находилась могильная яма вытянуто-овальной формы, размеры ямы по осям 1,6×0,46 м, глубина 0,6 м, длинной осью она ориентирована по линии север — юг. По периметру устье ямы обложено каменными плитами. В северной части ямы, на глубине около 0,3 м и ниже до дна лежали в беспорядке кости человеческого скелета, в ее южной части — только одна плечевая кость. Вещей нет. Однако на костях в ряде мест сохранился зеленоватый налет окислов меди, очевидно, следов лежащих здесь бронзовых или медных вещей. В верхней части ямы, в перекопе, обнаружено несколько обломков бараньих костей. Курган ограблен.

Курган № 10 (рис. 65, *Б*). Имел насыпь из песка со щебнем. Под насыпью на уровне горизонта обнаружено двойное каменное кольцо

эллиптической формы, сложенное из крупных плит известняка. Внешнее кольцо имеет размеры по осям 7×6 м, внутреннее — 3,5×5,0 м. Пространство внутри малого кольца занято большой, также грубо эллиптической в плане могильной ямой, имеющей размеры по осям 0,34×1,80 м, длинной осью ориентированной по линии восток — запад. Глубина ямы около 0,8 м. На дне вдоль ее южной стенки прокопана узкая прямоугольная погребальная камера размерами 2,30× ×0,48×0,30 м, длинной осью ориентированная по линии восток — запад. Верхняя часть ее северной стены обложена тремя рядами каменной кладки. В восточном торце вертикально установлена каменная плита. В камере обнаружены провалившиеся внутрь плоские плиты перекрытия. На дне камеры в беспорядке лежали сильно фрагментированные, разрозненные кости человеческого скелета. Могильная яма была засыпана щебнистым песком, в котором иногда отмечаются находки фрагментов человеческих костей. Все эти признаки свидетельствуют о том, что курган ограблен.

ТИПОЛОГИЯ, ХРОНОЛОГИЯ, ВОПРОСЫ КУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Археологическое изучение древних и средневековых кочевников Устюрта только начинается. Для оценки перспектив данного региона на разработку тех или иных проблем кочевнической археологии необходимы были сведения о количестве, местах расположения, характере кочевнических археологических объектов. Поэтому основным содержанием первого этапа наших исследований на Устюрте были широкие поисковые, археолого-топографические изыскания, картографирование обнаруживаемых памятников, их общее научное описание, топографическая съемка и выборочные раскопки.

Предполагаемые районы поисков предварительно изучались в кабинетных условиях при помощи картографических материалов и данных государственной аэрофотосъемки.

Естественно, что при подобной направленности работ был получен материал различных информационных уровней. Для большинства открытых памятников мы ограничились нанесением их на карту и общим научным описанием.

На другой группе памятников была произведена топографическая съемка и выборочные раскопки. Однако поскольку из-за ограбления или иных причин в значительной части этих памятников отсутствовал вещевой материал, определение их хронологии, культурной принадлежности и т. д. оказалось на данном этапе исследований затруднительным. В отношении данной группы памятников мы ограничились публикацией

графической документации и описанием их раскопок, полагая, что в будущем, по мере накопления научной информации об археологических памятниках Устюрта, они найдут свое место в системе кочевнических древностей плато.

О последней, сравнительно небольшой, части открытых и частично исследованных памятников удалось получить достаточно полный объем научной информации в установлении их хронологической и культурной принадлежности, в функциональном определении того или иного сооружения и т. д. Это, в свою очередь, позволило в предварительном плане разработать схему хронологической классификации кочевнических археологических памятников юго-восточного Устюрта и установить основные специфические особенности каждого из этапов.

Неолит. Наиболее древняя группа находок из числа обнаруженных в курганах Устюрта относится к эпохе неолита.

В грабительском выбросе из погребения № 1, в кургане № 2 могильника Каскажол, в самом погребении и в яме под погребением № 1 обнаружена серия находок, составляющих единый хронологический комплекс. По таким элементам погребального обряда, как наличие красной охры, многочисленные находки раковинных бус в грабительском выбросе из погребения № 1 и ямы под ним, наличие кремневого инвентаря и северо-восточная ориентация ямы под погребением № 1, анализируемое погребение находит аналогии в обряде неолитического могильника Тумеккичиджик в северной Туркмении, датируемого IV—III тыс. до н. э. [52, с. 500].

Было бы заманчивым предполагать, что этот комплекс датирует основное для кургана № 2 погребение № 1 или яму под ним. Однако сильная нарушенность погребения, вторичное залегание всех находок не позволяют принять это предположение как бесспорное. Не исключено и помещение в более позднее погребение находок значительно раннего времени в качестве амулетов. Подобные случаи для разных эпох зафиксированы как археологией, так и этнографией. Это становится тем более вероятным, если учесть, что в слое грабительского выброса из погребения № 1 и в яме под ним вместе с предметами, составляющими описанный комплекс, были обнаружены фрагменты орудий из бронзы и щебенка красноглиняной керамики, очень похожей на сапковую.

Бронза. Находки, относящиеся к эпохе бронзы, немногочисленны. Это, во-первых, фрагменты керамики, собранные в грабительской яме на кургане № 1, группа I курганного могильника Каракудук и фрагменты керамики, собранные на территории курганной группы Сулама. Судя по топографии могильника Каракудук (наличие одинаковых в принципе групп с большим курганом в центре и малых — вокруг него), он формировался по одной схеме, по единым традициям и, вероятно, в одну эпоху. Это позволяет предположить, что эпохой бронзы мо-

жет быть датирован не только курган № 1 из группы I, но и весь могильник Каракудук в целом.

Возможно, что к этой же эпохе относится и курган № 2 курганной группы Актумсук. Основанием для такого предположения служит тот факт, что подкурганное двойное каменное кольцо на древнем горизонте — элемент устройства насыпи, в равной степени характерный и для кургана № 2 курганной группы Актумсук, и для кургана № 10, группы III могильника Каракудук. Нелишне заметить, что в курган № 2 курганной группы Актумсук впущено более позднее погребение в каменном ящике. Следовательно, курган, в который впущен каменный ящик, может быть отнесен к более раннему периоду.

Памятники V—II вв. до н. э. Представляют собой курганы с погребальным сооружением на горизонте без могильной ямы. Представлены двумя типами.

Тип I. Курганы с каменными ящиками. К этому типу относятся курганы № 3 в группе IV, № 9, 14 в группе III могильника Дуана, № 5 могильника Сулама, впускное погребение кургана № 2 могильника Актумсук. В трех из перечисленных курганов обнаружены предметы, позволяющие предположить V—II вв. до н. э. как вероятную дату этих курганов.

Обратимся к характеристике погребального обряда[7].

Конструкция погребального сооружения. Курганы ограблены, вследствие чего насыпи оказались уничтоженными. Однако, судя по кургану № 5 могильника Сулама, ящик и каменная обкладка перекрывались сферической грунтовой насыпью. В одном случае (могильник Актумсук) ящик впущен в насыпь более раннего кургана. Ящики прямоугольные, длинной осью ориентированы меридионально.

Состояние и положение останков погребенного. Судя по сохранившимся в ящиках костям, здесь имели место одиночные или парные захоронения. Погребенные ориентировались или по длинной оси ящика головой на юг (курган № 9, группа III могильника Дуана), или по диагонали ящика, головой на юго-запад (курган № 5 могильника Сулама).

Характер и размещение погребального инвентаря. По имеющимся в настоящее время данным мы можем лишь отметить, что погребения сопровождались инвентарем, однако материалов для суждения о его составе и характере размещения у нас практически нет.

Южная и юго-западная ориентировки погребенных находят аналогии в погребальной обрядности савроматов. Она мало характерна для VII—V вв. и приобретает характер господствующей на всей тер-

---

[7] Погребальный обряд мы рассматриваем по трем группам признаков, выделенных В. А. Назаренко [154, с. 191].

риторий савроматских племен в конце V—IV вв. до н. э. [199, с. 91—92, табл. 3].

В Южной Туркмении южная ориентировка погребенных отмечена для погребений скифо-сакского круга, датированных V—IV вв. до н. э. [227, с. 51—52]. У саков низовьев Сырдарьи также отмечается южная ориентировка погребенных на горизонте, однако здесь она имеет характер малораспространенного явления [62, 64].

И еще одна особенность погребального обряда, зафиксированная в кургане № 5 могильника Сулама, находит аналогии в погребальном обряде савроматов. Имеется в виду расположение погребенного с отклонением от основной оси могилы, по диагонали ящика. К. Ф. Смирнов отмечает, что тенденция к подобному расположению погребенного появляется у савроматов в Приуралье в V в. до н. э. и формируется затем в устойчивый обряд диагональных погребений [199, с. 93—94].

Каменные ящики известны у некоторых локальных групп сакских племен, в частности, у саков Семиречья. Исследователь культуры этих племен К. А. Акишев полагает, что погребения в каменных ящиках характерны лишь для ранней эпохи сакской культуры Семиречья (VII—VI вв. до н. э.) [4, с. 89, 102]. Необходимо отметить, однако, что ориентация ящиков и, соответственно, погребенных на Устюрте и в Семиречье различна. Если в первом случае мы имеем меридиональную ориентировку, то во втором случае она широтная.

В последнее время в информационных сообщениях об археологических работах в Средней Азии появились сведения о находках курганов с каменными ящиками на горизонте в Туркмении на Узбое, где они датируются IV—II вв. до н. э. [233, с. 50—51].

Тип 2. Курган с погребением на древнем горизонте внутри каменного кольца или спирали. Вокруг кольца засыпка камнем, насыпь каменная, в погребении инвентарь, в насыпях иногда отдельные кости баранов. Для части курганов этого типа можно предполагать изначальное отсутствие погребения. Представлен курганом № 1 в курганной группе Косарма, курганом № 1 в курганной группе Аджибай, курганом № 4 в курганной группе «мыс Безымянный», курганами № 3 и 4 в курганной группе Кияжол, курганами № 2, 3, 5 в курганном могильнике Судочье, курганами № 1 и 2 в курганном могильнике Караумбет-1, курганами № 2 и 3 в курганном могильнике Сулама. К сожалению, только в одном случае (курган № 1 курганной группы Аджибай) в ограбленном кургане обнаружены признаки находившегося здесь погребения — разбросанные обломки человеческих костей и остатки погребального инвентаря. Во всех других случаях, даже тогда, когда курган не имеет бесспорных признаков ограбления, какие-либо предметы отсутствуют.

По погребальному инвентарю курган № 1 могильника Аджибай

датирован V в. до н. э. Исходя из типологического единства, к данному времени предположительно можно отнести и остальные курганы этой группы.

Наиболее специфической чертой рассматриваемых устюртских курганов типа 1 и 2 является наличие подкурганного погребального сооружения на горизонте и отсутствие могильной ямы. Отвлечемся от деталей конструкции подкурганных сооружений, которые в различных районах неизбежно будут различными в зависимости от природных условий, наличия тех или иных строительных материалов и т. п., и проанализируем интересующую нас группу курганов по их ведущему признаку — расположению погребального сооружения на горизонте.

Исследователи уже обратили внимание на то, что погребальные сооружения на горизонте без могильных ям появляются в Средней Азии, Казахстане, Южной и Западной Сибири в конце эпохи бронзы. Наиболее характерны они для памятников переходного (VIII—VII вв. до н. э.) и раннескифского (VII—VI вв. до н. э.) времени [112, с. 15]. Сравнивая погребальные сооружения в территориально близких к Устюрту районах, мы отмечаем наличие погребений на горизонте у савроматов Приуралья и Нижнего Поволжья, у саков низовьев Сырдарьи и в куюсайской культуре раннего железного века Присарыкамышской дельты Амударьи [37, с. 46—48].

У савроматов они имеются в сравнительно небольшом количестве и наибольшее распространение получают в конце VI—V вв. до н. э. [199, с. 80, табл. 2]. Не лишено интереса и то обстоятельство, что наибольшее количество подобных погребений отмечено в Приуралье [199, с. 82]. Значительно больше таковых у саков нижней Сырдарьи [62, с. 61—62]. По подсчетам О. А. Вишневской, в могильнике Уйгарак они составляют 42,25% от общего количества погребений могильника [62, с. 60].

Полной аналогией типу 2 курганов с погребальным сооружением на горизонте без могильной ямы являются курганы, обнаруженные А. М. Мандельштамом в Закаспии в могильниках Гек-Даг II и Джанак II, расположенных в районе залива Каспийского моря Карабогазгол. Здесь найдены погребения на горизонте внутри каменного кольца, датированные V—III вв. до н. э. А. М. Мандельштам полагает возможным связывать данный тип кочевнических погребальных сооружений с массагетами [131, с. 21—26].

Аналогичные курганы известны также и в северо-западной Туркмении, на краю возвышенности Дордуль. Х. Юсупов, исследовавший эти курганы, датирует их IV—II вв. до н. э. [232, с. 122—124].

В определенной степени аналогичными сооружениями являются Курумы Западной Ферганы, датируемые весьма широко с I—II вв. н. э. до VI—VII вв. [123, с. 137].

Памятники IV—II вв. до н. э. Все они представляют собой курганы, которые можно четко разделить на пять основных типов.

Тип 1. Погребение в подбое с большой, со скругленными углами входной ямой, ориентированной длинными сторонами в меридиональном направлении, каменными плитами, закрывающими подбой, и каменной засыпкой входной ямы. Погребенный лежит на спине вытянуто, головой на юг. В подбое большой набор погребального инвентаря. На горизонте двойное каменное кольцо под курганной грунтовой насыпью. Представлен курганом № 4 курганного могильника Каскажол.

Тип 2. Погребение в широкой грунтовой прямоугольной яме, ориентированной длинными сторонами в широтном направлении с отклонениями на север и юг, очевидно, парное, с инвентарем, намогильным каменным сооружением на горизонте под насыпью. Представлен курганом № 1 в группе I могильника Дуана и курганом № 2 курганного могильника Сумбстимералан-Куркреук.

Тип 3. Погребения в узкой грунтовой яме, ориентация длинной осью меридиональная, с отклонениями. Положение погребенного неизвестно. В могилах остатки инвентаря. На горизонте каменное кольцо под грунтовой курганной насыпью. Представлен курганом № 6 курганной группы Каскажол, курганом № 2 курганной группы Биркалнышинграу.

Тип 4. Погребение в грунтовой яме с заплечиками, ориентация длинной осью меридиональная, положение погребенного неизвестно. В могилах остатки инвентаря, на горизонте каменное кольцо под щебеночной курганной насыпью. Представлен курганом № 7 курганной группы Сумбстимералан-Куркреук и курганом № 1 курганной группы Биркалнышинграу-2.

Тип 5. Погребение в узкой грунтовой яме, ориентация длинной осью широтная, погребенный лежит на спине, вытянуто, головой на запад, лицом вверх, или на юг. На горизонте каменное кольцо, перекрытое грунтовой насыпью, иногда с камнем. В засыпке могилы отмечаются находки фрагментов бараньих костей. Погребения с инвентарем. Представлен курганом № 2 в курганной группе Косарма, курганами № 1, 3 в курганной группе «мыс Безымянный», погребением № 3 в одиночном кургане Каракибир.

Проанализируем перечисленные типы курганов, по сумме признаков, характеризующих погребальный обряд.

Тип. I. *Конструкция погребального сооружения.* Земляная насыпь, подкурганные сооружения над погребением в виде колец, меридионально ориентированная входная яма, подбой в западной стене, закладка ямы и закрытие устья подбоя — признаки анализируемого кургана, совпадающие с раннесарматскими курганами типа 5 по классификации М. Г. Мошковой [150, с. 20]. Каменные кольца и широкая

входная яма (ширина более 1 м) характерны лишь для IV и IV—III вв. до н. э. [150, с. 19, табл. I]. Подбойные могилы появляются на раннепрохоровской стадии (IV в. до н. э.). Для них так же, как и для устюртского кургана, характерен более низкий уровень дна подбоя по сравнению с дном входной ямы, разделенных, обычно, ступенью [150, с. 20—21].

Положение останков погребенного. Расположение костяка на спине, вытянуто, черепом на юг — характерная схема расположения костяка в прохоровских погребениях, так же, как и одиночное захоронение в подбое [150, с. 21—22].

Характер и размещение погребального инвентаря. Погребение в кургане № 4 могильника Каскажол частично ограблено, поэтому данные о составе и, особенно, о расположении инвентаря страдают определенными дефектами. Если состав инвентаря близок, очевидно, к первоначальному, то его расположение явно не отражает ни состояния, ни расположения вещей in situ. В кургане найдены меч, бронзовое зеркало, обломки сосудов, наконечники стрел, бусы, пряслице, причем, зеркало и меч оказались разломанными на куски. Хотя в сарматской культуре известны случаи положения в могилу преднамеренно разбитых мечей и зеркал, однако в данном случае условия находки таковы, что не позволяют с уверенностью говорить о том, что они были повреждены намеренно во время акта погребения. Но в то же время и исключить подобную возможность было бы неправильно.

Проведенный анализ показывает, что по всем основным признакам погребального обряда и вещественному материалу погребения I типа чрезвычайно близки к раннепрохоровским южноуральской территориальной группы, выделенным в тип. 5. На основании всего комплекса вещественного материала дата для данного типа устюртских погребений также устанавливается достаточно твердо — IV в. до н. э.

Вместе с тем необходимо отметить, что подбойные могилы — явление широко распространенное в кочевнических могильниках Средней Азии. Их наличие отмечено в составе могильников Бухарского оазиса, Ферганы, Хорезма [165, с. 109, сл.; 123, 16, сл; 20, с. 9, сл.; 126, с. 156 сл.]. С погребением на Каскажоле их сближает одинаковое устройство подбоя, схема расположения и южная ориентировка костяка. Однако все они датируются временем не ранее III—II вв. до н. э. Подбойное погребение на Каскажоле, датируемое IV в. до н. э., таким образом, является самым ранним среди известных нам погребений подобного типа в Средней Азии.

Тип 2. *Конструкция погребального сооружения.* Широкие прямоугольные грунтовые ямы характерны для раннесарматской культуры, где они выделяются в I тип могил [150, с. 20]. Однако в данном случае наблюдаются и различия. Если яма устюртских погребений данного

типа ориентирована длинной осью с востока на запад или с северо-запада на юго-восток, то для раннесарматских могил I типа характерна ориентация по линии север — юг [150, с. 20]. И там, и здесь яма перекрыта курганной насыпью, однако в раннепрохоровских погребениях Поволжья и Приуралья она земляная, а на Устюрте — каменно-земляная. Но вряд ли последнее различие существенно, так как в условиях каменистого плато Устюрта только грунтовую насыпь соорудить практически невозможно. Наличие прямоугольного каменного сооружения под курганной насыпью на горизонте — черта погребального обряда, характерная для прохоровских погребений IV—III вв. до н. э. приуральской группы [150, с. 19].

Положение останков погребенного. К сожалению, в данном случае наши сведения страдают пока удручающей неполнотой. Мы фиксируем лишь наличие парного погребения с ориентацией, очевидно, по длинной оси ямы. Все эти признаки, хотя и не являются преобладающими для прохоровских погребений, тем не менее отмечаются в погребениях этой культуры [150, с. 22].

Характер и размещение погребального инвентаря. Наши сведения о составе и размещении погребального инвентаря в устюртских курганах данного типа также неполны, так как погребения ограблены. Однако в кургане № 1 могильника Дуана мы имеем довольно полный набор погребального инвентаря, анализ которого вместе с анализом остальных признаков погребального обряда позволяет заключить, что устюртские погребения типа 2 близки к прохоровским погребениям типа 1. Возможная дата II в. до н. э.

Тип 3. *Конструкция погребального сооружения.* Наличие каменного кольца на горизонте под насыпью, узкая грунтовая яма, меридионально (с отклонениями) ориентированная, — все эти признаки характерны для погребального обряда прохоровской культуры. В классификации типов прохоровских погребений М. Г. Мошкова аналогичные погребения в узкой яме выделяет в 4 тип и отмечает, что подобная форма могильных ям в IV, IV—III вв. до н. э. встречается спорадически и наиболее характерна для прохоровских погребений III—II вв. до н. э. [150, с. 20, табл. 2, 10, 3, 9].

Положение останков погребенного. Ни в одном из раскопанных курганов костяков не сохранилось.

Характер и размещение погребального инвентаря. В курганах сохранились лишь остатки инвентаря, анализ которых позволил датировать курганы этого типа IV в. до н. э.

Тип 4. *Конструкция погребального сооружения.* По всем признакам подобна предшествующему типу, за исключением формы могильной ямы, которая имеет заплечики. Аналогичную форму могил мы находим в прохоровской культуре, где она как устойчивый тип погребального сооружения появляется на рубеже IV—III вв. до н. э. и су-

ществует до II в. до н. э. М. Г. Мошкова выделяет могилы с заплечиками в 3 тип могил прохоровской культуры [150, с. 20]. Как полагает В. П. Шилов, наиболее характерна эта форма могильных ям для раннесарматской культуры Нижнего Поволжья, где отмечено наибольшее количество погребений в подобных ямах [230, с. 125].

Положение останков погребенного. Ни в одном из раскопанных курганов костяки не сохранились.

Характер и размещение погребального инвентаря. Инвентарь не сохранился, курганы данного типа предположительно датированы IV—II вв. до н. э. по конструкции погребального сооружения и, главным образом, по форме могильной ямы.

Тип 5. *Конструкция погребального сооружения.* Каменное кольцо на горизонте под насыпью — элемент, характерный для прохоровских курганов, однако узкие глубокие могилы, ориентированные по широте, в памятниках прохоровской культуры отмечаются очень редко.

Положение останков погребенного. Расположение костяка на спине, вытянуто, с одной рукой, согнутой в локте, кости кисти положены на лобковые и тазовые кости — характерная поза погребенных в прохоровских курганах. Однако западная ориентация погребенных отмечается очень редко и по преимуществу для детских погребений IV—III вв. до н. э. Нижнего Поволжья [150, с. 22; 230, с. 133].

Характер и размещение погребального инвентаря. Инвентарь, вернее его остатки, сохранился лишь в немногих погребениях данного типа. Часть обломков инвентаря сохранилась в кургане № 2 курганной группы Косарма. В заполнении ямы, в ее западной части найдено ребро барана, фрагменты каких-то железных предметов и обломок станкового сосуда.

Проанализированный материал по всем типам погребений позволяет датировать рассмотренную группу курганов IV—II вв. до н. э. Однако имеется возможность сужения даты отдельных типов погребений. Так, типы 1, 3, определенно датируются IV в. до н. э. Для типа 2 есть основания ограничивать дату II в. до н. э.

Памятники II—IV вв. н. э. К ним отнесены курганы № 30—36 в группе IV курганного могильника Дуана и курган № 4 в группе VI того же могильника. Охарактеризуем погребальный обряд перечисленных курганов.

Конструкция погребального сооружения. Курганы имеют слабо заметные небольшие грунтовые насыпи, под которыми на древнем горизонте сооружались или сплошные круглые выкладки, или ограды круглой или квадратной формы. Однако имеются курганы и без этих сооружений. В этом случае по центру насыпи на уровне горизонта обычно расположена прямоугольная каменная обкладка устья ямы.

Могильные ямы прямоугольной, с округленными углами формы, обычно неглубокие. Стенки ям на всю глубину или только в верхней

части имеют обкладку из каменных плит. Большинство могильных ям данной группы ориентированы длинной осью по линии север — юг. Однако отмечены единичные случаи ориентации ям по линии восток—запад или северо-восток — юго-запад. Иногда могилы имеют перекрытие из каменных плит, сооруженное на уровне древнего горизонта. По данной группе признаков мы имеем вполне определенные аналогии: во-первых, это позднесарматские погребения Нижнего Поволжья и Южного Приуралья, во-вторых, группа погребений Джетыасарской культуры низовьев Сырдарьи и, в-третьих, некоторые типы погребений позднесарматского периода Северного Казахстана. Однако последние совпадают с исследуемыми по наименьшему числу признаков.

Обратимся к более подробному анализу установленных аналогий. Анализируя формы и ориентировку сарматских могил Нижнего Поволжья и степного Приуралья средне- и позднесарматского периодов, К. Ф. Смирнов выделяет в отдельную форму узкие могилы, ориентированные длинной осью по линии север — юг [196, с. 76], и считает, что эта форма является одной из типичных форм позднесарматских могил, а для конца позднесарматского периода вообще устанавливается абсолютное господство этой формы наряду с подбойными могилами [196, с. 77]. В качестве примера можно провести аналогии с нижневолжскими могильниками.

В Калиновском курганном могильнике для II—IV вв. характерны погребальные сооружения трех типов, один из которых характеризуется прямоугольными узкими могилами, ориентированными в большинстве случаев по линии север — юг с отклонениями в ту или другую сторону. Однако отмечаются и единичные случаи ориентации длинной осью по линии восток — запад. Боковые стенки этих ям слегка расширяются ко дну [229, с. 462].

В курганных могильниках у сел Иловатка и Политотдельское К. Ф. Смирновым выделены сармато-аланские погребения II—V вв. двух типов, один из которых в узких удлиненных могильных ямах, ориентированных по меридиану с отклонениями в ту или другую сторону, является аналогией по рассматриваемой группе признаков исследуемых устюртских погребений [197, с. 321].

Здесь необходимо отметить и совпадение такого элемента конструкции погребального сооружения, как наличие перекрытия могилы, отмеченного в кургане № 13 у села Политотдельское [197, с. 272—273] и в кургане № 32 из группы IV могильника Дуана. Разницей в материале, использованном для перекрытия, в данном случае можно пренебречь.

Таким образом, по конструкции погребального сооружения мы фиксируем значительную общность позднесарматских погребений Нижнего Поволжья с исследуемыми устюртскими, проявляющуюся, главным образом, в типе и ориентации могильной ямы. Однако наличие

намогильных оград и выкладок на уровне горизонта, а также обкладки ямы отличает устюртские погребения от сармато-аланских Нижнего Поволжья.

Значительно большее совпадение по данной группе признаков мы наблюдаем между устюртскими и некоторыми курганами Джетыасарской культуры низовьев Сырдарьи. Здесь обнаружены курганы с намогильными выкладками из камыша и прямоугольными грунтовыми ямами с обкладкой также из камыша, ориентированными длинной осью по линии север — юг [215, с. 247—248, 250, рис. 123, *V, VI*; 216, с. 196, рис. 113, *V—VI*] и датируемые II—IV вв. н. э. [116, с. 57, 58, 60]. Если пренебречь разницей в материале выкладок и обкладок, а она определялась наличием того или иного материала в различных районах, то в данном случае мы имеем полное совпадение рассматриваемой группы признаков погребального обряда.

Сопоставимы в какой-то мере с устюртскими и северо-казахстанские курганы позднесарматского времени. Среди трех типов погребальных сооружений, выделяемых здесь, сопоставимы с устюртскими овальные мелкие ямы с вертикальными стенками. Однако, если для Устюрта ориентация ямы по линии восток — запад — явление единичное, то для Северного Казахстана подобная ориентация характерна для всех погребений позднесарматского времени [88, с. 79].

Состояние и положение останков погребенного. В могиле находится один костяк, лежавший на спине, вытянуто, черепом ориентирован на север. Лишь в одном погребении из восьми раскопанных отмечена ориентация черепом на запад. Подобное расположение костяков характерно для позднесарматских погребений Нижнего Поволжья и Южного Приуралья. К. Ф. Смирнов отмечает, что «северная ориентировка, встречаемая в степном Приуралье еще в III—II в. до н. э., появляется в Поволжье к концу среднесарматской стадии (I в. н. э.), чтобы занять господствующее положение на поздней стадии (II—IV вв.)» [196, с. 77]. Аналогичное положение и ориентация костяков отмечается и для джетыасарских курганов II—IV вв. [215, с. 247—250; 216, с. 196; 116, с. 58, 60]. Что касается Северного Казахстана, то здесь в позднесарматское время господствует та же схема положения костяка, но с западной ориентацией [88, с. 79].

Характер и размещение погребального инвентаря[1]. Большинство погребений рассматриваемой хронологической группы сопровождается инвентарем, хотя он обычно немногочислен. Его остатки фиксируются и в ограбленных курганах.

---

[1] В эту группу признаков погребального обряда мы включали не только вещевой материал, но и такие находки, как следы горения, кострища, ссыпанную золу, угли, кости животных и т. п.

Следы огня в виде зольного пятна на дне могильной ямы (группа VI, курган № 4) отмечены только в одном случае. По наблюдениям исследователей, культ огня занимал важное место в религиозной идеологии сарматов. Значительную роль играл он и в погребальной обрядности как очистительная сила. Зола костра часто ссыпалась в могилу [196, с. 77]. Подобное зольное пятно обнаружено, в частности, в позднесарматском кургане № 16 у села Политотдельское в Нижнем Поволжье [197, с. 274—275]; к этому же кругу явлений, очевидно, можно отнести и зольное пятно на дне могильной ямы в кургане № 4 группы VI могильника Дуана. В двух случаях (курганы № 32 и 33, группа IV) в засыпке могильных ям отмечено наличие овечьих костей, являющихся, вероятно, остатками жертвенной пищи. Находки не целых туш жертвенных животных, а лишь отдельных мелких костей баранов, исследователи полагают характерным признаком позднесарматских погребений [196, с. 77—78].

Таким образом, по большинству признаков погребального обряда мы можем датировать рассмотренную группу погребений в пределах II—IV вв. н. э. (может быть V в. н. э.).

Памятники VII—VIII вв. В эту группу включены памятники: отдельная постройка Сумбетимералан-Куркреук в центре Устюрта, стоянка Дуана, североустюртская система стреловидных планировок, некоторые типы погребальных и культовых сооружений (группа X полностью) могильника Дуана.

Погребальные сооружения. По характеру наземных сооружений они распадаются на два типа:

1) с круглым наземным сооружением;

2) с квадратным наземным сооружением.

Указанные два типа составляют основную массу погребальных сооружений группы X могильника Дуана. Видимо, типологическое единство в данном случае отражает единство хронологическое. Абсолютную дату определяет, помимо аналогий к материалу погребальной постройки № 110, нахождение подобного типа построек на территории культово-погребальных оград № 1 и 2, датируемых, как было показано выше, в пределах VII—VIII вв. н. э.

Первый тип по характеру наземной постройки сопоставим с известными в Джетыасарской культуре круглыми наземными погребальными сооружениями [209, с. 525—527; 215, с. 244, 247, рис. 123; 216, с. 195—196, рис. 113, *Л*], датируемыми серединой I тыс. н. э. [116, с. 57—58].

Различие в материале построек на Устюрте и на Сырдарье, очевидно, не существенно, а в принципе постройки сходны. Более того, судя по опубликованному чертежу, в джетыасарском кургане вход также располагался на южной стороне сооружения. Сравнение курганов

по всем признакам погребального обряда, к сожалению, невозможно, так как первоначальный облик Джетыасарских курганов сильно искажен ограблениями и перестройками, а данные по устюртским погребальным сооружениям этого типа пока еще очень немногочисленны.

Анализ материалов из раскопок и сборов на отдельной постройке Сумбетимералан-Куркреук, культово-погребальной ограды № 1 могильника Дуана стоянки Дуана и погребений группы X могильника Дуана позволил установить, что все они датируются в пределах VII—VIII вв. и характеризуются единой культурой, по основным признакам совпадающей с Джетыасарской культурой на III этапе ее развития, известной ранее лишь для нижней Сырдарьи. Значительное сходство отмечено с Кердерской культурой правобережной части Приаральской дельты Амударьи, генетически связанной с Джетыасарской культурой и культурой «болотных городищ» дельты Сырдарьи.

Нам осталось рассмотреть еще одну группу находок, связанных с курганами кочевников Устюрта, однако принадлежавших оседлому населению Хорезма. Имеются в виду многочисленные находки фрагментов оссуариев и погребения в сосудах-оссуариях, обнаруженные на территории курганного могильника Каскажол. Как уже отмечено при описании этого могильника, на его территории была обнаружена целая серия красноглиняных черепков, бесспорно, принадлежавших статуарным оссуариям. Подобные оссуарии — явление, известное для античного Хорезма в период с IV в. до н. э. до II в. н. э. [180, с. 58]. Особо следует отметить находку на насыпи кургана № 9 фрагмента ручки статуарного оссуария. Судя по форме и размерам, он принадлежал погребальному сосуду в виде сидящего мужчины, описанному Ю. А. Рапопортом и датированного им IV—III вв. до н. э. [180, с. 38, 40—42, рис. 4].

Обломки керамики, в изобилии обнаруженные на территории могильника, также, видимо, в массе своей принадлежат сосудам-оссуариям. Это тем более вероятно, что все типы сосудов, которые удалось реконструировать по черепкам, датируются III — началом VIII вв. н. э. и принадлежат типам, аналогичным сосудам-оссуариям, известным, например, на некрополе хорезмийского города Миздахкана [242]. Среди них следует, прежде всего, отметить фрагменты крупных горшковидных сосудов с шаровидным туловом, широкой и низкой горловиной, широко известных в хорезмийских керамических комплексах кушанского времени [63, с. 158, 160—163, рис. 35, *21*, *28*, *31*; 157, с. 384, 386, 391, рис. 9]. На некрополе древнего Миздахкана подобные сосуды в III—IV вв. н. э. широко использовались в качестве сосудов-оссуариев [242, рис. 26, *1—7*]. Фрагменты подобных сосудов из разрушенного погребения обнаружены и при раскопках кургана № 2.

В качестве оссуариев, вероятно, использовались и крупные сосуды типа хумов, широко распространенных в хорезмийской раннесредневековой афригидской культуре [158, с. 232 и сл.] и в синхронной ей Кердерской культуре восточной части Приаральской дельты Амударьи [74, с. 267]. На некрополе древнего Миздахкана неоднократно отмечены факты использования подобных сосудов в качестве оссуариев [242, рис. 30]. Аналогичные сосуды использованы как погребальные и в кургане № 2 (погребения № 6, 7).

Таким образом, курганный могильник Каскажол вторично использовался в качестве оссуарного могильника в течение длительного времени, вероятно, с IV—II вв. до н. э. до VII—VIII вв. н. э., а курган № 2 — для погребений по оссуарному обряду с III—IV по VII—VIII вв. н. э. Статуарные оссуарии, очевидно, выставлялись не закопанными на древних курганах и склонах бугров. В более позднее время сосуды-оссуарии впускались в насыпи курганов.

Оссуарный могильник, видимо, принадлежал какой-то группе населения, находящегося в 12—13 км к юго-западу от городища Айбугир — хорезмийского города, расположенного на границе с кочевой сарматской степью. Нелишне заметить, что фрагменты статуарных оссуариев были найдены и на самом городище [180, с. 123].

ГЛАВА 3

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ХОРЕЗМИЙСКИЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОЧНОГО ЧИНКА

На Восточном чинке Устюрта, от городища Шемаха-кала на юге до урочища Курганча на севере, на протяжении около 300 км по краю плато и на его обрывах на различном расстоянии друг от друга сохранились многочисленные руины башен, городища, могильники и другие сооружения (рис. 67).

Географические границы исследуемых памятников определяются конфигурацией Восточного чинка, который делится на три участка: южный, средний и северный. Описание археологических памятников в связи с этим ведется с юга на север по указанным участкам.

Хорезмийские памятники эпохи развитого средневековья, находящиеся в глубинных районах плато, в данную работу не включены[1].

При изучении хорезмийских памятников Восточного чинка основное внимание уделено археолого-топографическому анализу и выяснению их роли в истории Северо-Западного Хорезма X—XVIII вв.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЮЖНОГО УЧАСТКА

К этой группе отнесены памятники, расположенные на краю плато Устюрта и на его склонах, к югу от урочища Айбугир, где чинк меняет свое меридиональное простирание на широтное. Сюда же включены городища и башни, находящиеся на отроге плато Устюрт, выступающего далеко на юго-восток.

Башня в урочище Казахлыдегиш находится в 4,5 км северо-западнее городища Шемаха-кала. Она сохранилась в высоту на 4 м и имеет в основании форму квадрата со стороной 9,9 м. С южной, западной и восточной сторон сохранилась кладка из плит ракушечника длиной 0,5, 0,54, 0,7 м и толщиной 0,16—0,24 м. Есть основания пред-

[1] После предварительного обследования, проведенного Хорезмийской экспедицией АН СССР в 1946 и 1950 гг. [207, с. 263—265; 213, с. 305], работы на них долгое время не проводились. В настоящее время сектор археологии ИИЯЛ КК ФАН УзССР приступил к стационарным раскопкам караван-сараев центральной части плато.

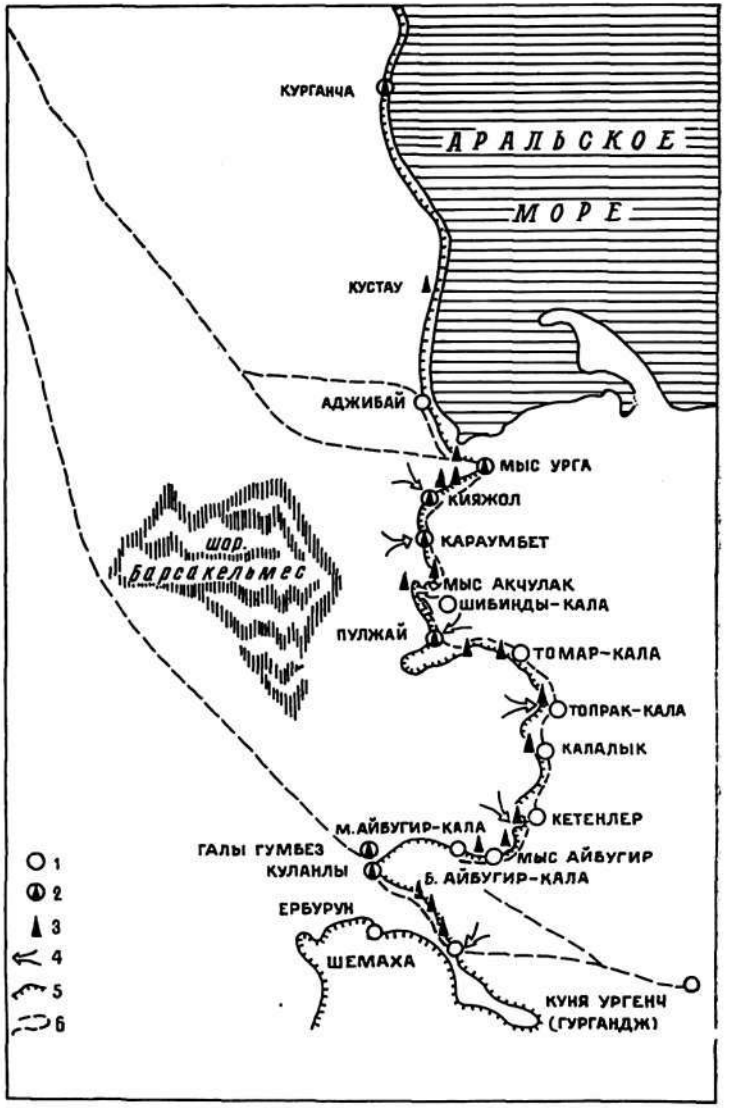

Рис. 67. Карта средневековых памятников Восточного чинка Устюрта. Условные обозначения:
1 — населенные пункты; 2 — населенные пункты с башнями; 3 — башни; 4 — древние спуски и подъемы; 5 — обрывы Устюрта; 6 — направления торговых путей.

полагать, что в средней части сооружение имеет внутрибашенное помещение, так как на склонах развалин при расчистке обнаружен культурный слой в переотложенном состоянии. Размеры камеры остались невыясненными из-за наличия на вершине триангуляционного знака.

Верх башни, вероятно, был надстроен из жженых кирпичей размером 23,5—24×23,5—24×4—5 см и 27—28×27—28×5,5 см. Подъемный керамический материал представлен широкими пластинчатыми ручками водоносных кувшинов, плечики которых украшены прочерченными линиями. Они датируются разными исследователями IX—X вв. Сероглиняной керамики немного. Это, в основном, невыразительные стенки сосудов. К IX—X вв. мы относим возведение башни. Башня и городище Шемаха взаимно просматриваются.

Башня около кладбища Назар-ата расположена в 6,7 км северо-западнее башни в урочище Казахлыдегиш. Размеры по основанию равны 8,3×8,5 м. Только в основании сохранились 1—2 ряда плит ракушечника размером 60×42×22; 68×?×17; 63×?×12 см. Они тщательно обтесаны. Высота башни в современном состоянии 4 м. Середина сложена из небольших плит ракушечника, которые пересыпаны строительным мусором. Верхняя часть башни, вероятно, была построена из жженых кирпичей размером 30×30×6 см, которые встречены в завале у ее основания. Отсюда хорошо видна вышеописанная башня в урочище Казахлыдегиш и развалины башни у спуска с мазаром Куланлы-ата.

Башня у спуска Куланлы-ата находится в 4,6 км северо-западнее кладбища Назар-ата и рядом со спуском с плато у мазара Куланлы-ата. Она сильно разрушена и выглядит как сильно оплывший бугор высотой около 0,5—0,7 м и диаметром около 11 м. Построена из плит ракушечника на глиняном растворе. Размеры башни по основанию остались не выясненными. В завале встречены жженые кирпичи размером 30×30×5 см.

От места нахождения развалин хорошо видна вышеописанная башня в местности Назар-ата и башня у караван-сарая Куланлы. На расстоянии около 100 м от развалин имеются бугры, образовавшиеся от разрушения отдельных построек, которые по керамическому материалу можно продатировать IX—XII вв.

Караван-сарай Куланлы с башней расположен в 14,7 км северо-западнее развалин башни у спуска Куланлы-ата. Эта башня, одна из лучших по сохранности, входит в комплекс с караван-сараем (рис. 68, *3*).

Караван-сарай размером 20,4×20,2 м прямоугольной в плане формы ориентирован углами по странам света. Стены толщиной 1,9—2,0 м возведены из пахсы. Они имеют наклон к основанию, равный 78—79°.

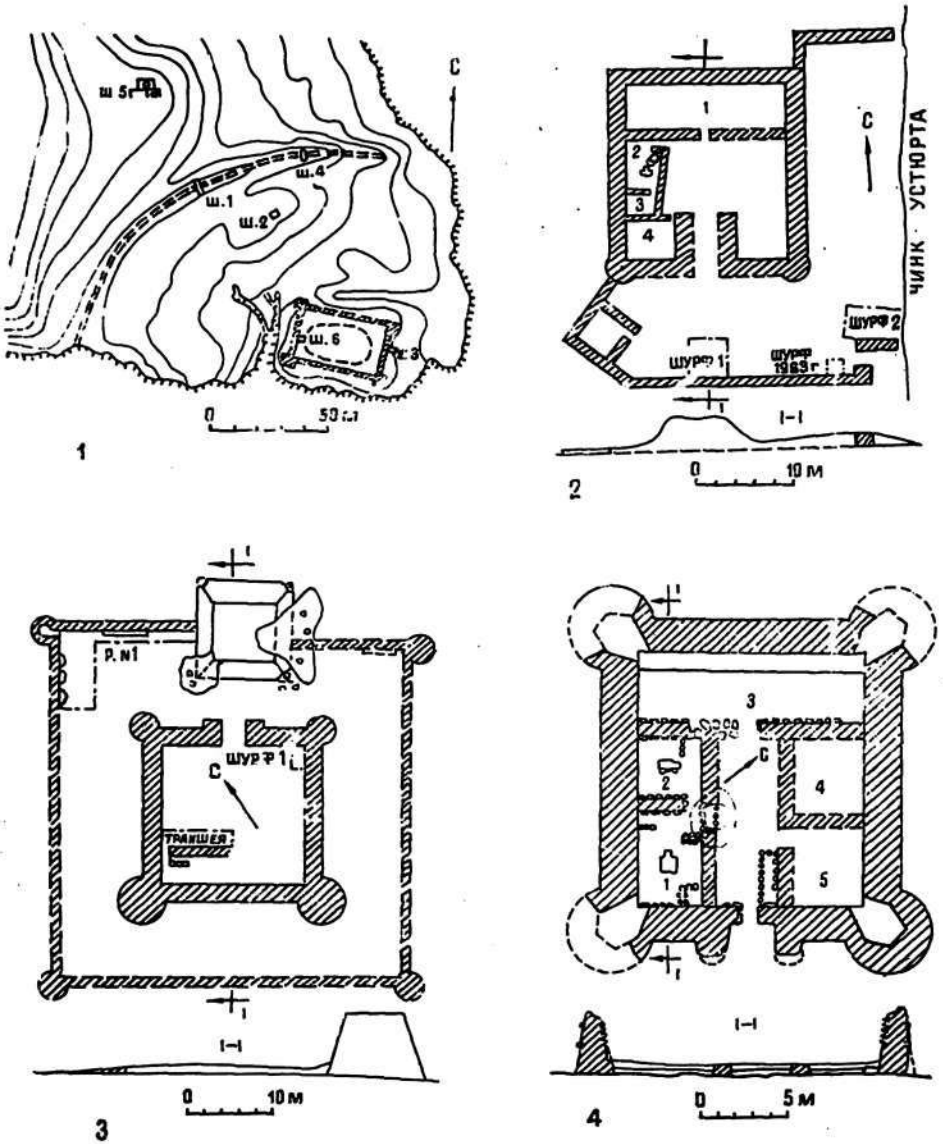

Рис. 68. Планы городищ Устюрта:

1 — Урга; 2 — Аджибай; 3 — Куланлы; 4 — Баккал-кала (м. Айбугир-кала).

Наружные и внутренние поверхности стен нарезаны по сырой глине прямоугольными блоками. В основании стен положены крупные плиты хорошо обработанного ракушечника длиной 0,8—1,15 м и толщиной 0,15—0,34 м.

По углам имеются круглые в плане башни без внутрибашенных помещений диаметром 2,8 м на северо-восточной стене и 5,4 м — на юго-западной. Северо-восточная башня сохранилась на высоту 3,2 м. Высота стен караван-сарая не превышает 1,5 м.

Вход шириной 2,7 м находится в середине северо-восточной стены. По бокам входа сохранились прямоугольные цоколи пилонов из плит ракушечника, выступающие за наружную поверхность стены на 1,0 м. Их длина по стене караван-сарая равна 2,15 м.

Основное здание караван-сарая окружено двором размером 42×41,5 м, который был обнесен стеной. С северо-восточной стороны основное здание прикрывала башня. Стены двора примыкают к середине ее юго-восточной и северо-западной сторон. Стены, окружающие караван-сарай, сохранились на высоту от 5—10 до 45 см. Ширина стен — 0.8—1,0 м. В отдельных местах они едва прослеживаются на поверхности. Построены из пахсы с включением в середине небольших плит ракушечника. По углам прямоугольника стен, окружающего основное здание, имеются башни круглой в плане формы, сохранившиеся только на северо-западной стене. Вход во двор обнаружить не удалось.

Для выяснения стратиграфии и хронологии в северо-восточном углу основного здания заложен шурф № 1 размером 1,5×2,6 м. Он достиг материка, но не выявил наличия культурного слоя. В связи с этим были начаты работы в его юго-западной части. Раскопки позволили открыть стену шириной 1,1 м, параллельную юго-западной стене (отстоит на 3,3 м). Она прослежена на 7,9 м от северо-западной стены. Ее высота — 1 м. Стена построена из крупных плит ракушечника, которые пересыпаны между собой культурным слоем. Кладка ее не имеет ничего общего с кладкой основных стен караван-сарая. Между западной стеной караван-сарая и этой стеной сделан проход длиной 2,3 м и шириной 1 м в помещение в юго-западном углу. Вдоль юго-восточной стороны его сложена стена из плит, положенных в 3 ряда поверх культурного слоя. В траншее культурный слой состоит из сильно перепревшего навоза, пропитанного белыми солями.

Характер слоя, небрежность кладки стен, отсутствие поперечных стен в траншее свидетельствует о том, что первоначальная внутренняя планировка караван-сарая претерпела существенные изменения. В течение длительного времени он использовался в качестве загона для скота.

Керамический материал из траншеи сильно фрагментирован. Он относится к двум хронологическим периодам: IX—XI вв. и XII — на-

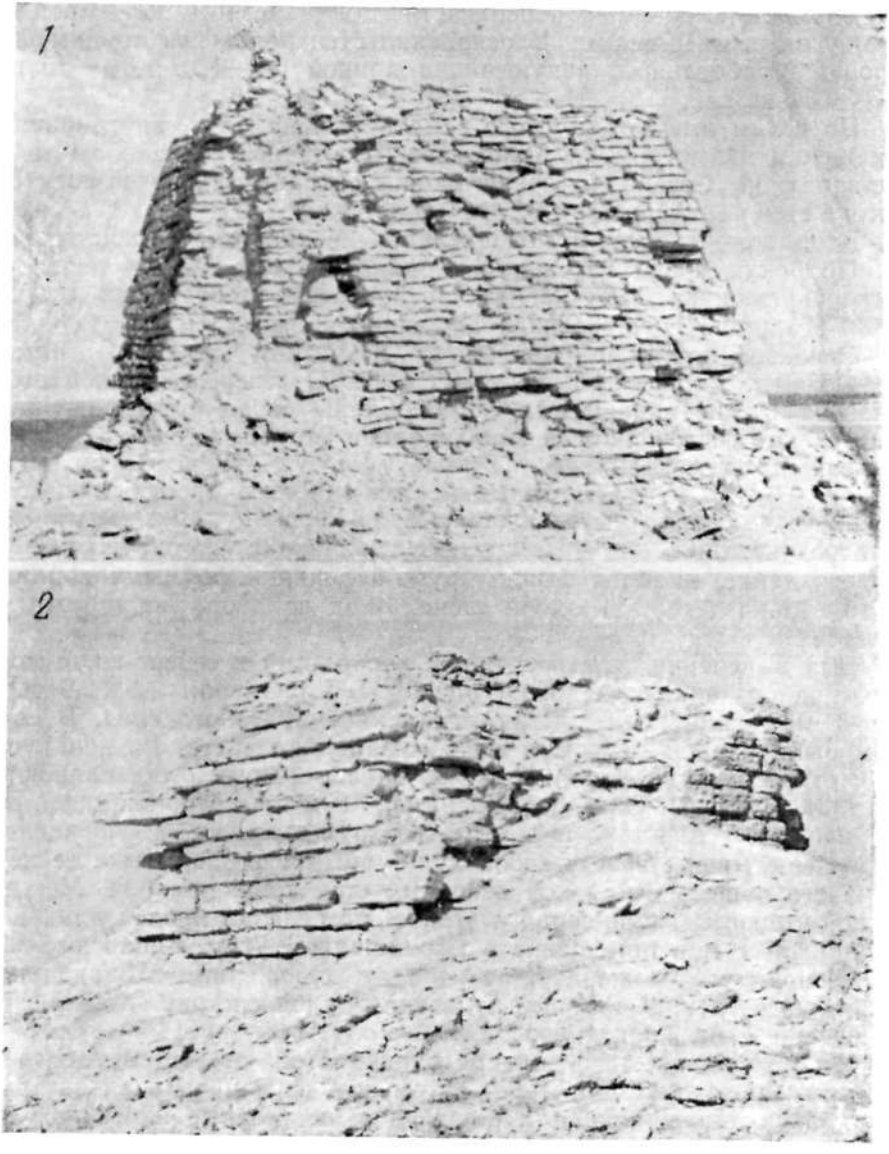

Рис. 69. Башни Устюрта: 1 — Куланлы; 2 — Галы Гумбез.

чалу XIII в. Можно отметить фрагменты горшков с двумя округлыми ручками и выступающей за боковую грань донной частью. Сероглиняная посуда известна по фрагментам округлых в сечении ручек, мисок большого диаметра с отогнутыми краями.

Как указывалось выше, в середине северо-восточной стены находится башня. Она имеет прямоугольную в плане форму (рис. 69, *1*). Ее размеры по основанию равны: северо-восточная стена — 11 м, северо-западная стена — 11,3 м. По верху размеры башни равны: северо-восточная — 7,28 м, юго-восточная — 7,25 м. В средней части длина с северо-востока на юго-запад равна 6,75 м. Сильно разрушена юго-восточная сторона, где блоки вывалились почти до основания. Высота башни равна 6,75—8 м. Разница в высоте объясняется наклоном местности к чинку. Стены имеют традиционный наклон к основанию, равный 72—75°. Башня построена из плит ракушечника без всякой обработки. Плиты, применяемые на углах, тщательно обтесаны и подогнаны друг к другу. Размеры плит: 120×60×26, 85×60×24, 55×60×26, 95×65×35 см. Редко встречаются плиты ракушечника длиной 1,7 м и толщиной 0,16 м. В кладке использованы и очень мелкие плиты. В отдельных местах на поверхности граней видны жженые кирпичи размером 28×28×5 см.

На одной из рухнувших плит размером 22×46×54 см обнаружена арабская надпись. Одна из сторон этой плиты, выходящая на поверхность башни, имеет скос, равный углу наклона граней башни. Т. Ерназарова и Б. Кочнев считают, что надпись по палеографическим данным следует относить к X в. В надписи читаются два слова «Мухаммед» и «Аллах».

Завал из жженых кирпичей у основания башни позволяет нам предположить, что ее верх был надстроен.

Вышеописанная башня у спуска Куланлы-ата, вероятно, была видна во времена функционирования башен за счет изгиба плато Устюрт.

Для изучения стратиграфии и получения датирующего материала в северо-западном углу двора заложен раскоп № 1 площадью 50 кв. м. Полностью раскопана северная часть северо-восточной стены. Вдоль этой стены, в 4,7 м от северного угла пристроена суфа шириной 0,65 м и длиной 4,9 м. Аналогичная суфа, но меньших размеров, выявлена вдоль этой же стены с другой стороны башни.

На раскопанном участке северо-западной стены имеются четыре полукруглых в плане выступа длиной по стене, начиная от северного угла, 1,40 м, 1,55 м и 1,30 м. Они выступают из плоскости стен соответственно на 0,72 м, 0,75 и 0,70 м. От северного угла первый выступ отстоит на 2,9 м. Между первым и вторым полукругом — 0,45 м, между вторым и третьим — 0,6 м. Между третьим и четвертым — 0,1 м. Их высота не превышает 0,2 м. По окружности они обложены половинка-

ми сырцового кирпича. Заполнение состоит из мелких камней, песка и золы. Сверху они обмазаны глиной.

Полностью раскопана башня на северном углу. Ее внутренний диаметр — 1,50—1,54 м. В башню ведет проход шириной 0,76 м, который отделен порогом от площади двора.

На раскопанной части никаких стен не обнаружено. Культурный слой толщиной 0,2—0,6 м выходит на дневную поверхность. Он состоит из золы, песка, в котором много угольков, костей животных, рыб, фрагментов гончарной и лепной керамики.

Многочисленный керамический материал, полученный при раскопках, позволяет решить вопрос о времени возведения и функционирования караван-сарая.

Кувшины известны по фрагментам массивных пластинчатых ручек с желобком посередине или имеющих форму вытянутого овала (рис. 70, *1—3*). Отдельные фрагменты ручек имеют две продольные ложбинки по краям. Широкие пластинчатые ручки с ложбинкой посередине Н. Н. Вактурская относит к IX в. [11, с. 273—176]. Горловины и плечики этих кувшинов украшены волнистыми или параллельными прочерченными линиями под горловиной (рис. 4, *5—8*). Большая часть сосудов покрыта светлым ангобом. Нижние части кувшинов подрезаны ножом по вертикали, отчего они имеют многогранную форму. Сосуды этого типа широко бытовали в Хорезме в IX—XI вв. [159, с. 138]. К этому же времени относятся фрагменты горшков, имеющие характерный выступ дна (рис. 70, *9*).

Кувшины и горшки изготовлены из глиняного теста, без видимых примесей, принявшего при обжиге ровный красноватый или светло-кремовый цвет. В отдельных случаях на внутренней стороне видны примеси гипса.

Среди поливной керамики также нет целых экземпляров. По имеющейся коллекции можно судить, что поддоны имеют дисковидную форму. Большая часть сосудов покрыта изнутри белой подгрунтовкой. По наружному краю она нанесена полосой. Подглазурная роспись выполнена коричневой и зеленой красками разных оттенков. Роспись выполнена в виде пятен разных цветов, которые чередуются между собой в виде полос или волют. Широко применялась гравировка. Чаши покрыты свинцовой глазурью (рис. 70, *7, 19*). Особняком стоят фрагменты чаш, на которые глазурь наносилась не на белую подгрунтовку, а прямо по черепку. От этого чаши изнутри имеют терракотовый цвет.

По аналогиям с другими памятниками Хорезма поливную керамику с раскопа № 1 мы датируем X—XII вв. [41, с. 286—298].

В коллекции представлен один фрагмент сосуда из кашина, покрытый изнутри и снаружи стекловидным слоем голубого цвета.

Сероглиняная посуда, покрытая снаружи темно-серым или черным ангобом, известна по мелким фрагментам (рис. 70, *18, 20—25*). По

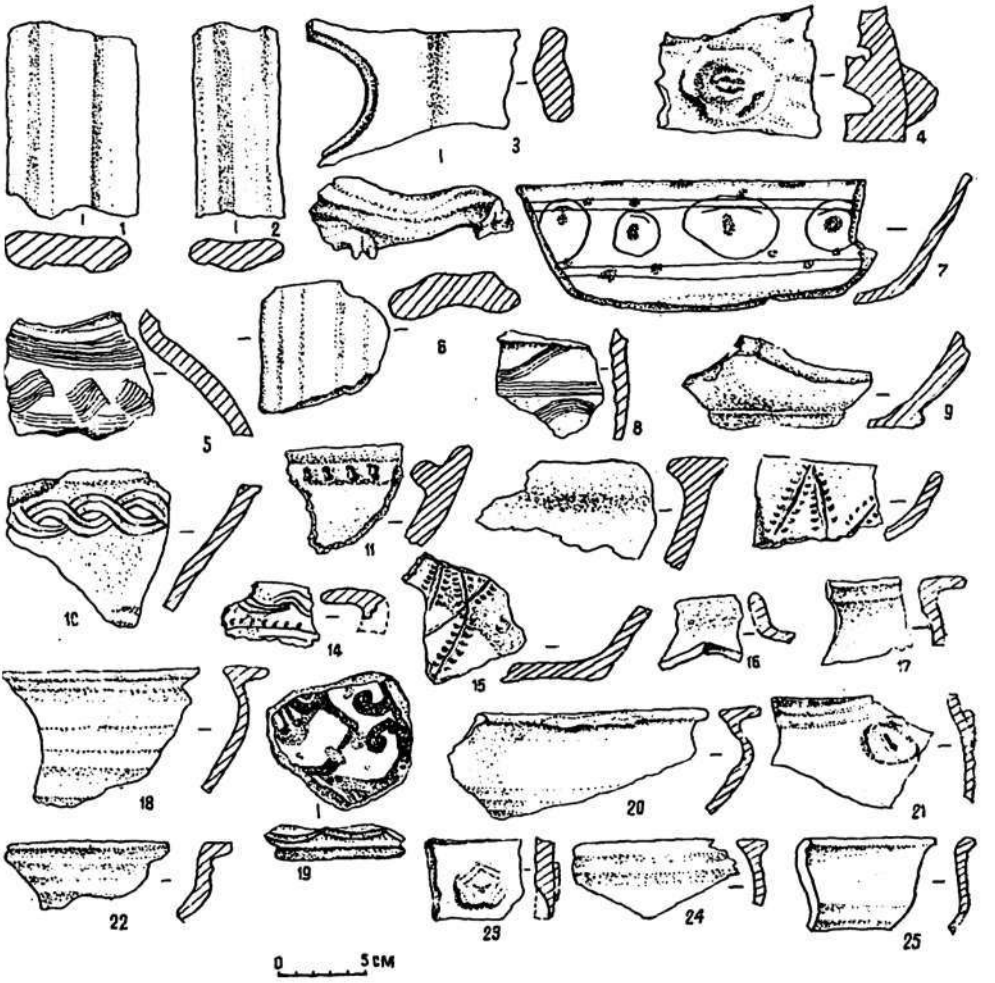

Рис. 70. Керамика городища Куланлы.

аналогиям с другими памятниками Хорезма круглые в сечении ручки кувшинов, отличающиеся уровнем возвышения их над горловиной, мы датируем XII — началом XIII в. и XIII — XIV в.

Нам осталось проанализировать лепную керамику, не находящую себе аналогий в материалах Хорезма (рис. 70, *16—17*). К сожалению, как и вся остальная керамика, она мелкофрагментирована. Формы сосудов не восстанавливаются. Изготовлена из теста, в котором содержится большое количество крупных кусочков гипса, шамота и дресвы. Обжиг неравномерный. Отдельные сосуды перекалены. На поверхностях имеются разрывы. В изломах цвет черепка неоднородный — от темно-серого с фиолетовым оттенком до красноватого или с двумя полосами по краям. Орнаментация сосудов разнообразна. Чаши большего диаметра по краю венчика изнутри покрыты волнистыми пересекающимися линиями, налепными массивными валиками с косыми вдавлениями. Горшки с отогнутым краем также украшены по бережку прочерченными волнистыми линиями, концентрическими кругами, треугольной формы выемками и вдавлениями по краю венчика. Изнутри чаши покрывались также прочерченным орнаментом в виде зигзагообразной линии, которая нанесена по краю сосуда. Вдоль этих линий в два ряда нанесены вдавления, имеющие форму запятых (рис. 70, *13, 15*).

Лепную керамику мы датируем временем бытования гончарных сосудов, т. е. X—XIII вв.

Мы считаем, что весь комплекс, состоящий из башни и основного здания караван-сарая, окруженного двором, возникает одновременно в X—XI вв. Основное здание после запустения использовалось в течение длительного времени как загон для скота.

Проведенные исследования показали ошибочность датировки башни XII—XIII вв., предложенной С. П. Толстовым [211, с. 184, рис. 29].

Данный памятник наиболее выдвинут от г. Джурджании (Гургандж) на северо-запад в сторону огузских племен. Видимо, он выполнял все функции караван-сарая, т. е. служил постоялым двором для проходящих караванов на пути из Хорезма в Восточную Европу. В силу своего географического положения он также мог выполнять роль торговой фактории в отношениях Хорезма с огузскими племенами.

Архитектурно-художественные и строительные приемы, известные по основному зданию, позволяют считать, что анализируемый памятник построен в традициях архитектуры Хорезма. План караван-сарая в целом генетически восходит к планировкам некоторых раннесредневековых замков Беркуткалинского оазиса (№ 32, Кумбаскан-кала, Тешик-кала и др.) [206, с. 137—139, рис. 77, 78—81; 106, с. 23]. План основного здания также аналогичен замкам афригидского Хорезма [160, с. 138—143, рис. 40]. Если в фортификации Хорезма VII—VIII вв. важная роль отводилась башням как основным узлам обороны, то на анализируемом памятнике и на караван-сарае Малая Айбугир-кала

они уже утрачивают свои военные функции и приобретают декоративное назначение.

На большом расстоянии к юго-западу от развалин караван-сарая встречаются фрагменты гончарных кувшинов с широкими ручками, относящихся ко времени функционирования караван-сарая.

Башня и городище Галыгумбез (Калдыкумбет). Башня находится на бугре Айбугир, расположенном в 23,5 км западнее Малой Айбугир-калы и 4,7 км северо-западнее городища Куланлы.

Высота башни в современном состоянии равна 4,15 м (рис. 69, *2*). Размеры башни с юга на север — 6,63 м, с запада на восток — 7,08 м. Боковые поверхности имеют наклон к основанию, равный 86°. Она построена из блоков ракушечника размером 95×37×24 см, 64×32×15 см, 62×34×22 см, 76×49×13 см. Верхняя часть башни, вероятно, была надстроена из жженых кирпичей размером 26—27×26—27×4—5 см и 32×32×5,5 см.

С бугра Айбугир не видно башню у караван-сарая Куланлы. Не видны и другие синхронные памятники, например, Малая Айбугир-кала.

Рядом с башней расположено городище, форма которого искажена находящимся на нем триангуляционным знаком. Еще в 1952 г. сотрудники Хорезмской археолого-этнографической экспедиции отметили антропогенное происхождение этого бугра. Сравнение его с караван-сараем Куланлы позволяет высказать предположение о наличии рядом с башней небольшого караван-сарая.

Подъемный керамический материал представлен фрагментами сосудов двух хронологических групп — IX—XI и XII—XIV вв.

К керамике IX—XI вв. относятся фрагменты кувшинов, украшенных линейно-волнистым орнаментом. Сосуды снаружи покрыты зеленоватым ангобом. В изломе они имеют светло-кремовый или красноватый цвет.

Сероглиняная керамика, украшенная снаружи темно-серым ангобом, представлена стенками и фрагментами круглых в сечении ручек и может быть датирована в пределах XII—XIV вв.

Временем бытования керамики первой группы, т. е. IX—XI вв., мы датируем возведение башни.

Городище Малая Айбугир-кала (Баккал-кала)[2] находится на нижней террасе чинка Устюрта в 23,5 км восточнее башни на бугре Айбугир (Галыгумбез).

Городище размером 19×16,8 м ориентировано углами по странам света (рис. 2, 4) и окружено стенами высотой до 3,7 м и шириной по

---

[2] Туркмены-чабаны называют памятник Баккал-кала (Крепость купца) или Баккалтам (Дом купца). В связи с тем, что городище уже известно в литературе, мы придерживаемся старого названия.

основанию — 1,90—2,04 м. Сохранность их различная. Они построены из пахсы, в которую ради экономии глины из-за трудности ее поднятия от подножия чинка включено большое количество плит устюртского ракушечника. Плиты в настоящее время выступают на разных уровнях на наружных и внутренних поверхностях стен. Это привело С. П. Толстова к ошибочному заключению, что стены городища двойные, плотно прилегающие одна к другой [215, с. 78]. При раскопочных работах на памятнике это не было подтверждено. Необходимо отметить, что в отдельных местах при строительстве стен использовалась болотная или озерная глина с большим количеством раковин.

По углам имеются башни круглой в плане формы диаметром по основанию 4,7 м с внутрибашенными помещениями пятигранной в плане формы. Полностью сохранилась башня на восточном углу.

Вход шириной 0,95 м находится в середине юго-восточной стены между двумя пилонами полуовальной формы, отстоящими на расстоянии 2,5 м друг от друга. Ширина их по стене — 1,7 и 1,9 м. Они выступают за плоскость стены на 1 м. От угловых башен они отстоят на 2,5—2,6 м.

Поверхности стен и башен украшены вертикальными полосами, которые придают стене видимость кладки большими блоками и имеют декоративное назначение. Аналогичный строительный прием широко применялся в архитектуре Хорезма X — начала XIII вв. [61, с. 60; 206, с. 156; 127, с. 506].

Проведенные исследования позволили выяснить характер внутренней застройки.

Помещение № 1 размером 5,47—3,6 м находится в южном углу городища. Под основание стен положены плиты известняка, которые выступают на несколько сантиметров внутрь помещения. Стены имеют традиционный наклон к основанию, равный 78°. Пахса нарезана блоками шириной 0,47—0,58 м. Вход в помещение находится в северо-восточной стене. Он отделен от остальной части помещения стеночкой шириной 0,44 и длиной 1,18 м.

В центре помещения расположен очаг с предочажной ямой размером 0,9—1,0 м. Очаг имеет подковообразную в плане форму, ширина устья которого равна 0,4 м. Он изготовлен из плохо промешанной глины, принявшей при обжиге красный цвет. В глиняное тесто примешано большое количество шамота. Предочажная яма глубиной 0,18 м в некоторых местах обложена по краю вертикально стоящими плитками ракушечника. Очажная и предочажная ямы заполнены золой.

В восточном углу находится выкладка из камней размером 1,5×1,4 м, возвышающаяся над полом на 0,2 м. Она тщательно обмазана глиной. В западном углу помещения на расстоянии 0,66 м от северо-западной стены выложена стеночка из плит ракушечника длиной 0,9 м

и шириной 0,25 м. Это, видимо, небольшой закром для сосудов, от которых осталось скопление керамики. На полу найдены фрагменты керамического очага, украшенные изнутри прочерченным орнаментом, состоящим из взаимно пересекающихся линий. Пол внутрибашенной камеры приподнят над полом помещения на 1 м.

Помещение № 2 размером 3,45×3,65 находится за северо-западной стеной помещения № 1, ширина которой 1,09 м. Пол ровный со следами обмазки. Проход из помещения в северо-западной стене отделен стеночкой длиной 1,05 м и шириной 0,22 м. В центре помещения заглублена очажная яма длиной 1,2 м и шириной 0,6 м. От длительного пользования очажная и предочажная ямы слились воедино.

Помещение № 3 размером 12,42×4 м расположено вдоль северо-западной стены. Вход шириной 1,1 м находится в середине юго-восточной стены напротив главного входа.

Вдоль северо-западной стены помещения построена кормушка, возвышающаяся над полом на 0,20—0,25 м. Она сложена из плит известняка, обмазана глиной и выглядит в виде суфы шириной 1,0—1,2 м.

Центральную часть караван-сарая занимает коридор шириной 3,1—3,2 м и длиной 10 м, из которого ведут проходы во все помещения.

В северо-восточной части постройки находятся два помещения, оставшиеся нераскопанными. К северо-восточной стене центрального коридора пристроена прямоугольная загородка из камней размером 3,15×1,1 м, сохранившаяся в высоту на один ряд небольших плит.

При археологических раскопках получен незначительный материал, позволяющий, однако, определить время возникновения и функционирования памятника.

Кувшины (рис. 71, *1*) представлены фрагментами стенок, украшенных волнистым орнаментом по сырой глине. Глиняное тесто приготовлено тщательно. Посторонних примесей, кроме мелкотолченого гипса, не видно. Наружная поверхность покрыта зеленоватым ангобом. Нижняя часть кувшина подрезана по вертикали ножом. Аналогичные кувшины хорошо представлены в материалах IX—XI вв. [41, с. 276—278].

К этому же времени относятся фрагменты дигира, изготовленного из тщательно отмученной глины без видимых примесей. Черепок в изломе плотный, светлого цвета. На наружной поверхности имеются горизонтальные каннелюры. Нижняя часть этих сосудов обрезана ножом. Диаметр дна не превышает 4,5 см. В нем имеется сквозное отверстие (рис. 71, *9*). Дигири снабжены маленькими округлыми ручками, которые прикреплялись к тулову вертикально (рис. 71, *5, 8*).

Горшки изготовлены из такой же глины, что и кувшины, и известны по фрагментам нижних частей(рис. 71, *2*). Они имеют характерную черту в виде слегка выступающей донной части за боковую грань. На дне имеются следы песчаной подсыпки. Сосуды подобной формы ха-

рактерны для IX—XI вв. и распространены как в Хорезме [73, с. 134—135, рис. 36, *5*; 133, с. 53], так и за его пределами [109, рис. 6, *16—17*; 79, с. 90—91].

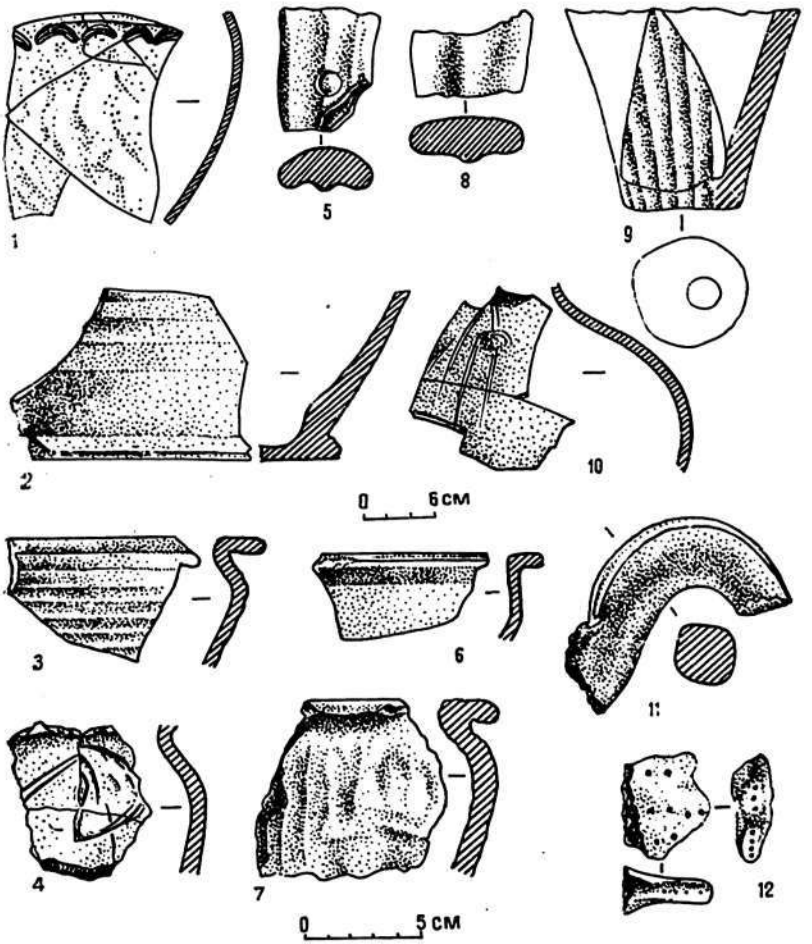

Рис. 71. Керамика городища Малая Айбугир-кала.

Фрагменты поливной керамики, покрытой свинцовой глазурью, невыразительны и единичны.

Таким образом, возникновение анализируемого объекта можно отнести к IX—XI вв.

При раскопках встречена также керамика, фрагменты которой имеют в изломе серый цвет. Ручки кувшинов, круглые в сечении, высоко поднимаются над горлом, что характерно для сосудов XII — начала XIII в. (рис. 71, *11*).

Украшения известны по фрагментам кашинной бусины, покрытой бледно-синей глазурью, и ромбовидной подвески, изготовленной из полихромной стекловидной пасты, находящих аналогии в материалах хорезмшахского времени на замахшарских поселениях [25, с. 104]. Хорезмшахским периодом мы датируем последний этап обживания памятника.

Толстый слой навоза в отдельных местах свидетельствует о том, что внутри стен, после того как караван-сарай был заброшен, было сделано стойло для скота.

По своей внутренней планировке, небольшим размерам памятника и архитектурным особенностям Малая Айбугир-кала имеет много общего с городищем Аджибай, относящегося к той же исторической эпохе и подобно последнему являлось караван-сараем. Малая Айбугир-кала, как и другие памятники, расположенные под чинком, имеет свою башню[3].

Поблизости от городища нет удобных спусков с плато. Это свидетельствует о том, что караван-сарай строился в расчете на обслуживание караванов, проходящих под чинком плато Устюрт.

Круглые башенки на углах, имеющие декоративное назначение, вертикальная нарезка стен, имитирующая кладку блоками, находят аналогии в архитектуре хорезмшахского Хорезма [206, с. 156; 207, с. 278, рис. 90, *3*]. Однако на Устюрте они появляются в предшествующий период.

Предложенное С. П. Толстовым определение Малой Айбугир-калы как миниатюрной позднесредневековой крепости [215, с. 78], нужно считать ошибочным как в хронологическом, так и в функциональном аспектах.

Городище Ербурун находится в 18 км южнее караван-сарая Куланлы[4]. Памятник имеет треугольную в плане форму, обусловленную конфигурацией мыса плато Устюрт. Узкая оконечность мыса с сорокаметровыми обрывами, на котором расположена крепость, отгорожена стеной длиной 198 м. С севера на юг городище вытянуто на 320—325 м. Его максимальная ширина — 185 м (рис. 72, *1*).

---

[3] Башня открыта в 1976 г. Айбугирским археологическим отрядом ИИЯЛ КК ФАН УзССР. Исследования башни не производились.

[4] Название городищу дано Хорезмской археолого-этнографической экспедицией по имени мыса Устюрта, расположенного в 40 км южнее городища. По данным Б. Вайнберг, Д. Дурдыева, Х. Юсупова, туркмены-чабаны называют городище Терсеком [39, с. 436]. Нами отмечено название хан Терсек.

Крепостная стена толщиной 4,70—4,85 м построена из плит ракушечника и сохранилась на высоту 3,50—3,75 м. Хорошо сохранившаяся западная часть стены позволяет с уверенностью сказать, что она доходила только до обрыва (рис. 72, *2*). Вдоль обрывов стены отсутствовали. Восточный конец стены не сохранился. В 96 м от западного конца стена делает изгиб, равный 41°.

На изгибе имеется башня прямоугольной формы, выступающая за плоскость стены на 9,2 м. Ширина ее — 9,2 м. Находящийся на ней триангуляционный знак не позволяет определить имеется ли в башне внутрибашенное помещение.

В 3,9 м севернее стены построена барьерная стенка шириной 1,2 м, сохранившаяся на высоту 0,5—0,6 м (рис. 72, *3*). Она проходит по краю предстенного рва, ширина которого достигает, как показали зачистки, 11,5—12,8 м. Глубина рва от основания барьерной стенки — 2,6 м. Он заполнен натеками толщиной более 1 м. По северному краю рва также построена барьерная стенка, сохранившаяся лишь в отдельных местах на высоту 2—4 плит (рис. 72, *4*). В какой взаимосвязи находятся прямоугольная башня с барьерной стенкой осталось невыясненным.

В 83,3 м восточнее башни в крепостной стене имеется проход шириной 5,05 м с предвратным сооружением (рис. 72, *3*). В 2,4 м от крепостной стены, напротив входа поставлена стена, вытянутая с севера на юг, длиной 8,7 м и шириной 2,25—2,43 м.

В 1,85—2,00 м восточнее, параллельно крепостной стене, расположена стена шириной 4,7—5,0 м. Между этими стенами находятся 2 помещения, отделенные друг от друга стеной шириной 0,7 м. В западное помещение размером 3,50×2,92 м ведет проход шириной 1,52 м. Часть восточного помещения разрушена. В 9,35 м севернее стен, стоящих напротив входа, построена стена шириной 2,58 м, сохранившаяся на высоту 1,40—1,70 м.

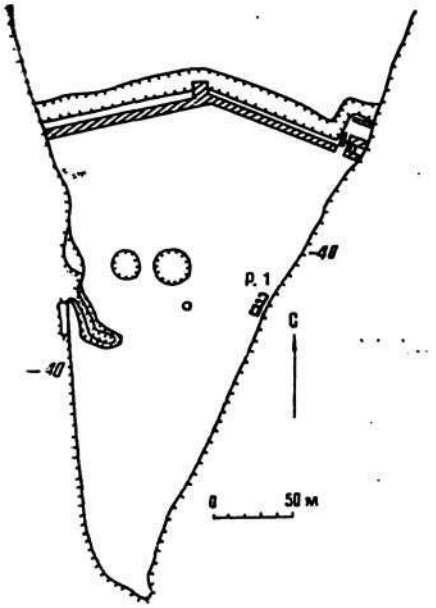
Предстенный ров огибает предвратное сооружение, восточная часть которого не сохранилась. Видимо, проход в крепость находился между обрывом Устюрта и восточным концом барьерной стенки, стоящей напротив предвратного сооружения. Однако не исключено, что предвратное сооружение на самом деле являлось своего рода ловушкой для врага, пытавшегося прорваться внутрь крепости.

Башня в середине крепостной стены, на наш взгляд, является въез-

---

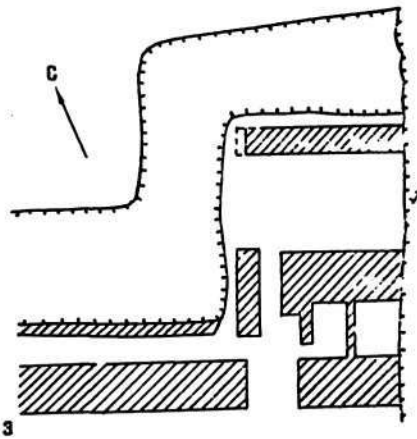
Рис. 72. Городище Ербурун:

1 — план; 2 — западная часть крепостной стены; 3 — предвратное сооружение, план; 4 — разрез через крепостную стену и предстенный ров; 5 — ход сообщений, план и разрез. Условные обозначения: 1 — барьерная стена; 2 — крепостные стены; 3 — обрывы; 4 — материк: *а* — уровень гнезд балок; *б* — низ обработанной поверхности стен; *в* — уровень поверхности дна.

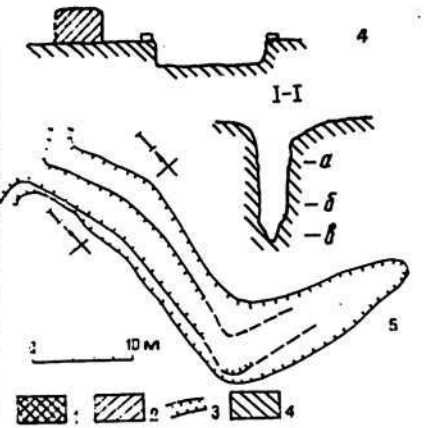

2

3

дом на территорию крепости, с которой перебрасывался подъемный мост на другую сторону рва.

Для связи крепости с прилегающими сельскими поселениями, которые находятся у подножья плато Устюрт, в 100 м южнее западного конца крепостной стены, в толще пород вырублен ход сообщений длиною с севера на юг 29 м (рис. 72, 5). В южной части он делает поворот под прямым углом на восток и прослежен на 11 м. Ход сообщений имеет наклон к своему выходу, где его максимальная глубина составляет более 10 м. Верхние и нижние части стен не сохранились. На всей сохранившейся поверхности стен видны следы инструментов, которыми прорублен ход сообщений.

Ширина хода сообщений по верху равна 3,2—3,6 м, по низу — 2,7—2,8 м (рис. 72, 5). В настоящее время дно спуска сильно размыто и поэтому глубина его стала значительно больше. На боковых стенах хода сообщений, на глубине 4 м от современного уровня плато имеются гнезда от балок. В одном ряду насчитывается 4 углубления, расположенные друг против друга. Во втором ряду — по 8 углублений по бокам. Гнезда от балок в боковых сторонах свидетельствуют о том, что ход сообщений был перекрыт. Не исключено, что здесь имелись и другие конструкции, препятствующие проникновению врага из долины на территорию крепости.

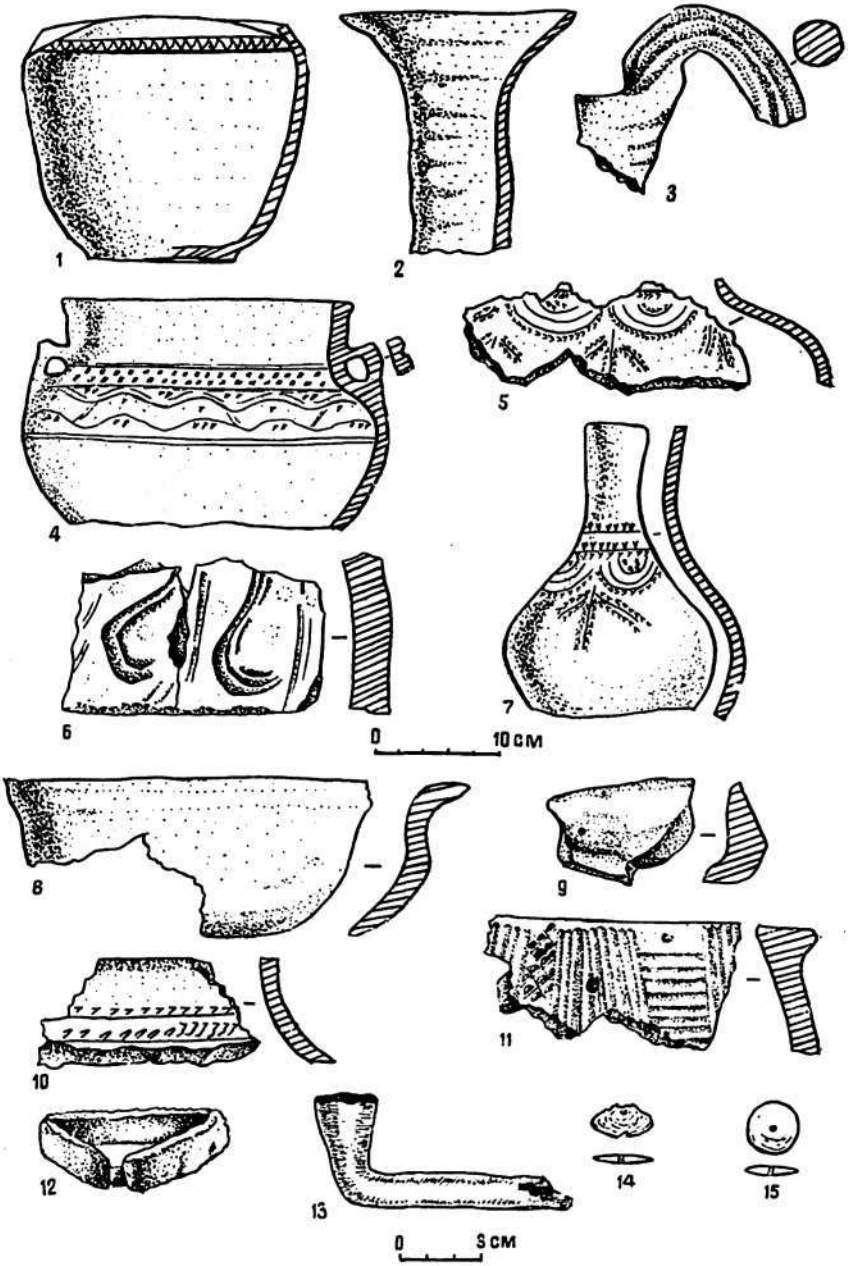
В северо-восточной части без раскопок прослеживаются остатки стен помещений. В центральной части расположено круглое в плане углубление диаметром около 20 м. К нему подходят три неглубокие канавки. В 7 м западнее от него находится еще одно такое углубление диаметром 15 м. С. П. Толстов называет их цистернами-хаузами для сбора и хранения дождевой воды [215, с. 78]. В 14 м юго-восточнее углубления в толще слагающих пород выбит колодец диаметром 2, 15 м и глубиной 17 м. Южную часть городища занимает могильник.

Для изучения характера культурного слоя, стратиграфии и получения датирующего материала в восточной части городища заложен раскоп № 1 площадью 93,6 кв. м.

Помещение № 1 размером 5×4 м имеет проход шириной 0,8 м в середине западной стены. Стены шириной 0,8 м сложены из небольших плит ракушечника и сохранились на высоту 0,48—0,60 м. В помещении вскрыто три погребения.

Погребение № 1 расположено вдоль южной стены. Скелет женщины 18—20 лет лежит на правом боку в яме шириной 0,4 м и глубиной 0,6 м, черепом на северо-запад. Лицевой частью он повернут на юг. Могильная яма по верху обложена небольшими камнями и перекрыта плоскими плитами неправильной формы.

Рис. 73. Керамика, изделия из железа, стекла и кости городища Ербурун.

1
2
3
4
5
6
7
0
10 см
8
9
10
11
12
13
14
15
0
5 см

Погребение № 2 расположено в 1,06 м севернее погребения № 1. Могильная яма глубиной 0,55 м и шириной 0,28 м перекрыта плоскими плитами неправильной формы. Скелет подростка 14—16 лет лежит на правом боку, черепом на северо-запад. В погребении найдено два костяных предмета диаметром 3,5—3,6 см с круглыми отверстиями в середине (рис. 73, *14, 15*).

Погребение № 3 находится вдоль северной стены помещения. Конструкция могильной ямы и перекрытия аналогичны вышеописанным. Скелет лежит в правильном анатомическом порядке на спине в яме глубиной 0,5 м и шириной 0,3 м.

Помещение № 2 размером 5,00×3,70 м отделено стеной шириной 0,8 м от помещения № 1 и сохранилось на высоту 0,6 м.

Вход шириной 0,8 м находится в южной части западной стены. Вдоль северной стены прослежен неглубокий желобок и две ямы. В помещении отсутствуют очаг и суфы. Назначение помещения остается нами непонятым.

Помещение № 3 размером 4,6×4,3 м отделено от помещения № 2 стеной (ширина 0,8 м) и сохранилось на высоту 0,6 м. В центре помещения на полу находится прямоугольной формы очаг размером 1,02×0,74 м. По периметру очаг имел невысокий валик-бортик из песчаника, сохранившийся только с южной стороны. Проход в помещение шириной 0,8 м находится в северной части западной стены.

Все помещения заполнены слоем завала в верхней части и темно-коричневым пылевидным слоем с угольками над полом. Керамический материал из раскопа относится к одному хронологическому периоду и может быть датирован XII — началом XIII в.

Хумы с полочковидным венчиком имеют яйцевидную форму тулова. Орнамент состоит из одной-двух волнистых линий. Наружная поверхность сосудов покрыта черным или темно-коричневым ангобом. Глиняное тесто приобрело при обжиге серый или коричневый цвет.

Кувшины (рис. 73, *3*) с массивными, круглыми в сечении ручками, которые высоко поднимаются над горловиной, украшены по плечикам дугообразными налепными полосами с пальцевыми вдавлениями. От горловины по плечикам спускаются налепные полосы с косыми насечками. По плечикам также проходит полоса взаимно пересекающихся линий.

В материалах раскопок представлено тулово кувшина, выполненного из тщательно приготовленного глиняного теста. При обжиге оно приобрело светло-кремовый цвет. Тулово имеет небольшой поддон (рис. 73, *1*). Максимальный диаметр тулова — 22 см. На самой широкой его части нанесена зигзагообразная полоса, заключенная между двумя параллельными полосами. Орнамент нанесен по сырой глине.

Горловина и ручка не сохранились. Аналогии для этого кувшина не известны.

Чаши с полочковидным венчиком диаметром 28 см известны по небольшим фрагментам (рис. 73, *8*). Они выполнены из тщательно приготовленного глиняного теста и покрыты снаружи и изнутри темно-серым ангобом.

Светильники представлены фрагментами длинных носиков, покрытых зеленой глазурью (рис. 73, *9*). Аналогичные светильники являются частой находкой на памятниках XII — начала XIII в. в Туркмении [11, с. 85] и Хорезме [11, с. 319].

Тувак (рис. 73, *2*) имеет цилиндрическое тулово диаметром 7,4 см, верхняя часть которого заканчивается раструбом. Внутренняя поверхность покрыта темно-зеленым ангобом. Сосуды подобной формы встречаются и в материалах золотоордынского времени [41, с. 319, рис. 31, *17*].

Небольшой люстровый сосуд с ручкой украшают полосы сложного орнамента, которые отделены друг от друга горизонтальными линиями. Форма его по фрагментам не восстанавливается.

Вместе с этой посудой, находящей многочисленные аналогии в керамике хорезмшахского Хорезма [11, с. 302—305, рис. 20—21] и Туркмении [11, с. 90—91], обнаружено значительное количество лепных сосудов. Горшок (рис. 73, 4) с вертикально направленной горловиной и двумя ручками украшен по плечикам прочерченным до обжига орнаментом. Он состоит из двух вдавлений и волнистых линий, заключенных между горизонтально проведенными полосами.

Кувшин (рис. 73, *7*) с горловиной диаметром 4,3 см также украшен по плечикам сложным орнаментом. Три ряда треугольных вдавлений отделены друг от друга горизонтально проведенными линиями. К ним примыкают три вписанные друг в друга полукружия и сходящиеся в одной точке три резные линии. Они чередуются с вдавлениями, нанесенными острым концом палочки (рис. 73, *5*).

Глиняное тесто, из которого изготовлена лепная керамика, приобрело при обжиге черный или красноватый цвет с темной полосой посередине. Отдельные сосуды лепились наложением полос друг на друга.

Котлы из талькового камня представлены фрагментами венчиков и днищ (рис. 73, *11*). Под прямоугольными ручками-выступами поверхность украшена горизонтальными рубчиками, наподобие мелких каннелюр. Участки между ручками украшались вертикально проведенными рубчиками. Диаметр котла равен 14 см. Фрагмент днища котла большого диаметра несет на себе следы ремонта. Котлы изготовлены из талькового камня, крупные запасы которого находятся в горах Султануиздага. Месторождения разрабатывались в XII—XIV вв. [135, с. 17—18]. Изделия из талькового камня в Хорезме встречаются на многих памятниках хорезмшахского и золотоордынского вре-

мен. В материалах предшествующего периода изделия из талькокарбонатных и талькохлоритовых пород в Хорезме отсутствуют.

Керамические очаги изготовлены из глиняного теста с большим содержанием дресвы. Внутренняя поверхность украшена глубоко вдавленным орнаментом, который состоит из чередующихся прямых и волнистых линий (рис. 73, *6*). Подобные очаги или фрагменты найдены на городищах Курганча, Аджибай, Кияжол № 2, Малая Айбугир-кала, где они датируются X — началом XIII вв.

Из индивидуальных находок отметим железное кресало (рис. 73, *12*). Оно изготовлено из одной полосы шириной 1,8 см и имеет треугольную в плане форму. Определить назначения других железных изделий из-за фрагментарности или сильной коррозии невозможно. Следует отметить фрагменты изделий из стекла (рис. 73, *13*), бронзы и камня.

Таким образом, произведенные исследования подтвердили датировку городища XII — началом XIII в., предложенную С. П. Толстовым [215, с. 78].

Расположение крепости на мысу с отвесными обрывами, сильно укрепленная крепостная стена позволяют считать, что она возводилась как военный объект. Однако недостаточное количество данных об обстановке на северо-западных границах Хорезма хорезмшахского периода не позволяет интерпретировать назначение крепости.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ СРЕДНЕГО УЧАСТКА

Башня на мысу Айбугир. Памятник расположен на краю плато при его повороте с широтного направления на меридиональное. Башня имеет форму усеченного конуса, диаметр основания которого равен 9 м. Высота — 7,1 м. Она построена из блоков ракушечника. Плиты толщиной до 0,26 м чередуются с более мелкими. В кладке имеются плиты до 0,65—0,70 м длиной по окружности. В основном, использованы блоки длиной по окружности: 0,22, 0,35, 0,42 м. Северо-западная сторона башни сильно разрушена. На высоте 1,6—1,8 м от основания прослежен слой мелкого ракушечника толщиной до 0,2 м с радиально положенными прутьями и тонкими жердями. Никаких признаков камеры внутри башни не обнаружено. Угол наклона поверхности башни к основанию равен 73°.

Ю. А. Рапопорт, обследовавший памятник в 1952 г., отметил, что верх башни построен из жженого кирпича размером 26×26×5 см, где сохранилось 7 рядов кладки. Она была отделена от кладки из плит ракушечника слоем щебня толщиной до 0,12 м.

В настоящее время кирпичная кладка не сохранилась. При расчистке основания башни встречены обломки жженых кирпичей размером 25—26, 28—30×25—26, 28—30×5—6 см.

Подъемный материал представлен фрагментами глиняной посуды, принявшей после обжига серый и светло-кремовый, красноватый цвет. Фрагменты кувшинов красноватого цвета, украшенные по наружной поверхности прочерченным линейным или волнистым орнаментом, могут быть датированы IX—X вв. [41, с. 273—276].

Функционально башня связана с населенным пунктом на месте городища Большая Айбугир-кала, находящимся в 4 км западнее башни. На нем отмечены незначительные перестройки, следы ремонта и культурный слой, относящиеся к средним векам [215, с. 75; 211, с. 184].

Ближайшая башня, расположенная в 9 км к северу, у спуска Каскажол, из-за рельефа местности, вероятно, не просматривалась. Из прилегающей к плато Устюрт дельты Амударьи башня, несмотря на то, что ее высота, естественно, стала намного меньше первоначальной, хорошо видна на многие километры.

Башня у спуска Каскажол нанесена на карты сигнальных башен и археологических памятников Хорезма [207, с. 249, рис. 85, *5*; 216]. Она находится на мысу плато Устюрт, к северу от спуска Каскажол.

В настоящее время памятник полностью разрушен. Отвалы неопределенной формы, образовавшиеся при извлечении плит ракушечника и жженого кирпича, занимают площадь около 15×15 м и возвышаются на 1—1,5 м.

При раскопках, проведенных нами, найдены обработанные плиты ракушечника, из которых была возведена башня. Фасадной стороне блоков придан угол наклона, равный наклону поверхности стен башни к основанию (80—84°).

Ф. И. Базинер, видевший башню в 1842 г., указывал, что она ничем не отличалась от других [248, с. 89]. Верх башни, вероятно, был надстроен из сырцового и жженого кирпича размером 35—35, 5×35—35,5×7—7,5 см. Большое количество золы, керамического материала, не полностью сгоревших прутьев позволяют предполагать, что башня имела внутрибашенное помещение.

Среди керамического материала следует отметить: фрагменты пластинчатых ручек (рис. 74, *3, 5*), горловины кувшинов, украшенные прочерченным орнаментом в виде параллельных полос и сомкнутых арочек (рис. 74, *6, 8*). Аналогичные кувшины, по мнению Н. Н. Вактурской, характерны для IX в. [41, с. 273—176]. С. К. Кабанов относит их к началу X в. [93, с. 80, рис. 17, *9*].

Посуда, принявшая при обжиге светло-серый цвет, представлена фрагментами широкогорлых горшков, украшенных налепными полосами и выпуклыми валиками с насечками, прочерченным волнистым орнаментом и горизонтально расположенными выступами (рис. 74, *2, 7*). Они изготовлены из глиняного теста с большим содержанием дресвы.

Такие горшки являются частой находкой на памятниках Хорезма и датируются разными исследователями IX—XI вв. [157, с. 394—396].

Возникновение башни по керамическому материалу мы относим к концу IX — началу X в.

В 5 км к востоку от плато Устюрт расположено городище Кетенлер-кала, которое датировано по подъемному материалу IX—XIV вв. [217, с. 27, рис. 9, *1*]. Такая датировка памятника позволяет нам установить функциональную связь башни с населенным пунктом на месте городища. Указанный пункт с прилегающими сельскими поселениями базировался на русле, которое, по мнению Р. А. Сорокиной и В. Н. Ягодина, функционировало в IX—XIV вв. [203, с. 48].

Башня у городища Калалык. В 17,5 км севернее описанной башни и в 3 км западнее городища Калалык на краю плато расположены развалины башни.

Плато к западу от Калалыка менее возвышено и имеет пологие спуски в сторону дельты. Развалины находятся в котловине, открытой на восток. По этой причине аналогичные башни, расположенные к северу и югу, не просматриваются. Башня сильно разрушена. Раскопки позволили установить ее размеры и время возведения. В настоящее время высота развалин не превышает 2,5 м (рис. 75, *7*). По основанию она имеет форму квадрата со стороной 8,7 м. Нижняя часть ее построена из плит ракушечника, где сохранилось 6 рядов кладки. Верх был возведен из сырцового и слабо обожженного кирпича размером 28×28×6—7 см на алебастровом растворе. С восточной стороны прослежено в завале 25 рядов кладки. Вероятно, памятник имел внутрибашенное помещение. При расчистке основания собрано значительное количество мелкофрагментированной керамики:

фрагменты узкогорлых кувшинов, украшенных по плечикам прочерченным орнаментом;

фрагменты плечиков горшков, украшенных прорезным орнаментом в виде сомкнутых треугольников и глубоко прорезанных линий;

фрагменты крышек, украшенных концентрическими выпуклыми окружностями.

Эта посуда изготовлена из глиняного теста, которое при обжиге приняло светло-кремовый цвет. Наружная поверхность сосудов покрыта светло-зеленым ангобом.

Аналогичные кувшины и горшки найдены на городище Куня-Уаз, где они датируются IX в. [157, с. 394—395, рис. 14, *1—2*; 41, с. 279—280, рис. 3, *3*, 5]. На городище Ток-кала они происходят из слоя конца IX — начала XI вв. [73, с. 132—136, рис. 35, *6, 11;* 135, рис. 36, *3*]. Фрагменты горшков, принявших при обжиге светло-серый цвет и украшенных различными налепными валиками с вдавлениями, также находят аналогии в материалах IX в. [157, с. 394—396].

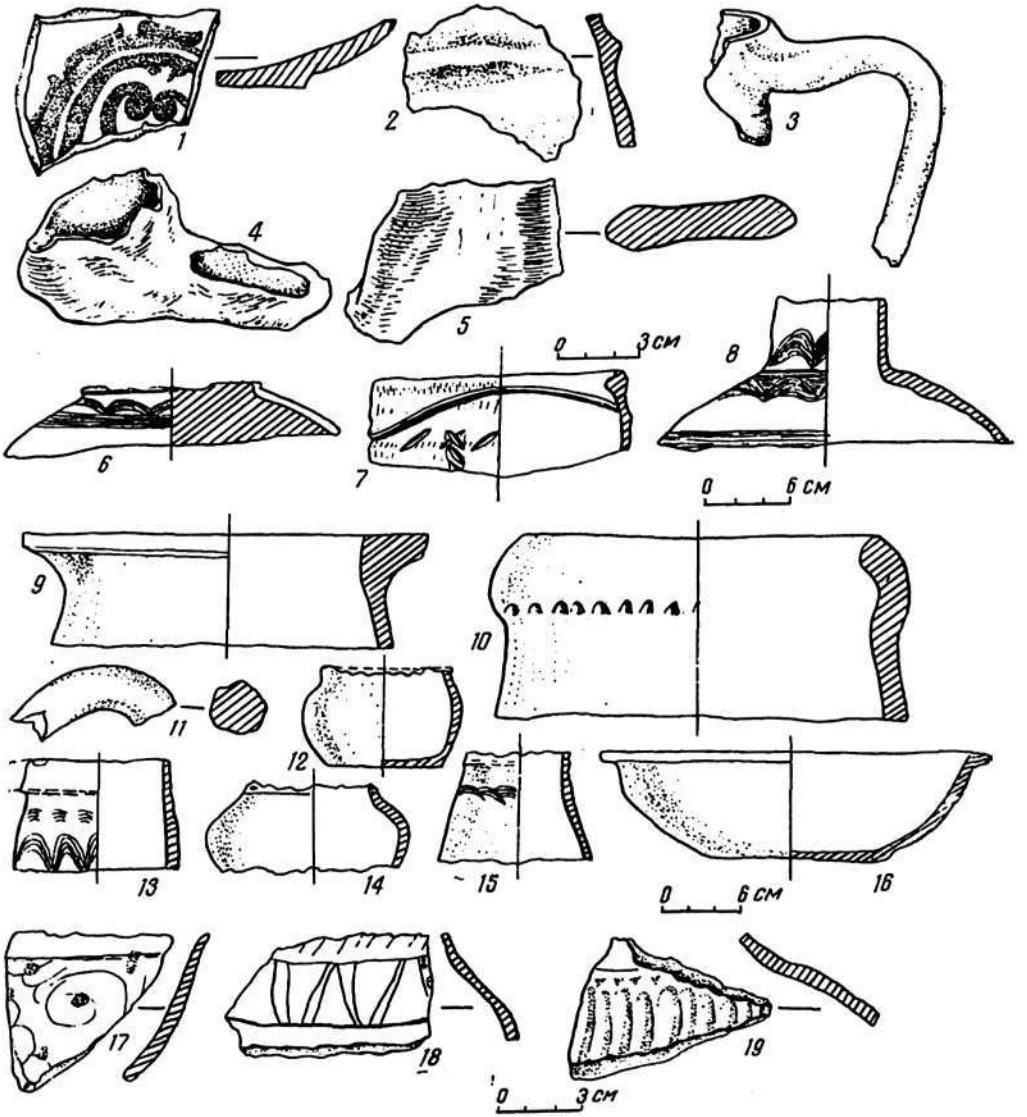

Рис. 74. Башня у спуска Каскажол, керамика: городище и башня Урга, керамика. 1—8 — башня у спуска Каскажол: 9—10, 13, 17—19 — башня на мысу Урга; 11—12, 14—16 — городище Урга.

По керамическому материалу сооружение башни следует отнести к концу IX — началу X в.

На городище Калалык обнаружен керамический материал XII—XIV вв. [234, с. 79—80]. По этой причине мы пока воздерживаемся от

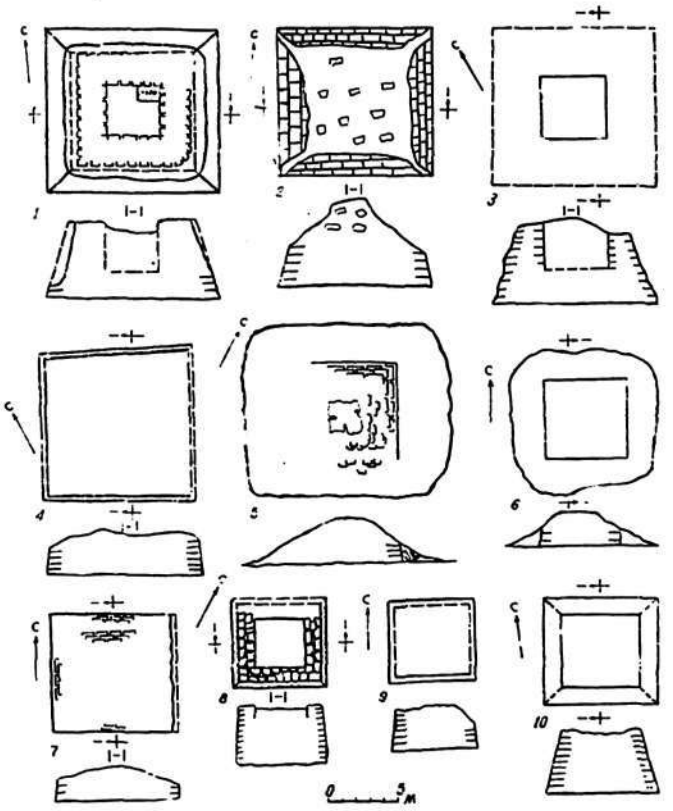

Рис. 75. Планы и разрезы башен Устюрта:

1 — Урга; 2 — Шибинды; 3 — Караумбет; 4 — Акчулак; 5 — Тайли; 6 — Саксаулсай; 7 — Калалык; 8 — Судочье; 9 — Кияжол; 10 — Курганча.

установления весьма вероятной функциональной связи башни с населенным пунктом на месте городища, ранние слои которого могли быть и не вскрыты небольшим шурфом.

Башня у городища Томар-кала. В 26,3 км северо-западнее башни у городища Калалык и в 5,5 км западнее городища Томар-кала

[234, с. 83—86] расположены развалины еще одной башни. Она имеет в основании форму круга диаметром 9,2 м. Высота ее в современном состоянии равна 3,5 м. Построена из плит ракушечника, которые достигают в длину по окружности 0,65 м. В разных местах прослежено от 1—2 до 5 рядов кладки. В завале встречены сырцовые кирпичи размером 28—29×29×6 см. Размеры жженых кирпичей установить не удалось. Башня по размерам и форме основания напоминает башню на мысу Айбугир.

Керамический подъемный материал состоит из мелких фрагментов, наружная поверхность которых украшена прочерченным орнаментом и покрыта белым или зеленоватым ангобом. Черепки в изломе имеют красноватый цвет. В глиняном тесте видны крупные примеси отощителей. Вся керамика идентична посуде, найденной у башни на мысу Айбугир, и может быть датирована IX—XI вв.

Расположенные под чинком городища Томар-кала № 1—3 датированы В. Н. Ягодиным IX—XI вв. Башня на плато функционально связана с населенными пунктами на месте этих городищ. Из-за рельефа местности ни одна из башен на плато Устюрт, расположенных севернее или южнее от этой башни, не видна.

Необходимо отметить, что между городищами Калалык и Томар-кала находится мыс Даутата. На большом функционирующем мусульманском кладбище имеются развалины сооружения из жженого кирпича. Не исключено, что оно является развалинами башни, которая функционально могла быть взаимосвязана с городищем IX—XI вв. Топрак-кала [74, с. 154; 234, с. 82—83]. Это предположение, однако, нуждается в проверке.

Башня в урочище Саксаулсай. В 16 км северо-западнее описанной башни и в 7,3 км юго-восточнее городища Пулжай на противоположном от него склоне плато находятся развалины башни. В настоящее время она выглядит оплывшим бугром диаметром около 8 м. М. А. Орлов, обмерявший башню в 1946 г., приводит высоту, равную 8 м [207, с. 248, рис. 85].

Раскопки показали, что башня имеет квадратное в плане основание размером 5,85×5,85 м (рис. 75, *б*). Она построена из плит ракушечника, которые сохранились по периметру на высоту около 0,36 м. Верхняя часть башни, по сведениям М. А. Орлова, построена из сырцового кирпича размером 23—25×23—25×5—6 см, который обнаружен нами только в завале.

При расчистке основания обнаружена гончарная керамика, принявшая при обжиге серый цвет. В сборах имеются фрагменты штампованной керамики и поливной посуды, украшенной гравировкой и росписью, выполненной коричневой и зеленой красками. Они нанесены по белой подгрунтовке. Глазурь свинцовая, прозрачная.

Подъемная керамика может быть датирована XII — началом XIII в. [41, с. 316, рис. 27]. Возведение башни следует относить к этому же времени.

С плато Устюрт, где находятся развалины башни, хорошо видно городище Пулжай с башней [234, с. 90—95, рис. 9], башни у спуска Шибинды и на мысу Акчулак. Башня у городища Томар-кала не видна из-за рельефа местности.

Башня у городища Пулжай. Расположена в 550 м севернее городища Пулжай, на краю плато Устюрт. Она неоднократно упоминалась в литературе [234, с. 95], но археологическое изучение ее не проводилось. Башня сильно разрушена. Она функционально связана с населенным пунктом на месте городища Пулжай, находящемся на одном из уступов обрыва Устюрта.

Башня у спуска Шибинды. Находится в 12,5 км севернее городища Пулжай, южнее спуска Шибинды. Она отстоит от чинка плато на расстоянии 200—300 м. В настоящее время памятник сильно разрушен. Высота его составляет 6,5 м[5]. Основание башни имеет форму квадрата со стороной 10,8 м (рис. 75, *2*). Построена из хорошо подогнанных плит ракушечника размером 80×?×24 см, 90×?25 см, 55×?×13 см, 58×?×10 см. В завале на вершине и около основания встречены жженые кирпичи размером 24—25×24—25×5—6 см. На южной стороне, ближе к юго-западному углу, на уровне роста человека, на одной из плит имеется арабская надпись. В 1963 г. на этой же стене Е. Бижановым открыта надпись, относящаяся к XIV в.

Башня у городища Пулжай просматривается с описываемого памятника за счет дугообразного изгиба края плато между ними.

Башня на мысу Акчулак, расстояние до которой равно 8,3 км, не видна, так как между ними находится высокий мыс. Башня, вероятно, построена в XII — начале XIII в. Кирпичи указанного стандарта, найденные на башне, встречаются на памятниках этого времени.

Башню функционально можно связать с населенным пунктом на месте городища Шибинды-кала, расположенном в 2 км восточнее обрывов Устюрта. Его ориентировочные размеры — 108×83 м. Стены построены из плит ракушечника размером 1,0—1,7×0,7—1,1×0,15—0,30 м.

Незначительный подъемный керамический материал позволяет предварительно датировать городище XII — началом XIII в.

Башня на мысу Акчулак. Высота руин башни в современном состоянии равна 3,6 м. Размеры по основанию — 10,6×10,6—11 м (рис. 75, *4*). Наружные поверхности стен имеют наклон к основанию,

[5] По данным М. А. Орлова, в 1946 г. башня имела высоту 8 м. На высоте 6,5 м начиналась кирпичная кладка.

равный 85°. Расчистки по углам и вдоль стен показали, что перед нами нижняя часть башни, сложенной из плит ракушечника больших размеров. Верх ее, вероятно, был надстроен из жженого кирпича размером 26×26×4,5 см, который встречен в завале вдоль стен. В северо-восточном углу за счет разрушения кладки башни образовалась небольшая ниша с неровными стенами, размером 3×3 м. На полу этого «помещения» имеется толстый культурный слой, содержащий множество керамики, костей животных и рыб.

Керамический материал из этой ниши представлен фрагментами пластинчатых ручек, имеющих резкий изгиб в верхней части. Фрагменты плечиков кувшинов, выполненных из хорошо приготовленного глиняного теста, украшены линейным прочерченным орнаментом, нанесенным гребенкой. Наружная поверхность этих сосудов покрыта зеленоватым или красноватым ангобом. Все перечисленные признаки характерны для сосудов IX—X вв. Поливная керамика по аналогиям может датироваться X—XI вв. Возведение башни мы относим к IX—XI вв.

За счет изгиба обрыва Устюрта с места, где расположена башня, хорошо видны башни у спуска Шибинды, у городища Караумбет, до которой 11,3 км, у городища Пулжай.

Археологический комплекс Караумбет. В состав археологического комплекса входят городище, башня и могильник.

Городище расположено на плоской террасе чинка Устюрта в 28 км юго-западнее мыса Урга. Несмотря на то, что памятник открыт в 1946 г. во время маршрутных исследований Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР, до последнего времени отсутствовало даже его научное описание [43, с. 629]. Внутренняя планировка и размеры городища на плане, снятом М. А. Орловым в 1946 г., не соответствуют действительности.

Городище имеет форму квадрата размером 37×37 м и ориентировано углами по странам света (рис. 76, *1*).

Въезд шириной 2 м находится в середине юго-восточной стены. На углах имеются небольшие башни прямоугольной формы. Их боковые стороны выступают за плоскость стен на 0,7—0,8 м. На середине северо-западной и северо-восточной стен имеются прямоугольной формы контрфорсы, которые выступают за плоскость стен на 0,9—1,1 м. Их длина—4—4,8 м. На юго-западной стене контрфорс частично разрушен. Квадратные угловые башни, прямоугольной формы контрфорсы в середине стен характерны в Хорезме для памятников «афригидо-саманидской культуры IX — начала XI вв., представленной замками Буран-кала № 2 (IX—X вв.), Наиб-кала № 1 и Буран-кала № 1 (X—XI вв.)» [206, с. 154, рис. 89—91; 207, с. 278, рис. 90, *4, 5*].

Аналогичные угловые башни имеются на городище Алан-кала на

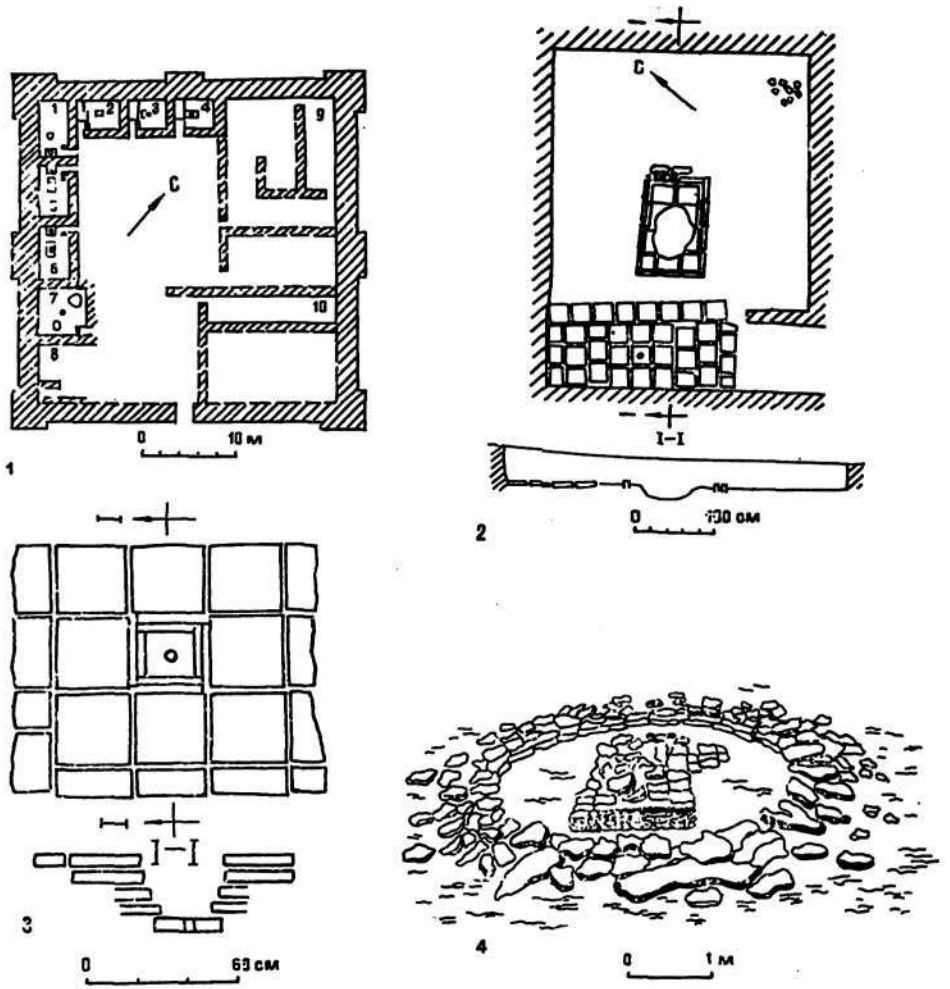

Рис. 76. Археологический комплекс Караумбет:

1—городище Караумбет, план; 2—городище Караумбет, помещение № 4, план и разрез; 3—городище Караумбет, помещение № 6, ташнау, план и разрез; 4 — могильник Караумбет, погребение 5, общий вид после расчистки наземного кольца.

Устюрте, которое С. П. Толстов датировал ранее X—XI вв. [207, с. 49], на феодальном замке Каз-кала в районе Даудана [61, с. 60, рис. 5,а], который, видимо, нужно датировать по имеющейся керамике X—XI вв., на караван-сарае конца X в. Садвар [139, с. 245, рис. 79].

Стены толщиной 1,95—2,35 м сохранились на разную высоту, не превышающую 3 м. Они возведены из песчаниковых плит разных размеров на глиняном растворе с большим содержанием песка. Небольшой отрезок юго-западной стены возведен из пахсы. Не исключено, что стена в этом месте ремонтировалась и отсутствие контрфорса можно объяснить произведенным ремонтом.

Для уточнения внутренней планировки и времени возведения вскрыто 8 помещений вдоль юго-западной и северо-западной стен и 2 помещения вдоль северо-восточной стены.

Помещения № 2—4, расположенные вдоль северо-восточной стены, однотипны и близки по размерам.

Опишем одно из них. Помещение № 4 размером 3,25×4,3 м отделено пахсовой стеной толщиной 0,92—1,00 м от помещения № 3 (рис. 76, *2*). Вход шириной 0,86 м находится в юго-западной стене, к которой под прямым углом примыкает приставная стеночка длиной 0,75 м и шириной 0,16—0,18 м. Она отгораживает вход от остальной части помещения. Напротив входа на одном с полом уровне сделана ташнау размером 2,36×1,0—1,16 м. Она выложена жженым кирпичом размером 25—26×25—26×4—4,5 см. В одном из кирпичей сделано отверстие для стока воды. Остальная кирпичная выкладка выложена с наклоном к отверстию, под которым находился поглотитель в виде перевернутого хума.

В центре помещения в полу находится очаг прямоугольной в плане формы размером 1,28×0,80—0,84 м. Его боковые стороны обложены в два ряда вертикально стоящими кирпичами. Юго-западная сторона имеет один ряд обкладки. Предочажная и очажная ямы от долгого пользования слились воедино. Между ямой и боковыми обкладками очаг выложен положенными горизонтально жженными кирпичами указанных размеров.

В помещении № 2 на полу на первом этапе обживания, вероятно, функционировал аналогичный очаг. После того, как он пришел в негодность, рядом сделали второй очаг. Его очажная яма была обложена по кругу камнями разных размеров.

В помещениях № 2 и 3 приставные стенки у входа построены из жженых кирпичей размером 28—29×28—29×4—5 см.

Помещения № 1, 5—6, вытянутые вдоль юго-западной стены, мало чем отличаются от вышеописанных. Их размеры колеблются от 5,76 до 6,3 м в длину при одинаковой ширине, равной 3,24—3,28 м.

Если в помещениях № 2—4 ташнау имеет вид выкладки, то в по-

мещениях вдоль юго-западной стены они сделаны иначе. Жженые кирпичи выложены уступами к середине, где имеется отверстие для стока воды (рис. 76, *3*). В помещениях № 1 и 6 под ташнау выявлены небольшие поглотительные ямы, заполненные ноздреватыми отложениями зеленого цвета. В помещении № 5 в поглотительную яму вставлен перевернутый вверх дном хум.

Стены помещений сохранились на высоту, не превышающую 0,55 м. Все жилые помещения имеют выход во внутренний двор размером 16,5×15,5 м.

Помещение № 7 размером 5,3×5,3 м отделено от помещения № 6 стеной шириной 1 м. В нем вскрыто 3 пола.

Первый пол покрыт толстым слоем золы и относится ко времени возведения стен. Зола сконцентрирована, в основном, в двух местах, где материковая поверхность прокалена докрасна, а зола спеклась толстым слоем. В центре помещения в небольшой ямке на глиняном растворе лежит камень. Он, вероятно, выполнял роль подкладки под стойку, которая поддерживала перекрытие.

В южной части северо-восточной стены имеется проход шириной 0,9 м, который отделен от остальной части помещения стеночкой шириной 0,35 м. Она сложена из жженого кирпича размером 26—27×26—27×3,5—4,5 см. В этой стеночке сохранилось 7—8 рядов кладки на глиняном растворе. Вход приподнят над полом на 0,2 м.

В южной части юго-западной стены помещения, т. е. напротив входа, сделана ниша шириной 0,9 м и глубиной 0,3 м.

В зольном слое на полу найдено большое количество костей животных, разбитых на мелкие кусочки, и значительное количество мелкофрагментированной керамики, немного костей рыб.

Помещение на первом этапе обживания (полы 1 и 2) не являлось жилым. Об этом свидетельствует внутренняя планировка, отличающаяся от жилых помещений № 1—6, и другой характер культурного слоя. Не исключено, что в этом помещении совершались какие-то обряды, сопровождавшиеся обильной трапезой.

Второй пол находится выше первого на 0,30—0,35 м и покрыт также толстым слоем золы, в котором найдено значительное количество лепной и гончарной красноглиняной посуды.

На последнем этапе жизни памятника стены сильно разрушились и были отремонтированы плитами ракушечника и жженными кирпичами размером 26—29×26—29×4—5 см. Такой стандарт характерен для нижних полов памятника. Культурный слой сохранился частично. В отдельных местах он полностью смыт. Отделен от 2 пола слоем комковатой глины толщиной 0,25—0,30 м. Находок на полу немного. Они представлены, в основном, фрагментами дигиря кремового цвета.

Помещение № 8 расположено в южном углу городища и являет-

ся двором, отделенным стеной шириной 1,1 м от помещения № 7. Северо-восточной стены не обнаружено. С северо-запада на юго-восток двор вытянут на 5,75 м. С юго-запада на северо-восток раскопан на 5,5 м, а вдоль северо-западной стены помещения № 7 — на 6,2 м.

Нижний пол на раскопанной площади приподнят над материком на 0,25—0,30 м слоем рыхлой забутовки. В отдельных местах выявлены пятна, где сосредоточена зола, а поверхность обгорела докрасна. Слой золы встречен на полу только в северо-западной части двора. В южном углу двора к юго-западной стене приставлена стена из пахсы длиной 4,3 м, которая сохранилась в высоту на 0,7 м от материка. Она расположена параллельно юго-восточной стене памятника и отстоит от нее на 0,7 м. Выше первого пола до дневной поверхности идут рыхлые напластования с большим содержанием навоза или сопревшего камыша, которые чередуются с прослойками рыхлой глинистой массы. В этих слоях много мелких фрагментов дигирей кремового цвета и костей. Все эти напластования лежат на слое комковатой глины, которая насыпана на небольшой слой запустения (намывы) над первым полом.

Раскопки в южном углу городища позволили уточнить конструкцию стен. Они сложены из плит песчаника и имеют толщину 2—2,3 м. С внутренней стороны они обмазаны слоем глины с большим содержанием самана толщиной 0,6 м. Юго-восточная стена городища сохранилась на высоту 3 м.

Всю северо-восточную половину городища занимают помещения хозяйственного назначения.

В помещении № 9 размером 10×3,3 м, находящемся в северном углу городища, очаг отсутствует. Пол неровный, без следов обмазки. Культурный слой состоит из золы со значительным количеством овечьего навоза. Находки на полу отсутствуют.

К нему примыкают три помещения, близкие по размерам и, вероятно, по назначению, связанные проходом с вышеуказанным двором.

К описанному комплексу примыкают два помещения размером 11,5×5,5 м и 13,7×3 м (пом. № 10). В помещении № 10 на полу находится толстый слой истлевших органических остатков с большим содержанием овечьего навоза. Планировка в восточном углу городища без раскопок дешифровке не поддается.

Таким образом, во внутренней планировке сочетаются однотипные жилые и хозяйственные помещения.

Основным датирующим материалом является керамика, которой найдено на городище незначительное количество.

Кувшины (рис. 77, *8*) имеют высокое горло с широкой пластинчатой ручкой с продольным углублением посередине. Плечики сосудов украшены прочерченным орнаментом. Наружная поверхность по-

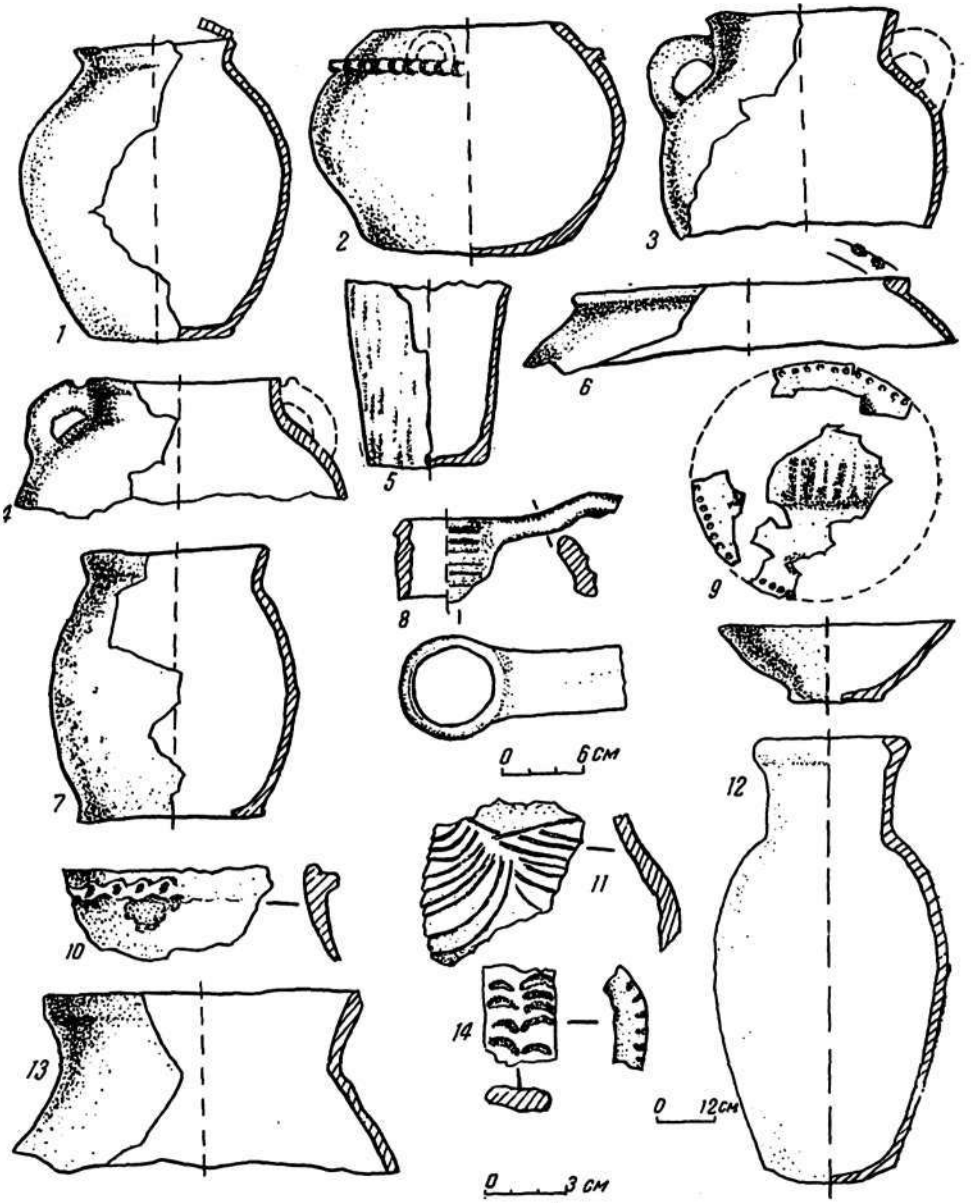

Рис. 77. Керамика городища Караумбет.

крыта светло-зеленым ангобом. Подобные кувшины являются частой находкой на памятниках Хорезма IX—X вв. [41, с. 276, рис. 6—9; 73, с. 132, рис. 35; 242, с. 108, рис. 47, *2—3*].

Поливная керамика представлена чашами на дисковидном поддоне (рис. 77, *9*), изготовленными из лессовидной глины. Изнутри и по наружному краю чаша покрыта прозрачной свинцовой поливой по белой подгрунтовке. Дно украшено полосой орнаментальной надписи, кружочками по краю или полосами. Орнаментальные композиции из-за фрагментарности не восстанавливаются. Подглазурная роспись выполнена зелеными, темно-коричневыми и тепло-коричневыми красками. Орнаментальные надписи на поливной посуде характерны для керамики X—XI вв. [41, с. 286, рис. 17, 5—6; 60, с. 445, рис. 7, *3*].

Кроме столовой посуды найдены сосуды хозяйственного назначения.

Хумы из поглотительных ям в помещениях № 2—5 имеют яйцевидную форму тулова с узкой и длинной горловиной диаметром 25—27,5 см, заканчивающейся по краю выпуклым валиком. Высота сосудов не превышает одного метра. Их максимальный диаметр находится на середине высоты и равен 0,47—0,50 м. Высота горловины — 0,21—0,23 м (рис. 77, *12*). Глиняное тесто хумов приняло при обжиге красный цвет, на фоне которого хорошо видны примеси шамота, дресвы и гипса. Наружная поверхность покрыта зеленым ангобом.

Хумы и хумчи аналогичной формы широко распространены на памятниках Хорезма второй половины VII — первой половины VIII в. [158, с. 236—240, рис. 3, *8—10*]. Однако мы не можем их датировать этим временем, так как описанные выше кувшины и чаши раньше IX в. не встречаются. По этой причине мы датируем хумы временем всего комплекса керамики, т. е. IX—XI вв.

Венчики хумов аналогичной формы известны в материалах Токкалы, жизнь в которой прекращается на рубеже X—XI вв. [73, с. 132, рис. 35, *4*], и Хайван-калы. У нас нет никаких оснований считать, что хумы использованы вторично. Обнаружение таких хумов в комплексе IX—XI вв. существенно изменяет наши представления о времени их бытования, что будет иметь важное значение для уточнения в будущем датировок археологических комплексов.

Лепная керамика представлена немногочисленной группой, в которой преобладают мелкие фрагменты, не всегда позволяющие реконструировать их изначальную форму.

Горшки по своим формам разделяются на два типа (рис. 77, *1—4*). К первому относятся сосуды с одной или двумя ручками, которые прикрепляются одним концом под венчиком. Округлое тулово плавно переходит к короткой шейке. Венчик слегка отогнут, его край снаружи слегка утолщен. Диаметр горловины равен около 14—15 см (рис. 77, *3*). На верхней площадочке венчика (рис. 77, *1*) нанесены насечки. На-

ружная поверхность горшка (рис. 77, 7) после подсыхания обмазана жидкой глиной, которая размазывалась по тулову весьма неравномерно. Крупные частицы шамота становятся при этом особенно заметными на поверхности. Обмазывание сосудов жидкой глиной, от которого они приобретают специфический облик, было широко распространено в дельте Амударьи на памятниках позднего этапа Кердерской культуры (IX—XI вв.). Этот прием обработки сосудов известен в правобережье дельты с VII—VIII вв. и доживает до IX—XI вв. Подобные сосуды встречаются на Ток-кале [73, с, 130, рис. 35, *21*], Хайван-кале. На Устюрте подобная керамика отмечена на стоянке Дуана (глава III, рис. 36) и отдельной постройке Сумбетимералан-Куркреук (рис. 64).

Горшки второй разновидности (рис. 77, *13*) имеют шаровидное тулово. Венчики украшены по краю вдавлениями. Закраина немного утолщена. На плечиках нанесен слабо процарапанный орнамент в виде вертикальной полосы с отходящими в разные стороны линиями. На другом горшке под венчиком проходит налепная полоса, на которой нанесены ногтевые вдавления. На верхней стороне налепной полосы сохранились основания от ручек. Дно этого горшка выпуклое. Сосуд, видимо, лепили в небольшой ямке, в которую подсыпались органические примеси. Венчик сосуда никак не оформлен. Некоторые фрагменты лепной керамики сплошь покрыты процарапанными полосами (рис. 77, *11*), украшены под венчиком налепной полосой с пальцевыми вдавлениями (рис. 77, *10*) или вдавлениями в виде полумесяца (рис. 77, *14*).

Лепная керамика изготовлена из плохо промешанной глиняной массы, в которую добавлено значительное количество шамота и дресвы. Толщина сосудов различная. На внутренней поверхности сосудов видны вмятины от пальцев. Большинство сосудов в изломе имеют черную полосу, что свидетельствует о неравномерной температуре при обжиге. Некоторые сосуды перекалены. На внешней поверхности имеются пятна. Внутренняя поверхность — красная, наружная — бурая. После изготовления посуду обтирали рукой или пучком травы.

К сожалению, небольшое количество лепной керамики, находящей аналогии в керамике Кердера IX—XI вв., и недостаточная изученность последней не позволяют разработать глубже вопрос о взаимосвязи культуры Кердера, распространенной в правобережье дельты, с синхронными культурами левого берега.

В связи с тем, что лепная керамика найдена вместе с хорошо известными формами гончарной посуды, вопрос о ее датировке не возникает. Мы относим ее к IX—XI вв.

На верхних полах найдены фрагменты сероглиняных в изломе кувшинов, изготовленных на гончарном круге. Наружная поверхность покрыта темно-серым ангобом. Нижняя часть тулова подрезана ножом,

отчего она приобретает многогранную форму. Небольшие фрагменты не позволяют восстановить формы этой посуды целиком.

Дигири (рис. 77, *5*) имеют вытянутую цилиндрическую форму. Они изготовлены на гончарном круге из хорошо приготовленной глины и приобрели после обжига светло-желтый цвет. Примеси в изломе не видны. Нижние части сосудов подрезаны ножом. Дно плоское. Верхний край дигирей округлый в сечении. На верхней части тулова имеются небольшие круглые ручки для привязи горшка. Аналогичные чигирные горшки известны в Хорезме на памятниках X—XI вв. [41, с. 280, рис. 8, *30*]. Необходимо отметить, что чигирные горшки на данном памятнике использовались не по прямому назначению. Не исключено, что они применялись в хозяйстве для хранения воды.

С верхних полов в южном углу городища (помещение № 8) происходит шаровидной формы горшок, изготовленный на гончарном круге и покрытый черным ангобом. Дно выпуклое, со следами песчаной подсыпки. В тесто добавлено значительное количество крупной дресвы. Полочковидный венчик с пальцевыми вдавлениями лежит прямо на плечиках, украшенных двумя волнистыми пересекающимися вдавленными линиями. Целиком форма не восстанавливается (рис. 77, *6*). У другой разновидности горшков венчик выглядит в виде утолщенной закраины, под которым проходит полоса орнамента в виде вдавлений, нанесенных по отношению друг к другу под прямым углом.

Аналогичные сосуды в Хорезме широко распространены в XI—XII вв. [234, с. 95, рис. 10, *4*; 73, с. 130, рис. 35, *11—12*].

К этому же времени относится небольшое количество фрагментов керамики, получившей при обжиге светло-серый цвет. Можно отметить фрагмент круглой в сечении ручки водоносного кувшина. Вероятно, полное прекращение жизни произошло здесь не позднее XII — начала XIII в.

Таким образом, материальная культура развивалась под влиянием Хорезма. Однако в ней нашло незначительное отражение влияние культуры Кердера, что можно объяснить частичным переселением населения с правого берега в связи с перемещением основного русла реки к западу. Переселившееся население могло принести с собой элементы специфической материальной культуры Кердера.

Не исключено также влияние Джетыасарокой культуры Устюрта на обитателей Восточного чинка IX—XI вв.

Архитектурные особенности памятника и керамический материал с нижних полов помещений позволяют отнести городище к IX—XI вв.

По своему назначению этот населенный пункт, вероятно, являлся караван-сараем на торговом пути вдоль Восточного чинка Устюрта.

В связи с этим, находит объяснение внутренняя планировка, состоящая из однотипных жилых помещений гостиничного облика и хо-

зяйственных, которые могли служить в качестве складских помещений или загонов для скота.

От городища к башне имелся удобный пологий подъем, большая часть которого сохранилась до нашего времени.

На краю плато находятся руины башни, построенной из плит ракушечника больших размеров. Она имеет форму усеченной четырехгранной пирамиды с сильно разрушенными боковыми сторонами[6]. Основание башни квадратное. Сторона квадрата равна 11,5 м (рис. 75, *3*). Наружные поверхности стен, сохранившиеся только в нижней части, имеют наклон к основанию, равный 80°. По данным М. А. Орлова[7], ее высота в 1946 г. была равна более 7 м. В настоящее время ее высота — 6,5 м. Верх башни был построен из жженых кирпичей размером 28×28×4—5 см, которые встречены в большом количестве в завале вокруг основания. В середине башни имеется прямоугольная камера размером 4,7×4,55—4,60 м.

Шурф, заложенный в одном из углов камеры, не достиг ее пола. На всю сохранившуюся высоту она заполнена культурным слоем, состоящим из большого количества золы, угольков, прутьев, не полностью сгоревшего камыша. В нем содержится много костей животных, фрагментов ткани, кожи, войлока, куски дерева со следами срезов, кусочки бересты.

Керамический материал из камеры представлен фрагментами водоносных кувшинов, стенки дигирей, имеющих горизонтальные каннелюры снаружи и изнутри, которые могут быть датированы IX—XI вв. [41, с. 280, рис. 4].

Поливная керамика известна по донным частям чаш с дисковидным поддоном, расписанных по белой подгрунтовке зелеными точками, гравировкой, светло-желтой или коричневой краской. Такая керамика может быть датирована XII — началом XIII в. [41, с. 316, рис. 27]. В верхних слоях найдена керамика XIII—XIV вв.

Башня функционально связана с населенным пунктом на месте городища Караумбет и должна датироваться временем его возникновения. Ближайшая одновременная башня на севере находится на мысу Урга и в ясную погоду хорошо просматривается.

Южнее городища находится могильник, состоящий из 18—20 захоронений, 14 из которых вскрыто.

Погребение № 1 имеет каменную обкладку на поверхности в виде плохо сохранившегося кольца диаметром 1,8—2,5 м. В могильной

---

[6] На «чертеже, тушованном разными красками», составленном в начале XVIII в., башня нанесена на карту в виде прямоугольника, имеющего пирамидальное венчание [99, с. 94].

[7] На таблице сигнальных башен, составленной М. А. Орловым, башня у городища Караумбет названа ошибочно Киязол.

яме шириной и глубиной 1,1 м, длиной 2 м обнаружен скелет подростка. Он лежит на спине в правильном анатомическом порядке черепом на запад. Лицевой частью он повернут на юго-запад. В песчаном заполнении могильной ямы на глубине 0,10—0,15 м от ее верхнего края встречены жженые кирпичи размером 27—29×27—29×4—5 см, лежащие горизонтально.

Погребение № 2 расположено в 1,5 км к югу от вышеописанного. По поверхности выложено кольцо из плит песчаника диаметром 2,2—2,6 м. В могильной яме длиной 1,8 м и шириной 0,6 м, ориентированной с востока на запад, на глубине 1,3 м обнаружен скелет женщины, лежащей на спине. На глубине 1 м от края могильной ямы обнаружены следы истлевшего камыша, использованного для перекрытия, под которым находились жерди. Жерди и камыш положены вдоль ямы.

Погребение № 3 определяется на поверхности каменной насыпью диаметром 2,4—2,6 м. В могильной яме глубиной 0,8 м выявлен скелет ребенка, лежащего на спине, ориентированный черепом на запад.

Погребение № 4 сохранилось частично. Каменное кольцо диаметром 4 м и шириной 0,4 м прослежено по окружности на 2,5 м. Высота обкладок не превышает 0,25 м. Могильной ямы не обнаружено. От скелета сохранился череп без нижней челюсти, принадлежащий взрослому мужчине.

Погребение № 5 (рис. 76, *4*) расположено к югу от погребения № 4. По поверхности окружено тщательно выложенным из плит песчаника кольцом шириной 0,8—1,0 м и диаметром 3,9 м. В центре каменного кольца находится, ориентированное с востока на запад, надмогильное сооружение прямоугольной формы размером 3,0×1,5 м, выложенное из жженых кирпичей размером 27—29×27—29×4—5 см. Перекрытие провалилось к середине. На высоте 0,9 м от дна ямы погребение перекрыто двумя рядами кирпичей, лежащих друг на друге. Под этими кирпичами прослежен слой истлевшего камыша. Погребенный мужчина ориентирован головой на запад. Он лежит в могильной яме глубиной 1,2 м на спине в вытянутом положении.

Погребение № 6. На поверхности до раскопок сохранилась каменная насыпь диаметром 2,2—2,3 м и высотой 0,20—0,25 м. Могильная яма, ориентированная в широтном направлении, имеет глубину 0,80—0,85 м. Захоронение совершено на правом боку, черепом на северо-запад, лицевая часть которого повернута на юго-запад. Ноги при захоронении были слегка согнуты.

Погребение № 7. На поверхности возведена насыпь из небольших камней высотой 0,20—0,25 м и диаметром 2—2,5 м. Края могильной ямы выложены горизонтально положенными плитами из песчаника в 5 рядов. В нижней части яма обложена вертикально стоящими жженными кирпичами размером 28—29×28—29×5—6 см. Кирпич такого же стандарта

был использован в перекрытии, которое провалилось внутрь ямы размером 1,8×0,5 м. Скелет женщины 40—45 лет лежит на спине черепом на запад, лицевая часть повернута на юго-запад.

Погребение № 8 определяется насыпью из небольших камней высотой 0,25—0,30 м, вытянутой с востока на запад на 2,8 м. Погребальная яма размером 1,5×0,6 м обнаружена в южной части этой насыпи. Ее глубина — 1,6 м. Скелет отсутствует.

Погребение № 9 расположено в центре наземного кольца диаметром 4 м, сложенного из камней. Яма ориентирована на запад с небольшим отклонением на север и имеет длину 1,9 м, ширину 0,7 м и глубину 1,4 м. Все кости были смещены и собраны в западной части ямы.

Погребение № 10 имеет наземное кольцо, сложенное из плит песчаника разных размеров, которое возвышается на 0,10—0,20 м. Погребальная камера шириной 0,75 м ориентирована в широтном направлении. Костяк мужчины 30—35 лет лежит на правом боку в вытянутом положении черепом на запад. На костях встречены истлевшие остатки камыша, которым, вероятно, был покрыт погребенный.

Погребение № 11 (рис. 78, *3*) наземной насыпью диаметром 2 м и высотой 0,10—0,15 м не отличается по внешнему виду от других погребений. Захоронение произведено в подбое шириной 0,5 м и высотой около 1 м, который сделан в южной стене могильной ямы. Костяк лежит в вытянутом положении черепом на запад и обложен каменными плитами 30×60, 50×40, 40×25 см.

Погребение № 12 (рис. 78, *1*) на поверхности определяется насыпью из небольших плит высотой 0,10—0,15 м и диаметром 2—3 м. Длина ямы равна 2,2 м, ширина — 0,6 м. На глубине 0,9 м выявлено перекрытие из жженого кирпича размером 28—29×28—29×5—6 см. Края ямы по низу обложены вертикально стоящими кирпичами таких же размеров. Перекрытие провалилось. Мужчина 30—35 лет погребен в вытянутом положении на правом боку головой на запад, лицом на юг. Левая рука положена на грудную клетку. Правая вытянута вдоль туловища. Под голову положена половинка жженого кирпича. Общая глубина ямы равна 1,35 м. Вероятно, над кирпичным перекрытием имелось еще одно перекрытие из прутьев.

Погребение № 13 (рис. 78, *4*) по поверхности имеет насыпь высотой 0,20—0,25 м из камней различных размеров. Диаметр насыпи — 3—3,2 м. Она вытянута в направлении могильной ямы, глубина которой равна 1,2 м, длина — 1,6 м, ширина — 0,8 м. Подросток 12—14 лет захоронен головой на запад, на правом боку, в вытянутом положении.

Погребение № 14 (рис. 78, *2*) по поверхности обложено горизонтально положенными плитами, которые охватывают кругом пространство диаметром около 2 м. Высота насыпи равна около 0,15—0,20 м.

Длина ямы — 1,6 м, ширина — 1 м. На глубине 0,5—0,6 м обнаружены каменные плиты размером 1,2×0,55; 0,8×0,4; 0,5×0,2; 0,3×0,2 м, которые использованы в качестве перекрытия. Скелет лежал в вытя-

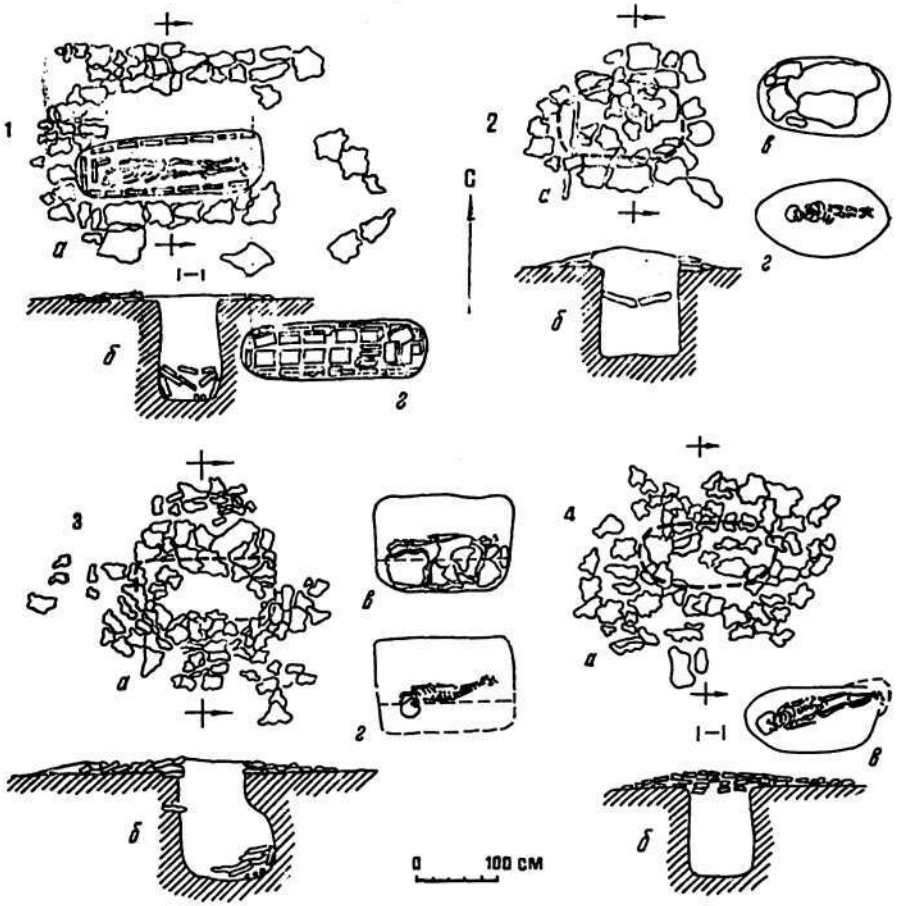

Рис. 78. Могильник Караумбет:

1 — погребение 12; 2 — погребение 14; 3 — погребение 11; 4 — погребение 13; *а* — план насыпи; *б* — разрезы; *в* — план могильной ямы после расчистки; *г* — план перекрытия могильной ямы.

нутом положении на спине и ориентирован черепом на запад.

В 200 м к югу от башни расположена группа погребений Караумбет-2, где отпрепарировано два погребения.

Погребение № 1. На поверхности прослежено кольцо диаметром 2,2—2,8 м из небольших плит кальцита. В центре его находится погребальная яма, вытянутая с востока на запад. Ее длина — 2,1 м, ширина — 0,5 м. Она выбита в материке. Скелет мужчины 25—30 лет лежит на спине в вытянутом положении, черепом на запад. Лицевой частью череп обращен на юг.

Погребение № 2 расположено к югу от вышеописанного. На поверхности оно имеет четко выраженное кольцо из небольших плит кальцита. Размеры кольца в поперечниках равны 4 и 5,2 м. Погребальная яма длиной 1,8 м, шириной 0,42 м, глубиной 0,6 и обложена по краю небольшими плитами. Скелет мужчины 36—40 лет в вытянутом положении на спине, ориентирован черепом на запад.

В засыпке ямы встречен фрагмент водоносного кувшина с прочерченным орнаментом, который по аналогиям можно отнести к IX—X вв.

Произведенные раскопки показали, что конструкции погребальных ям неодинаковы. Наряду с грунтовыми встречаются ямы, обложенные в нижней части жженым кирпичами. В перекрытиях ям использованы камыш, жерди, жженый кирпич и плиты ракушечника.

Захоронение с подбоем, наличие половинки кирпича под головой погребенного находит аналогии в нижнем ярусе мусульманского кладбища в северной части Афрасиаба, где они датируются исследователями самым началом X в. [35, с. 106, рис. 1].

Использование в погребениях № 1, 5, 7, 12 жженого кирпича вышеуказанных размеров, характерных для нижнего пола помещений на городище, и приведенные аналоги позволяют датировать могильник X в.

В погребальном обряде имеются черты, присущие среднеазиатскому мусульманскому ритуалу (поворот головы в сторону Кыблы, отсутствие инвентаря). В то же время мы должны констатировать некоторые особенности в погребальном обряде. Сюда следует отнести наличие каменных насыпей, обкладок из камней в виде кольца, большую глубину могильных ям, ориентацию погребенных на запад. Вероятно, в синкретическом погребальном обряде данного могильника слились воедино черты, еще связанные с домусульманским кочевническим ритуалом, с воздействием мусульманского.

Наличие каменного кольца на поверхности не удается связать с морфологическими и расовыми признаками погребенных. В материалах представлены европеоидные и смешанные европеоидно-монголоидные комплексы.

Сочетание в одном могильнике представителей различных расовых типов свидетельствует о глубоком взаимовлиянии различных этнических групп на границе Хорезма с кочевой степью.

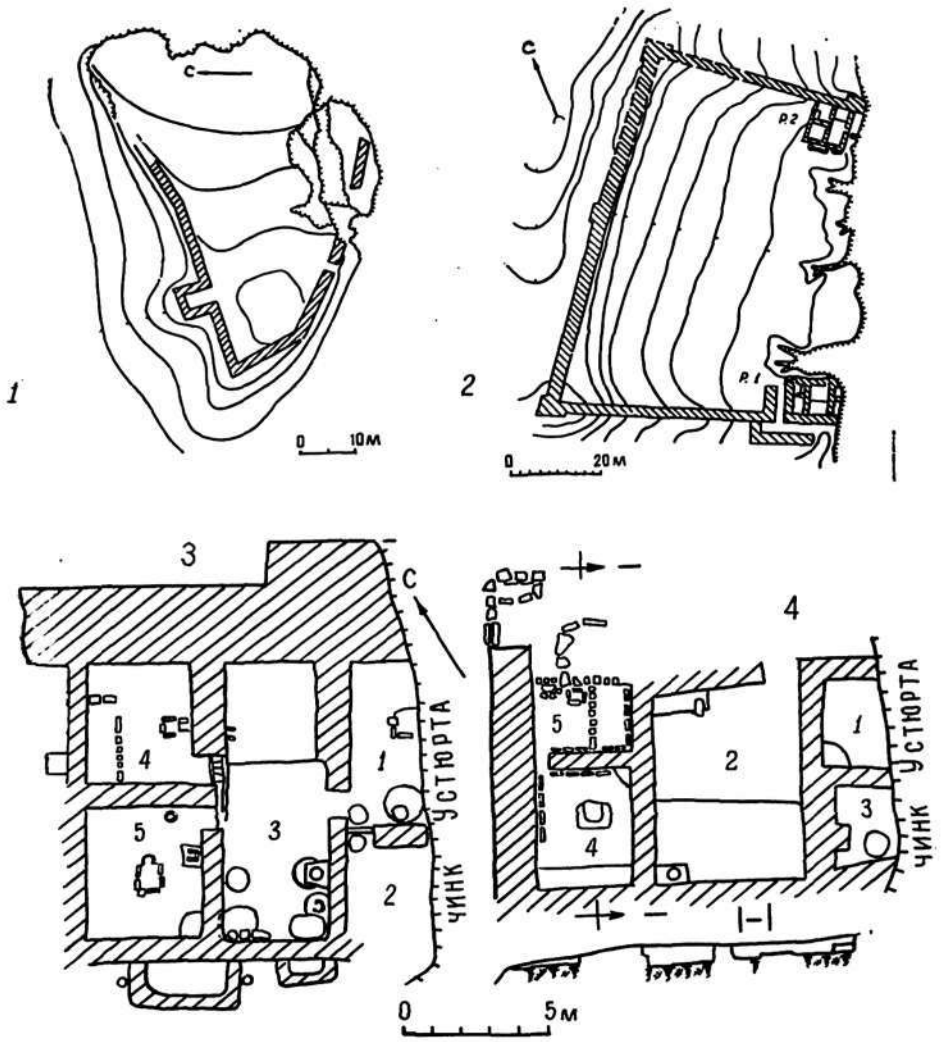

Рис. 79. Археологический комплекс Кияжол:

1 — городище Кияжол-1, план; 2 — городище Кияжол-2, план; 3 — городище Кияжол, раскоп 2, план; 4 — городище Кияжол-2, раскоп 1, план.

Археологический комплекс Кияжол состоит из двух городищ (Кияжол № 1 и 2) и башни. Он расположен в 10 км северо-восточнее городища Караумбет.

Городище Кияжол-2 расположено на склоне оползня, отделенного глубоким оврагом от плато Устюрт. Памятник ориентирован углами по странам света и имеет форму трапеции (рис. 79, 2).

Стены построены из плит ракушечника и сохранились в отдельных местах на высоту до 0,5—0,7 м. Ширина стен равна 2,6—3,2 м. Северо-западная стена длиной 91 м возведена по верху оползневой гряды, идущей параллельно чинку Устюрта. Стены, идущие с гребня, прослеживаются, в основном, в виде полосы камней.

Западный угол городища укреплен башней, прямоугольной в плане формы, стороны которой равны 4—4,5 м. Она выступает из плоскости стен на 1,8 м. В средней части северо-западной стены, в 41,6 м от западного угла, имеется контрфорс длиной 4,4 м, выступающий за плоскость стены на 1,2 м. Аналогичный контрфорс, сохранившийся в длину на 3,5 м, выступает из плоскости северо-восточной стены на 1,5 м. Расстояние от него до угловой башни на северном углу составляет около 42,6 м.

Таким образом, расстояние между контрфорсами на северо-западной стене до западного угла и на северо-восточной стене до северного угла близки между собой. Исходя из этого, можно считать, что контрфорс в восточном углу городища должен находиться на середине стены. В результате мы приходим к выводу, что северо-восточная стена сохранилась лишь наполовину.

Прямоугольной формы башни на углах и контрфорсы в середине стен известны в Хорезме на многих памятниках. Аналогии им приведены при описании архитектурных особенностей городища Караумбет.

В южной части находится предвратное сооружение Г-образной формы, выступающее за плоскость юго-западной стены на 5,4 м. Его стены толщиной 2,6—2,8 м приставлены к основной стене без перевязки. Кладка стен предвратного сооружения отличается от кладки крепостных стен.

Зачистки вдоль стен, произведенные для уточнения плана, показали, что наружные стены памятника построены из плит ракушечника и песчаника, но снаружи и изнутри обмазаны толстым слоем глины. Ширина входа на городище равна 2,55 м. Он огражден с обеих сторон стенами шириной 1,4 м и 2,2 м, которые прослежены соответственно в длину на 11,20 и 10,35 м.

В Хорезме въезды в крепости, которые имеют прямоугольную форму или близкую к ней, в большинстве случаев находятся в середине стены. Анализируемый памятник, вероятно, не составлял исключения. Поэтому мы считаем, что юго-западная стена сохранилась лишь на-

половину своей длины. Таким образом, сохранившаяся часть городища составляет половину его первоначальной площади.

Разница высот от края обрыва до гребня, где проходит северо-западная стена, составляет 14 м. Видимо, вся площадь до подошвы гребня была застроена. Для выяснения времени возведения крепости и периодов ее функционирования заложены два раскопа на наиболее сохранившихся участках.

Раскоп № 1 площадью 168 кв. м заложен в южной части городища, где вскрыто пять помещений (рис. 79, *4*).

Помещение № 1 длиной 3,35 м сохранилось в ширину на 1,85—2,35 м. Юго-восточная часть его смыта. Пол ровный, в западном углу имеется яма в виде четверти круга.

Помещение № 2 размером 5,10—5,20×6,90—7,25 м отделено от помещения № 1 стеной шириной 0,8—0,9 м и, видимо, служило двором. Вход шириной 1,15 м находится в северо-восточном углу.

В северном углу двора расположена суфа длиной 1,96 м, шириной 0,76—0,80 м и высотой 0,14 м от пола.

На восточном конце суфы имеется очажная яма длиной 0,7 м и шириной 0,2 м. Зола и прокаленность в очаге отсутствуют. В 1,2 м от северного угла, у западной стены имеется очаг П-образной в плане формы размером 0,3×0,3 м, сложенный из вертикально поставленных плит толщиной 3—5 см. Очаг использовался в течение длительного времени. Аналогичной формы очаги известны в доме X—XI в. в Наринджане [206, с. 156, рис. 93]. Южная часть этого двора размером 5,1—5,2×2,8—3,1 м представляет собой приподнятую на 0,32 м над уровнем пола суфу. В западном углу, в небольшой прямоугольной выкладке находится тандыр диаметром 0,4 м, стенки которого изнутри прокалены докрасна.

Пол и стены обмазаны. В культурном слое, сильно пропитанном солями, содержится много истлевшего камыша, костей животных и керамики.

Помещение № 3 размером 2,9×1,8—2 м сохранилось частично, юго-восточная часть обрушилась. Пол покрыт плитами.

Помещение № 4 размером 4,2×3,3 м отделено стеной толщиной 0,7 м от помещения № 2. Вдоль юго-западной стены построена суфа шириной 1 м, возвышающаяся над полом на 0,25 м. В средней части помещения находится очаг размером 0,95×1,00 м. Для очага использована плита ракушечника, приподнятая над полом на 0,15—0,20 м. Края ее обмазаны глиной с саманом. Обмазка образует небольшой валик полуовальной в сечении формы. Зола и следы закопченности на плите отсутствуют. В восточном углу находится небольшая яма, использованная для слива воды. Вдоль стен помещения, за исключением юго-

западной, поставлены вертикальные необработанные плиты. Пол помещения ровный, покрытый тонким слоем золы.

Помещение № 5 размером 3,3×2,4 м связано проходом шириной 0,4—0,5 м с помещением № 4. Юго-восточная часть помещения занята суфой шириной 1,45 м, боковая сторона которой обложена горизонтально лежащими плитами. Около северо-восточной стены находится очаг П-образной в плане формы, сделанный из вертикально поставленных плит. Очаг и предочажная ямка заполнены золой. В заполнении суфы обнаружены светильник с длинным носиком, фрагменты талькового котла, венчики лепных сосудов и поливная керамика.

Проход в помещение шириной 0,85 м находится в северном углу. Пол в проходе выложен плитами ракушечника и сырцовым кирпичом размером 21—22×21—22×? см. Проход в помещение сделан в виде коридора длиной 1,6—2 м.

В северном углу раскопа имеется суфа размером 1,7×0,5 м. К юго-западу от нее находится ниша размером 1,2×1,5 м. Северная часть раскопа сильно смыта.

Вдоль юго-западной стены городища заложена траншея длиной 7,5 м и шириной 2 м, которая показала отсутствие помещений в этой части.

Раскоп № 2 площадью 138 кв. м заложен в восточном углу сохранившейся части городища и примыкает к его северо-восточной стене (рис. 79, *3*).

Помещение № 1 вытянуто с северо-востока на юго-запад. Его юго-восточная половина обрушилась. В центре помещения в полу находится очаг прямоугольной формы с предочажной ямой размером 0,86×0,76 м. С одной стороны очаг обложен вертикально стоящими плитками. У северо-западной стены имеется очаг П-образной в плане формы размером 0,5×0,5 м, построенный из вертикально стоящих плиток ракушечника. В южной части помещения выявлено несколько хозяйственных ям.

Помещение № 2 отделено от помещения № 1 стеной с заложенным проходом шириной 0,9 м. Ширина сохранившейся части помещения — 2,8 м. В грунтовых ямах найдено значительное количество керамического материала. Юго-восточная часть помещения разрушена.

Помещение № 3 — двор размером 9,7×3,55 м. Северо-восточная часть двора занята суфой размером 3,00×3,45 м. Ее фасадная часть, возвышающаяся над полом двора на 0,45 м, выложена жженными кирпичами размером 24—25×24—25×5 см. Поверхность суфы и ее боковая сторона, обращенная во двор, обмазаны глиной. У северо-западной стены на суфе имеется очажок П-образной формы. В южном и западном углу двора в материке выбиты ямы глубиной 0,55—0,65 м.

Они заполнены золой, глинистыми отложениями и кусками ракушечника.

В 1,4 м юго-западнее прохода в помещение № 1, у юго-восточной стены расположен выступ трапециевидной в плане формы с тандыром диаметром 0,52 м. Тандыр находится внутри выкладки, возвышающейся над полом на 0,4 м. Стенки толщиной 2—2,5 см направлены вертикально. В западном углу обкладки тандыра, на уровне пола имеется отверстие для доступа воздуха. Тандыры известны на многих средневековых памятниках. Они встречены на Якке-Парсане [159, с. 12], в Беркут-калинском оазисе [160, с. 75], Ток-кале [73, с. 45], на сельских поселениях в районе городища Замахшар, на караван-сарае Талайханата [60, с. 454, рис. 11, *2*], на Карабулаке [36, с. 41, рис. 24, *5—6*], на Афрасиабе [231, с. 105—151, рис. 8], на Красноречинском городище в Киргизии [101, с. 56], на городищах Чугондор [9, с. 44—45] и Мисриан [10, с. 100] в Туркмении.

На уровне пола имеются остатки более раннего тандыра диаметром 0,85 м, перекрытого частично описанным тандыром.

Рядом с ямой в южном углу двора сохранилась нижняя часть керамического очага подковообразной в плане формы диаметром около 0,35 м, сохранившегося на высоту до 3 см. На внутренней стороне нанесены прочерченные линии.

Пол двора ровный, со следами обмазок. Заполнение состоит из слоистых мягких напластований с большим содержанием золы и камыша. Обращает на себя внимание различная толщина стен. Между помещениями № 1 и № 3 стена имеет ширину 1,2 м, между помещениями № 2 и № 3 — 0,65—0,70 м. Часть стены между помещениями № 1 и №3 около суфы срублена.

Помещение № 4 размером 4,15×3,60 м связано проходом шириной 0,8 м с двором. У северо-западной стены построена суфа длиной 3 м и шириной 1,25 м. Края ее обложены плитами. У юго-восточной стены находится очаг П-образной в плане формы с небольшой предочажной ямой глубиной 0,12 м.

В дверном проеме в полу видны остатки дерева. Стены сохранились на высоту не более 0,63 м. Их ширина различна: северо-западная — 1,05 м, юго-восточная — 1,1 м, юго-западная — 0,7 м. Заполнение помещения состоит из рыхлых напластований, в котором много истлевшего камыша. Керамический материал представлен фрагментами сероглиняного горшка и дигиря кремового цвета.

Помещение № 5 размером 3,95×4,60 м связано проходом шириной 0,7 м с двором. На последнем этапе жизни он был заложен камнями на глиняном растворе. Центральную часть помещения занимает очаг подковообразной формы с прямоугольной предочажной ямой размером

0,90×0,85 м и глубиной от уровня пола 0,19 м. Она обложена с трех сторон обработанными плитками ракушечника. Керамический очаг изготовлен из грубо приготовленной глины с большим содержанием отощителей. У юго-восточной стены, на небольшом возвышении пристроен очаг П-образной формы из вертикально поставленных плит.

За юго-западной стеной пом. № 3 и № 5 имеются две П-образной формы пристройки размером 3,3×1,65 м и 2×1 м. За внешними стенами большей пристройки на расстоянии 0,55 м от стены помещений в материке вырублены две ямки диаметром 0,20—0,22 м для стоек. Вероятно, П-образные пристройки служили кормушками, над которыми было сделано приспособление для привязывания животных.

Шурф, заложенный за северо-западной стеной помещения № 4, показал отсутствие культурного слоя.

В результате раскопок выяснено, что исследованиями вскрыты наиболее сохранившиеся части городища. Не охваченная раскопками территория, безусловно, намного превышает площадь раскопов, но едва ли заслуживает внимания, так как культурный слой сильно разрушен или полностью отсутствует.

Обратимся к рассмотрению керамического материала.

Горшки [рис. 80, *1—4*] представлены лепными и гончарными экземплярами. Гончарные сосуды имеют широкую горловину (диаметр 22 см), оформленную полочковидным венчиком, на котором имеются прямоугольные вырезы в 2 или 4 местах. Верхний край венчика украшен прочерченным зигзагообразным орнаментом (рис. 80, *3*). Они лепились на песчаной подсыпке, дно немного выпуклое. На стенках остались многочисленные вмятины от пальцев. В изломе черепок тонкий (толщина 3—4 мм). Наружная поверхность покрыта темно-серым ангобом. В середине изломов проходит красноватая полоса. Вдоль поверхностей черепок имеет серый цвет. Видимо, изготовление керамики, приобретающей при обжиге серый цвет, не было еще освоено в совершенстве.

Вторая разновидность шаровидных гончарных горшков (рис. 80, *4*) представлена венчиком с невысокой закраиной. Диаметр горловины — 22 см. В тесто добавлена мелкая дресва. Поверхность покрыта черным ангобом. Плечики украшены двумя рядами крестовидных вдавлений. В самой широкой части проходит полоса сомкнутых арочек, к которой опускаются по 3—4 вдавленные полосы. Между ними нанесены вдавления в виде крестиков.

Горшок (рис. 80, *2*), имевший диаметр горловины 24 см, изготовлен на гончарном круге. В глиняном тесте видны примеси дресвы. Снаружи сосуд покрыт темно-серым ангобом, цвет черепка в изломе светло-серый. Под полочковидным венчиком проходит прочерченная полоса, нанесенная штампом. На плечиках и тулове нанесен орнамент в виде крутых сомкнутых арочек и полосы волнистого орнамента. По-

добная орнаментация характерна для керамики Хорезма IX—XI вв. [207, с. 279, рис. 91, *6*; 73, с. 130, рис. 35, *11—12*; 134, с. 69].

Аналогичные сосуды по тесту и орнаментации происходят из Кават-калы, где они найдены ниже напластований культурных слоев хорезмшахского времени[8].

Небольшой фрагмент стенки кувшина, принявшего при обжиге бурый цвет, украшен прочерченными волнистыми и прямыми полосами. Глиняное тесто содержит крупные примеси отощителя. Цвет черепка в изломе и орнаментации позволяют отнести его к керамике, бытовавшей в X—XI вв. [41, с. 276].

Кувшины известны также по фрагментам круглых в сечении ручек, высоко поднятых над венчиком манжетообразной в сечении формы. На отдельных фрагментах имеются налепные полосы в виде арочек с пальцевыми вдавлениями. В глиняном тесте видны примеси дресвы. Наружная поверхность покрыта темно-серым ангобом. Такие ручки характерны для XII — начала XIII в. и встречаются на многих памятниках Хорезма [179, с. 413; 41, с. 304, рис. 21].

Особо следует отметить верхнюю часть горловины кувшина (рис. 80, *9*), поверхность которого покрыта черным ангобом с полосчатым лощением. На цилиндрической части нанесены вертикальные полосы. На нижней части, где имеется переход к более узкому горлу, проходит полоса вдавлений. Внутри нижней части горловины по бокам основного отверстия сделано пять небольших отверстий. Черепок в изломе имеет светло-серый цвет. Примеси в глиняном тесте не видны.

Широко представлены в материалах дигири, известные нам по многочисленным фрагментам. Вдоль венчика иногда проходит полоса волнистого орнамента. Дигири снабжены широкими округлыми ручками. При обжиге сосуды получили ровный светло-желтый цвет или с незначительным красноватым оттенком. В Хорезме они известны с городища Куня-Уаз и Замахшар и отнесены к IX в. [41, с. 280; 11, с. 78].

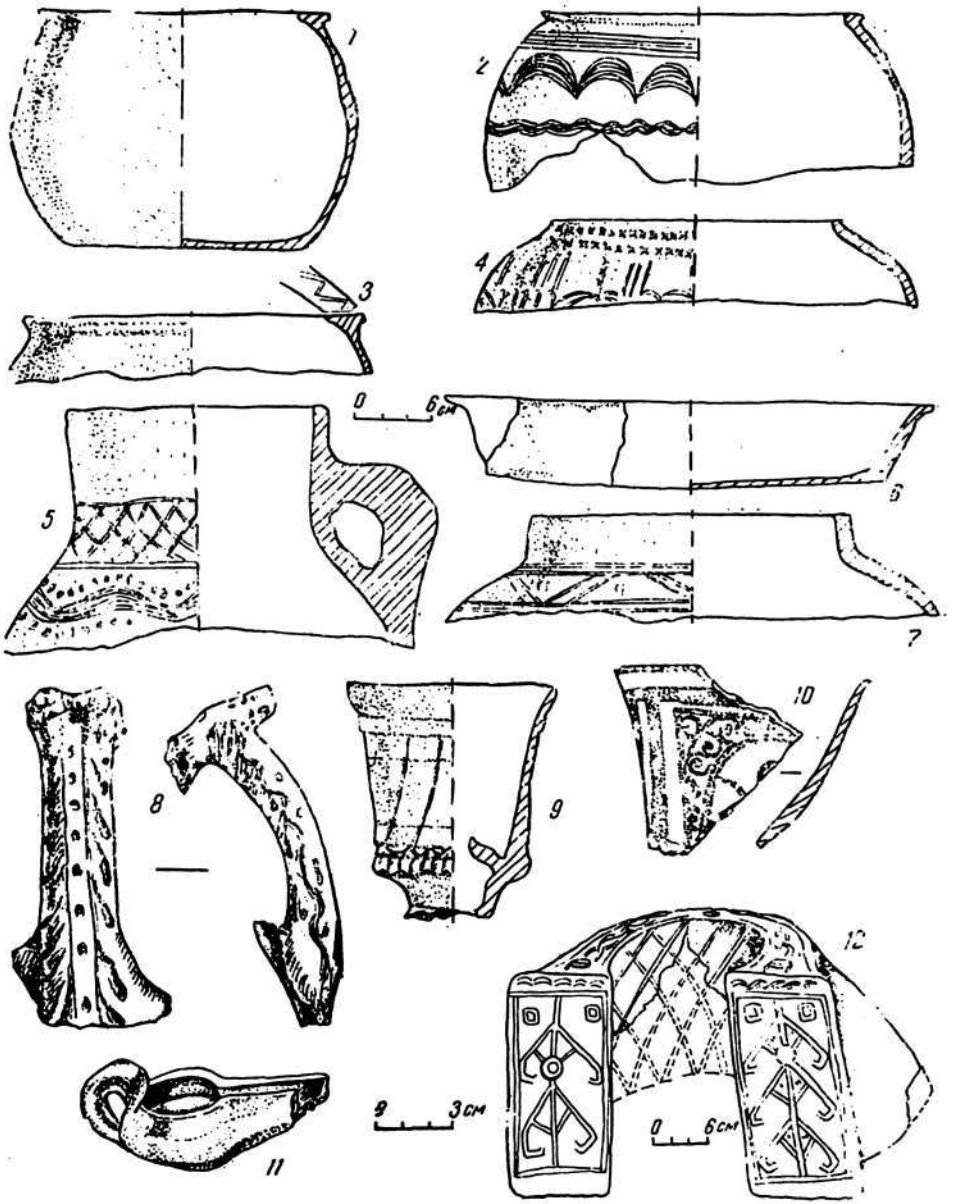
Чигирные горшки, вероятно, использовались по прямому назначению.

Светильник (рис. 80, *11*) с длинным носиком и небольшой ручкой на резервуаре покрыт светло-зеленой поливой. Аналогичные светильники известны со многих городищ [36, с. 78, рис. 54, *1*; 170, с. 413, 415].

Поливная посуда представлена мелкими фрагментами стенок и днищ. Последние имеют дисковидную форму. Черепок в изломе розовый, без примесей, хорошо обожженный. Свинцовая глазурь нанесена по белой подгрунтовке. На наружной поверхности чаш подгрун-

---

[8] Материалы раскопок 1974 г. хранятся в Государственном музее искусств Каракалпакской АССР.

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
0 6см
0 3см
0 6см

товка имеется по внешнему краю, который украшен иногда косыми штрихами коричневого цвета. Среди найденных экземпляров следует отметить:

1. Фрагмент чаши, украшенной по краю точками светло-коричневого цвета. Вдоль двух гравированных линий нанесена подглазурная роспись в виде зеленых расплывчатых точек, которые также входят в композиции из гравированных линий на стенках. Аналогичные чаши встречаются в материалах Хорезма и других районов Средней Азии в X—XII вв. [41, с. 316, рис. 27; 179, с. 412, рис. 13, *1*].

2. Фрагменты чаши, украшенной черной краской. Она нанесена в виде двух горизонтальных полос по краю, от которых отходят к центру двойные линии. Между ними вписаны композиции из двух окружностей и завитков. Там, где краска наносилась истощенной кистью, цвет получался коричневый (рис. 80, *10*).

3. Фрагменты чаши, покрытой охристой красной глазурью. В орнаментации использованы полосы, нанесенные черной краской. По черному фону полос нанесены белые тонкие линии, а по красному — белые точки.

4. Фрагмент чаши, покрытый зеленой глазурью в сочетании с гравированным подглазурным рисунком. Подобные чаши известны со многих городищ Хорезма [60, с. 412, рис. 13, *1*] и других областей [36, с. 75, рис. 45, *4*], где они датируются XII в.

5. Небольшой фрагмент сосуда из кашина, покрытого с двух сторон сине-зеленой глазурью. Изделия из кашина начинают появляться на территории Туркмении в конце XI — начале XII в. [11, с. 88] Э. В. Сайко считает, что изделия из кашина в Средней Азии начинают распространяться с XII в. [192, с. 173—174].

Видимо, концом XI — началом XIII вв. следует датировать весь комплекс гончарной посуды.

Вместе с ней найдено большое количество фрагментов лепной посуды. К сожалению, мелкие фрагменты не позволяют восстановить ее формы. Она выполнена из плохо приготовленной глиняной массы с большим содержанием дресвы. Наружная поверхность и изломы сосудов по цвету неоднородны. Наряду с фрагментами, имеющими в изломе ровный красноватый цвет, встречаются сосуды с темной полосой в середине черепка. На отдельных фрагментах видно, что сосуды лепились наращиванием глиняных полос по высоте.

Преобладают горшкообразные сосуды с вертикальным или немного отогнутым наружу венчиком.

Короткая шейка между двух прочерченных параллельных полос украшена пересекающимися под углом прочерченными линиями. Пле-

---

Рис. 80. Керамика городища Киняжол-2.

чики сосуда покрыты двумя линиями вдавлений, нанесенных тупым концом палочки, между которыми проходит полоса ломаных линий. Ручка имеет в верхней части небольшой выступ (рис. 80, *5*).

У других экземпляров в верхней части ручек имеются небольшие округлой формы площадочки, украшенные прочерченным орнаментом. На ручке (рис. 80, *8*) имеется выступ треугольной формы, на боковые стороны которого нанесены насечки. С трех сторон ручка украшена волнистым орнаментом, наколами и косыми насечками.

В коллекции представлен сосуд с вертикально направленным венчиком и шаровидным туловом. Плечики его (рис. 80, *7*) украшены двумя двойными прочерченными линиями, между которыми под углом прочерчены двойные линии. В образовавшихся треугольниках имеются по два вдавления, нанесенных острым концом палочки.

Отметим небольшой фрагмент сковороды диаметром 19 см с полочковидным венчиком, по которому проходит зигзагообразная прочерченная линия (рис. 80, *6*).

На небольшом фрагменте крышки конусовидной формы прочерчены линии. Аналогичная крышка имеется в материалах городища Аджибай.

Лепная керамика тождественна лепной посуде с городищ низовий Сырдарьи, где она датируется XII — началом XIII в.

Сосуды из талькохлорита представлены единичными фрагментами днищ, носящих следы ремонта.

К керамическим изделиям относятся очаги подковообразной в плане формы, предназначавшиеся для установки их в полу (рис. 80, *2*). Диаметр верхнего отверстия равен 22 см, диаметр нижнего основания — 45 см. Высота — 24 см. Лицевые стороны очага плоские. Ширина между ними по верху равна 16 см, по низу — 21 см.

Верхняя сторона очага украшена двумя взаимно пересекающимися волнистыми прочерченными линиями и тремя плоскими налепами круглой в плане формы. Внутренняя поверхность покрыта прочерченными взаимно пересекающимися линиями. На наружной поверхности орнамент отсутствует.

По периметру лицевых сторон прочерчены двойные линии, над которыми нанесены сомкнутые или несомкнутые арочки. На правой лицевой стороне они дополнены вдавлениями в виде точек. Внутрь прямоугольной рамки вписаны орнаментальные композиции, построенные на вертикальном повторе фигур. Они состоят из расположенных друг над другом прямоугольников, две стороны которых с загнутыми внутрь концами опущены вниз. Вертикальность композиции подчеркивается двойной прочерченной линией, проходящей через середину лицевых сторон. В верхних углах композиций вписаны двойные кружки. На вертикально прочерченных линиях, на углах прямоугольников име-

ется по одному круглому налепу. Орнаментация очага находит много общего как по технике исполнения, так и с орнаментами, применяемыми многими народами Средней Азии в ковроделии и резьбе по дереву [148, с. 131, рис. 65, табл. XLVI; табл. L, 15; 189, с. 48, рис. 18].

Аналогичные очаги, служившие для приготовления пищи, широко бытовали в Средней Азии. Они найдены на Афрасиабе [23, с. 153—154; 190, с. 96—97; 178, с. 206—234; 65, с. 53—54], на городищах Аджибай и Малая Айбугир-кала на Устюрте, в Кават-калинском оазисе [162, с. 56—57], в Таджикистане [193, с. 102—105], в Киргизии [101, с. 68—69, рис. 5—6; 85, с. 22, 165; 36, с. 40—41, рис. 24, *3—4*], в восточной части Узбекистана [67, с. 107].

По своим размерам изучаемый памятник представляет собой развалины крупного населенного пункта на северо-западной окраине Хорезма XI—XIII вв. Жизнь в городе прекратилась в начале XIII в. в связи с изменением гидрографической сети, происшедшим в результате татаро-монгольского нашествия [6, с. 174].

Незначительные перестройки, зафиксированные нами при раскопках, видимо, относятся к XIII—XIV вв. Однако слоя этого времени не отмечено.

Городище Киняжол-1 находится в 110 м севернее описанного городища на небольшой плоской террасе чинка Устюрта (рис. 79, *1*). Она круто обрывается с востока и юго-востока в сторону дельты Амударьи. С севера глубокий овраг отделяет ее от плато Устюрта.

Восточная часть городища не сохранилась. Северная стена вытянута с юго-запада на северо-восток и прослежена на 52 м. К ней под острым углом примыкает отрезок стены длиной 12 м, которая затем меняет свое направление на широтное.

Вход шириной 2 м находится в южной стене и обращен в сторону городища Киняжол-2. Небольшой отрезок южной стены сохранился на отделившейся глыбе, которая нависает над высохшим озером Судочье.

Максимальная ширина городища равна 41 м. На северной стене в 12,6 м от западного угла имеется изгиб в виде башни прямоугольной в плане формы. Он выступает из плоскости стен на 4,7 м. Его ширина по стене равна 6,2 м.

Башнеобразный изгиб стены аналогичной формы известен на городище XII—XIII вв. Ербурун-кала (рис. 72, *1*).

Стены шириной 1,9—2,1 м построены из плит песчаника разных размеров и сохранились в высоту до 0,6—0,8 м. Зачистки внутри городища не выявили наличия культурного слоя.

На памятнике собран незначительный подъемный керамический материал. В сборах, в основном, представлены стенки сосудов, принявших при обжиге серый цвет. Наружная поверхность их покрыта чер-

ным ангобом. Некоторые из них украшены волнистым орнаментом. Найден небольшой фрагмент стенки сосуда из талькохлорита. Аналогичная керамика и фрагменты талькохлоритовых сосудов широко представлены на памятниках Хорезма XII—XIII вв. [179, с. 414; 41, с. 302].

Этим временем следует датировать возведение крепости. Расположение на высокой террасе свидетельствует о строительстве ее в оборонительных целях. Вероятно, она служила временным убежищем для жителей населенного пункта на месте городища Кияжол-2 в случае возникновения военной опасности.

В 170 м северо-западнее городища Кияжол-1 на краю плато Устюрт находятся руины башни. В основании она имеет форму квадрата со стороной 6,15 м и ориентирована стенами точно по странам света (рис. 75, *9*).

В 1946 г., по данным М. А. Орлова, башня имела высоту около 5 м[9] [207, с. 251, рис. 87]. В настоящее время ее высота достигает 3,05 м. В кладке южной стены видны 27 рядов плит толщиной 0,15—0,20 м (рис. 81, *1*). Наружные поверхности башни имеют традиционный наклон к основанию, равный 84°. Середина башни заполнена плитами меньших размеров, которые чередуются с прослойками мелкого ракушечника. Камера в башне отсутствует. Башня функционально связана с населенными пунктами на месте городищ Кияжол и должна датироваться XI — началом XIII в.

Башня Судочье (рис. 75, *8*). В 5 км северо-восточнее башни Кияжол, на краю плато возвышается одна из наиболее сохранившихся башен. Она имеет форму четырехгранной усеченной пирамиды, основание которой равно 6,55×6,55 м. Высота ее — 4,4 м. Построена из мелких плит ракушечника. Поверхности стен имеют наклон к основанию, равный 85°. В верхней части башни прослеживается камера размером 3,75×3,75 м. Ширина стен камеры 1,05 м. Культурный слой не обнаружен.

Ближайшие башни у городищ Караумбет, Кияжол, а также башня у подъема Тайли хорошо видны. Датировку башни и ее назначение определить затруднительно.

Башня Тайли (рис. 75, *5*). В 3,5 км северо-восточнее описанной башни на расстоянии 150—200 м от обрыва плато находятся развалины башни. Высота ее в современном состоянии — 3,3 м. Она сильно разрушена. Наиболее сохранился северо-восточный угол, где после зачистки обнаружена кладка из плит ракушечника в 5 рядов. Размеры башни определить не удалось ввиду ее плохой сохранности. Не-

---

[9] На таблице сигнальных башен, хранящейся в архиве ХАЭЭ АН СССР, составленной по данным М. А. Орлова, эта башня названа Судочье. Размеры ее на плане искажены.

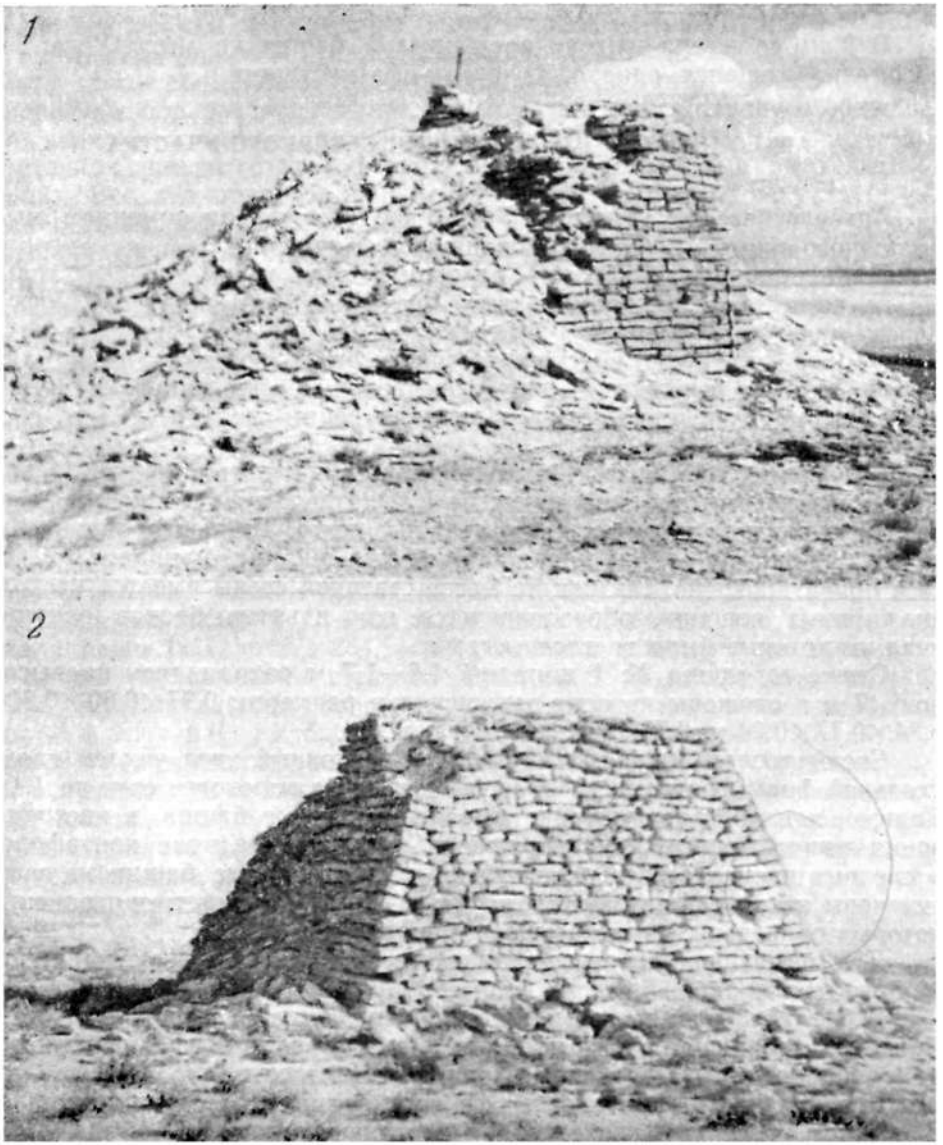

Рис. 81. Башни Устюрта:
1 — Кияжол; 2 — Курганча.

обходимо отметить, что башни Кияжол, Судочье и Тайли находятся почти на одной прямой.

В 9 км к северо-востоку расположена башня на мысу Урга, не просматривающаяся, однако, из-за рельефа местности.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ СЕВЕРНОГО УЧАСТКА

Археологический комплекс Урга находится на одноименном мысу Восточного чинка и состоит из городища и башни.

Городище расположено на пологом склоне мыса, который значительно выдается в сторону дельты Амударьи (рис. 68, *1*). С юга и востока оно повторяет форму обрыва, к которому примыкает, а с северо-запада отделено от остальной части мыса полукруглой в плане стеной, которая выглядит в настоящее время в виде сильно оплывшего вала. Городище вытянуто с запада на восток на 130—135 м, с севера на юг — на 100 м.

В юго-восточной части этого городища находится прямоугольник стен, названный нами городищем № 1. Оно вытянуто с востока на запад и ориентировано стенами по странам света. Длина городища № 1 по внутренним промерам равна 36,4 м. Его ширина, равная 23 м, дается ориентировочно, так как на месте северной стены имеется несколько крупных воронок, образовавшихся при изъятии блоков ракушечника, из которых были построены стены.

Стены городища № 1 шириной 1,6—1,7 м сохранились на высоту до 1,47 м и сложены из плит ракушечника размером 0,97×0,80×0,30 м, 0,94×0,77×0,24 м, 0,75×0,39×0,21 м и т. д.

Стены возведены на материке. Юго-восточный угол усилен прямоугольной формы башней, которая выступает из плоскости стен на 1,4 м. Видимо, и на остальных углах имелись подобные башни, в настоящее время уничтоженные. Местоположение входа и наличие контрфорсов в средних частях остается неизученным. Квадратные башни на углах отмечены на городищах Устюрта Кияжол-2 и Караумбет, при описании которых приведены соответствующие аналогии.

Для выяснения стратиграфии этого памятника заложены шурфы № 3 и 6.

Шурф № 3 размером 3×1 м заложен в середине восточной стены. Западной стороной шурфа является стена городища, где на одной из плит кладки открыта арабская надпись в две строки.

Верхняя часть грунта в шурфе перекопана в недалеком прошлом. В рыхлом, непотревоженном и сильно пропитанном солями культурном слое толщиной 0,8 м найдено много мелких фрагментов стенок сосудов серого в изломе цвета.

Фрагмент сосуда из кашина, покрытого голубой глазурью, позволяет датировать слой около стены XII—XIV вв.

Шурф № 6 размером 3×2 м заложен внутри городища № 1 у западной стены. Верхняя часть слоя перекопана. В нем встречены жженые кирпичи размером 28—28,5×28—28,5×4—4,5 см и 33—34×33—34×5—6 см, а также их обломки.

Под слоем современного перекопа прослежен рыхлый культурный слой, в котором встречена разновременная керамика. Непотревоженный культурный слой прослежен только в ямах. Общая глубина шурфа под стеной равна 1,28 м.

На западной стене, как показали раскопки, был произведен ремонт. Между плит ракушечника вставлены обломки жженых кирпичей. К западной стене примыкает под прямым углом стена из сырцового кирпича размером 24—26×24—26×4,5—5,5 см шириной в один кирпич. Она поставлена на жженые кирпичи размером 28×28×5 см и 32×32×6,5 см. Кладка стены произведена небрежно.

Стандарт кирпича со стороной 28×32 см встречен на городище IX—XI вв. Караумбет, на караван-сарае XI в. Талайханата [60, с. 444, 448], на караван-сарае X—XII вв. Ак-Яйла [60, с. 434]. Стандарт кирпича со стороной 24—26 см характерен для памятников хорезмшахского времени [179, с. 417; 42, с. 151].

Изучение городища № 1 и результаты исследования 1960 г. показали малопригодность территории памятника для исследований. Внутренняя планировка, видимо, претерпела существенные изменения во время интенсивного обживания в XII—XIII вв., когда более ранние слои были уничтожены.

Для изучения остальной части памятника заложены шурфы № 1, 2, 4. Шурфы № 1 и 4 заложены на внешней стене городища № 2, отгораживающей его от остальной части мыса.

Стена шириной 0,9 м построена, как показали работы в шурфе № 4, из сырцового кирпича размером 24—25×24—25×5—6 см. Она сохранилась в отдельных местах на высоту трех кирпичей. Под ней прослежен золистый слой толщиной 0,10—0,15 м, лежащий на комковатом глинистом слое, под которым находится материк. Шурфы № 1 и 2 своей цели, в основном, не достигли, так как вскрыли перекопанные слои. Непотревоженные слои вскрыты только в материковых ямах.

В 50 м северо-западнее шурфа произведены зачистки сохранившейся планировки дома (шурф № 5). На поверхности без раскопок видны остатки помещения размером 2,16×2,70 м. Стены построены из сырцового кирпича размером 24—25×24—25×5—6 см и сохранились на высоту 3—4 кирпичей. Культурный слой не сохранился. Один и тот же стандарт кирпича, встреченный в шурфах № 4—6, позволяет считать, что раскопками затронуты слои одного хронологического периода.

Немногочисленный керамический материал из шурфов позволяет уточнить время возникновения городищ. Фрагмент горловины кувшина (рис. 74, *15*) изготовлен из хорошо промешанного теста с незначительными примесями мелкотолченого отощителя. Орнамент в виде сомкнутых арочек нанесен гребенкой до обжига. Сосуд изготовлен на гончарном круге. Фрагмент горловины относится к широко распространенным в IX—X вв. кувшинам с узким длинным горлом и отходящей от нее пластинчатой ручкой с перегибом [41, с. 276—278, рис. 2, 4, 7]. К этому же типу кувшинов относится несколько фрагментов плечиков и горловин, украшенных прочерченным волнистым орнаментом. Поверхность покрыта красноватым и светло-желтым ангобом.

Следует отметить фрагмент сосуда, принявшего при обжиге ровный светло-кремовый цвет. Наружная поверхность его покрыта белым с зеленоватым оттенком ангобом и украшена зигзагообразной прочерченной полосой и рядом вдавлений. Нижняя часть сосуда подрезана ножом. Небольшие размеры фрагмента не позволяют реконструировать форму сосуда.

Круглые в сечении ручки, высоко поднимающиеся над горловиной кувшина, покрытого черным ангобом, характерны для хорезмшахского периода истории Хорезма (рис. 74, *11*). В это же время широко была распространена столовая посуда, приобретающая при обжиге серый цвет и покрытая черным ангобом. Толщина стенок равна 2—2,5 мм. Верхняя часть тулова целиком заложена (рис. 74, *14*).

Из других изделий, сделанных на гончарном круге, следует упомянуть чашу диаметром 0,3 м с полочковидным венчиком (рис. 74, *16*). При обжиге глиняное тесто приобрело кремовый цвет. Внутренняя поверхность покрыта красноватым ангобом. Подобные чаши были широко распространены как в Хорезме, так и в сопредельных областях [41, с. 308—310, рис. 36, 32].

Поливные изделия, найденные на городище и шурфах, характерны для длительного хронологического периода.

Фрагмент чаши без ярко выраженного дисковидного поддона, изготовлен из лессовидной глины. Изнутри она покрыта мутной зеленоватой непрозрачной глазурью.

Представлены в сборах и фрагменты чаш, украшенных коричнево-красной росписью по белому фону подгрунтовки, которая состоит из эпиграфического орнамента, точек по внутреннему краю и косых полосок по внешнему краю, не покрытых глазурью. Эта роспись характерна для X—XI вв. [41, с. 289, рис. 11, 13; 73, с. 135, рис. 35, *19*].

Среди поливной посуды встречаются фрагменты, украшенные гравировкой, нанесенной по подглазурной белой подгрунтовке. Иногда гравировка сочетается с росписью в виде точек и полос.

Фрагмент светильника с длинным граненым носиком и неболь-

шим резервуаром, покрытый зеленой поливой, следует отнести к XII — началу XIII в.

Лепные сосуды известны по многочисленным фрагментам. Глиняное тесто, из которого они изготовлены, со значительным добавлением шамота, плохо промешано. На наружной поверхности от неравномерной температуры образовались пятна, характерные для кострового обжига. Цвет черепка в изломе различный. Чаще всего видны две полосы. На стенках при изготовлении остались многочисленные вмятины от пальцев. Все эти признаки характерны для горшочка (рис. 74, *12*), найденного в шурфе № 4.

Ручки сосудов в сечении имеют форму прямоугольника. Верхний ее край чаще прикрепляется к горловине под прямым углом. По краям и в местах перегибов они украшены всякого рода вдавлениями.

На крышках традиционный орнамент, состоящий из прочерченных вихревых линий, между которыми нанесены вдавления.

По своим технологическим особенностям, орнаментации и формам лепная посуда идентична керамике с других городищ Устюрта (Караумбет, Кияжол-2, Аджибай) и относится к одному хронологическому периоду и одной культуре на северо-западной окраине Хорезма. В этой культуре тесно переплелись элементы материальной культуры, известной нам по памятникам всего Хорезма в целом, и черты, присущие только данному региону.

Проведенные исследования показали, что населенный пункт на мысу Урга возникает в IX—XI вв., а не в хорезмшахское время, как считали ранее [217, с. 27; 234, с. 96; 29, с. 9]. Обнаружение керамики IX—XI вв. за пределами стен городища № 1 позволяет считать, что вокруг первоначального сооружения вырастает небольшой городок, который в XII—XIII вв. был обнесен стеной. Не исключено, что жизнь на мысу Урга продолжалась и в золотоордынское время. Однако имеющийся материал не позволяет говорить об этом достаточно определенно.

У нас нет никаких оснований считать, что в хорезмшахское время здесь находилась пограничная крепость для обороны северо-западных рубежей Хорезма [29, с. 9]. Очень неудачное в военном отношении расположение населенного пункта на мысу позволяло противнику без усилий оставить его население без воды и взять штурмом.

В 420 м северо-западнее городища № 1 на плато находятся руины башни. Она имеет форму четырехгранной усеченной пирамиды с сильно разрушенными боковыми сторонами (рис. 75, *1*). В нижней части сохранились 3 ряда непотревоженных плит ракушечника. Угол наклона боковых сторон к основанию равен 74°. Основание башни квадратное, сторона которого равна 12 м. Высота в настоящее время 6 м[10]. В верхней части она, вероятно, была надстроена из жженых кирпичей

[10] Высота башни, по Ф. Базинеру, равна 28 футам или 8,5 м [248, с. 88].

размером 28—29×28—29×5—6 см и 33×31×5—6 см, которые найдены в завале вокруг башни и во внутрибашенном помещении.

Внутри башни имеется камера размером 3,6×3,6 м, которая начинается от материка на высоте около 2 м. Камера сохранилась на высоту около 4 м. Она заполнена культурным слоем. В ее северо-восточном углу заложен шурф размером 1,4×1 м глубиной 3 м для выяснения характера напластований культурного слоя.

Культурный слой в камере резко опускается от северной стороны башни к середине и производит впечатление насыпного. В нем встречаются кости животных, рыб, угольки, не полностью сгоревшие прутья, камыш и т. д. Видимо, наверху башни была сделана специальная площадка, на которой разводили дымящий костер. Для того, чтобы камыш, прутья и т. д. быстро не сгорали, их пересыпали культурным слоем, взятым из помещений в расположенном рядом населенном пункте на месте городища. Иначе трудно представить, каким образом попали в камеру многочисленная лепная, гончарная и поливная керамика, большое количество костей животных, рыб, косточки урюка и т. д.

В нижней части заполнения найден венчик гончарного хума с узкой цилиндрической горловиной диаметром 32 см (рис. 74, *10*). По наружному краю венчика имеется выпуклый валик, нижняя часть которого украшена вдавлениями. С внутренней стороны на уровне валика имеется вогнутость. Глиняное тесто при обжиге приобрело ровный красноватый цвет. В изломах видны примеси дресвы.

Мы уже отмечали при анализе материалов с городища Караумбет, что хумы с подобными венчиками, характерные для афригидского Хорезма VII—VIII вв., продолжали бытовать и в IX—XI вв.

Венчик хума или хумчи с полочковидным венчиком изготовлен на гончарном круге из тщательно приготовленного глиняного теста, принявшего при обжиге темно-бурый цвет (рис. 74, *9*). Снаружи поверхность покрыта светлым ангобом.

Аналогичный венчик известен с городища Ток-кала, где он датируется концом IX — началом XI вв. [73, с. 132, рис. 35, *1*]. А. В. Гудкова считает эту форму хумов переходной от хумов афригидского периода к формам развитого средневековья [73, с. 132].

Кувшины (рис. 74, *13*) представлены фрагментами узких горловин, украшенных прочерченным орнаментом в виде сомкнутых арочек и вдавлений. Пластинчатая ручка прикреплялась к краю горловины под прямым углом. Плечики украшены прочерченным волнистым орнаментом. Нижняя часть тулова подрезана ножом. Наружная поверхность сосудов покрыта беловатым ангобом.

Подобные кувшины с широкими ручками являются частой находкой на памятниках Хорезма [73, с. 132, рис. 35, *6, 23;* 242, с. 108, рис. 47, *2—3*; 41, с. 276, рис. 2—4; 157, с. 394, рис. 14, *1*].

Фрагмент крышки (рис. 74, *19*) украшен вокруг ручки полосой орнамента, состоящего из полукруглых в сечении продольных выемок.

В верхней части заполнения найден фрагмент сероглиняного горшка, по плечикам которого проходит налепная зигзагообразная полоса. Аналогичные сосуды встречаются на памятниках Хорезма IX—XI вв. [41, с. 280—281].

Целых экземпляров лепной посуды нет. В материалах представлены две разновидности горшков, имеющих шаровидное тулово с вертикально направленной горловиной и горловиной в виде раструба с короткой шейкой.

Лепные кувшины с узкой горловиной повторяют форму станковых сосудов. Лепная керамика приняла при обжиге неоднородный цвет. На внутренней и наружной поверхностях остались вмятины от пальцев. На фрагменте горловины кувшина видно, что сосуд лепился наложением лент глины одну на другую. На одном фрагменте днища сохранились отпечатки ткани. В глиняном тесте видны крупные примеси дресвы и шамота. Сосуды украшены пальцевыми вдавлениями, нанесенными на лепную полосу, прочерченными линиями, косыми насечками — вдавлениями, нанесенными полой трубочкой (рис. 74, *18*). Лепная посуда по своему облику напоминает лепные сосуды с городищ Аджибай, Қияжол-2, Қараумбет.

Функционирование башни по керамическому материалу следует отнести к IX—XII вв.

Местность башни просматривается на юго-запад вдоль чинка и на север. Однако ближайшие башни Қызылқаир, Тайли, Судочье, Қияжол с мыса Урга и с башни не видны, так как закрыты высокой грядой.

По своей конструкции башня на мысу Урга близка башне у городища Қараумбет. Эти башни взаимно просматриваются в ясную погоду. Нет сомнений в том, что огонь, зажженный ночью, или дымовой сигнал, подаваемый днем на одной из башен, будет замечен на другой.

Башня Қызылқаир расположена в 5 км западнее мыса Урга в местности Қызылқаир. Она выглядит как оплывший бугор диаметром около 8 м и высотой 3,5 м.

В отдельных местах видна кладка из плит известняка. Зачистки по краям не выявили ее боковых сторон. Форма башни осталась невыясненной из-за ее сильной разрушенности. Башня на мысу Урга и другие не видны из-за рельефа местности.

Археологический комплекс Аджибай состоит из караван-сарая и небольшого могильника, расположен в 25 км северо-западнее мыса Урга на плато Устюрт.

Основное здание размером 21,50×19,85 м находится в 10 м от чинка и ориентировано стенами по странам света (рис. 68, *2*). Стены шириной 1,75—1,83 м построены из хорошо подогнанных друг к другу

плит желтоватого песчаника размером 85×40×22 см, 75×70×16 см. Встречаются и более мелкие плиты. Максимальная высота стен помещений в настоящее время равна 2,5 м.

Вход шириной 2,6 м находится в середине южной стены. Произведены его зачистки изнутри городища. Вдоль входа выявлены стены шириной 1,9 м и длиной 6,4 м. Такая ширина стен свидетельствует о том, что стены входа были достаточно высоки и перекрыты сводом из жженого кирпича. Его завал возвышается на 3,7 м и состоит, в основном, из жженых кирпичей размером 22—23×22—23×4—5 см, 25×25×4 см, 28—29×28—29×5 см. В качестве раствора применялся алебастр.

Углы фасадной стороны украшают круглые в плане башни без внутрибашенных помещений. Их диаметр — 3 м. Кладка произведена из тщательно подогнанных друг к другу плит песчаника длиной по окружности до 0,95 м. Плиты обтачивались инструментом, ширина рабочей части которого равна 3 см. На юго-западной башне сохранились следы алебастровой обмазки. Башня на юго-восточном углу полностью разрушена. На северной стене башни отсутствуют.

Аналогичной формы башни, которые имеют декоративное назначение, характерны для дворово-айванной архитектуры Средней Азии [207, с. 248, рис. 85, *4*; 176, с. 220; 26, с. 64—65; 156, с. 114].

На расстоянии 10,5 м от южной стены караван-сарая и параллельно ей проходит стена шириной около 0,8 м, построенная из небольших плит устюртского ракушечника. Она сохранилась на высоту 0,5 м. В восточной части стена поворачивает на север и идет параллельно чинку на 3,9 м. В ней имеется проход шириной 1,6 м в сторону чинка. Северное ворот стена поворачивает в сторону чинка. Она сохранилась в длину на 3,8 м. В 4,2 м восточнее ворот начинается крутой многометровый чинк Устюрта.

В западной части стена, идущая параллельно фасадной стороне основного здания, делает небольшой изгиб на северо-запад, а затем под прямым углом поворачивает к юго-западной башне основного здания и примыкает к ней. В образовавшемся углу выявлена прямоугольная постройка размером 4,8×4,8 м с входом в юго-восточной стене шириной 0,95 м. Стены шириной 0,95 м сохранились на высоту 1,05 м и построены из плит ракушечника. Назначение ее без раскопок остается загадочным.

На северо-восточном углу основного здания также выявлена приставная стена. От угла она идет на север на 2,5 м, а затем поворачивает в сторону чинка. Ее длина — 9 м. В 10 м от восточной стены караван-сарая начинается крутой обрыв, куда, видимо, рухнула часть этой стены.

Таким образом, с юго-восточной стороны к основному зданию кара-

ван-сарая примыкал двор, обнесенный стеной. Несмотря на то, что стены его приставные, мы считаем, что пристройка к караван-сараю была сделана почти одновременно со строительством основного здания. О наличии или отсутствии стены, огораживающей двор с востока, т. е. вдоль чинка, можно строить лишь предположения.

Северную часть здания занимает двор размером 16,2×4,6 м с проходом в середине южной стены. Его ширина 1,2 м. Двор отделен от остальной части здания стеной шириной 1,1 м.

К северной стене двора пристроена выкладка шириной 1,05 м, возвышающаяся над полом на 0,45 м. Южный край выкладки приподнят над полом на 0,7 м, образуя бортик шириной 0,35—0,40 м.

Вероятно, выкладка из плит служила кормушкой для лошадей. Этому предположению не противоречит слой с истлевшим камышом, навозом, пропитанный белыми солями, с угольками и песком.

К югу от двора, вдоль западной стены находятся три помещения.

Помещение № 2 размером 5,2×2,90—3,85 м вытянуто с севера на юг и имеет проход шириной 0,8 м в северной части восточной стены. Он отделен от остальной части помещения стенкой шириной 0,55 м, которая выступает от стены к середине помещения на 1,3 м. Она сохранилась в высоту на 0,55 м.

Стены помещения возведены из плит песчаника, ракушечника и сохранились на высоту 0,6—1,5 м.

Среднюю часть помещения по первому полу занимает прямоугольной формы предочажная яма размером 1,07×0,74 м, обложенная по краям плитами ракушечника. В очажную яму был вставлен керамический очаг подковообразной формы, куски которого были разбросаны по всей площади помещения. Внутренняя сторона очага украшена прочерченными линиями.

Аналогичные очаги, как мы показали при анализе материалов с городища Кияжол-2, широко были распространены в Средней Азии в IX—XIII вв. [178, с. 234; 36, с. 40—41].

Пол помещения ровный, покрытый тонким слоем золы. В северо-западном углу, в неглубокой яме найдено значительное количество рыбьей чешуи. Вдоль южной стены на полу находился слой морских водорослей, которые служили в качестве утеплителя.

Ко второму полу относится очаг П-образной в плане формы, который встроен в предочажную яму нижнего пола. Южнее отгораживающей вход стенки выкопаны две ямы глубиной 0,5 и 0,7 м. Верхний пол отделен от нижнего слоем забутовки толщиной 0,15—0,20 м, в котором найдено значительное количество сероглиняной керамики. Лепная и поливная керамика встречаются редко.

Помещение № 3 связано проходом шириной 0,65 м с помещением № 2 и является хозяйственным. Его размеры 2,9—3,1×1,97—2,15 м.

Стены сохранились на высоту 0,6—1,5 м. Пол покрыт слоем золы толщиной 0,15 м с керамикой и костями животных.

Помещение № 4 размером 4,85×4,90×4 м расположено в юго-западном углу здания. Проход шириной 0,9 м находится в восточной части северной стены. Южная и западная стены сохранились на высоту около 2 м, восточная — на 2,5 м.

Поверхность пола покрыта тонким слоем золы. В центре помещения находится очажная яма, обложенная по краям камнями. К северной стене пристроен очаг П-образной формы, сделанный из вертикально поставленных плит ракушечника. Очаг, вероятно, относится к последнему этапу обживания помещения. В 1,3 м восточнее западной стены сохранился ряд камней, положенных параллельно западной стене, который, вероятно, является краем суфы. Длина его равна 1,68 м.

Вдоль восточной стены помещения встречено большое количество чешуи и костей рыб.

Верхняя часть помещения № 4, как и всех остальных, завалена крупными плитами известняка и жженого кирпича размером 27—29×27—29×5,5 см, 25×24×5 см, который, вероятно, обрушился с портала. Толщина завала 0,75—0,90 м. Под ним прослежен слой завала из сырцовых кирпичей размером 27×28×5,5 см, которые лежали вертикально. Видимо, верхняя часть внутренних стен была надстроена поверх плит кирпичом указанного стандарта.

Несмотря на то, что вскрыта небольшая часть внутренней площади, план в общих чертах восстанавливается. Центральную часть здания занимает коридор, связанный проходами с двором, расположенным вдоль северной стены, и жилыми помещениями — вдоль западной и восточной стен.

Аналогичная планировка характерна для небольшого размера караван-сараев Средней Азии [127, с. 506].

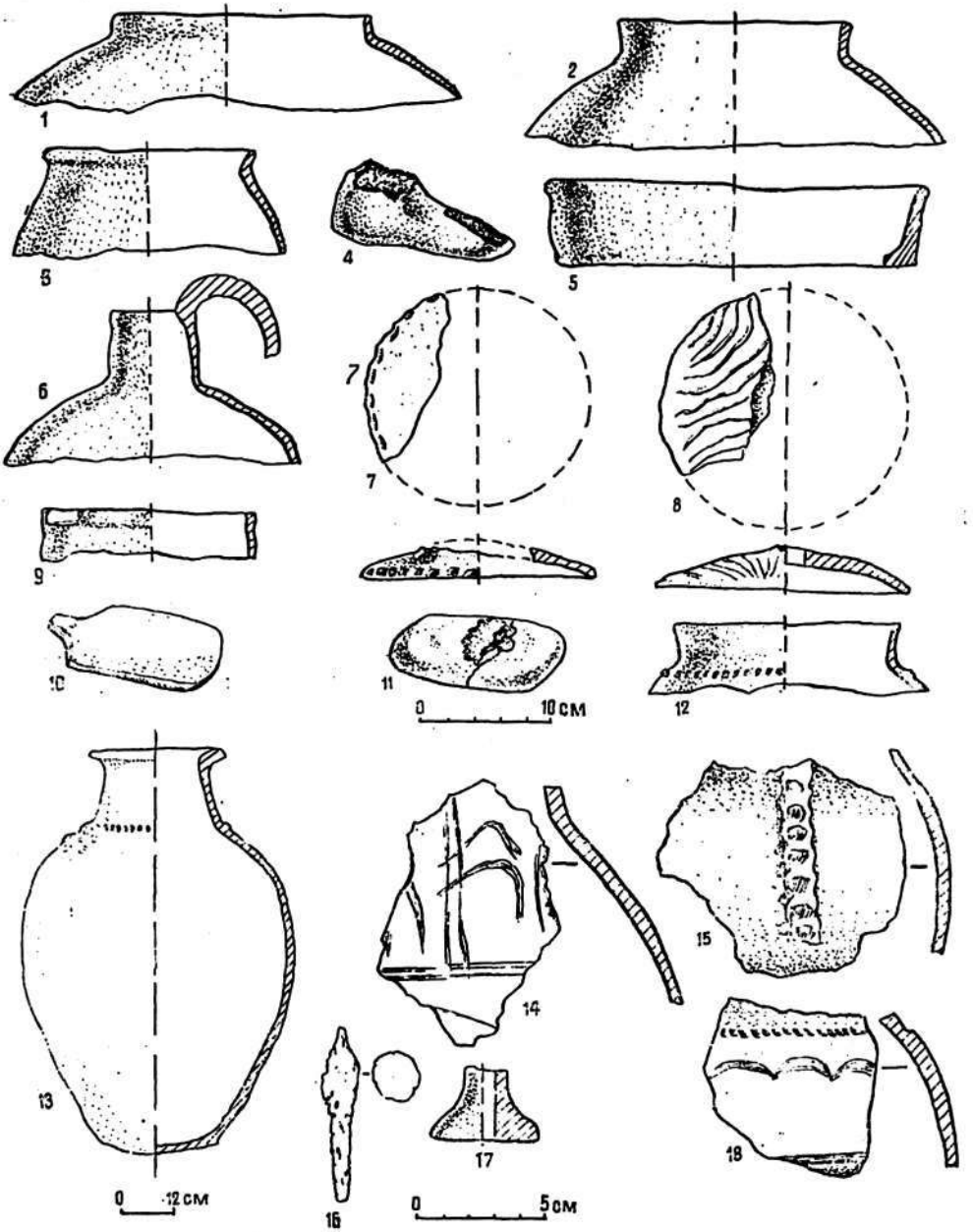
Кроме описанных работ на памятнике заложен ряд шурфов. У южной стены, напротив ворот заложен шурф № 1 размером 4×4 м. Толщина вскрытого слоя до материка равна 0,40—0,45 м. Культурного слоя не обнаружено.

Шурф № 2 размером 5,5×3,5 м заложен во дворе, севернее прохода. Толщина сохранившегося слоя равна 0,25 м. В нем содержится большое количество костей животных, рыб и керамики.

Многочисленный керамический материал, полученный при раскопах, позволяет уточнить время возникновения и функционирования караван-сарая.

Хум (рис. 82, *13*), происходящий с нижнего пола помещения № 2,

Рис. 82. Керамика городища Аджибай:
1 — помещение 3; 11—14, 19 — помещение 2, пол 1; 3—4, 6—10, 15—16 — помещение 2, пол 2; 5 — помещение 1, пол 1; 18 — шурф 2.

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
0 10 см
13
14
15
16
17
18
0 12 см
0 5 см

изготовлен на гончарном круге и принял при обжиге красный цвет. Наружная поверхность покрыта серо-зеленым ангобом. В глиняном тесте видны крупные примеси дресвы. Тулово имеет яйцевидную форму. Узкая горловина, расширяющаяся книзу, вверху заканчивается полочковидным венчиком. Под горловиной проходит выпуклая полоса с пальцевыми вдавлениями, под которой имеется четыре группы налепов, нанесенных штампом. Они состоят из одного круглого плоского налепа, окруженного 4—5 налепами в виде шишечек. Дно хума выпуклое. Высота сосуда — 0,8 м. Максимальный диаметр тулова — 0,57 м.

В этой форме слились воедино черты, присущие хумам афригидского, афригидо-саманидского и хорезмшахского периодов истории Хорезма.

Сосуд не имеет аналогий в опубликованных материалах по средневековому Хорезму. Однако его дата, видимо, не выходит за рамки X—XI вв.

Кувшины, происходящие с нижнего пола, известны по небольшим фрагментам стенок, имеющих в изломе ровный светло-кремовый цвет. Наружная поверхность покрыта зеленоватым ангобом. По многочисленным аналогиям их можно датировать в пределах X—XI вв. [41, с. 276—278, рис. 2].

К этому же периоду относятся многочисленные фрагменты сосудов, изготовленных на гончарном круге. В орнаментации применены вдавления и прочерченный орнамент в виде сомкнутых арочек, нанесенных зубчатым штампом (рис. 82, *18*).

Дигири представлены мелкими фрагментами, находящими аналогии на многих памятниках Хорезма [41, с. 280, рис. 4]. Мы уже отмечали, что чигирные горшки на памятниках Устюрта (Караумбет, Кияжол-2 и др.), видимо, использовались не по прямому назначению.

Поливные изделия известны по мелким фрагментам чаш, изготовленных из лессовидной глины. Изнутри они покрыты слоем белой подгрунтовки, по которой украшались точками и полосами зеленого, тепло-коричневого цветов. Широко применялась подглазурная гравировка. На единичные экземпляры чаш глазурь не наносилась.

Вся совокупность перечисленных признаков характерна для поливной керамики Хорезма X—XI вв. [41, с. 286, рис. 7].

Таким образом, по керамическому материалу с нижнего пола возникновение основного здания можно отнести к X—XI вв.

Посуда с верхних полов, отнесенная к XII—XIII вв., свидетельствует о вторичном обживании караван-сарая. Для этого периода характерны хумы с полочковидными венчиками, имеющие в изломе серый цвет черепка. Они широко представлены в материалах XII — начала XIII в. [41, с. 302, рис. 19, *2*].

На верхнем полу помещения № 2 и в помещении № 3 встречены кувшины (рис. 82, *6*) с узкой горловиной и высоко поднимающейся над ней ручкой, круглой в сечении. Подобные кувшины являются частой находкой на памятниках Хорезма хорезмшахского периода [41, с. 304, рис. 21].

Основную массу керамики составляют горшки, которые по своей форме распадаются на две группы. К первой отнесены сосуды с вертикально направленной горловиной. Плечики имеют различную степень покатости (рис. 82, *1—2*). В отдельных случаях при переходе шейки к плечикам сосуды украшены налепным валиком с вдавлениями (рис. 82, *12*).

Аналогичный венчик горшка происходит с городища Пулжай [234, с. 95, рис. 10, *7*]. Диаметр горловины этого типа горшков равен 18—20 см. Небольшие фрагменты не позволяют восстановить форму сосудов целиком.

Вторую группу составляют горшки с короткой шейкой и невысокой горловиной в виде раструба (рис. 82, *3*).

Орнаментация сосудов состоит из прочерченных линий, налепных, прямых и круглых полос с пальцевыми вдавлениями (рис. 82, *14*).

Мелкими фрагментами представлена сковорода диаметром около 30 см (рис. 82, *5*). Ее край отогнут наружу. Она изготовлена из плохо промешанного глиняного теста, принявшего при обжиге темно-серый цвет. Хорошо видны крупные примеси ракушечника, использованного в качестве отощителя. Толщина днища и стенок равна 1,2 см.

На некоторых венчиках сосудов с прямой горловиной имеются прямоугольные выступы (рис. 82, *9*).

К лепным керамическим изделиям следует отнести овальный в плане предмет, имеющий размеры в поперечниках 9,1 см и 14,3 см. Его толщина 2 см (рис. 82, *11*). Излом в средней части не позволяет определить форму целиком. Нижняя сторона изделия плоская, назначение его осталось непонятным.

Лепной светильник (рис. 82, *4*) с длинным носиком и круглым резервуаром, на наш взгляд, является подражанием поливным светильникам. Его верхняя часть и ручка не сохранились. Поверхность покрыта слоем алебастра.

Большую группу составляют крышки, украшенные по краям пальцевыми вдавлениями или прочерченным орнаментом (рис. 82, *7—8*). Наряду с плоскими крышками, вылепленными из одного куска глины, распространены крышки в виде сегмента шара (рис. 82, *8*). В средней части имеется круглое отверстие, которое, вероятно, находилось в середине ручки.

Вся лепная посуда по формам, орнаментации и по технологии

находит близкие аналогии на городищах нижней Сырдарьи XII — начала XIII в.

Посуда лепилась отдельными полосами, которые видны на внутренней стороне сосудов. Наружная поверхность горшков бугристая и сильно закопчена. Отдельные сосуды обмазывались перед обжигом слоем жидкой глины, отчего поверхность их выглядела еще более грубой.

В помещении № 2 на втором полу найдена плоская керамическая плитка с закругленным нижним краем и небольшим выступом вверху, в котором имеется отверстие диаметром 0,5 см. Максимальная длина изделия — 13,1 см, ширина — 8,9 см, толщина — 1 см (рис. 82, *10*).

Близкие по форме изделия описаны А. Р. Мухамеджановым, который называет их задвижками для водоизмерительных сосудов [153, с. 110, рис. 2]. С этим мнением трудно согласиться, так как неровные края задвижки не позволяют плотно закрыть водоизмерительный сосуд. Видимо, эти сосуды с задвижками использовались в качестве мышеловок.

Таким образом, в керамическом материале представлены гончарные изделия, находящие многочисленные аналогии в керамике Хорезма, и лепная посуда, характерная для низовий Сырдарьи.

На основании анализа керамики с нижних полов мы относим возникновение памятника к X—XI вв. Вторичное обживание, видимо, произошло в XII — начале XIII вв. Анализируемый памятник, по планировке, размерам является караван-сараем, построенным на торговом пути из Хорезма в Восточную Европу. Произведенные исследования позволили уточнить дату возведения сооружения, предложенную Е. Бижановым по материалам из небольшого шурфа, на основании которых оно было отнесено к XII — началу XIII в. [29, с. 9].

Архитектура памятника, отсутствие каких-либо элементов фортификации, и, наконец, очень неудачное в военном отношении расположение на краю обрыва плато, не позволяют нам согласиться с предложенным ранее функциональным определением городища как пограничной крепости, входящей в цепь укреплений для обороны северо-западных границ Хорезма в XII — начале XIII в. [29, с. 9].

К западу от городища находится несколько одиночных погребений.

Погребение № 1 удалено на 40—50 м от западной стены городища. На поверхности прослежено нечетко выраженное кольцо из небольших камней диаметром около 2 м. Могильная яма ограничена двумя вертикально поставленными плитами у изголовья и в ногах, которые выходят на поверхность. В яме шириной 0,68—0,70 м на глубине 0,5 м обнаружены три плиты, которые перекрывают могильную яму шириной 0,4 м. Она вырыта вдоль южной стороны ямы. Перекрывающие плиты положены с небольшим наклоном. На глубине 0,65 м обна-

ружен скелет женщины 35—40 лет, относящейся к смешанному европеоидно-монголоидному типу. Скелет лежит в вытянутом положении на спине, черепом на запад. Лицевая часть черепа обращена на север.

Погребение № 2 находится в 10 м от западной стены караван-сарая. Края могильной ямы обложены камнями. На глубине 0,4 м обнаружен скелет ребенка, лежащего на спине, ориентированного черепом на запад.

Погребение № 3 расположено в 200 м юго-западнее городища. На поверхности до раскопок видна вертикально стоящая у изголовья каменная плита. В могильной яме, ориентированной с северо-запада на юго-восток, на глубине 0,45 м обнаружены перекрывающие плиты. В яме погребен ребенок, лежащий в вытянутом положении на правом боку. Лицевой частью череп повернут на юг.

Погребение № 4 находится в 10 м южнее вышеописанного. На поверхности замечены остатки плохо сохранившейся насыпи из камней. В яме на глубине 1 м лежит на правом боку в вытянутом положении скелет мужчины 35—40 лет смешанного европеоидно-монголоидного типа. Он ориентирован черепом на юго-запад. Лицевой частью череп обращен на юг.

По своей конструкции погребение № 1 находит аналогии на мусульманском кладбище с северной части Афрасиаба, где они относятся к началу X в. [35, с. 106]. Погребения в узких ямах, вырытых в дне более широких, датированы В. Н. Ягодиным в широком хронологическом диапазоне — вторая половина VIII—X вв. [242, с. 107—108, рис. 22]. Около Чильпыка [135, с. 12], на могильнике Ток-кала [73, с. 143—145] они отнесены к IX—XI вв.

Остальные захоронения находят аналогии на могильнике Караумбет, где они отнесены к X в.

Недостаточное количество данных для датировки позволяет нам предварительно датировать погребения № 1—4 X — началом XIII в., т. е. временем функционирования караван-сарая.

Башня Кустау. В 30 км от города Аджибай, в местности Кустау, сохранились руины высотой около 2 м. По технике кладки кальцитовых плит мы предполагаем, что перед нами остатки башни размером по основанию 8,3×9 (?) м. По небольшим фрагментам керамики мы относим данное башнеобразное сооружение к X—XIII вв. Местность от развалин хорошо просматривается на многие километры вдоль Восточного чинка.

Археологический комплекс Курганча. В комплекс включены городище, башня, гончарная печь и отдельные сооружения (рис. 83, *А*). Наиболее полное описание городища Курганча (Давлетгирей) приведено у Е. Бижанова, который упоминает и предшествующих исследователей [26, с. 64—67].

А
ЧИНК УСТЮРТА
160
140
120
200 м
С
Б
ШУРФ
КОЛОДЕЦ
ШУРФ 1965г
10 м

Городище расположено в 270 м восточнее современной линии чинка Устюрта, на склоне гряды (рис. 83, *Б*). С плато Устюрт памятник не просматривается, так как находится в непосредственной близости от огромного оползня, на краю которого сохранились развалины башни из каменных плит. Хорошо сохранились западная и восточная стены, северная и южная — в средней части разрушены. Западная стена проходит по вершине более высокой гряды, чем восточная. Перепад высот от основания западной стены до основания восточной составляет около 10 м. Городище имеет форму прямоугольника размером 50×44 м, ориентированного стенами по странам света[11]. Они сохранились в высоту от 2 до 3,6—4,8 м.[12] Толщина стен по верху различная и колеблется от 1,6 до 3,2 м. Стены имеют наклон к основанию, равный около 78°.

Вдоль западной стены, в северо-западном углу сохранились остатки стен, помещений, восточная часть полностью разрушена. Культурного слоя в этих помещениях не обнаружено. В 5,3 м восточнее западной стены, на участке, примыкающем к северной стене, склон гряды обложен плитами песчаника. Видимо, обкладка склона предохраняла северо-западный угол городища от разрушения.

Вдоль восточной части северной стены и вдоль восточной стены без раскопок прослеживаются помещения. Одна из них было раскопано полностью. Помещение размером 4,23×3,6 м вытянуто с запада на восток. Стены возведены из плит песчаника и обмазаны материковой зеленоватой глиной. Вход шириной 0,7 м находится в южной части западной стены, толщина которой составляет около 1,1 м.

Вдоль восточной стены находится суфа шириной 1,2 м. Она приподнята над полом на 0,32 м и сложена из каменных плит. Аналогичная суфа шириной около 1 м расположена вдоль северной стены.

В центре помещения на полу имеется очаг размером 30×30 см, имеющий П-образную в плане форму. Он сделан из вертикально поставленных плиток камня. С восточной стороны к нему примыкает предочажная яма диаметром около 0,9 м. Аналогичные очаги известны на городищах Аджибай, Кияжол-2 в здании XII—начала XIII в. близ Ярбекир-калы [61, с. 71, рис. 9].

Вдоль восточной стены обнаружены в беспорядке лежащие ребра и челюсть человека, а также кости животных. У северной стены най-

Рис. 83. Археологический комплекс Курганча (Давлетгирей):
А — план комплекса; *Б* — городище Курганча (Давлетгирей): 1 — башня, 2 — городище, 3 — гончарная печь, 4 — курган, 5 — колодец, 6—10 — кольцевые оградки, 11 — квадратное сооружение, 12 — курган с каменными ящиками.

[11] Размеры, указанные Е. Бижановым, соответствуют внутренней площади городища.

[12] По Ф. Ф. Бергу, стены имели «около 6 сажен высоты [170, с. 103]. Однако трудно поверить, что высота стен в прошлом веке еще была более 12 м.

дены три бусины из стекла и раковин с отверстиями для нанизывания их на нитку. Керамический материал с пола немногочисленный и представлен мелкими фрагментами гончарных и лепных сосудов.

В 3,2 м севернее описанного помещения начаты раскопки второго помещения, оставшегося недокопанным. Оно имеет такую же длину (4,23 м). На расстоянии 2,3 м друг от друга с северной и южной сторон встречены вертикально стоящие плиты. Видимо, это стены позднего периода. На полу, соответствующем этим стенам, найдены кости животных и керамика. Нижний пол находится на материке. Для помещения нижнего горизонта северная и южная стены не обнаружены. В 2 м западнее восточной стены выявлены следы кострища. На этом полу много костей животных и керамики.

На расстоянии 5,6 м от северной стены городища заложен шурф размером 2×2 м. Своей северной стороной он прилегает к южной стене помещений, расположенных вдоль северной стены городища. В северной стороне шурфа виден проход шириной 0,7 м в одно из этих помещений.

При раскопках получен незначительный материал, позволяющий составить суждение о хронологии памятника.

Гончарная керамика приобрела при обжиге серый цвет. Наружная поверхность сосудов покрыта черным ангобом. Она представлена стенками хумов, украшенных под полочковидным венчиком косыми насечками (рис. 84, *7*), фрагментами горловины кувшина с круглой в сечении ручкой (рис. 84, *5*).

Поливная керамика известна по мелким фрагментам. Она изготовлена из лессовидной глины и покрыта по белой подгрунтовке свинцовой глазурью. Роспись выполнена зеленой, светло-коричневой и черной красками.

Аналогичная гончарная керамика характерна для Хорезма XII — начала XIII в. [41, с. 300—308].

Лепная керамика известна нам по маловыразительным фрагментам венчиков сосудов шаровидной формы в виде простой закраины (рис. 84, *4, 6*). На отдельных сосудах по краю имеются небольшие выступы (рис. 84, *3*), по плоскому бережку которых нанесен прочерченный орнамент. Аналогичной формы венчик горшка с этого городища уже был известен [26, с. 67, рис. 4, *4*].

Вся лепная посуда изготовлена из плохо промешанного глиняного теста с примесями шамота и дресвы, в качестве которой использован крупнотолченый кальцит. На многих фрагментах остались пятна разных цветов от кострового обжига. В изломах цвет сосудов неоднородный. По своему облику лепная керамика напоминает посуду с городищ Аджибай, Урга, Кияжол-2.

Среди находок следует отметить два предмета, сделанных из плохо приготовленной глины (рис. 84, *2*). Они имеют овальную форму. Длина — 15,8 см, ширина — 8,2 см, максимальная толщина — 3,2 см. По краям изделий имеются два выступа, которые, видимо, соединялись между собой дугообразной перемычкой. Назначение этих предме-

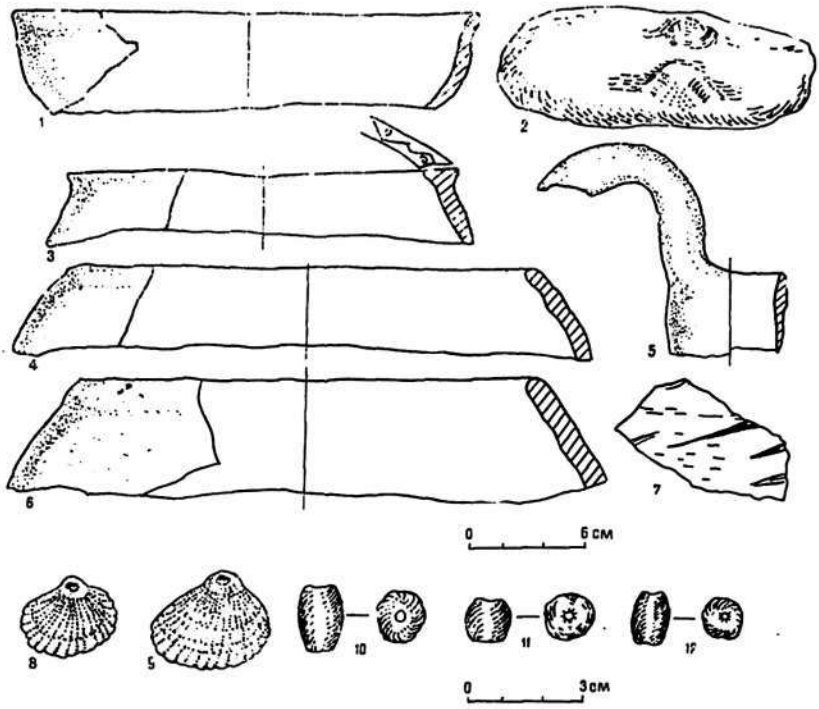

Рис. 84. Керамические изделия, подвески, стеклянные бусы городища Курганча.

тов остается непонятным. Близкое по форме изделие найдено на караван-сарае Аджибай.

Бусы из голубого стекла шаровидной и овальной формы найдены в описанном помещении. Их диаметр равен 1,1—1,3 см. Длина — 1,1—1,8 см. Диаметр отверстий для нанизывания равен 0,2—0,3 см (рис. 84, *10—12*). Вместе с ними найдено 4 раковины Cardium Edule с отверстиями в верхней части (рис. 84, *8—9*). Таким образом, произведенные исследования городища Курганча (Давлетгирей) подтверждают предложенную ранее датировку памятника XII—началом XIII в. [26, с. 66—67].

Этой дате противоречит кладка в «елочку» юго-западной стены, которая характерна для Хорезма золотоордынского времени [221, с. 505; 40, с. 178; 215, с. 25; 216, с. 250, рис. 166]. Наличие двух полов в помещениях, частичные перепланировки, применение строительных приемов, характерных для XIII—XIV вв., свидетельствует о том, что городище было обжито в золотоордынское время[13].

Говоря о функциональном назначении памятника, следует напомнить, что по преданиям, записанным А. Левшиным, «тут прежде был город, куда съезжались купцы для торга» [118, с. 211]. В описании городища, опубликованном в «Уральских войсковых ведомостях», автор также приводит мнение о его назначении: «Поместиться в ней могут до 400 человек пеших, а потому и эта крепость представляется не более, как складочное место» [77][14]. Е. Бижанов высказал предположение, «что городище Давлетгирей является одной из пограничных крепостей Хорезма на плато Устюрт» [26, с. 67]. Однако изолированность этого пункта от других синхронных ему населенных пунктов, его расположение под чинком, а не на плато, ослабляло значение крепости, как пограничной. Эти важные принципы военной географии не позволяют считать предположение о военном назначении памятника правомерным.

Торговая фактория на месте городища Курганча является, по нашему мнению, далеко вынесенным на север пунктом хорезмийцев, где происходил торговый обмен с приходящими с севера кочевниками.

У городища расположена самая северная из башен. Ее руины находятся на гигантском оползне, в 5 м от его края. Оползень вместе с башней опустился от современного уровня плато Устюрт на 25 м. Размеры башни по основанию — 8,15×8,15 м. Высота — 4,7 м (рис. 81, *2*). С южной стороны сохранилось 26 рядов кладки из песчаниковых плит длиной 0,5—0,9 м. Башня имеет в разрезе трапециевидную форму. Верх стен отклоняется от основания на 1,25 м (рис. 75, *10*).

Башня функционально связана с городищем и датируется XII—началом XIII в. Она является своего рода указателем о местонахождении под чинком населенного пункта. На примере этой башни наглядно видно, что она не могла служить для передачи светового сигнала на ближайшую башню в местности Кустау, стоящую обособленно.

В 80 м южнее городища Курганча (Давлетгирей) находится гончарная печь (рис. 85). Топочная часть печи имеет круглую форму в

---

[13] Предположение С. В. Викторова о том, что крепость «могла быть лишь обновлена и расширена по приказу» А. Черкасского, ни на чем не основано [46, с. 18].

[14] В этой же заметке указано, что «по сказанию киргизов (казахов. — *Ю. М.*), крепость эту построил будто бы князь Бекович..., но едва ли такое сказание справедливо».

плане диаметром 2,08 м. Высота стен камеры — 0,84 м. Она заполнена черной золой с углем. В верхней части заполнение состоит из белой ноздреватой спекшейся массы. Топочная камера имеет сводчатое перекрытие, центральная часть которого не сохранилась. По кругу, вдоль стенок печи расположено 10 круглых продухов диаметром 0,24—0,30 м, которые сохранились на высоту около 0,5 м. Общая высота топочной камеры равна 1,8 м. Диаметр пода равен около 1,8 м. Топочная камера построена из кирпича размером 24×24×4—5 см, т. е. стандарта, характерного для хорезмийских памятников хорезмшахского времени [61, с. 58]. Отверстие для закладки топлива шириной 0,54 м находится с северной стороны. Камера для обжига не сохранилась.

Печь такой же конструкции открыта С. Б. Луниной в Кашкадарьинской области, где она датируется концом XII — началом XIII в. [128, с. 76—77]. Таким образом, гончарную печь следует датировать как и городище, XII — началом XIII в.

В 120 м юго-восточнее печи находится прямоугольное сооружение (объект № 11) размером 5,8×5 м. Стены его сложены из плит песчаника разных размеров и сохранились на высоту около 0,5 м. Кладка выравнивалась только с наружной стороны. Постройка ориентирована стенами по странам света. В южной стене имеется вход шириной 1,26 м. Расчистки внутри сооружения и траншеи, заложенные по линии север — юг и запад — восток, пройденные до материка, не выявили культурного слоя и грунтовых ям. Не исключено, что перед нами недостроенный мавзолей или погребальная ограда.

По круглым в сечении ручкам кувшинов и нескольким мелким фрагментам стенок сосудов, принявших при обжиге серый цвет, это сооружение следует датировать XII — началом XIII в.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ХОРЕЗМА И ТОРГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ С ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПОЙ И КОЧЕВНИКАМИ

От городища Аджибай на севере до мыса Айбугир на юге вдоль Восточного чинка Устюрта расположено большое количество средневековых памятников, среди которых преобладают башни.

На этом участке Восточного чинка зафиксировано 17, на южном— 7, в основном, однотипных башен. Преобладают квадратные в плане башни с четко выраженным сужением корпуса в верхней части. Круглые в плане башни отмечены дважды (у городища Томар-кала и на мысу Айбугир). Камеры имеются в пяти башнях. В одном случае их наличие определено предположительно. Самые лучшие по сохранности башни с камерами не имеют бойниц и смотровых отверстий.

Все башни построены из плит ракушечника, обработка которых

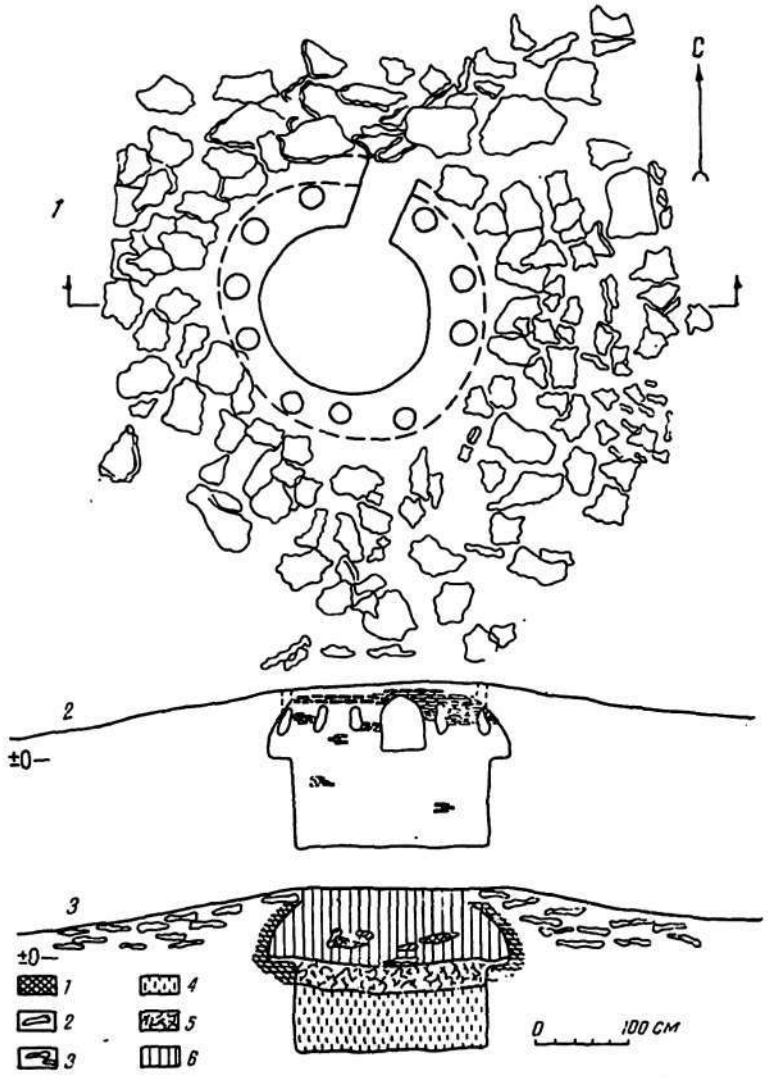

Рис. 85. Гончарная печь у городища Курганча, план и разрезы:
1 — план после раскопок; 2 — архитектурный разрез; 3 — археологический разрез. Условные обозначения: 1 — прокаленная глина, 2 — жженый кирпич, 3 — каменные плиты, 4 — черная зола с углем, 5 — белая ноздреватая спекшаяся масса, 6 — мягкий коричневый грунт.

была минимальной. У тех плит, которые выходили на фасадные стороны, отесывалась одна сторона, которой был придан угол, соответствующий углу наклона граней башни к основанию.

Для 16 башен установлена функциональная связь с расположенными рядом населенными пунктами. Большая часть этих башен датируется IX—XI вв. Для них характерны большие размеры оснований, что, вероятно, было в прямой зависимости от их высоты. Они сложены из плит бо́льших размеров и надстроены жженым или сырцовым кирпичом стандарта 27—30×27—30×5—6 см, 32×32×6,5 см, 35—35,5×35—35,5×7—7,5 см.

Башни Саксаулсай, Шибинды, Кияжол, Судочье, Кызылкаир, Кустау, Курганча отнесены к XII—XIII вв. От ранних башен они отличаются меньшими размерами оснований, плит, сырцовых и жженых кирпичей. Различие в размерах жженых и сырцовых кирпичей, использованных на памятниках IX—XI вв. и XII—XIV вв. Восточного чинка Устюрта, представлено следующими данными, см:

Городище Курганча (Давлетгирей), гончарная печь	24×24×4
Караван-сарай Аджибай	22—23×22—23×4—4,5; 25×25×4, 28—29×28—29×5
Башня Урга	28—29×28—29×5—6; 32×32×6,5
Городище Урга	24—26×24—26×4,5—5,5; 28×28×5; 32×32×6,5
Городище Кияжол-2	24—25×24—25×5
Городище Караумбет	26—27×26—27×3,5—4,5; 28—29×28—29×4—5
Башня Караумбет	28×28×4—4,5
Могильник Караумбет	27—29×27—29×4—5
Башня Акчулак	26×26×4,5
Башня Шибинды	24—25×24—25×5—6
Городище Шибинды	24×24×4
Башня Саксаулсай	23—25×23—25×5—6
Башня Томар-кала	28—29×29×6
Башня Калалык	28×28×6—7
Башня Каскажол	35—35,5×35—35,5×7—7,5
Башня Айбугир	25—26×25—26×5—6; 28—30×28—30×5—6
Башня на бугре Айбугир (Галы Гумбез)	26—27×26—27×4,5; 32×32×5,5
Башня караван-сарая Кулаплы	28×28×5
Башня Куланлы-ата	30×30×5
Башня Назар-ата	30×30×6
Башня Казахлы-дегиш	23,5—24×23,5—24×4—5; 27—28×27—28×5,5
Городище Ербурун	24—26×24—26×5

Из башен этой хронологической группы функциональная взаимосвязь с населенными пунктами установлена для башен Шибинды, Кияжол, Курганча. Плохая сохранность башен затрудняет решение вопроса о их назначении. Это, в первую очередь, относится к башням, стоя-

щим обособленно, иногда на большом расстоянии от населенных пунктов.

Ф. И. Базинер, видавший многие башни и руины населенных пунктов во время своего путешествия в Хиву в 1842 г., приводит небезынтересное мнение о их назначении: «Nach meiner Meinung sind diese Schanzen ehemals Karawansereis gewesen und desshalb mit jenen pyramidenartigen Thürmen versehen, damit man sie schon aus der Ferne erblicken könne» [249, с. 89].

С этим мнением о функциональном назначении анализируемых памятников нельзя не согласиться.

Для башен с камерами у городищ Урга и Караумбет выяснено, что световой или дымовой сигнал, подаваемый с одной из них, будет замечен на другой. К башням с камерами, с которых подавались дымовые или световые сигналы, относятся Каскажол, Калалык и, возможно, Акчулак. Они, как было отмечено выше, не взаимопросматриваются, а поэтому не могут служить для передачи световых или дымовых сигналов с башни на башню.

Не исключено, что башни с камерами, расположенными рядом с населенными пунктами, могли служить в ночное время в качестве световых маяков. По световым сигналам могли ориентироваться суда при их движении по одному из русел Амударьи. Это русло проходило вдоль Восточного чинка и на нем базировались населенные пункты, дошедшие до нас в виде городищ Урга, Кияжол, Караумбет и др.

Необходимо отметить, что башни в горах Султануиздага, аналогичные устюртским по своей конструкции, располагаются также, в основном, вдоль Амударьи [134, с. 65—70].

Мы приходим к выводу, что назначение башен не было единым.

Изучаемые башни нашли свое отражение в трудах компилятивного автора XI в. ал Бакри, который использовал сведения, относящиеся к предшествующей эпохе. Согласно Бакри, «от Джурджании (Ургенча) 12 фарсахов до горы Хорезма, на вершине этой горы башня, а у подножья — жилища людей, которые возделывают там поля» [86, с. 30].

Гардизи в компилятивном сочинении, написанном в середине XI в. по более ранним источникам, приводит описание пути к печенегам, которые дополняют сведения Бакри: «Что касается печенегов, то дорога к ним идет от Гургандж к Хорезмийской горе и дальше в сторону печенегов. Дойдя до Хорезмийского озера оставляют его по правую сторону и идут дальше» [18, с. 56].

В настоящее время, когда известны, вероятно, все башни вдоль Восточного чинка Устюрта, можно попытаться локализовать упоминаемую башню на Хорезмийской горе. Такую локализацию впервые предпринял В. Н. Ягодин. Под башней, упоминаемой ал Бакри, он был склонен видеть башню западнее городища Калалык. Расстояние от

г. Куня Ургенча до башни городища Калалык по прямой 72 км, т. е. равно 12 фарсахам. Однако расстояния между населенными пунктами определялись по путям сообщений между ними. В данном случае, по наиболее вероятному пути, расстояние от г. Куня Ургенча до башни у городища Калалык составляет около 90 км.

Башню на Хорезмийской горе, по данным Бакри, можно локализовать на мысу Айбугир, до которого от г. Куня Ургенча 68 км, т. е. около 12 фарсахов. Если двигаться из г. Куня Ургенча на север к чинкам Устюрта и далее к Аральскому морю, т. е. путем, указанным Гардизи, то первой будет башня на мысу Айбугир. Она, как было показано, хорошо видна за многие километры при подходе к Устюрту.

Данные Гардизи о повороте пути к печенегам у Аральского моря хорошо согласуются с топографией памятников IX—XI вв. Их местоположение позволяет наметить трассу торгового пути, описанного Гардизи. Самый северный караван-сарай этого времени, находящийся на берегу Аральского моря в местности Аджибай, стоит, вероятно, на месте поворота трассы торгового пути от Аральского моря вглубь Устюрта. Уместно отметить, что и в XIX в. вьючные караваны, направляющиеся из Хивы в Оренбург, следовали вдоль чинка и поднимались на Устюрт, в основном, в районе местности Аджибай [164, с. 74]. На этом пути, естественно, находятся все башни IX—X вв.

Интервалы между караван-сараями и другими населенными пунктами на Восточном чинке (Аджибай, Урга, Караумбет, Пулжай) соответствуют дневным переходам караванов.

В описании торгового пути через Устюрт Гардизи приводит интересные данные о расположении колодцев через один или два дня пути [18, с. 56]. Расстояния между колодцами Учкудук, Булак, Косбулак, Белеули, Чурук соответствуют данным Гардизи. От колодца Учкудук до Булака — 29 км, от Булака до Косбулака — 33 км, от Косбулака до Белеули — 56 км, от Белеули до Чурука — 50 км.

Вопрос о времени возникновения караван-сараев на этих колодцах мы пока не затрагиваем. Отметим только, что раскопки автора на караван-сараях Учкудук, Булак и Косбулак дали материал золотоордынского времени.

Для понимания исторического значения памятников южного участка Восточного чинка важное значение имеют данные Ибн-Фадлана, посетившего Хорезм в 921—922 г. Его сведения еще не в полной мере используются исследователями для изучения истории средневекового Хорезма.

В небольшом отрывке из его записей, который касается описания пути из г. Джурджании до плато Устюрт и далее к огузам, упоминается два населенных пункта, попыток отождествления которых с городищами не предпринималось. В качестве отправных точек для их лока-

лизации возьмем дату отъезда каравана из Джурджании, время, затраченное им на прохождение отдельных участков пути и на вынужденные остановки.

Обратимся к тексту, который приводим с небольшими сокращениями: «Снаряжение каравана было хорошо налажено, мы наняли проводника... и отправились из Джурджании в понедельник по прошествии двух ночей (месяца) Зу-л-када триста девятого года (4 марта 922 г.— *авт.*). Мы остановились в рабате, называемом Замджан, а это (и есть врата тюрок). Потом на другой день мы отправились и остановились на остановке, называемой Джит. Нас настиг такой снег, что верблюды ступали в нем по колено. Поэтому мы оставались на этой остановке два дня.

Потом мы устремились в страну тюрок, не сворачивая ни перед чем и никто нам не встречался в степи (безлюдной) пустыне без единой горы. Итак мы ехали по ней 10 дней. Когда же мы проехали 15 дней, мы прибыли к большой горе с множеством камней, на которой были источники, — прорывается источник и в ямке вода» [100, с. 125]. Большая гора с множеством камней, на которой были источники, по мнению И. Ю. Крачковского [107, прим. 170], А. П. Ковалевского [101, с. 125, прим. 166] и А. З. В. Тогана [246, с. 18], к которой караван прибыл спустя 15 дней после выезда из Джурджании, есть ни что иное, как северо-западные чинки Устюрта.

Обрывы Устюрта от их подножья и с плато выглядят как склоны гор. Ибн Русте [140, с. 150], Истахри [140, с. 179—180], Бакри [86, с. 30], Гардизи [18, с. 56] называют чинки Устюрта горами.

Исходя из приведенного текста, можно сделать вывод, что караван посольства прибыл на северо-западные чинки Устюрта 18 марта 922 г. Так как нам известно, что караван двигался по «пустыне без единой горы», под которой следует подразумевать плато Устюрт, 10 дней, то нетрудно сосчитать, что 9 марта состоялся выезд из Джита.

Текст Ибн Фадлана позволяет считать, что этот пункт должен находиться на краю плато Устюрт, так как из него члены посольства «устремились в страну тюрок, не сворачивая ни перед чем». Видимо, эта остановка, как называет Джит Ибн Фадлан, должна быть последней перед выходом на пустынное плато.

Время, которое потребовалось для пересечения Устюрта, определяемое Ибн Фадланом в 10 дней, находит подтверждение у Гардизи при описании пути из Хорезма к печенегам [18, с. 56] и в описаниях торговых путей из России в Хивинское ханство [79, с. 80, 143, с. 68; 15, с.91].

Остается проанализировать наиболее важный отрезок времени с момента выезда каравана из Джурджании до прибытия его в Джит. Те 2 дня, которые караван простоял из-за непогоды в Джите, мы относим на 7 и 8 марта. В оставшиеся три дня нужно было преодолеть

расстояние от Джурджании до Джита. При этом послы заезжали еще в рабат Замджан, который в начале X в. назывался Баб-ат-тюрк (врата тюрок). По всей вероятности, посольство должно было прибыть в Замджан 5 марта, так как у Ибн Фадлана сказано: «...потом, на другой день (6 марта — *авт.*) мы отправились и остановились на остановке...». Слова «отправились и остановились», нужно понимать, что это произошло в один день, т. е. 6 марта. Два оставшиеся дня 4 и 5 марта караван должен был потратить на путь от Джурджании до Замджана.

Это дает основание полагать, что рабат Замджан находится в двух днях пути от Джурджании. Движение каравана из Джурджании до северо-западных чинков Устюрта будет выглядеть следующим образом:

4 марта выезд из Джурджании
5 „ прибытие в Замджан
6 „ выезд из Замджана и прибытие в Джит
7—8 „ остановка в Джите из-за непогоды
9 „ выезд из Джита
9—18 „ переезд через Устюрт
18 „ прибытие к северо-западным чинкам Устюрта.

Так, рабат Замджан должен находиться на краю плато Устюрт, которое иногда называли пустыней огузской [140, с. 210]. В этом случае его второе название Баб-ат-тюрк будет соответствовать действительности.

О рабате Замджан, в котором посольство получило эскорт, хорошо знали в Бухаре. Этот рабат имел важное значение в отношениях саманидского государства с Хорезмом и Восточной Европой. Мы судим об этом потому, что письмо саманидского эмира Насра ибн Ахмеда (914—943 гг.) из Бухары о выделении эскорта посольству было послано прямо в Баб-ат-тюрк, минуя хорезмшаха Мухаммеда ибн Ирака. Это свидетельствует о том, что Баб-ат-тюрк непосредственно был подчинен Бухаре. Впервые на это обратил внимание А. З. В. Тоган [246, с. 7—8].

Рабат Замджан можно локализовать на месте городища Шемаха-кала, расположенного в 60 км к западу от г. Куня Ургенча на выступающем отроге плато Устюрт.

С. П. Толстов считает, что Шемаха-кала «в основе — это раннесредневековый город-крепость, обнесенный некогда прямоугольником мощных стен с огромными башнями» [207, с. 311]. Несмотря на то, что «раскопки, проводившиеся в центральной части городища, не дали материалов, подтверждающих существование города в домонгольское время», остатки крепостных стен и башен внутри городища XIV в. оказались «сходными с раннесредневековыми домонгольскими крепостными сооружениями» [40, с. 173, 192].

Единичные фрагменты керамики X—XI вв., на наш взгляд, не являются случайными, как полагает Н. Н. Вактурская [40, с. 189], а подтверждают возникновение данного населенного пункта в раннесредневековое время.

На караван-сарае Куланлы, расположенном в 30,5 км к северо-западу от городища Шемаха, мы локализуем следующую после Замджана остановку, Гис (Джит), упоминаемую Ибн Фадланом.

Локализация Джита на караван-сарае Куланлы отвечает тексту Ибн Фадлана, т. е. он находится на расстоянии дня пути от Замджана, расположен на краю Устюрта и является последней остановкой перед выходом на пустынное плато.

Таким образом, анализ текста «Записок» Ибн Фадлана позволил установить, что рабат Замджан и остановка Джит находятся, соответственно, на расстоянии двух и трех дней пути от Джурджании.

По мнению А. З. В. Тогана и А. П. Ковалевского [246, с. 18; 100, с. 97], написание «Джит» у Ибн Фадлана следует читать, как у Истахри, Хаукаля и Мукаддаси. Это позволяет провести сравнение сведений о Джите (Гите) в их сочинениях.

Истахри упоминает Гит при описании ширины населенной полосы по левому берегу Амударьи западнее г. Джурджании: «Потом она все время суживается и у Джурджании становится около 2 фарсахов. Затем она доходит до селения, называющегося Гит, в 5 фарсахах от Куджага. Это селение около гор и на этой полосе, там нет населенных мест, кроме него, а за этими горами пустыня» [140, с. 179].

Ширину освоенных земель западнее Джурджании, определяемую Истахри в два фарсаха, мы должны признать ошибочной. Городище Шемаха и башни, относящиеся к X—XI вв., показывают, что ширина культурной зоны западнее г. Куня Ургенча достигала 60 км.

Истахри, как и Ибн Фадлан, не указывает расстояния от г. Джурджании до Гита. Расстояние между Замджаном и Гитом, согласно анализу текста Ибн Фадлана, равно расстоянию между Гитом и Куджагом по данным Истахри.

Возможно предположить, что Истахри не указал расстояния между Джурджанией и Куджагом только потому, что этот пункт был достаточно хорошо известен. Расстояние между ними было, видимо, само собой разумеющимся фактором. Не исключено, что Истахри, никогда не бывший в Хорезме, мог перепутать два названия — Замджан и Куджаг.

Топография Гита, по Истахри, помещавшего его на границе освоенных земель около гор, за которыми начиналась пустыня (плато Устюрт), хорошо согласуется с данными Ибн Фадлана об этом пункте. Объяснить многие совпадения описаний Гита Ибн Фадланом и Истахри простой случайностью видимо нельзя.

Истахри, пользовавшийся «Запиской» Ибн Фадлана [17, с. 596], как мы видим, исказил многие факты.

Уточнить местоположение Гита не помогает также описанное Истахри изменение русла реки: «Напротив Гита, в пустыне, в фарсахе к северу находится город, называющийся Мадминия, он в четырех фарсахах от Джейхуна, но относится к Джурджании. Так получилось потому, что река повернута от Курдера и стала течь между Гитом и Мадминией» [92, с. 174; 40, с. 174].

В. В. Бартольд [16, с. 169] и Я. Г. Гулямов [74, с. 153] показали, что Мадминия, находящаяся в 1 фарсахе от Гита, не могла быть расположена в то же время в 4 фарсахах от реки.

Сведения Мукаддаси о Гите не помогают определить его координаты. Он, как и Истахри, не указывает расстояния между Гитом и Джурджанией. Приводя описание Джита как большого селения с обширными рустаками, находящегося в степи, на границе с владениями гузов, Мукаддаси не указывает, к которому из двух Джитов оно относится [140, с. 187—188; 15, с. 43].

Трудность для понимания сведений Истахри и Мукаддаси о Гите, их противоречивый характер нашли свое отражение в попытках локализации Гита, предпринятые многими исследователями. Более ста лет вопрос о локализации Гита, по данным Истахри и Мукаддаси, не находит однозначного решения.

Впервые Гит отождествил с Везиром в 1875 г. голландский востоковед де Гуе. Развалинами Везира он считал крепости Девкескен или Ширван-калу, находящиеся около 60 км к западу от г. Куня Ургенча [245, с. 63—64].

Ле Стрендж помещает Джит в 35 английских милях к северо-западу от Джурджании [247, с. 454—455].

В. В. Бартольд неоднократно обращался к анализу сведений Истахри и Мукаддаси о Гите [14, с. 207—208; 15; с. 41, 43—44; 16, с. 169]. Он отметил трудность понимания данных этих географов о Гите [16, с. 169]. В. В. Бартольд, в отличие от де Гуе, считал, что «Гит находился дальше к востоку против Медминии» [14, с. 207], но не пытался отождествить его с каким-либо городищем.

А. З. В. Тоган, оспаривая локализацию Гита, предложенную де Гуе, полагает, что этот пункт соответствует развалинам крепости Айбугир [246, с. 18].

Городища Большая и Малай Айбугир-кала, если одно из них имеет в виду А. З. В. Тоган, находятся на краю плато Устюрт, в 60—62 км северо-западнее г. Куня Ургенча. Городище Большая Айбугир-кала площадью около 6 га может являться руинами небольшого города, а не «остановки для станции» как называет Гит Ибн Фадлан [100, с. 125; 246, с. 18; 140, с. 158]. Расстояние до указанных городищ от г. Куня

Ургенча не соответствует расстоянию между Гитом и Джурджанией, которое равно 3 дням пути. Исходя из вышесказанного, мы считаем, что данный вариант локализации Гита не соответствует тексту Ибн Фадлана, а поэтому не может быть принят.

Я. Г. Гулямов, не соглашаясь с де Гуе, предложил отождествить Гит с городищем Пулжай [74, с. 152], расположенном в 146—150 км к северо-западу от г. Куня Ургенча на одном из уступов чинка Устюрта[15]. Этот вариант локализации основан на предположении, что Истахри перепутал расстояние между Гитом и Мадминией, которую Я. Г. Гулямов отождествил с городищем Бограхан [74, с. 152]. Однако и локализация Мадминии вызывает возражения [23, с. 174—175]. В локализации Гита и Мадминии В. Н. Ягодин [234, с. 96] следует за Я. Г. Гулямовым.

Таким образом, напрашивается вывод, что на основании сведений Истахри и Мукаддаси решить вопрос о местонахождении Гита не представляется возможным. Только привлечение новых данных по исторической топографии и письменных источников Ибн Фадлан позволяет предложить другое решение вопроса о локализации Гита.

Основанные на личных наблюдениях сообщения Ибн Фадлана о местоположении Гита, имеют, как было показано, более важное значение, чем сведения Истахри и Мукаддаси, писавших о Хорезме по материалам своих предшественников.

Замджан и Джит Ибн Фадлана, локализованные нами на отроге чинка Устюрта, видимо, лежали на другом торговом пути из Хорезма в Восточную Европу. Трудно представить, что этим маршрутом прошел только один караван. Этим путем, который проходил через Джурджанию, обследованные нами караван-сараи, огибая Барсакельмесскую котловину с запада, пользовались и в XIX в. Этот маршрут считается кратчайшим из Хорезма в нижнее Поволжье [78, с. 113, 116; 69, с. 113]. Часть этого пути, пролегающая по отрогу плато Устюрт, отмечена башнями и караван-сараями. На торговом маршруте, как и на пути к печенегам, описанном Гардизи, башни доходят только до последнего населенного пункта, откуда караваны направлялись в глубь плато.

Таким образом, изучение археологических памятников Восточного чинка позволило наметить два направления торговых путей на северо-запад, на которых располагались описанные выше объекты.

Необходимо отметить, что на северо-западных чинках Устюрта имеются остатки трех башен, которые по высоте и размерам основания, близки вышеописанным. Расстояние между двумя из них составляет около 13 км [170, с. 250—251].

---

[15] О. Г. Большаков ошибочно помещает городище в 22 км южнее Куня Ургенча [23, с. 172].

М. Алиханов-Аварский упоминает о семи башнях в местности Кара-зенгир на восточном берегу Каспийского моря [5, с. 34—35]. Если это такие же башни, как на Восточном чинке, то становится очевидным, что они отмечают наиболее удобные подъемы для торговых караванов.

Многочисленные археологические памятники, расположенные по Восточному чинку, наглядно показывают, насколько интенсивно обживался этот район с IX в. до начала XIII в. Вероятно, массовое возникновение селений, строительство башен, караван-сараев диктовалось торговыми интересами Хорезма.

Торговые связи Хорезма с кочевой степью неоднократно рассматривались различными исследователями. Еще в 1922 г. В. В. Бартольд убедительно показал, что «Хорезм был обязан своим богатством исключительно торговле с кочевниками, по-видимому, получившей при исламе значительное развитие; эта торговля сосредоточивалась в северной части Хорезма...» [13, с. 14—19].

В изучение торговых связей Восточной Европы со Средней Азией значительный вклад внес А. Ю. Якубовский. Сопоставление большого круга источников позволило ему сделать важный вывод о главенствующей роли Хорезма в торговых отношениях в X в. А. Ю. Якубовский отметил, что «...города Хорезма, лежащие в низовьях Амударьи, соседствуя с кочевой степью, самой географической обстановкой были поставлены в условия, при которых они не могли не взять торговой инициативы в Хазарском царстве в свои руки» [243, с. 12]. В то же время А. Ю. Якубовский считал, что «не меньшую роль, чем торговля с Восточной Европой, в жизни Средней Азии играла в эту эпоху торговля с кочевой степью. Целые районы развивались под влиянием этого товарооборота. Хорезм экономически и политически вырос не только благодаря торговле с Восточной Европой, сколько с кочевой туркменской или огузской степью. Во всяком случае Ургенч — столица северного Хорезма, тогда один из больших городов Средней Азии главное свое богатство построил на указанной торговле с кочевниками, которые пригоняли на его базары скот, привозили шерсть, кожи, получая взамен рис, хлеб, ткани и металлические изделия» [243, с. 15].

По мнению А. Ю. Якубовского, «степи эти (Дешт-и-Кыпчак) в XI—XII в. посещались караванами не в меньшей, если не в большей мере, чем при ...саманидах в X в.» [243, с. 28].

В более поздних работах А. Ю. Якубовский показал, что торговые отношения с кочевой степью и государствами Восточной Европы способствовали перенесению столицы из южного Хорезма в северный [92, с. 199—202; 169, с. 39—58].

Выводы В. В. Бартольда и А. Ю. Якубовского о важной роли торговли с кочевниками в экономике Хорезма на протяжении IX — нача-

ла XIII в., сделанные на основе анализа письменных источников, подтверждаются материалами наших исследований.

Интенсивные торговые отношения Хорезма с северо-западными соседями, свидетельствующие о безопасности торговых путей, противоречат гипотезе об оборонительном назначении сооружений на Восточном чинке, выдвинутой С. П. Толстовым по материалам предварительных исследований 1946 и 1952 гг. [205, с. 178; 207, с. 249—250; 211, с. 184]. По мнению С. П. Толстова, эти памятники вводят нас «в обстановку напряженной борьбы с огузами» [207, с. 249]. Эта гипотеза нашла свое отражение также в работах Я. Г. Гулямова [74, с. 154], В. Н. Ягодина [234, с. 95; 235, с. 14], Е. Б. Бижанова [29, с. 9; 30, с. 56], А. В. Гудковой [73, с. 141], С. Г. Агаджанова [2, с. 148], Ю. П. Манылова [134, с. 70; 135, с. 19]. Она была принята авторами «Истории Туркменской ССР» [90, с. 206], «Очерков истории Каракалпакской ССР» [168, с. 100], «Истории Каракалпакской АССР» [89, с. 79].

Подводя итоги анализу памятников на Восточном чинке Устюрта, мы должны констатировать, что наиболее интенсивный период освоения указанной территории происходит с X в. Однако не исключено, что этот процесс захватывает и IX в.

Определение хронологических границ освоения Восточного чинка имеет важное значение также для изучения истории прилегающей к Устюрту территории западной части дельты Амударьи. Массовое возникновение различного рода караван-сараев, башен, крупных населенных пунктов на чинке и одновременное появление большого числа населенных пунктов под чинком хронологически совпадает с обводнением западной части дельты Амударьи. Граница освоения Восточного чинка на севере в X в. доходит до караван-сарая Аджибай.

В XII — начале XIII в. она перемещается на север и ее границу определяет городище Курганча (Давлетгирей). Стратиграфические наблюдения позволяют считать, что процесс освоения Восточного чинка плато Устюрт был непрерывным в указанных хронологических рамках. Большое количество материалов, полученных при обследовании средневековых памятников этой территории, позволило показать многие стороны материальной культуры населения Устюрта, которая развивалась под влиянием Хорезма.

Это естественно, так как население характеризуется, в основном, европеоидным типом Среднеазиатского междуречья, к которому принадлежало земледельческое население Хорезма. Однако как показывают краниологические материалы, состав населения, видимо, не был единым. В могильниках отмечено наличие смешанных европеоидно-монголоидных вариантов и южно-сибирского антропологического типа.

В погребальном обряде также намечается сочетание черт, присущих мусульманскому погребальному ритуалу и похоронному обряду

кочевников, что свидетельствует о глубоком взаимовлиянии культур на границе с кочевым миром.

В материальной культуре, обусловленной единой географической средой, единым уровнем общественно-экономического развития, сходными формами хозяйства, постоянными контактами с земледельческими областями, тесно переплелись черты, присущие населению низовьев Амударьи, Сырдарьи и Южного Хорезма.

В интенсивных торговых отношениях Хорезма с кочевниками и государствами Восточной Европы в IX — начале XIII вв., основательно исследованных В. В. Бартольдом и Ю. А. Якубовским по письменным источникам, важное значение имели в силу своего географического положения населенные пункты Восточного чинка плато Устюрт.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пятилетние археологические изыскания на плато Устюрт позволили получить научные материалы, охватывающие огромный промежуток времени—от мезолита до эпохи Золотой Орды. Поскольку мы находимся на начальных стадиях изучения археологии этого интереснейшего региона, собранный материал в ряде случаев весьма скуден, имеются хронологические лакуны. Вместе с тем по своему научному значению и объему собранные материалы являются существенным вкладом в фонд источников по истории населения Устюрта и более широкой территории и позволяют впервые дать хронологическую классификацию археологических памятников плато.

Долгое время неолитические памятники, обнаруженные на Устюрте в начале нашего века М. В. Баярунасом, являлись наиболее ранними свидетельствами заселения человеком территории плато. Систематические поиски памятников каменного века, предпринятые нами, отодвинули начальные этапы освоения Устюрта в эпоху мезолита. Однако уже после завершения работы над монографией, при повторном обследовании местонахождения Есен были обнаружены еще более ранние археологические объекты, возраст которых определяется эпохой верхнего палеолита. В целом материалы этого памятника близки верхнепалеолитическим материалам из Центрального Казахстана и характеризуют в настоящее время древнейший этап освоения Устюрта человеком.

Более широко представлены материалы мезолита—начала неолита. К этому времени относятся стоянки Актайлак-1, скопление 1; Актобе-1; Чурук-2, скопление I—2; Чурук-3, скопление 2; Чурук-7; Сулама; Сумбетимер-I; Кыйсыкшинграу-2; скопление I. Специфической чертой их является наличие геометрических орудий типа асимметричных трапеций, синхронных аналогичным орудиям из мезолитических памятников восточного Прикаспия и Южного Урала.

Более обильными материалами представлен период конца раннего неолита—развитого неолита. К нему отнесены такие памятники, как Актайлак-I, скопление 4—5; Косхатын; Чурук-2, скопление 3; Дахлы с Западного Устюрта. Специфической чертой кремневого инвентаря этого периода является наличие в комплексах трапеций симметричных форм, в том числе «рогатых». В связи с этим небходимо заметить, что на некоторых устюртских стоянках трапеции симметричных форм найдены в единых комплексах с трапециями асимметричных форм. Это обстоятельство позволяет предполагать, что устюртские комплексы с трапециями симметричных форм являются более ранними, чем Кызылкумские, датированные по радиоуглероду VI тыс. до н. э. (57, с. 269).

В целом хронология этого этапа (конец VI—V тыс. до н. э.) определяется по аналогиям к трапециям симметричных форм из неолитических памятников северо-восточного Приаралья, Джейтунской культуры в Туркмении, памятников дарьясайского типа в Кызылкумах и V—Va слоев пещеры Джебел в юго-восточном Прикаспии.

Значительными материалами представлена эпоха позднего неолита—энеолита. К этому периоду относится большинство из обнаруженных нами на Устюрте памятников каменного века. Особенно значительными из них являются Актайлак-I, скопление 2; стоянки урочища Барлыбай, стоянки Булакской котловины. Специфическими чертами кремневого инвентаря памятников этого периода является полное отсутствие трапеций, сравнительное уменьшение количества концевых скребков и увеличение числа скребков на отщепах, а также двусторонне обработанных наконечников стрел, отличающихся разнообразием форм и отделкой (особенно форма основания).

Изучение памятников каменного века Устюрта позволило по-новому подойти к решению вопросов его культурной принадлежности и места в системе культур каменного века Евразии. На основании первых немногочисленных находок кремневого инвентаря на Устюрте А. А. Формозов [229, с. 57], а вслед за ним А. В. Виноградов [48, с. 2] рассматривали неолитические памятники Устюрта в пределах ареала кельтеминарской культуры. Однако новые материалы, полученные в ходе наших исследований, выводят каменный век Устюрта далеко за рамки собственно кельтеминарской культуры как в хронологическом отношении, так и культурной принадлежности. Следует заметить, что и исследователи кельтеминарской культуры в настоящее время склонны резко ограничить ее прежде столь обширный ареал, сводя его лишь к территории южной дельты Акчадарьи [50, с. 157].

Обращаясь к вопросу о месте памятников эпохи камня Устюрта в системе культур каменного века Евразии, необходимо отметить своеобразие мезолитических и неолитических памятников плато. Это своеобразие в значительной степени определено географическим положением

Устюрта, лежащего между обширным регионом мезолитических и неолитических культур Южного Урала и Зауралья, и не менее обширным регионом мезолитических и неолитических культур Кызылкумов и восточного Прикаспия. Памятники каменного века Устюрта являются звеном между двумя обширными регионами, без учета которого невозможно решать вопросы о характере сложной системы взаимосвязей и взаимовлияний, существовавших между ними и уже давно отмеченных рядом исследователей [109; 12; 142].

Изучение мезолитических и неолитических памятников Устюрта позволило выявить такую специфическую черту их топографии, как гнездовое расположение на плато и обязательная привязка к впадинам и тем своеобразным формам рельефа, которые были названы нами «руслообразными понижениями». Эта топографическая специфика требует своего объяснения.

В современных условиях климат Устюрта резко континентальный и крайне засушливый, характеризующийся длительным жарким летом, холодной зимой и большими годовыми и суточными амплитудами температур. Впадины, к которым приурочены крупные скопления мезолитических и неолитических памятников Устюрта, сейчас представлены солончаками и совершенно безводны. Эти факты свидетельствуют, на наш взгляд, о том, что гидрогеологическая и климатическая обстановка на Устюрте за время, прошедшее с эпохи мезолита и неолита, существенно изменилась.

Вполне вероятно, что за этот период мог значительно колебаться (вероятно в сторону понижения) уровень грунтовых вод, могли исчезнуть старые и возникнуть новые источники подземных вод (родники и ключи). Скопление мезолитических и неолитических памятников у впадин и руслообразных понижений может свидетельствовать только об одном— все они в эпоху мезолита и неолита были заполнены водой, что создавало возможности для долговременного обитания человека на плато. Подобные явления на Устюрте могли отмечаться лишь в условиях более влажного, чем сейчас, климата, характеризующегося повышенным количеством атмосферных осадков и, вероятно, некоторым понижением температур.

Наши данные о голоценовом увлажнении климата на Устюрте подтверждаются как наблюдениями геологов, отмечающих на плато следы более значительной в недавнем геологическом прошлом эрозионной деятельности (98, с. 119—122), так и материалами из других районов Средней Азии и Казахстана (55, с. 43—44; 130, с. 28).

Как уже отмечалось при изложении фактического материала, чрезвычайно скудны пока данные об эпохе бронзы. На их основе мы можем лишь констатировать наличие памятников соответствующего времени на северной части Устюрта и говорить об общем «андроноидном» характере имеющихся вещественных материалов.

Поиски новых памятников эпохи бронзы и изучение уже обнаруженных—одна из очередных задач археологического изучения Устюрта.

В эпоху раннего железа на плато были повсеместно распространены памятники кочевников. Известно, что кочевничество (экстенсивное кочевое скотоводство) возникает только там, где отсутствуют возможности для более интенсивной хозяйственной деятельности.

Переход в конце эпохи бронзы и начале раннего железа в Приаралье, в том числе, вероятно, и на Устюрте, от периодов, характеризовавшихся большей увлажненностью, к более засушливому климату [56, с. 234—255; 204, с. 29; 44, с. 30], привел к формированию природной среды, близкой к современной. В сложившейся обстановке освоение обширных пространств плато было возможным лишь для кочевой скотоводческой экономики при длительных меридиональных перекочевках. Лишь при этих условиях скудные кормовые и водные ресурсы плато создавали возможность для хозяйственной адаптации здесь человека.

Именно эти соображения позволяли надеяться на открытие на плато археологических памятников кочевников древности и средневековья. Широкие поисковые археолого-топографические изыскания показали наличие на Устюрте многочисленных кочевнических археологических объектов, расположенных как по Восточному чинку, так и во внутренних районах плато. Проведенные работы показали наличие кочевнических памятников от V—IV вв. до н. э. до VII—VIII вв. н. э.

Кочевнические памятники более позднего времени обнаружены не были, однако некоторые косвенные данные позволяют надеяться на открытие на плато и памятников эпохи развитого средневековья.

Мы пока не располагаем и хорошо датированными кочевническими комплексами VII—VI вв. до н. э. на Устюрте, однако находки бронзовых двухлопастных втульчатых наконечников стрел ранних типов косвенно свидетельствуют о том, что такие памятники на Устюрте существуют и их обнаружение—дело будущего.

Более определенные, хотя пока и крайне малочисленные, данные мы имеем о кочевнических памятниках Устюрта V—II вв. до н. э. Это погребения на горизонте в каменном ящике, или в пределах каменного кольца, или спирали. Исследованные на Устюрте погребения сильно разрушены, однако имеются основания предполагать, что они были покрыты большими каменными насыпями.

Археологические исследования последних лет позволяют говорить о том, что подобные погребальные сооружения—явление в археологии Средней Азии не единичное. Аналогичные сооружения отмечены исследователями как в районах, прилегающих к Устюрту, так и на значительном удалении от него.

Находки синхронных погребальных сооружений интересующих нас типов на Узбое (232; 233) и в юго-восточном Прикаспии (131), вероятно очерчивают ареал одновременных памятников подобных типов.

Более сложен вопрос об аналогиях в Западной Фергане. Вполне вероятно, что они обусловлены реальными историческими связями. Однако имеющийся в настоящее время материал пока еще слишком невелик для исследования конкретного содержания этих связей. На данном этапе исследований мы можем лишь отметить, что погребения на горизонте в каменном ящике или в пределах каменного кольца в юго-восточном Прикаспии, на Устюрте и Узбое—явление более раннее, чем курумы Западной Ферганы, датируемые в пределах с I—II вв. до VI—VII вв. н. э. [123, с. 211—213].

Период IV—II вв до н. э. представлен в наших материалах наибольшим количеством типов кочевнических памятников.

По большинству признаков погребального обряда отмечается значительная близость устюртских погребений IV—II вв. до н. э. к прохоровским—Южного Приуралья. Вместе с тем необходимо указать и на наличие ряда своеобразных черт в погребальном обряде, не допускающих пока прямого отнесения кочевнических памятников Устюрта IV—II вв. до н. э. к раннесарматской прохоровской культуре.

Изучение топографии анализируемого типа памятников Устюрта позволяет выделить два варианта их размещения на плато: линейное—меридионально вытянутая цепочка курганных групп вдоль Восточного чинка Устюрта; гнездовое расположение на Центральном Устюрте.

При наложении карты исследованных на Восточном чинке Устюрта курганов IV—II вв до н. э. на карту казахских кочевых путей нового времени через плато, нельзя не заметить почти полного их совпадения. По Восточному чинку проходил кочевой путь казахов-табынов, которые зимовали в районах южного Приаралья, ранней весной поднимались на Устюрт и к лету перекочевывали в бассейн рек Сагыза, Уила и Эмбы, а в отдельные неблагоприятные годы уходили далеко на север, где они не бывали десятки лет. По некоторым сведениям, в иные годы казахи летовали даже в бассейне р. Белой [220, л. 148—152].

Обнаружение кочевнических памятников IV—II вв. до н. э. на Устюрте и локализация части их меридиональной цепочкой, протянувшейся через плато к центрам древнехорезмийской оседлоземледельческой цивилизации, позволяет поставить вопрос о существовании кочевого цикла Южное Приуралье—юго-западное Приаралье.

Действительно, бесплодные земли Устюрта, скудность источников воды, сезонный характер пастбищ ограничивали весьма узкими рамками выбор формы хозяйственной адаптации в данном районе, позволяя вести лишь кочевое скотоводческое хозяйство с сезонными перекочевками только в меридиональном направлении, вслед за созревающими пастбищами, располагающими лишь строго сезонными кормовыми ресурсами. Именно эти специфические природно-географические данные и обусловили формирование кочевого цикла Южное Приуралье—юго-западное

Приаралье и выделение локальной группы (или групп) племен, традиционно кочевавшей по этому пути. Сейчас мы частично локализовали один из этих кочевых путей, проходивших по Восточному чинку Устюрта. Ближайшей задачей в настоящее время, очевидно, является дальнейшая разработка вопросов, связанных с кочевым циклом этой группы племен и индикация остальных кочевых путей, пересекавших Устюрт. Некоторые основания для этой работы дают находки кочевнических курганов на Центральном Устюрте, на северо-западе Барсакельмесской впадины.

Работа в этом направлении проясняет многие вопросы этнических, культурных и экономических взаимосвязей обширного кочевого мира, оседло-земледельческих оазисов и городских ремесленных центров древнего Хорезма. Для первых веков нашей эры мы фиксируем даже оседание части степняков в хорезмийских городах [242, с. 161—166; 236]. Свидетельством существования подобных связей в раннесарматское время служат находки хорезмийских сосудов и пряслиц, выточенных из стенок гончарных сосудов, в прохоровских курганах Восточного чинка Устюрта. Как уже отмечала М. Г. Мошкова [152, с.9], для объяснения этих находок нет никакой необходимости в конструировании гипотезы о якобы имевшей место в IV—III вв. до н. э. экспансии Хорезма в Южное Приуралье [168, с. 52]. Эти сосуды попадали к ранним сарматам в результате постоянных экономических связей, в которые с хорезмийцами вступали степняки, зимовавшие на границах Хорезмского оазиса и переносившие затем изделия хорезмийских ремесленников на огромные расстояния по своим традиционным кочевым путям.

Скотоводческие племена, кочевавшие через Устюрт, были, очевидно, своеобразным материальным звеном—переносчиком культурной информации между миром оседло-земледельческих городских цивилизаций Средней Азии, в первую очередь, Хорезма, и обширным миром степных и лесостепных племен Приуралья и Западной Сибири. Коммуникации же, по которым осуществлялся этот обмен культурной информацией, не были ни путями завоевателей, ни, возможно, даже путями торговых караванов. Это были пути, по которым традиционно осуществлялся сезонный, кочевой цикл скотоводческих племен Южного Приуралья — юго-западного Приаралья. Рассматривая памятники Устюрта IV—II вв. до н. э., необходимо обратиться также к вопросу о генезисе подбойных погребальных сооружений Средней Азии. Этот вопрос дискуссионен и рассматривается в довольно обширной литературе [123, с. 57 и сл.].

Материалы с Устюрта пока еще слишком ограничены для того, чтобы внести в эту дискуссию какие-то конструктивные предложения. Однако то обстоятельство, что мы имеем здесь наиболее раннее из известных в Средней Азии подбойных погребений, близкое раннесарматским, делает возможным уже высказанное нами [242, с. 162—166] допущение

о том, что в сложении данного типа погребений в отдельных районах Средней Азии определенную роль играли племена сарматов.

Период I в. до н. э. — I в. н. э. в наших материалах не представлен. Мы пока лишены возможности предложить какое-либо объяснение этому факту, поскольку неясно, имеем ли мы дело с явлением, обусловленным реальными историческими процессами, или же указанная хронологическая лакуна отражает недостаточный уровень наших знаний по археологии Устюрта.

Для II—IV вв н. э. на Устюрте отмечен единый тип погребальных сооружений, обнаруживающих значительное сходство с позднесарматскими погребениями Поволжья и Южного Приуралья и почти полное совпадение в обряде с погребениями Джетыасарской культуры. Точно датированных памятников V—VI вв. н. э. на плато пока не обнаружено. Однако следует отметить, что не исключена возможность расширения даты некоторых памятников II—IV вв. до II—V вв. н. э.

Памятники VII—VIII вв. на Устюрте довольно разнообразны в типологическом отношении. Однако, как показали наши исследования, все они принадлежат единой Джетыасарской культуре III этапа ее развития.

Очевидно, появление Джетыасарской культуры на Устюрте в VII—VIII вв. связано с отмеченным исследователями фактом запустения большинства памятников Джетыасарской культуры на Нижней Сырдарье в конце VII в. н. э. и распространением ее в дельту Амударьи, где на ее основе формируется Кердерская культура, и в дельту Сырдарьи, где она ассимилируется так называемой «культурой болотных городищ» [116, с. 76].

Переселившись на Устюрт, носители Джетыасарской культуры переходят к чисто кочевому типу хозяйства. Керамический материал разделяется на те же две группы, что и керамика сырдарьинского варианта. Однако на Устюрте наблюдается огрубление некоторых форм керамики, в частности, мисок и двуручных горшков, совершается переход к изготовлению их вручную из плохо промешанной формовочной массы. При этом сохраняются формы, на Нижней Сырдарье характеризующиеся предварительно отмученной формовочной массой и изготовлением на кругу или с помощью поворотной подставки.

Необходимо отметить и наличие в устюртских керамических комплексах некоторого количества керамики, сохраняющей архаические черты, характерные для I и II этапов развития Джетыасарской культуры. Однако на нынешнем этапе исследований трудно установить, имеем ли мы в данном случае свидетельство о более раннем проникновении Джетыасарской культуры на Устюрт, чем VII век, или перед нами явление пережиточного характера.

Время развитого средневековья пока представлено на Устюрте только хорезмийскими памятниками. Кочевнических памятников этого времени на Устюрте обнаружено не было. Тем не менее, указания средневековых авторов как будто бы свидетельствуют о расселении на средневековом Устюрте кочевых племен, в частности, огузов.

Хорезмийские средневековые памятники, материалы исследований которых публикуются в монографии, охватывают сравнительно узкий этап—от IX до начала XIII в. Изучение средневековых памятников в плане их исторической интерпретации, уточнения хронологии позволило выдвинуть гипотезу о регулярном экономическом обмене между земледельческим и ремесленным Хорезмом с одной стороны и кочевой огузской степью и государствами Восточной Европы — с другой.

Исследования средневековых хорезмийских памятников вдоль Восточного чинка показали несоответствие новым археологическим материалам гипотезы об оборонительном назначении средневековых памятников и характере взаимоотношений Хорезма с кочевой степью.

Археолого-топографические разработки дали материал для локализации отдельных населенных пунктов (Замджан и Джит), упоминаемых Ибн Фадланом, и локализации башни на хорезмийской горе (Гардизи, Бакри). Замджан локализован на городище Шемаха, Джит — на городище Куланлы, башня на хорезмийской горе—на мысу Айбугир.

На основе средневековых источников (Гардизи, Ибн Фадлан), намечены два направления торговых путей из Хорезма на северо-запад. Большая часть исследованных памятников, расположенных вдоль Восточного чинка, является караван-сараями на торговых путях из Хорезма в юго-восточную Европу, возникших в IX—XI вв, но продолжавших функционировать в XII—начале XIII в.

24 башни, расположенные вдоль Восточного чинка, относятся к двум указанным выше хронологическим периодам. Они служили ориентирами для торговых караванов, идущих из Хорезма на северо-запад, а также световыми маяками для судов, плывущих по главному руслу Амударьи, вдоль Восточного чинка Устюрта. Изучение башен свидетельствует, что их назначение не было единым и они выполняли многие функции.

Исследование средневековых хорезмийских памятников юго-восточного Устюрта показало, что они самым тесным образом связаны с памятниками, расположенными под чинком плато, вдоль основного русла Амударьи.

Рассматривая вопросы исторической географии юго-восточного Устюрта IX—XIII вв., мы сознательно обошли молчанием сообщения некоторых средневековых авторов, например, ибн Батуты, поскольку считали более целесообразным рассмотреть их вместе с интенсивно накапливающимся материалом по истории Устюрта золотоордынского времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова М. П. Сарматская культура II в. до н. э. — I в. н. э. — СА, 1959, № 1.
2. Агаджанов С. Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии в IX—XIII вв. Ашхабад, 1969.
3. Акишев К. А. Саки Семиречья. — ТИИАЭ АН КазССР. Т. 7. Археология. Алма-Ата, 1959.
4. Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата, 1963.
5. Алиханов-Аварский М. Поход в Хиву (Кавказских отрядов) 1873 г. Степь и оазис. СПб., 1899.
6. Андрианов Б. В. Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969.
7. Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960.
8. Аттагарыев Е. Раскопки на городище Чугондор. — Каракумские древности. Вып. II. Ашхабад, 1968.
9. Аттагарыев К. Средневековое городище Шехр-Ислам. Материальная культура Туркменистана. Вып. I. Ашхабад, 1971.
10. Аттагарыев Е. Раскопки на городище Мисриан. — Каракумские древности. Вып. IV. Ашхабад, 1972.
11. Аттагарыев Е. Средневековое керамическое производство Туркменистана. Вып. II. Ашхабад, 1974.
12. Бадер О. Н. Уральский неолит. — МИА. 1970, № 166.
13. Бартольд В. В. История Туркестана. — «Труды Туркестанского государственного университета» Вып. 2. Ташкент, 1922.
14. Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч. Т. I, М., 1963.
15. Бартольд В. В. Сведения об Аральском море с древнейших времен до XVII в. Соч. Т. 3. М., 1965.
16. Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана. Соч. Т. III. М., 1965.
17. Бартольд В. В. Ибн Фадлан. Соч. Т. VIII. М., 1973.
18. Бартольд В. В. *Приложение к «Отчету о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893—1894 гг.».* Соч. Т. VIII. М., 1973.
19. Баруздин Ю. Д. Карабулакский могильник. — Известия АН КиргССР. Сер. обществ. наук. Т. III, вып. 3. Фрунзе, 1961.
20. Баруздин Ю. Д., Брыкина Г. А. Археологические памятники Баткена и Ляйляка (Юго-Западная Киргизия). Фрунзе, 1962.
21. Басенов Т. К. Архитектурные памятники в районе Сам. Алма-Ата, 1947.

22. Баярунас М. В. К геологии Гурьевского уезда Уральской области. — «Труды Петроградского общества естествоиспытателей». Т. XXXVIII, вып. 5, Петроград, 1916.
23. Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.
24. Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. — МИА, 1952, № 26.
25. Бернштам А. Н. Кенкольский могильник. Л., 1940.
26. Бижанов Е. Б. Средневековая крепость Давлетгирей на Устюрте. — ВКФ. Нукус, 1965, № 4.
27. Бижанов Е. Б. Неолитическая стоянка Чурук на Устюрте. — СЭ, 1965, № 2.
28. Бижанов Е. Б. Ширван-кала — специализированное поселение горнорабочих-ремесленников. — ВКФ. Нукус, 1966, № 3.
29. Бижанов Е. Б. Археологические памятники Юго-Восточного Устюрта. Автореф. канд. дисс. Нукус, 1967.
30. Бижанов Е. Б. Юго-Восточный Устюрт. Некоторые итоги и перспективы археологического изучения. — ВКФ, 1970, № 3.
31. Бижанов Е. Б. Неолитические памятники песков Картпайкум на Устюрте. Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР. Ташкент, 1973.
32. Бижанов Е. Б., Виноградов А. В. Неолитические памятники Каракалпакского Устюрта. — ВКФ, 1965, № 2.
33. Бижанов Е. Б., Виноградов А. В. Неолитические памятники Каракалпакского Устюрта. — ВКФ. Нукус, 1965, № 3.
34. Бижанов Е. Б., Мамбетуллаев М. Раскопки некрополя Ток-калы в 1968 г. Вопросы антропологии и культуры Кердера. Ташкент, 1973.
35. Брусенко А. Г., Бурякова Э. Ю., Филанович М. И. К истории сложения мусульманского кладбища в северной части Афрасиаба. — В сб: Афрасиаб. Вып. IV. Ташкент, 1975.
36. Брыкина Г. А. Карабулак. М., 1974.
37. Вайнберг Б. И. Куюсайская культура раннего железного века в Присарыкамышской дельте Амударьи. — УСА. Вып. 3. Л., 1975.
38. Вайнберг Б. И. Могильник Тумеккичиджик в Северной Туркмении. АО 1972 г. М., 1973.
39. Вайнберг Б. И., Дурдыев Д., Юсупов Х. Разведочные работы в северной Туркмении. — АО 1970 г. М., 1971.
40. Вактурская Н. Н. О раскопках 1948 г. на средневековом городище Шемаха-кала Туркменской ССР. — ТХАЭЭ. Т. I. М., 1952.
41. Вактурская Н. Н. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв.). — ТХАЭЭ. Т. IV. М., 1959.
42. Вактурская Н. Н., Вишневская О. А. Памятники Хорезма великих хорезмшахов (XII — начало XIII в.). — МХЭ. Вып. I. М., 1959.
43. Вактурская Н. Н., Воробьева М. Г. Хроника Хорезмской экспедиции АН СССР. — ТХАЭЭ. Т. I. М., 1952.
44. Вейнбергс И. Г., Стелле В. Я. Позднечетвертичные стадии развития Аральского моря и их связь с изменениями климатических условий этого времени. Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене (тезисы докладов). М., 1977.
45. Веселовский Н. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего. СПб., 1877.
46. Викторов С. В. Пустыня Устюрт и вопросы ее освоения. — «Труды московского общества испытателей природы». М. Т. XLIV, 1971.
47. Викторов С. В. Индикация старых путей кочевания казахских родов табын

и адай и ее значение для современного освоения Устюрта. — «Известия ВГО». Т. 103. Вып. 5, 1971.
48. Виноградов А. В. Кельтеминарская культура. Автореф. канд. дисс. М., 1957.
49. Виноградов А. В. Неолит Устюрта. — В сб.: История, археология, этнография Средней Азии. М., 1968.
50. Виноградов А. В. Неолитические памятники Хорезма. — МХЭ. Вып. 8. М., 1968.
51. Виноградов А. В. О распространении ранненеолитических комплексов дарьясайского типа (по материалам работ 1970 г.) — УСА. Вып. I. Л., 1972.
52. Виноградов А. В. Работы на могильнике Тумеккичиджик в Северной Туркмении. — АО 1973 г. М., 1974.
53. Виноградов А. В., Кузьмина Е. Е., Смирин В. М. Новые первобытные памятники в северо-восточном Приаралье. — В сб. Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973.
54. ВиноградовА. В., Лопатин С. В., Мамедов Э. Д. Кызылкумская бирюза (из истории добычи и обработки) — СЭ, 1965, № 2.
55. Виноградов А. В., Мамедов Э. Д. Комплексные археолого-географические исследования во внутренних Кызылкумах. — ИМКУ. Вып. 8, 1969.
56. Виноградов А. В., Мамедов Э. Д. Первобытный Лявлякан. — МХЭ. Вып. 10. М., 1975.
57. Виноградов А. В., Мамедов Э. Д., Сулержинский Л. Д. Первые радиоуглеродные даты для неолита Кызылкумов. — СА, 1977, № 4.
58. Виноградов А. В., Шолохов В. В. Новые неолитические находки с Устюрта. — ВКФ, 1967, № 2.
59. Виноградов А. В., Шолохов В. В. Новые данные о неолите Западной Туркмении. — Каракумские древности. Вып. 3, 1970.
60. Вишневская О. А. Раскопки караван-сарая Ак-Яйла и Талайхан-ата. — ТХАЭЭ. Т. II. М., 1958.
61. Вишневская О. А. Археологические разведки на средневековых поселениях левобережного Хорезма. — МХЭ. Вып. 7. М., 1963.
62. Вишневская О. А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э. — ТХАЭЭ. Т. III. М., 1973.
63. Воробьева М. Г. Керамика Хорезма античного периода — ТХАЭЭ. Т. IV. М., 1959.
64. Воробьева М. Г. Дингильдже. Усадьба I тысячелетия до н. э. в древнем Хорезме. М., 1973.
65. Вяткин В. Л. Афрасиаб — городище былого Самарканда. Самарканд, 1926.
66. Гаврилова А. А. Могильник Кудырге как источник по истории алтайских племен. М., 1965.
67. Гайдукевич В. Ф. Работа Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943—1944 гг. — КСИИМК, 1974, № XIV.
68. Галкин М. Н. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб., 1868.
69. Григорьев В. В. Описания Хивинского ханства и дороги туда из Сарайчиковой крепости. — ЗРГО. Кн. 2. СПб., 1861.
70. Григорьев В. В. О путешествии Гербера в Хиву 1732 г. — ИРГО. Т. VI. Отд I. СПб., 1870.
71. Гродеков Н. И. Хивинский поход 1873 г. Действия Кавказских отрядов. СПб., 1883.
72. Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ села Большая речка. МИА. М.—Л., 1956, № 48.
73. Гудкова А. В. Ток-кала. Ташкент, 1964.
74. Гудкова А. В., Ягодин В. Н. Археологические исследования в правобе-

режной части Приаральской дельты р. Амударьи в 1958—1959 гг. — МХЭ. Вып. 6. М., 1963.
75. Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1957.
76. Деопик В. Б. Классификация и хронология аланских украшений VI—IX вв. Средневековые памятники Северной Осетии. — МИА. М., 1963, № 114.
77. Д. К. Усть-Урт, ночлег на Ажибай-Аксауте, в одном переходе от мыса Урга и хивинской крепости Джаны-кала, 3 мая 1873 г. — Уральские войсковые ведомости, 1873, № 24.
78. Дополнительные сведения о пути в Среднюю Азию от залива Цесаревича по Устюрту и Амударье 1885 г. полковника Белявского. — Сб. географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XXV. Спб, 1887.
79. Дьяконов М. М., Керамика Пайкенда. — КСИИМК. М.—Л., 1949, № 28.
80. Дьяконов М. М. Работы Кафирниганского отряда. — МИА, 1950, № 15.
81. Дьяконова В. П. Большие курганы-кладбища на могильнике Кокэль (по результатам раскопок за 1963, 1965 гг.) — ТТКАЭ, Т. III. М., 1970.
82. Ершов С. Археологические памятники левого берега Амударьи. — ВДИ, 1941, № 1.
83. Ершов С. А. Археология ТССР за 20 лет. — «Известия Туркменского филиала АН СССР». Ашхабад, 1944, № 2—3.
84. Жукова Л., Левтеева Л. Дневник участника экспедиции 1899 г., занимавшейся изучением возможности прокладки железнодорожной линии Александров-Гай — Чарджоу. — ВКФ. Нукус, 1973, № 4.
85. Заднепровский Ю. А. Работы южно-киргизского отряда в 1956 г. — «Труды Института истории АН Киргизской ССР». Т. V. Фрунзе, 1959.
86. Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962.
87. Збруева А. В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. — МИА. М., 1952, № 30.
88. Зданович Г. Б. Покровский могильник на р. Ишим. Культура древних земледельцев и скотоводов Казахстана. Алма-Ата, 1969.
89. История Каракалпакской АССР. Т. 1. Ташкент, 1974.
90. История Туркменской ССР. Ашхабад, 1957.
91. История Узбекской ССР. Т. 1. Ташкент, 1955.
92. Итина М. А. Памятники первобытной культуры верхнего Узбоя. — ТХАЭЭ, Т. II. М., 1958.
93. Кабанов С. К. Стратиграфический раскоп в северной части городища Афрасиаб. — В сб. Афрасиаб. Вып. II. Ташкент, 1973.
94. Кастанье И. А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края. — ТОУАК. Вып. 22. Оренбург, 1910.
95. Кесь А. С. Природные факторы, обусловливающие расселение древнего человека в пустынях Средней Азии. — КСИЭ. Вып. XXX, 1958.
96. Кибиров А. И. Археологические работы в Центральном Тянь-Шане в 1953—1955 гг. — ТКАЭЭ. Т. II. М., 1959.
97. Килевейн Е. Отрывок из путешествия в Хиву. — ЗРГО. Кн. 1, Спб., 1861.
98. Клейнер Ю. М., Шолохов В. В. О водных отложениях и роли эрозии в формировании рельефа Устюрта. — «Вестник МГУ», № 2, сер. V, география, 1966.
99. Княжецкая Е. А. Судьба одной карты. М., 1964.
100. Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествиях на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956.
101. Кожемяко Н. Н. Раскопки жилищ горожан X—XII вв. на краснореченском городище. — В сб.: Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана. Фрунзе, 1967.

102. Кой-Крылган-кала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э. — IV в. н. э. — ТХАЭЭ. Т. V. М., 1967.
103. Коробкова Г. Ф. Орудия труда и хозяйства неолитических племен Средней Азии. — МИА. М., 1969, № 158.
104. Коробкова Г. Ф., Крижевская Л. Я., Мандельштам А. М. К вопросу о неолите Прикаспия (по материалам памятников Карабугаза). — В сб.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.
105. Коробкова Г. Ф., Мандельштам А. М. Новые материалы неолитического времени с Мангышлака. — КСИА, 1971, № 127.
106. Костенко Л. Ф. Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа. Спб., 1880.
107. Крачковский И. Ю. Путешествие Ибн Фадлана на Волгу. Л., 1939.
108. Крижевская Л. Я. Неолит Южного Урала. — МИА, 1968, № 141.
109. Крижевская Л. Я. К вопросу о взаимоотношении населения Южного Урала и Средней Азии в неолитическую эпоху. — КСИА, 1970, № 122.
110. Кругликова И. Т., Погребение I—IV вв. н. э. в дер. Айвазовское. — СА, 1957, № 2.
111. Кызласов Л. Р. Ташлыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М., 1960.
112. Кызласов Л. Р. Археологические данные о происхождении сакской культуры. Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. Краткие тезисы докладов на конференции, ноябрь, 1975. Л., 1975.
113. Леваневский М. А. Очерки Киргизских степей Эмбенского уезда. — Землеведение. Кн. IV. М., 1895.
114. Левина Л. М. Керамика и вопросы хронологии памятников Джетыасарской культуры. — В сб.: Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М., 1966.
115. Левина Л. М. К вопросу об антропоморфных изображениях в Джетыасарской культуре. — В сб.: История, археология, этнография Средней Азии. М., 1968.
116. Левина Л. М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетии н. э. — ТХАЭЭ, Т. VII. М., 1971.
117. Левина Л. М. Работы в Джетыасарском урочище. — АО 1973 г. М., 1974.
118. Левшин А. Описания киргиз-кайсацких или киргиз-казачьих орд и степей. Ч. I. Спб., 1832.
119. Литвинский Б. А. Изучение памятников эпохи бронзы и раннего железа в Кайрак-кумах в 1956 г. — ТИИАЭ АН ТаджССР. Т. XCI. Вып. IV. Сталинабад, 1959.
120. Литвинский Б. А. Сложносоставной лук в древней Средней Азии. — СА. 1966, № 4.
121. Литвинский Б. А. Хронология и классификация среднеазиатских зеркал. — МКТ. Вып. 2. Душанбе, 1971.
122. Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972.
123. Литвинский Б. А. Курганы и курумы Западной Ферганы. М., 1972.
124. Литвинский Б. А. Украшения из могильников Западной Ферганы. М., 1973.
125. Лобысевич Ф. Н. Взятие Хивы и Хивинская экспедиция 1873 г. — «Вестник Европы», кн. 8. Спб., 1873.
126. Лоховиц В. А. Новые данные о подбойных погребениях в Туркмении. — В сб.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1967.
127. Лоховиц В. А. Раскопки караван-сарая Ак-рабат. — АО 1973 г. М., 1974.
128. Лунина С. Б. Средневековые гончарные печи в Кашкадарьинской области. УСА. Вып. 3. Л., 1975.

129. Максимова А. Г., Мерщиев М. С., Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Древности Чардары. Алма-Ата, 1968.
130. Мамедов Э. Д. Изменения климата среднеазиатских пустынь в голоцене. Тезисы докладов совещания «Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене». М., 1977.
131. Мандельштам А. М. К характеристике памятников ранних кочевников Закаспия. — КСИА. Вып. 147, 1976.
132. Манылов Ю. П. Костяные изделия VI—XI вв. с городищ правобережной части дельты Амударьи. — ВКФ. Нукус, 1964, № 1.
133. Манылов Ю. П. К изучению городища Кят. — ВКФ. Нукус, 1966, № 2.
134. Манылов Ю. П. Сигнальные башни Султануиздага. — ВКФ, 1969, № 3.
135. Манылов Ю. П. Археологические памятники Султануиздага эпохи античности и средневековья. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1972.
136. Марков Г. Е. Кочевники Азии. М., 1976.
137. Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА. М., 1959, № 73.
138. Массон В. М. Поселение Джейтун. МИА. М., 1971, № 180.
139. Массон М. Е. Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и Мавераннахр. — ТЮТАКЭ. Т. XIII. Ашхабад, 1966.
140. Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. М.—Л., 1939.
141. Матюшин Г. Н. Следы мезолитических слоев на неолитических стоянках Южного Урала и Зауралья. В сб.: Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М., 1964.
142. Матюшин Г. Н. Мезолит Южного Урала. М., 1976.
143. Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975.
144. Мелентьев А. Н. Разведка памятников древности в Западном Казахстане. — АО 1966 г. М., 1967.
145. Мелентьев А. Н. Разведка памятников древности Западного Казахстана. — В сб.: Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972.
146. Мендикулов М. Е. Памятники архитектуры полуострова Мангышлак и Западного Устюрта. Алма-Ата, 1956.
147. Мошинская В. Н. Городище и курганы Потчеваш (к вопросу о потчеваш-ской культуре). Древняя история Нижнего Приобья. МИА. М., 1953, № 35.
148. Мошкова В. Г. Ковры народов Средней Азии конца XIX — начала XX в. Ташкент, 1970.
149. Мошкова М. Г. Раннесарматские бронзовые пряжи. — МИА. М., 1960, № 78.
150. Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры. — САИ. Д 1—10. М., 1963.
151. Мошкова М. Г. О раннесарматских втульчатых стрелах. — КСИА, 1962, № 89.
152. Мошкова М. Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974.
153. Мухамеджанов А. Р. Водоизмерительные сосуды. — ИМКУ. Вып. 6. Ташкент, 1965.
154. Назаренко В. А. Классификация погребальных памятников Южного Приладожья. Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970.
155. Небольсин П. И. Очерки торговли России с Средней Азией. — ЗРГО. Кн. X. Спб., 1855.
156. Немцева Н. Б. Медресе Тамгач Богра-хана в Самарканде (Из археологических работ в ансамбле Шахи-Зинда) — В сб.: Афрасиаб. Вып. III. Ташкент, 1974

157. Неразик Е. Е. Археологические обследования городища Куня-Уаз. ТХАЭЭ. М., 1958, Т. II.
158. Неразик Е. Е. Керамика Хорезма афригидского периода. — ТХАЭЭ. Т. IV. М., 1959.
159. Неразик Е. Е. Раскопки Якке-Парсана. — МХЭ. Вып. 7. М., 1963.
160. Неразик Е. Е. Сельские поселения афригидского Хорезма. М., 1966.
161. Неразик Е. Е. Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.) ТХАЭЭ. Т. IX. М., 1976.
162. Неразик Е. Е., Савицкий И. В. и Манылов Ю. П. Раскопки в зоне средневекового канала Гавхорэ в 1971 г. — ВКФ. Нукус, № 4.
163. Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой. История формирования и заселения. — МХЭ. Вып. 3, 1960.
164. Никитин С. Н. Отчеты экспедиции 1892 г. в Зауральские степи Уральской области и Устюрт. Спб., 1893.
165. Обельченко О. В. Курганные погребения первых веков н. э. и кенотафы Кую-мазарского могильника. — «Труды САГУ». Археология Средней Азии. IV. Нов. сер. Вып. CXI. Ист. науки. Кн. 25. Ташкент, 1957.
166. Окладников А. П. Пещера Джебел — памятник древней культуры Прикаспийских племен Туркмении. — ТЮТАКЭ. Т. VII. Ашхабад, 1956.
167. Орлов М. А. Памятники садово-паркового искусства средневекового Хорезма. — ТХАЭЭ. Т. I. М., 1952.
168. Очерки истории Каракалпакской АССР. Т. I. Ташкент, 1964.
169. Очерки по истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв. Ашхабад, 1954.
170. Первые русские научные исследования Устюрта. М., 1963.
171. Петрусевич Н. Г. Предварительный отчет об исследовании Дарьялыка (Узбой) и Сарыкамышской котловины. — Известия Кавказского отделения РГО. Т. V. Вып. 4. Тифлис, 1878.
172. Погребова Н. Н. Погребения в мавзолее Неаполя Скифского. — МИА. М., 1961, № 94.
173. Праслов Н. Д., Настюков Н. З. Новые памятники каменного века на западном чинке Устюрта. — УСА. Вып. 1. Л., 1971.
174. Праслов Н. Д., Настюков Н. З. Новые материалы по каменному веку западного чинка Устюрта. — КСИА. М., 1973. № 136.
175. Пташникова И. В. Бусы древнего и раннесредневекового Хорезма. ТХАЭЭ. Т. I. М., 1952.
176. Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М., 1958.
177. Пугаченкова Г. А. Материалы к истории хорезмского зодчества. — МХЭ. Вып. 7. М., 1963.
178. Пугаченкова Г. А., Рempель Л. И. Самаркандские очажки. — В сб.: Из искусства великого города. Ташкент, 1972.
179. Рапопорт Ю. А. Раскопки городища Шах-санем в 1952 году. — ТХАЭЭ. Т. II. М., 1958.
180. Рапопорт Ю. А. Из истории религии древнего Хорезма (оссуарии). — ТХАЭЭ. Т. VI. М., 1971.
181. Резолюция выездной сессии Академии наук УзССР в г. Нукусе 9—12 октября 1945 г. — Бюллетень АН УзССР, 1945, № 9—10.
182. Ростовцев М. И. Курганные находки в Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. — МАР, Пг., 1918, 37.
183. Руденко С. И. Культура хуннов и ноинулинские курганы. М.—Л., 1962.
184. Рычков П. И. Топографья Оренбургской губернии. ч. II. Спб., 1762.
185. Руссов С. Путешествие из Оренбурга в Хиву самарского купца Рукавкина в 1753 г. Спб., 1840.

186. Рыков П. С. Археологические раскопки в урочище «Три брата». — СА, 1936, № 1.
187. Рябинин А. Н. По Прикаспийским степям и Устюрту от р. Урала до устья Аму-Дарьи (Путевые наблюдения 1859 г.). — Горный журнал. Т. I. Спб., 1905 г., февраль.
188. Сабинина И. Г., Житомирская О. М. Климатическое описание Устюрта. Л., 1963.
189. Савицкий И. В. Резьба по дереву. Ташкент, 1965.
190. Садиев М. Археологические наблюдения на территории строительства музея истории Самарканда. Афрасиаб. Ташкент, 1973, вып. II.
191. Садыкова М. Х. Сарматский курганный могильник у деревни Старые Киишки. — АЭБ. Т. 1. Уфа, 1962.
192. Сайко Э. В. Краски глазурованной керамики XII—XIV вв. Материальная культура Таджикистана. Вып. 1. Душанбе, 1968.
193. Салтовская Е. Д. Археологические памятники близ кишлака Рохаты. — В сб.: Археологические работы в Таджикистане в 1955 г. Сталинабад, 1956.
194. Сенигова Т. Н. Находки кремня в западных районах чинка Устюрта и в Приаральских Кызыл-кумах. — ИАН КазССР. Сер. археологическая. Вып. 3. Алма-Ата, 1951.
195. Синицын И. В. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов, 1947.
196. Смирнов К. Ф. Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и Южного Приуралья. — ДСИФ. Вып. V. М., 1947.
197. Смирнов К. Ф. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское. — МИА, М., 1959, № 60.
198. Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов. — МИА. М., 1961, № 101.
199. Смирнов К. Ф. Савроматы. Ранняя история и культура савроматов. М., 1964.
200. Смирнов К. Ф. Бронзовое зеркало из Мечетсая. — В сб.: История, археология, этнография Средней Азии. М., 1968.
201. Смирнов К. Ф. Сарматы на Илеке. М., 1975.
202. Сорокин С. С. О датировке и толковании Кенкольского могильника. — КСИИМК, 1956, № 64.
203. Сорокина Р. А., Ягодин В. Н. Археолого-геоморфологические работы в западной части Приаральской дельты Амударьи. — ВКФ. Нукус, 1966, № 2.
204. Степанов И. Н. Ископаемые почвы Арало-Каспийского региона — показатели ритмичных колебаний увлажненности. Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене (тезисы докладов). М., 1977.
205. Толстов С. П. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР в 1946 г. — ИАН СССР. СИФ. Т. IV. М., 1947, № 2.
206. Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948.
207. Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948.
208. Толстов С. П. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР в 1947 г. ИАН СССР. СИФ. Т. V. М., 1948, № 2.
209. Толстов С. П. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук СССР 1949 г. ИАН СССР. СИФ. Т. VII. М., 1950, № 6.
210. Толстов С. П. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР 1945—1948 гг. — ТХАЭЭ. Т. I. М., 1952.
211. Толстов С. П. Археологические работы Хорезмской экспедиции АН СССР в 1952 г. — ВДИ, 1953, № 2.
212. Толстов С. П. Археологические исследования Хорезмской экспедиции 1952 г.— ВАН СССР. М., 1953, № 8.
213. Толстов С. П. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР 1950 г. — СА, 1953, № XVIII.

214. Толстов С. П. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1954 г. — СВ, 1956, № 6.
215. Толстов С. П. Рабоы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 г. — ТХАЭЭ. Т. II. М., 1958.
216. Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
217. Толстов С. П., Жданко Т. А., Итина М. А. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции 1958—1961 гг. — МХЭ. Вып. 6. М., 1963.
218. Толстов С. П., Орлов М. А. Опыт применения авиации в археологических работах Хорезмской экспедиции. — ВАН СССР, 1948, № 6.
219. Трудновская С. А. Украшения позднеантичного Хорезма по материалам раскопок Топрак-кала 1945—1948 гг. — ТХАЭЭ. Т. I. М., 1952.
220. Усть-Урт (каракалпакский), его природа и хозяйство. Ташкент, 1949.
221. Федоров-Давыдов Г. А. Раскопки торгово-ремесленного квартала XV—XVII вв. на городище Таш-кала. — ТХАЭЭ. Т. II. М., 1958.
222. Формозов А. А. Древности с Устюрта. — ВАН КазССР. Алма-Ата, 1947, № 7 (28).
223. Формозов А. А. Кельтеминарская культура в западном Казахстане. — КСИИМК, 1949, № XXV.
224. Формозов А. А. О роли Закаспийского и Приаральского неолита в истории Европы и Азии. СА, 1972, № 1.
225. Хазанов А. М. Сложные луки евразийских степей и Ирана в скифосарматскую эпоху. — С сб.: Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М., 1966.
226. Хазанов А. М. Очерки военного дела у сарматов. М., 1971.
227. Хлопин И. Н. Погребения скифского времени в долине Сумбара. УСА. Вып. 3, Л., 1975.
228. Чалая Л. А. Стоянка Бешбулак 15 (Внутренние Кызылкумы). — УСА. Вып. 2. Л., 1972.
229. Шилов В. П. Калиновский курганный могильник. — МИА. М., 1959, № 60.
230. Шилов В. П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975.
231. Шишкина Г. В. Городской квартал VIII—XI вв. на северо-западе Афрасиаба. Афрасиаб. Ташкент, 1973, вып. II.
232. Юсупов Х. Ю. Археологические работы в предгорьях северо-западного Копет-Дага и между Сарыкамышем и Кызыл-Арватом. — Каракумские древности. Вып. IV. Ашхабад, 1972.
233. Юсупов Х. Ю. Исследование курганных памятников вдоль верхнего Узбоя весной 1973 г. — УСА, Вып. 3. Л., 1975.
234. Ягодин В. Н. Маршрутные археологические исследования в левобережной части Приаральской дельты Аму-Дарьи. — МХЭ. Вып. 7. М., 1963.
235. Ягодин В. Н. Археологические памятники Приаральской дельты Амударьи. Автореф. канд. дисс. М., 1963.
236. Ягодин В. Н. К вопросу о связях Хорезма с Поволжьем и Приуральем в первой половине I тыс. до н. э. — АЭБ. Т. IV. Уфа, 1970.
237. Ягодин В. Н. Изучение раннесредневековой культуры Кердера. Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в 1970 году в СССР (археологические секции). Тбилиси, 1971.
238. Ягодин В. Н. Курганы кочевников Восточного чинка Устюрта. Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР. Ташкент, 1973.
239. Ягодин В. Н. Кердерское поселение Курганча. — В сб.: Вопросы антропологии и культуры Кердера. Ташкент, 1973.
240. Ягодин В. Н., Бижанов Е. Б. Археологические работы на Устюрте. — АО 1973 г. М., 1974.

241. Ягодин В .Н., Бижанов Е. Б., Мамбетуллаев М., Юсупов Н. Разведки на Устюрте. — АО 1972 г. М., 1973.
242. Ягодин В. Н., Ходжайов Т. К. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент, 1970.
243. Якубовский А. Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв. Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР; Ч. I, Л., 1932.
244. Arne T. J. Excavations at Shan Tepe, Iran, Report from the Scientific Expedition te the North Western Provinces of China. Publication 27, Archaeology, 5. Stockholm, 1945.
245. De Goeje M. I. Das alte Bett des Oxus Amū-Darja. Leyden, 1875.
246. Ibn Fadlan's Reisebericht von a. Zeki validi Togan. Leipzig, 1939.
247. Le Strange G. The Lands of the Eastern Caliphate. Cambridge, 1905.
248. Marschall J. Taxila an illustrated account of archaeological excavations carried out at Taxila under the orders of converument of India between the years 1913 and 1914 in three volumes. V.III, Cambridge in Press, 1951.
249. Naturwissenschaftliche Reise dürch die Kirgisensteppe nach Chiva von F. J. Basiner, St. Petersburg, 1848.
250. Oppenheim E. Tell-Halaf. I. H. Schmidt. Die prähistorische Funde. Berlin, 1943.
251. Pampelly R. Explorations in Turkestan, Expedition of 1904, vol. 2.
252. Rau P. Prähistorische Austrabungen der Steppenseit des deutschen Wolgagebieis im Jahre 1926. Pokrowsk, 1927.
253. Speiser E. A. Excavations at Tepe Gawra, vol. 1, 1935; V. Christian. Altertumskunde des Zweistromlandes, 1, 1940.

Приложение 1

Е. А. ЦЕПКИН

ПРОМЫСЛОВАЯ ИХТИОФАУНА СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДИЩ ВОСТОЧНОГО ЧИНКА УСТЮРТА

Изучение древней промысловой фауны рыб по костным остаткам из раскопок археологических памятников, расположенных в бассейне Амударьи, проводилось целым рядом исследователей. Полученные данные характеризуют ихтиофауну неолитической стоянки Джанбаскала [1, 2] и некоторых городищ древнего Хорезма [3].

В настоящей статье приведены результаты обработки ихтиологического материала, собранного в 1974—1975 гг. на средневековых городищах Восточного чинка Устюрта. Остеологическая коллекция содержала 306 костей рыб, довольно хорошей сохранности, и фрагменты чешуи. Из общего числа костей с точностью до вида удалось определить 219 экз. Остальные 87 экз. представлены обломками ребер, лученосцев и мелких позвонков, не определимых ближе семейства карповых из-за отсутствия достоверных диагностических признаков.

Определимые костные остатки принадлежали 8 видам рыб (*табл. 1*).

Шип — Azipenser nudiwentris Lov.

Остатки шипа, всего 47 экз., в коллекции представлены маргинальными лучами грудных плавников, cleithrum, clavicula, operculum, parasphenoideum, жучками и обломками покровных костей черепа. Они принадлежали крупным особям длиной 70—160 см, в среднем — 128,8 см (табл. 2).

В настоящее время в бассейне Аральского моря шип встречается в незначительном количестве. Как отмечал Л. С. Берг [4], уже в 30—40-е годы шип в Амударье был почти истреблен. В Сырдарью шип из моря поднимался до Чиназа. Размеры ходового шипа в низовьях Сырдарьи колебались от 100 до 180 см и в среднем были равны 140 см.

Плотва — Rutilus rutilus (L.).

В коллекции обнаружено 8 экз. костей (praeoperculum, operculum, cleithrum) и фрагменты чешуи, принадлежавшие особям длиной 20—29 см, в среднем — 23,0 см (табл. 2).

В бассейне Аральского моря плотва — одна из наиболее обычных, широко распространенных рыб. В Амударье наряду с крупной быстрорастущей плотвой средней длины 27,2 см, встречается мелкая тугорослая форма средней длины 21,9 см [5].

Таблица 1

Видовой состав и количество костных остатков рыб из культурных слоев городищ Устюрта, экз.

Виды рыб	Караван-сарай		Башня Акчулак, восточная часть. Раскопки 1974 г.	Городище Караумбет, помещения 1—6. Раскопки 1974 г.	Башня Урга. Раскопки 1975 г.
	Куланлы. Раскопки 1974 г.	Аджибай, помещения 1—4. Раскопки 1974 и 1975 гг.			
Шип	—	47	—	—	—
Плотва	—	8	—	—	—
Жерех	—	—	—	3	1
Лещ	—	3	—	7	5
Аральский усач	—	6	—	—	—
Сазан	13	8	14	8	13
Сом	12	4	—	9	11
Судак	—	35	2	9	1
Карповые (неопределенные)	—	30	7	20	30
Всего экз.	25	141	23	56	61

Жерех — Aspius aspius (L.)

Костные остатки жереха, всего 4 экз., были представлены praeoperculum, operculum и глоточными костями, принадлежавшими особям длиной 59 и 64 см (табл. 2).

В современных промысловых уловах в Аральском море преобладал жерех длиной 42,3—47,8 см [5].

Лещ — Abramis brama (L.).

Этому виду принадлежали фрагменты чешуи и 15 костей, среди которых были praeoperculum, interoperculum, cleithrum.

Размеры рыб, восстановленные по 7 костям, колебались от 29 до 40 см и составляли в среднем 33,0 см (табл. 2).

В современных уловах, в первой половине текущего столетия, на юге Аральского бассейна преобладал лещ в среднем длиной от 26 до 30 см [6].

Аральский усач — Barbus brachycephalus Kessler.

В коллекции находилось 6 костей, представленных operculum и колючими лучами спинного плавника. Эти остатки принадлежали крупным особям аральского проходного усача длиной от 90 до 105 см, в среднем — 89,0 см (табл. 2).

Современный аральский усач достигает размеров 103 см. В уловах первой половины нашего столетия преобладали особи длиной от 65 до 73 см [5].

Таблица 2

Размеры рыб, добывавшихся населением средневекового Устюрта

Виды рыб	Длина тела рыб, см.		Количество рыб, экз.
	колебания	средняя	
Шип	70—160	128,8	13
Плотва	20—29	23,0	3
Жерех	59—64	61,5	2
Лещ	29—40	33,0	5
Сазан	29—70	49,3	30
Аральский усач	70—105	89,0	4
Сом	90—240	153,5	10
Судак	36—74	56,5	12

Примечание. Для шипа и сома восстанавливалась абсолютная длина тела, для всех остальных рыб—длина тела от вершины рыла до конца чешуйчатого покрова.

Таблица 3

Соотношения видов рыб в древних и современных уловах, %

Виды рыб	Городища Устюрта, IX—XIII вв.	Уловы на юге Аральского моря в первой половине XXв. [6], [9]
Шип	21,5	0,6
Щука	--	4,3
Плотва	3,7	12,0
Жерех	1,9	1,1
Лещ	6,8	38,2
Аральский усач	2,7	3,1
Сазан	25,4	25,0
Сом	16,5	4,6
Судак	21,5	1,6
Окунь и др.	—	9,5

Сазан — Cyprinus carpio L.

Костные остатки сазана в исследованной коллекции наиболее многочисленны. Этому виду принадлежали 56 костей (Suboperculum, praeoperculum, operculum, hyomanibulare, cleithrum, pharyngiale и позвонки), а также фрагменты чешуи. Размеры рыб, восстановленные по 30 костям, колебались от 29 до 70 см и составляли в среднем 49,3 см (табл. 2).

По данным О. Н. Ивановой [7], в южной части Аральского моря размеры сазана в современных промысловых уловах колебались от 26 до 64 см и составляли в среднем 36,3 см.

Сом — Silirum glanus L.

Этому виду принадлежали 36 костных остатков, представленных маргинальными лучами грудных плавников, cleithrum и позвонками. Размеры рыб колебались от 90 до 240 см и составляли в среднем 153,5 см (табл. 2).

В современных уловах в бассейне Аральского моря встречался как крупный быстрорастущий сом, длиной 50—230 см (в среднем — 98—105 см), так и мелкий тугорослый, размером 50—100 см (в среднем 69 см) [8].

Судак — Lucioperca lucioperca (L.)

В коллекции обнаружено 47 костных остатков, принадлежавших судаку (praeoperculum, interoperculum, dentale, articulare, praemaxillare, maxillare, quadratum, ceratohyale, parasphenoideum, cleithrum, brontale, колючие лучи плавников и позвонки). Размеры рыб удалось восстановить по 12 костям. Длина судака колебалась от 36 до 74 см и составляла в среднем 56,5 см (табл. 2).

В южной части Аральского бассейна в современных уловах встречался судак размером от 24 до 79 см, в среднем — 35—38 см [9].

Таким образом, анализ ископаемого остеологического материала показывает, что рыбный промысел средневекового населения Восточного чинка Устюрта базировался на восьми видах рыб, которые встречаются в бассейне Аральского моря и в настоящее время. Примечательно, что основу уловов (85%) составляли наиболее ценные в промысловом отношении и крупные по размерам рыбы, такие, как шип, сазан, судак и сом (табл. 3). На основании видового состава уловов можно считать, что жители рассматриваемых городищ Устюрта добывали рыбу именно в Амударье, а не в озерах или других непроточных и слабопроточных водоемах.

Необходимо отметить, что по данным некоторых исследователей, в период IX—XIII вв. основное русло Амударьи проходило у подножия Восточного чинка на участке от урочища Айбугир на юге до озера Судочье на севере [10]. Если это так, то средневековое население Восточного чинка вело промысел рыбы именно на этом русле.

Большое количество костных остатков шипа, найденных в культурном слое городищ Устюрта, представляет особый интерес. Они принадлежали крупным ходовым особям, поднимавшимся по Амударье на нерест. Следовательно, в IX—XIII вв. ценнейшая промысловая рыба была в этой реке довольно многочисленна. Несомненно, что амударьинское стадо шипа заметно сократилось в результате интенсивного отлова, причем еще до того, как на Амударье началось гидростроительство.

Из приведенных данных следует, что разнообразие видового состава уловов наряду с крупными размерами добывавшихся рыб позволяют считать, что в IX—XIII вв. Амударья была богата рыбой, которая, очевидно, играла немаловажную роль в экономической жизни средневековых поселений Восточного чинка Устюрта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Никольский Г. В., Радаков Д. В. К истории ихтиологической фауны Средней Азии. — «Зоологический журнал». Т. 25, Вып. 1, 1946.
2. Никольский Г. В., Радаков Д. В., Лебедев В. Д. Остатки рыб из неолитической стоянки Джанбас-кала № 4. — ТХАЭЭ. Т. 1, 1952.
3. Цепкин Е. А. Древняя промысловая фауна рыб реки Амударьи. — «Вопросы ихтиологии». Т. 4, Вып. 2, 1964.
4. Берг Л. С. Рыбы пресных вод СССР и сопредельных стран. Ч. 1., М.—Л., 1948.
5. Берг Л. С. Рыбы пресных вод СССР и сопредельных стран. Ч. 2. М.—Л., 1949.
6. Фортунатов М. А., Курбатова Е. С., Райская А. А. К вопросу о динамике стада промысловых рыб Аральского моря. — В сб.: Материалы по ихтиофауне и режиму вод бассейна Аральского моря, М., 1950.
7. Иванова О. Н. Биологическая характеристика аральского сазана. — В сб.: Работы по ихтиологии и гидробиологии. Вып. 3, Алма-Ата, 1961.
8. Михин В. С. Материалы по возрасту и росту аральского сома. — «Изв. Ленинград. н.-и. ин-та ихтиол.» Т. 12. Вып. 1, 1931.
9. Никольский Г. В. Рыбы Аральского моря. М., 1940.
10. Сорокина Р. А., Ягодин В. Н. Археолого-геоморфологические работы в западной части Приаральской дельты Амударьи. — ВКФ, 1966, № 2.

Приложение 2

Т. К. Ходжайов

ПЕРВЫЕ ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ С УСТЮРТА

В процессе работ сотрудников сектора археологии Института истории, языка и литературы им. Н. Давкараева Каракалпакского филиала АН УзССР на Устюрте были добыты краниологические материалы, которые представляют значительный научный интерес. Численность материала невелика — всего 33 черепа. В хронологическом отношении он охватывает период от эпохи бронзы до средневековья (табл. 1).

Эпоха бронзы. Дата предварительная. Череп из кургана 2 (группа I) могильника Каракудук. Черепная коробка ромбовидной формы (см. табл. 2), гипербрахикранная, средними продольным и высотным, очень большим поперечным диаметрами. Лицевая часть мезогнатная, средней ширины и высоты с довольно сильной горизонтальной профилировкой. Переносье и носовые кости сильно выступающие. Нос широкий и сильно выступает по отношению к профилю лица. Надпереносье, сосцевидные отростки, наружный затылочный бугор развиты средне. Весь комплекс признаков данного черепа указывает на принадлежность его к большой европеоидной расе. Сопоставление его с другими синхронными сериями показывает, что он наиболее близок к черепам тазабагъягской культуры Кокча-3. Т. А. Трофимова, изучая краниологическую серию из этого могильника, выделила два европеоидных варианта: черепа ортогнатные с большими размерами черепной коробки и мезогнатные с меньшими размерами черепной коробки. Первый вариант она сближает с европеоидными типами северной степной полосы Евразии, а второй — с древними прогнатными вариантами Передней Азии и Северной Индии [1]. Изучаемый череп по своим морфологическим и расовым особенностям идентифицируется со вторым вариантом черепов могильника Кокча-3. В первую очередь их сближает небольшой объем мозговой коробки, мезогнатное лицо и большая ширина грушевидного отверстия.

Таким образом, рассмотренный женский череп более всего напоминает черепа средиземноморского расового типа. Черепа аналогичного расового типа обнаружены в ряде могильников степной бронзы

Таблица 1

Сводные данные о черепах и костях скелета с Устюрта

Происхождение	Пол	Возраст	Датировка
Каракудук, группа 1, к. 2	жен.	25—30 л.	Бронза (предположит.)
Каракудук, группа III, к. 10	муж.	25—30 л.	»
Мыс Безымянный, к. 3	жен.	25—30 л.	IV—II вв. до н. э.
Дуана, группа IV, к. 30	муж.	30—35 л.	II—IV вв. н. э.
» к. 36	муж.	30—35 л.	»
» к. 32	жен.	40—45 л.	II—IV вв. н. э.
» к. 33	жен.	40—45 л.	»
» к. 35	жен.	30—35 л.	»
» группа X, к. 110			VII—VIII вв. н. э.
Каскажол, к. 2, погр. 1	муж.	35—40 л.	»
» к. 2, погр. 6	жен.	30—35 л.	»
» к. 2, погр. 7		6—7 л.	»
Караумбет, погр. 2/1	жен.	40—45 л.	X—XIII вв.
» погр. 2/2		3—6 л.	»
» погр. 4	муж.	45—50 л.	»
» погр. 5	муж.	40—45 л.	»
Караумбет, погр. 7	жен.	40—45 л.	X—XIII вв.
» погр. 9	муж.	35—40 л.	»
» погр. 10	муж.	30—35 л.	»
» погр. 12	муж.	30—35 л.	»
» погр. 12		12—13 л.	»
Караумбет-2, погр. 1	муж.	25—30 л.	»
погр. 2	муж.	35—40 л.	»
Аджибай, погр. 1	жен.	35—40 л.	»
» погр. 2	муж.	40—45 л.	»
» погр. 3		14—16 л.	»
» погр. 4	муж.	35—40 л.	»
Ербурун, погр. 1	жен.	18—20 л.	»
Белеули, погр. 2		3—6 л.	XII—XIV вв.
Пулжай-3	муж.	40—45 л.	не датировано
Айткуль-1	муж.	40—45 л.	не датировано
Урга, к. 3	муж.	25—30 л.	не датировано

Узбекистана: в Бухарской области — могильник Заман-баба [2, 3], в Самаркандской — могильник Муминабад (неопубликованные данные В. Я. Зезенковой) и могильник на территории колхоза им. Энгельса (неопубликованные данные автора).

Немногочисленные черепа эпохи бронзы из Тасты-Бутака близ Ак-

тюбинска Казахской ССР также имеют морфологические особенности, свойственные средиземноморской расе [4].

Исследование костных материалов из отдельных погребений эпохи бронзы показало, что расовые черты южного происхождения погребенных сочетаются с признаками материальной культуры северного происхождения.

Череп из кургана 10 (группа III) могильника Каракудук. Череп мужчины 25—30 лет из кургана 3, овоидной формы, брахикранная при среднем продольном, очень больших поперечном и высотном диаметрах. Лицевая часть широкая и высокая, сильно уплощенная в горизонтальном плане. Нос узкий ,сравнительно слабо выступающий по отношению к профилю лица.

Таким образом, в эпоху бронзы, по материалам могильника Каракудук, мы наблюдаем два расовых типа: южный средиземноморский и протоевропейский северного происхождения. Расовый тип мужского черепа представляет определенный интерес. Но ввиду единичной находки и, тем более, отсутствия точной его датировки нельзя ставить вопрос о наличии монголоидных черт у населения эпохи бронзы Устюрта.

Материалы IV—II вв. до н. э. представлены единственным черепом женщины 25—30 лет из кургана 3 курганной группы «мыс Безымянный». Он характеризуется теми же морфологическими особенностями, что и череп из кургана 10 (группа III) могильника Каракудук, отличаясь от него более высоким и плоским лицом. Расовый тип смешанный — европеоидно-монголоидный. Этот череп более всего близок к черепам тагискенско-уйгаракской группы VI—V вв. до н. э., выделенной Т. А. Трофимовой в составе сакских групп Приаралья [5]. Такими же морфологическими и расовыми особенностями характеризуются черепа из курганов VI—V вв. до н. э. Султануиздага [6].

Нам представляется, что население Уйгарака и Тагискена, Юго-Восточного Устюрта и курганов Султануиздага относится к одной популяции. Появление в центре Хорезмского оазиса курганных захоронений связано, вероятно, с проникновением в земледельческие оазисы сакских племен казахстанских степей.

Материалы II—IV вв. н. э. Все они получены из раскопок курганов IV группы могильника Дуана, представлены пятью черепами (2 мужских и 3 женских) различной степени сохранности.

Череп мужчины 30—35 лет из кургана 30 эллипсоидной формы, мезокранная с небольшими горизонтальными размерами и очень высоким сводом черепа. Лоб широкий, средненаклонный с сильно развитыми надпереносьем и надбровными дугами. Лицо ортогнатное, очень широкое и средневысокое с сильной горизонтальной профилировкой. Орбиты низкие. Нос широкий и средневыступающий.

Индивидуальные данные черепов

Признаки / Датировка, Памятник, Пол, Возраст, лет	Бронза		IV–II вв. до н. э.	II–IV вв. н. э.				
	Каракудук		Мыс. Безымянный	Дуана				
	к. 30	к. 36	к. 32	к. 33.	к. 35			
	жен.	муж.	жен.	муж.	муж.	жен.	жен.	жен.
	25–30	25–30	25–30	30–35	30–35	40–45	40–45	35–40
1. Продольный диаметр	174	191	178	183	—	188	—	173
8 Поперечный диаметр	155	161	149	138	138	140	—	134
17 Высотный диаметр	132	130	137	144	135	—	—	124
9 Наименьшая ширина лба	94	103	95	100	—	—	—	94
45 Скуловой диаметр	129	147	142	143	136	131	126	125
48 Верхняя высота лица	68	76	77	72	68	79	77	68
47 Полная высота лица	112	129	124	121	—	—	—	119
55 Высота носа	50	54	55	52	50	57	58	48
54 Ширина носа	27	28	26	29	23	30	25	24
52 Высота орбиты	33	34	35	29	31	36	37	33
77 Назомалярный угол	143	140	147	136	—	140	138	143
—Зигомаксиллярный угол	127	134	145	135	—	139	123	133
SS Симотическая высота	7	4,5	4.5	5	—	2,5	6	3
DS Дакриальная высота	13	12	10.5	13	—	—	—	10
—Глубина клыковой ямки, мм	3,1	3,2	2.9	1,8	3,1	—	3,6	5.0
—Угол поперечного изгиба лба	138	—	—	130	—	—	—	142
32 Угол лба от назиона	88	71	80	80	—	—	—	82
72 Общий угол лица	78	87	87	81	—	—	—	84
75 (1)Угол выступания носа	28	25	23	25	—	23	38	30
Форма черепной коробки	ромб.	овоид.	овоид.	эллипс	эллипс.	эллипс.	—	эллипс
Надпереносье (1–6)	2	4	3	4	—	1	3	3
Надбровные дуги (1–3)	2	2	2	2	—	1	2	2
Нижний край грушевидного отвер.	F. pr	F. pr	Ant	F pr.	Ant	Ant	Ant	Ant
Указатели:								
8 : 1 Черепной	89,0	83,9	83,7	75,5	—	74,4	—	77,5
48 : 45 Верхнелицевой	52,7	51,7	54,2	50,2	50,1	60,3	61,1	54,4
48 : 17 Вертикальн. айрэин эфиальный	51,5	58,5	56,1	50,0	50,3	—	—	54,8
DS : DC Дакриальны	61,8	54,6	50,0	41,9	—	—	—	50,0
SS : SC Симотический з	58,3	50,0	60,0	41,7	—	31,3	60,1	43,0
Изгиб скуловой кости (по Ву)	21,5	20,8	21,1	20,0	—	—	—	21,4

VII–VIIIвв.

Каскажол, курган 2			Караумбет				
п. 1	п. 6	п.7	п. 4	п. 5	п. 9	п. 10	п. 12
муж.	жен.	детские	Мужчины				
35–40	30–35	6–7	45–50	40–45	40–45	35–40	30–35
—	174	165	185	194	176	185	117
—	141	135	152	155	145	148	154
—	137	—	135	135	—	136	134
105	100	85	90	94	95	108	90
140	124	94	147	145	136	145	140
75	71	52	74	76	68	71	82
—	110	—	—	126	110	111	—
54	49	37	—	54	49	52	60
29	27	20	—	28	23	23	26
31	32	31	36	35	35	37	37
135	137	133	148	141	141	137	149
131	125	118	142	146	131	138	130
7	4	—	4	3,5	4,5	4,5	—
15	10	—	9	12	12	11	—
0,8	2,9	2,8	3,0	1,7	6,0	3,0	3,0
136	134	129	147	148	142	137	147
—	84	90	87	76	80	87	85
—	85	88	—	93	85	90	—
39	23	20	23	29	34	32	—
—	эллипс.	сфер.	бирз.	цент.	эллипс.	эллипс.	сфер.
3	1	1	3	3	3	2	2
2	1	1	2	2	2	1	2
F. pr.	Ant	Inf	—	Ant.	Ant	Ant.	F. pr.
—	80,8	81,7	82,3	80,0	82,5	80,0	87,0
53,6	57,3	55,3	50,3	52,3	50,0	49,0	58,6
—	51,8	—	54,8	56,1	—	52,2	61,1
55,5	45,5	—	41,0	48,0	63,2	50,0	—
53,8	33,3	—	44,0	43,8	50,0	64,3	—
19,2	16,7	19,5	20,7	23,4	20,8	18,2	19,3

Признаки \ Датировка, Памятник, Пол, Возраст, лет	X–XIV в.						
	Кара умбет-2		Аджибай		Караумбет		Ербурун, п. 1
	п. 1	п. 2	п. 2	п. 4	п. 2	п. 7	
	Женщины						
	25–30	35–40	40–45	35–40	40–45	40–45	18–20
1. Продольный диаметр	183	185	186	182	171	174	165
8 Поперечный диамтер	153	156	150	154	146	145	138
17 Высотный диаметр	137	141	130	138	126	130	139
9 Наименьшая ширина лба	98	100	99	99	98	89	92
45 Скуловой диаметр	143	142	143	141	129	136	129
48 Верхняя высота лица	80	73	75	76	69	70	69
47 Полная высота лица	126	116	—	120	—	115	112
55 Высота носа	58	53	53	52	51	51	50
54 Ширина носа	28	24	20	27	26	25	23
52 Высота орбиты	37	34	37	30	33	32	32
77 Назомалярный угол	139	139	144	150	138	145	143
—Зигомаксиллярный угол	130	132	—	130	128	128	123
SS Симотическая высота	3	4	7	3,5	5	2.5	3
DS Дакриальная высота	13	11	12	11	12	10	9
—Глубина клыковой ямки, мм	4,8	4.8	6,1	2,5	2,5	6,0	3,8
—Угол поперечного изгиба лба .	139	132	—	141	133	143	141
32 Угол лба от назиона	81	87	78	86	84	83	87
72 Общий угол лица	80	80	88	81	83	85	81
75 (1) Угол выступания носа	23	32	25	18	23	30	20
Форма черепной коробки	эллипс.	эллипс.	эллипс.	сфер.	сфер.	эллипс.	сфер.
Надпереносье (1—6)	3	3	3	3	2	1	2
Надбровные дуги (1—3)	2	2	2	2	1	1	1
Нижний край грушевидного отвер.	Ant.	F. pr.	Ant.	S. pr.	Ant.	Ant.	Ant.
Указатели:							
8 : 1 Черепной	83,6	84,3	80,7	84,7	85,4	83,3	83,6
48 : 45 Верхнелицевой	55,9	51,3	52,4	53,8	53,5	51,6	53,6
48 : 17 Вертикальн. краниофациальный	58,3	51,7	57,7	55,1	54,8	53,8	49,7
DS : DC Дакриальный	56,4	48,0	52,3	52,4	54,5	50,0	45,0
SS : SC Симотический	33,3	44,4	63,6	43,8	50,0	50,0	46,2
Изгиб скуловой кости (по Ву)	16,3	18,3	18,8	18,5	27,3	19,6	19,6

в.					Не датированы		
Аджибай, п. 2	Караумбет, п. 1	Аджибай, п. 2	Караумбет, п. 13	Белеуль, п. 2	Пулжай-3	Урга, к. 3	Айткуль-1
					Мужчины		
35—40	10—14	14—16	12—13	3—6	40—45	25—30	40—45
170	175	164	170	158	190	179	180
140	149	140	144	137	148	165	149
131	125	124	127	—	141	122	127
94	98	95	90	80	95	100	99
133	125	121	118	103	146	150	144
65	67	65	59	48	85	88	78
106	110	105	91	77	131	137	—
48	48	49	46	34	57	65	56
24	25	23	22	21	22	28	29
30	34	33	30	31	35	38	34
144	138	139	146	145	144	146	139
143	134	132	133	133	133	132	129
3	4	4	3,5	2	5	6	5,5
9	10	5	11	7	13	13	11
3,2	2,1	4,1	6,0	3,0	2,1	3,0	4,2
135	127	132	138	142	138	146	141
82	89	95	94	98	81	73	75
87	86	91	87	92	89	90	87
22	22	20	24	12	28	28	34
овоид.	сфер.	сфер.	овоид.	сфер.	элл ипс.	овонд.	сфер.
1	2	1	1	1	4	3	4
1	1	1	1	1	3	2	2
Ant.	F. pr.	Ant.	Ant.	Inf.	F. pr.	F. pr.	F. pr
82,5	85,0	85,5	84,7	86,7	77,9	92,3	82,9
49,0	53,6	53,8	50,0	46,6	58,1	58,7	54,2
49,7	53,6	52,4	46,5	—	60,2	72,1	61,3
47,3	52,6	27,8	57,8	41,2	62,0	61,8	44,0
42,8	40,0	40,0	50,0	25,0	71,3	66,8	55,0
19,2	21,1	20,7	22,2	13,5	22,1	19,2	—

Череп мужчины 30—35 лет из кургана 36 отличается от предыдущего абсолютно низким сводом черепа, узким лицевым скелетом.

Женские черепа (курганы 32, 33, 35) характеризуются также мезокранией и отличаются от вышерассмотренных мужских черепов исключительно высоким лицом, высокими глазницами и резко выступающими носовыми костями.

Небольшая серия черепов из курганов Дуана европеоидного характера, но отмечается наличие метисированных — европеоидно-монголоидных черепов.

В общем изучаемая серия отнесена к кругу европеоидных мезокранных типов. Ввиду малочисленности материала, к тому же имеющего следы монголоидной примеси, выделить типы второго порядка более чем затруднительно. Но, по имеющимся данным, можно говорить о расовой разнородности группы: мезокранный череп с крупными размерами лица сближается с сакским и усуньским населением Казахстана. Другой череп более сходен с черепами Калалы-Гара, Алтын-Асара и др. Эти черепа сопоставляются с позднесарматскими сериями Поволжья—Приуралья, так как в составе сарматов выделяются в пределах европеоидной расы представители «степного типа» (по В. Гинзбургу), протоевропеоидного, андроновского, средиземноморского, среднеазиатского междуречья, переднеазиатского. Начиная с среднесарматского периода появляется метисированное население европеоидно-монголоидного характера.

Материалы VII—VIII вв. представлены одной черепной крышкой из кургана 110 группы X могильника Дуана и небольшой серией черепов из кургана 2 могильника Каскажол. Черепная крышка из могильника Дуана принадлежала женщине 35—40 лет. Череп удлиненной формы. Надпереносье и надбровные дуги развиты слабо. Лоб сильнонаклонный. На черепной крышке имеются явные следы преднамеренной кольцевой деформации. Аналогичная деформация в это время была широко распространена как в степях Поволжья [7], так и в Средней Азии. В Хорезмском оазисе кольцевая деформация распространена у 70—80 процентов населения (Миздахкан, Куба-Тау и др.) [8].

Следующая группа черепов VII—VIII вв. получена из оссуарных захоронений, впущенных в курганы Каскажола.

Мужской череп из Каскажола (курган 2, погребение 1) характеризуется очень широким лбом, среднеразвитым надпереносьем и надбровными дугами. Лицо очень широкое и высокое, сильно профилированное в горизонтальном плане. Переносье и носовые кости, угол выступления носа отличаются очень большими величинами. Нос широкий. Глазницы низкие. Расовый тип европеоидный.

Близкие аналоги к нему имеются в материалах могильника Мешретитахта у Кзыларвата [9], а также ряда погребальных памятников

Красноводского полуострова Туркменской ССР [10], принадлежащих кочевым скотоводческим племенам южной и западной Туркмении.

На токкалинских материалах последней четверти VII — первой половины VIII в. выделена европеоидная группа населения с крупными размерами головы и очень высоким и широким лицом [11]. Она выделена и среди населения VI—VIII вв. Миздахкана [8]. Мужскому черепу из Каскажола присущи именно эти морфологические и расовые особенности. Европеоидный компонент появляется с рубежа нашей эры в составе оседлых и кочевых скотоводческих племен Туркмении [12, 9]. В позднем средневековье этот тип становится массовым [13, 14]. Видимо, антропологический тип позднесредневековой северо-западной Туркмении, известный по многочисленным краниологическим материалам из раскопок туркменских археологов, такой же [15].

Женский череп из погребения 6 Каскажола (2 детских черепа из этого же кургана имеют такие же пропорции черепной коробки лицевого скелета) характеризуется умеренной брахикранией при среднем продольном и большом поперечном диаметрах, сравнительно узким и высоким с сильно профилированным в горизонтальной плоскости лицом. Нос широкий и выступает средне по отношению к профилю лица. Женский череп отличается от мужского пропорциями лицевого скелета и по морфологическим и расово-диагностическим особенностям приближается к черепам оседлоземледельческого населения Хорезмского оазиса (Миздахкан, Куба-Тау и др.).

Материалы X—XIV вв. не показывают резких различий в расовом типе между черепами из разных могильников Устюрта этого времени, а также между черепами разного времени в пределах указанного периода, что позволило условно включить в одну группу все имеющиеся в нашем распоряжении черепа тюркских кочевников Устюрта. К этой же группе отнесены недатированные черепа из Пулжая-3, Урга и Айткуль-1.

В данной серии обращает на себя внимание исключительно большая величина поперечного диаметра черепа. Часть черепов в затылочной области искусственно деформирована. Продольный диаметр на деформированных черепах характеризуется средними и малыми величинами в зависимости от степени деформации, а на черепах без деформации он большой. Вся группа по продольно-поперечному указателю характеризуется брахикранией за исключением мезокранного черепа из Пулжая-3. Высотные диаметры средних размеров. По высотно-продольному и высотно-поперечному указателю череп в серии низкий, что объясняется большой величиной поперечного диаметра. Форма черепной коробки преимущественно эллипсоидная.

Наименьшая ширина лба средняя. Величины лобного и лобнопопе-

речного указателей подтверждает впечатление, вынесенное из рассмотрения абсолютных размеров. Наклон лба слабый.

Угол поперечного изгиба лба, определенный по методике И. И. Гохмана [16], характеризуется значительными величинами. В монголоидных сериях этот угол находится в пределах 141°—144°, на 5°—7° больше, чем у европеоидных [16]. Сопоставление различных групп показывает, что по данному показателю устюртская группа приближается к монголоидным группам Сибири — бурятам и нигедальцам.

Выступание надпереносья и надбровных дуг, определяющее морфологические элементы надбровья, характеризуется средними величинами. Высота и ширина лица исключительно большие и по этим признакам оно приближается к монголоидным группам без малейших следов европеоидной примеси — наиболее восточным тюркам конца I тысячелетия н. э. с реки Селенги, изученные Г. Ф. Дебецом и отнесенные им к широколицым типам монголоидной расы [17]. Орбиты высокие и широкие по абсолютным размерам, преимущественно округлые по форме, мезоконхные по указателю.

Угол выступания носа по отношению к профилю лица, являющийся существенным расоводиагностическим признаком, средних величин. В группе представлены различные черепа — с очень незначительным и резким выступанием носа. По ширине грушевидного отверстия и по носовому указателю группа выделяется лепторинией, т. е. узким носом. Эта особенность характерна почти всем черепам. Нижний край грушевидного отверстия приблизительно в равном случае образует формы anthropina bossa praenasalis. Единично встречена sulkus praenasalis. Передне-носовая ость развита средне и связь ее с выступанием носа очевидна.

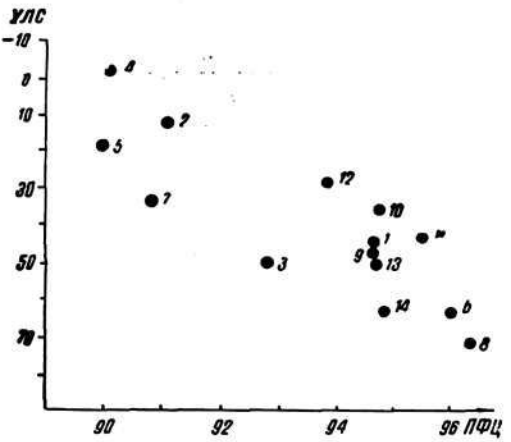
Горизонтальная профилировка лица, определяемая величинами назомалярного и зигомаксиллярного углов, средняя. По этому признаку изучаемая группа не отличается от кочевых тюркских народов Казахстана и Сибири. Глубина клыковой ямы также средняя. Степень изгиба скуловой кости (по Bv), которая дополняет характер уплощенности лицевого скелета, у изучаемых черепов определяется указателем, равным 21,9%. По этому признаку монголоиды довольно четко дифференцируются от европеоидов: размах вариаций указателя у монголоидов приходится в основном на интервал 21—24%, у европеоидов — на 17,21% [18, с. 116]. По данному признаку изучаемая группа занимает промежуточное положение между представителями европеоидной и монголоидной больших рас.

По углам общего, среднего и альвеолярного, и по указателю выступания лица, изучаемая группа ортогнатная.

Комбинированный метод дифференциации монголоидных и европеоидных групп — соотношение между преаурикулярным фациоцеребральным индексом (ПФЦ) и показателем уплощенности лицевого скелета (УЛС) [19, с. 13—22] — подтверждает это положение и дает сле-

дующие результаты: европеоидные группы расположены в левом верхнем углу; европеоидно-монголоидные группы (южно-сибирский тип), в том числе устюртская, значительно отдалены от них, что свидетельствует о наличии значительной монголоидной примеси. Отмечаются закономерности в территориальном распределении индекса уплощенности лицевого скелета (УЛС) среди средневековых кочевнических групп Евразии — величина УЛС нарастает с запада на восток и достигает максимума у кочевников Забайкалья.

К устюртским черепам по выраженности удельной доли монголоидного элемента наиболее близки черепа кочевников казахстанских степей, Саркела (малые курганы) и Кузнецкой котловины. Черепа земледельческого и городского населения Хорезмского оазиса (Миздахкан, Ток-кала, Джанпык-кала) значительно отличаются по данному показателю от устюртских.

Дифференциация монголоидных и европеоидных групп.

Количественная мера расстояния между популяциями определена по формуле Пенроза в модификации Кнуссмана [20]. Величины суммарных расстояний и расстояний по «форме» и «величине» (табл. 3) между сравниваемыми сериями вычислены только для мужских групп и каждая серия представлена 10 признаками: продольными (1), поперечными (8), высотным (7) диаметрами черепной коробки, наименьшей шириной лба (9), длиной основания черепа (5) и лица (40); скуловой шириной (45) и верхней высотой лица (48); шириной носа (54) и высотой орбиты (52).

По суммарным расстояниям к населению Устюрта наиболее близки кочевники Минусинской котловины и кипчакское (половецкое) население средневекового города Золотой Орды — Сарай Берке.

Для определения связи кочевнического населения Устюрта с другими кочевническими группами Украины, Поволжья, Казахстана и Сибири проведен сравнительный анализ (табл. 4).

Черепа с Устюрта близки к черепам из городища Сарай Берке [21], но отличаются более высоким и уплощенным лицом, более узким носом. По остальным признакам различия несущественны. Черепа из золотоордынского города Сарайчика [22], а также из малых курганов Саркела — Белой Вежи [23] очень близки к устюртским по всем кра-

ниологическим признакам. Сходство между черепами с Устюрта и Казахстана тюркского времени [24] несомненно. Сопоставление черепов с Устюрта с черепами тюрков кочевников Сибири [25] показывает значительную близость их. Изучаемые нами черепа несколько отличаются от них более выраженными европеоидными чертами.

В средние века значительная часть Устюрта была заселена племенами огузов [26, с. 57] и чуть позже — племенами кипчаков. В восточном Казахстане в это время обитали племена тюрков-кимаков. В X—XIII вв. в степную полосу Восточной Европы проникают новые волны

Таблица 3

Краниологическая серия с Устюрта в сопоставлении с другими сериями (формула Пенроза)

Памятник	Расстояния по „величине"	Расстояния по „форме"	Суммарные расстояния
Сарай Берке	0,053	0,233	0,19
Казахстан, тюрк, время	0.040	0.368	0 34
Калиновский мог-к	0.084	0.471	0.41
Саркел, малые курганы	0.189	0.455	0 31
Тюрки Кузнецкой котл.	0.012	0.649	0.64
Тюрки Минусинской котл.	0 001	0,200	0.20
Миздахкан	0.292	0.658	0.44
Кочевники Забайкалья	0.221	0.709	0.54

тюркских народов-печенегов и кипчаков (половцев) [27, с. 70]. Так, на Украине в составе средневекового населения Белой Вежи отмечаются гузы-тюрки [28], а также печенеги [29, с. 258], которые имели тесные связи со славянским городским населением.

В Ташкентской области (г. Газалкент) обнаружены черепа караханидского времени из Гальватепа, которые, как и устюртские, характеризуются южносибирским антропологическим типом. Распространение населения с подобными расовыми особенностями в караханидское время связано с проникновением значительной массы тюрков в Ташкентский оазис (вхождение в состав Государства караханидов с 80-х годов X в.) Но еще раньше, в IX—X вв. горные поселения верхней части долины Чирчика обживаются племенами карлуков и тюргешей [30, с. 4, 5]. По-видимому, люди, захороненные на поселении Гальватепа могли относиться к одному из перечисленных тюркских племен [31, с. 67—69]. Население XII в. с такими же расовыми особенностями отмечено на поселении Кулагайтепа, в современном Нарпайском районе Самаркандской области (неопубликованные данные автора), которые, возможно, также относятся к тюркским племенам, переходящим

Таблица 4

Краниологическая серия X—XIV вв. с Устюрта. Сравнительные данные

Признаки \ Происхождение, Автор, Число случаев (мак)	X—XIII вв. Тюрки-кочевники Устюрта. Наши данные	X—XII вв. Кочевники Саркела, Гинзбург, Вуич	XIV в., Сарай Берке, Зал кинд	VI—XI вв. Тюрки Казахстана сборная Гинзбург, Исмагулов	XIII—XIV вв. Кипчаки Сарайчика, Гинзбург	VIII—X вв. Кочевники Кузнецкой котловины, Алексеев	VII—XI вв. Кочевники Минусинской котловины Алексеев	VII—X вв. Тюрки-кочевники горного Алтая, Дебец, Алексеев	X—XII вв. Кочевники Заволжья (Калиновский мог-к) Гинзбург	X и XII в. Тюрки-кочевники Украины Дебец
	12	26	18	43	4	22	26	18	7	37
1. Продольный диаметр	183.5	178.3	179.6	180.6	179.2	183,4	180.8	182,1	183.1	181,3
2. Поперечный диаметр	152.4	149.5	148.7	148.9	149.7	147.5	148.5	150.1	147.0	150,5
8:1 Черепной указатель	83.3	84.4	83.1	82.5	83.5	80.1	82.1	82.5	80.3	83.2
17 Высотный диаметр	134.2	131.2	132.9	131.2	135.0	136.0	132.0	131.2	134.2	134.2
9 Наим. лобный диаметр	97.2	96.1	97.4	98.1	97.0	96.1	96.4	96.2	96.0	97.4
48 Верхняя высота лица	77.1	74.3	72.9	74.4	75.7	75.5	74.2	75.1	73.1	73.8
45 Скуловой диаметр	143.5	141.3	142.7	141.4	140.2	140.9	141.4	141.4	141,6	141.1
48:45 Верхнелицевой указ.	53.7	52.7	53.2	53.9	54.1	53.9	52.6	53.1	51.2	53.1
54:55 Носовой указатель	45.7	46.2	48.1	48.4	46,0	49.4	48.0	46.8	47.8	47.9
52:51a Орбитный указатель	85.9	86.9	85.7	83.2	85.4	80.8	85.9	85.2	84.4	84.4
32 Угол профиля лба	81.3	79.8	80.5	82.3	79.0	84.0	80.4	81.2	81.7	82,0
72 Общий угол лица	88.4	86.2	84.2	88.6	83.8	87.0	87.0	87.0	87.4	86.3
77 Назомалярный угол	143.1	141.9	139.8	139.8	145.6	147,2	145.5	146.2	147.2	—
—Зигомаксиллярный угол	133.9	132.2	130.8	133.8	131.5	134.3	136.1	135.6	138.7	—
75 (1) Угол выступания носа	27.8	28.3	27.7	25.6	25.5	25.5	22.7	25,5	29.0	31.9
Надпереносье (1—6)	3.00	3.10	2.60	3.09	2,50	2,74	3.20	3,28	3.30	3.73

Таблица 5

Размеры костей и длина тела (рост) людей из погребений Устюрта

Признаки \ Датировка, Памятник, Пол, Сторона	Бронза				IV–IIв. до н.э.		X–	
	Каракудук				"мыс Безымянный"		Караумбет	
	к. 2		к. 2		к. 3		к. 5	
	жен.		муж.		муж.		муж.	
	п	л	п	п	п	л	п	л
Плечевая кость								
1. Наиб. длина	275	—	310	313	302	302	337	340
7. Наим. окружность диафиза	48	—	67	68	54	54	52	52
Лучевая кость								
1 Наиб. длина	—	—	235	237	—	230	255	253
3.. Наим. окружность диафиза	—	—	40	39	—	35	30	30
Локтевая кость								
1. Наиб. длина	—	—	254	252	247	—	—	—
3. Наим. окружность	—	—	34	32	26	—	—	—
Бедренная кость								
.1. Наиб. длина	399	403	430	434	418	422	471	467
8 Окруж. сер ед. диафиза	72	73	83	83	74	75	85	85
Большая бер цовая кость								
1. Полная длина	335	333	265	364	—	338	390	392
10в. Наим. окруж. диафиза	63	62	69	70	—	57	65	65
Малая берцовая кость								
1. Наиб. длина	—	—	350	350	—	—	390	388
4а Наим. окружность	—	—	32	31	—	—	25	25
Рост, см								
по Троттеру и Глезеру	157.0		165.8		163.0		172.8	
по Пирсону	150.7		163,9		160.2		170.4	

к оседлости. По-видимому, тюркские племена, расселившиеся на огромных просторах Евразии, имели тесные этнографические связи, что подтверждается археологическими и антропологическими данными.

ОСТЕОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Длина тела (рост) населения Устюрта разных эпох вычислена по таблицам Пирсона, Троттера и Глезера.

Рост женщины из кургана эпохи бронзы (табл. 5), вычисленный по

XIII вв.				Не датированы					
Ербурун				Караумбет		Аджибай		Пулжай-3	
				п. 2		к. 2		к. 1	
муж.		муж.		жен.		жен.		муж.	
п	л	п	л	п	л	п	л	п	л
313	313	308	310	287	294	320	—	318	324
50	51	50	49	49	50	55	52	55	55
230	230	231	235	222	225	—	—	248	252
31	31	30	31	34	36	37	37	37	36
247	248	—	—	245	250	—	—	272	269
21	23	—	—	25	24	—	—	28	30
420	426	418	417	405	410	440	—	457	458
70	72	71	71	69	70	75	73	81	82
336	338	328	327	355	356	—	—	376	375
69	70	61	60	62	59	65	63	64	65
328	329	321	319	349	349	—	—	364	367
20	21	21	21	25	27	—	—	30	27
162,8		161,8		160,0		164,0		170,0	
160,8		160,4		155,9		158,2		167,4	

формуле Пирсона, оказался равным 163,9 и является средним в общечеловеческом масштабе. Рост этой женщины, определенный по таблицам Троттера и Глезера, также средний (165,8 см). Мужчина из кургана 2 курганной группы Караумбет высокого роста (170,4 см и 172,8 см соответственно).

Рост мужчины из кургана 3 «Мыса Безымянный», датируемого IV—II вв. до н. э. средний (160,2 см по Пирсону и 163,0 см по Троттеру и Глезеру).

Рост мужчин из средневекового Ербуруна, определенный по двум костякам, ниже среднего (см. табл. 5). А мужчины из Караумбета и Пулжая-3 характеризуются относительно высоким ростом.

Женщины средневекового Устюрта (см. табл. 5) были, в основном, среднего роста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трофимова Т. А. Черепа из Могильника тазабагъягской культуры Кокчай-3.— МХЭ, в. V, М., 1961.
2. Ошанин Л. В. и Зезенкова В. Я. Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии. Ташкент, 1953.
3. Трофимова Т. А. К вопросу об антропологическом типе населения Южного и Восточного Узбекистана в эпоху бронзы. — Научные труды ТашГУ. Вып. 235, Ташкент, 1964.
4. Гинзбург В. В. Материалы к антропологии населения Западного Казахстана в эпоху бронзы. — МИА, М., 1962, № 120.
5. Трофимова Т. А. Ранние саки Приаралья по данным палеоантропологии. «Anthropos», 19, Brno, 1967.
6. Манылов Ю. П. Курганы VI—V вв. до н. э. в Хорезме. — ОНУ, 1975, № 3.
7. Тот Т. А., Фирштейн Б. В. Антропологические данные к вопросу о великом переселении народов. Авары и сарматы. Л., 1970.
8. Ходжайов Т. К. Формирование антропологического типа населения Южного Приаралья (Миздахкан). Автореф. канд. дисс. Л., 1967.
9. Кияткина Т. П. Краниологический материал из катакомбных захоронений античного времени в Южной Туркмении. — Научные труды ТашГУ. Вып. 235. Ташкент, 1964.
10. Трофимова Т. А. Краниология кочевников античного периода с территории Западной Туркмении. — В кн.: Проблемы этнической антропологии и морфологии человека, Л., 1974.
11. Ходжайов Т. К. Данные к антропологии населения Кердера. — В кн.: Проблемы этнической антропологии и морфологии человека, Л., 1974.
12. Зезенкова В. Я. Краниологические материалы с территории древнего и средневекового Мерва. — ТЮТАКЭ, IX, Ашхабад, 1959.
13. Залкинд К. Г., Поляков С. П. Краниологические материалы из средневековых погребений южной и северо-западной Туркмении.— Вопросы антропологии, Вып. II, М., 1962.
14. Залкинд Н. Г., Поляков С. П. Материалы к характеристике средневековых кладбищ Западной Туркмении. — Научные труды ТашГУ. Вып. 235, Ташкент, 1964.
15. Бабаков О. Антропологическая характеристика средневекового населения северо-западной Туркмении. — Тезисы докладов на сессии, посвященной итогам полевых этнографических и антропологических исследований в 1974—1975 гг. Душанбе, 1976.
16. Гохман И. И. Угол поперечного изгиба лба и его значение для расовой диагностики. — Вопросы антропологии, Вып. 8, М., 1961.
17. Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. — Труды Института этнографии АН СССР, Т. IV, М.,—Л., 1948.
18. Алексеев В. П. Хакасы, енисейские киргизы, киргизы (сравнительнокраниологический очерк). — ТКАЭЭ. Т. I, М., 1956.
19. Дебец Г. Ф. Опыт краниометрического определения доли монголоидного компонента в смешанных группах населения СССР. — В кн.: Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М., 1968.

20. R. Knussmann. Pennose — Abstand und Diskriminanzanalise. «Homo», Band XVIII, heft 3. Berlin — Frankfurt, 1967.
21. Залкинд Н. Г. Краниологические материалы XIV в. н. э. из Нового Сарая (Сарай Берке). — Труды Московского общества испытателей природы. Т. XLIII, М., 1972.
22. Гинзбург В. В., Трофимова Т. А. Палеоантропология Средней Азии. М., 1972.
23. Гинзбург В. В. Антропологические материалы к проблеме происхождения населения Хазарского каганата. — В сб.: Музей антропологии и этнографии АН СССР. Т. XIII, М.—Л., 1951.
24. Исмагулов О. Население Казахстана от эпохи бронзы до современности. Алма-Ата, 1970.
25. Алексеев В. И. Поздние кочевники Кузнецкой котловины по данным палеоантропологии. — КСИЭ. Вып. 35, М., 1961.
26. История Казахской ССР. Т. I, Алма-Ата, 1952.
27. Народы Европейской части СССР. Т. I. М., 1964.
28. Артамонов М. И. Саркел — Белая Вежа. — МИА, М., 1958, № 62.
29. Плетнева С. А. Кочевнический могильник близ Саркела — Белой Вежи. — МИА, М.—Л., 1969, № 109.
30. Буряков Ю. Ф., Касымов М. Р., Ростовцев О. М. Археологические памятники Ташкентской области, Ташкент, 1973.
31. Ходжайов Т. К. Черепа караханидского времени из Гальватепа. Древности Чарвака. Ташкент, 1976.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО — Археологические открытия
АЭБ — Археология и этнография Башкирии
ВАН СССР — Вестник Академии наук СССР
ВАН КазССР — Вестник Академии наук Казахской ССР
ВГО — Всесоюзное географическое общество
ВДИ — Вестник древней истории
ВКФ — Вестник Каракалпакского филиала АН Узбекской ССР
ДСИФ — Доклады и сообщения исторического факультета Московского госуниверситета.
ЗРГО — Записи Русского географического общества
ИАН СССР, СИФ — Известия Академии наук СССР, серия истории и философии
ИАН КазССР — Известия Академии наук Казахской ССР
ИМКУ — История материальной культуры Узбекистана
ИРГО — Известия Русского географического общества
ИИЯЛ КИФАН УзССР — Институт истории, языка и литературы Каракалпакского филиала АН УзССР
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
МАР — Материалы по археологии России
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МКТ — Материальная культура Таджикистана
МХЭ — Материалы Хорезмской экспедиции АН СССР
РГО — Русское географическое общество
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СВ — Советское востоковедение
СЭ — Советская этнография
ТИИАЭ АН ТаджССР — Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР
ТИИАЭ АН ТуркмССР — Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР
ТКАЭЭ — Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции
ТОУАК — Труды Оренбургской ученой архивной комиссии
ТСУАК — Труды Саратовской ученой архивной комиссии
ТТКАЭ — Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции
ТЮТАКЭ — Труды Южно-туркменистанской комплексной археологической экспедиции
ТХАЭЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
УСА — Успехи Среднеазиатской археологии
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua Helsinki.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора 3
Введение 5
Глава 1. К истории археологического изучения Устюрта 10
Глава 2. Неолитические памятники Юго-Восточного Устюрта 18
Памятники песков Картпайкум 20
Памятники Чурукского массива 39
Памятники Аланского массива 52
Памятники урочища Барлыбай 64
Отдельные археологические объекты и находки 70
Некоторые вопросы хронологии, культурной принадлежности и хозяйства неолитического населения Устюрта 73
Глава 3. Памятники кочевых племен древности и средневековья 79
Памятники кочевых племен Восточного чинка . . . . . —
Памятники кочевых племен северо-западной части Барсакельмесской впадины 160
Курганы солончакового массива Чурук 182
Типология, хронология, вопросы культурной принадлежности 185
Глава 4. Средневековые хорезмийские памятники Восточного чинка . . . 199
Археологические памятники южного участка . . . . . —
Археологические памятники среднего участка 220
Археологические памятники северного участка 254
Некоторые вопросы исторической топографии северо-западного Хорезма и торговых отношений с Юго-Восточной Европой и кочевниками . 273
Заключение 286
Литература 294
Приложение 1. Промысловая ихтиофауна средневековых городищ Восточного чинка Устюрта 304
Приложение 2. Первые палеоантропологические материалы с Устюрта . . 309
Список сокращений 326

Древняя и средневековая культура Юго-Восточного Устюрта /Отв. ред. С. К. Камалов. — Т.: «Фан», 1978С.—324 с.
АН УзССР, Каракалп. фил. Ин-т ист., яз. и лит. им. Н. Давкараева.
Лит.: с. 321—322.

902.6

ДРЕВНЯЯ И СРЕДНЕВЕКОВАЯ КУЛЬТУРА ЮГО-ВОСТОЧНОГО УСТЮРТА

Утверждено к печати
Ученым советом Института истории, языка и литературы
им. Н. Давкараева Каракалпакского филиала АН УзССР,
Отделением истории, языкознания и литературоведения АН УзССР.

Редактор Л. А. Леус
Художник П. Д. Воронкин
Технический редактор Х. У. Карабаева
Корректор А. А. Петренко

ИБ № 322

Сдано в набор 29/VI-1978 г. Подписано к печати 28/VIII-1978 г. Р05393. Формат 70×90¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 23,99. Уч.-изд. л. 21,0. Тираж 1000. Заказ 152. Цена 3 р. 70 к.

Издательство «Фан» УзССР, 700047, Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Типография издательства «Фан» УзССР, Ташкент, проспект М. Горького, 79.

3.17 C.K.